

ФРАНЦУЗСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

французские

НАРОДНЫЕ

СКАЗКИ

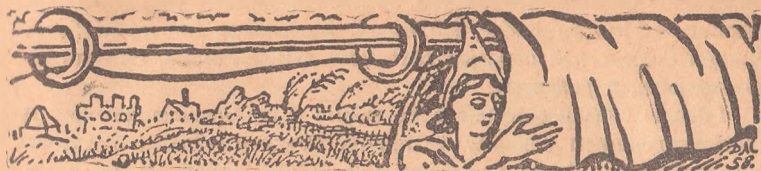
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1959

Перевод с французского

*Составление, редакция текстов
и вступительная статья
Е. А. Лопыревой*

*Иллюстрации, переплет
и титульный лист
Д. И. Митрохина*

ФРАНЦУЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Французская сказка, несомненно, является одним из классических образцов фольклора. Во всех больших вопросах жизни, которых касается французская сказка, выступает способность народа, ее создателя, видеть вещи самостоятельно, глубоко и по-своему судить о них. Особый вопрос, возникающий при изучении французской сказки, состоит в том, какие именно сюжеты, темы, мотивы считать характерными для нее. Сравнительное исследование давно показало, что в сказках разных народов, даже не находящихся в близком соседстве, сюжетные совпадения чрезвычайно часты. Однако мы вовсе не должны на этом основании исключать из французских сказок все известное нам, например, по сказкам русским, норвежским или немецким. Уже то, что мотивы, имеющие мировое распространение, любовно и тщательно разрабатываются и во французской сказке, уже само это обстоятельство характерно для нее и говорит о ее широте и общечеловечности. Разумеется, эти всеобщие мотивы разработаны французским народом по-своему, они получили во Франции особую национальную форму и окраску. Но и то общее, общечеловеческое содержание, которое входит во французскую сказку, никак не должно выпадать из поля зрения. Не будь в сказке этого всемирного, международного содержания, все национально характерное в ней, одним французам свойственное, не вызывало бы за пределами Франции интереса и симпатии.

Французская сказка — фольклор народа, который в своей истории дал образцы революционного творчества, народа, который

и в художественной литературе, созданной индивидуальными мастерами — Франсуа Рабле, Мольером, Бальзаком, Виктором Гюго, Эмилем Золя, — дал образцы глубокого демократизма, смелого человеколюбия и реализма.

Обычно сказку считают и по форме и по содержанию чем-то противоположным всякому реализму. Реализм — быль, а сказка ведь небылица. Когда называют сказку небылицей, то имеют в виду, конечно, не только внешнюю фантастичность фабулы, ее богатое и капризное облачение, но предполагают фантастическими и идеалы сказки, надежды ее героев, их цели и требования, предьявляемые ими к жизни. Народная сказка очень часто повествует об исполнении всех желаний, а сплошь да рядом сказочная фабула к этому и сводится. Но, оценивая как выдумку ковры-самолеты и бобы, которые вырастают до самого неба и по которым можно добраться до райских ворот, считая выдумкой все эти средства, предназначенные для того, чтобы облегчить исполнение желаний, было бы неправильным так же отнестись и к самому содержанию желаний.

Народную сказку прежде всего отличают ее особые запросы к жизни; у нее свой критерий того, что должно и что не должно. В основе своей сказка выражает оригинальный и вполне серьезный народный взгляд на существенные и важнейшие стороны жизни. В этом своеобразный и глубокий реализм сказки, но совпадающий с житейскими взглядами господствующих классов, с их предрассудками, которые начинают представляться законами естественности и правдоподобия. Идейное содержание сказки — то, что в самой сказке на всем протяжении ее исторического развития наиболее устойчиво. И хотя с течением времени мифологическая оболочка сказки разрушается, основной смысл ее может сохраняться веками, так как в сказке выражаются наиболее глубокие идеи и убеждения простых людей.

У народа, создающего сказки, свое мнение по коренному вопросу всякого жизненного уклада, но вопросу о том, что такое человек и чем определяются его значение и его ценность в обществе. Феодальная иерархия считает несомненным, что цена человека определяется предками, происхождением, наследством, платьем; даже доблести полагаются ему соответственно его словию. В буржуазном обществе человек есть то, чем он владеет. Во французском фольклоре налицо борьба с этим обесцениванием человека и его природной индивидуальной силы, борьба, характерная для всякого классического фольклора. Часто сказочная фабула словно ставит опыт: разделяется то, что кажется нераздельным, человек расстается со своим платьем, богатством, со-

циальным положением. Так задумана бретонская сказка «Дочь испанского короля» (№ 34), сюжет которой вошел в литературу и переложении Перро. В народной сказке злосчастная судьба заставляет испанскую инфанту покинуть пышный дворец. Инфанта занимается пасти свиней, но в конце концов она опять становится обладательницей короны и дворца. Однако в этой сказке вовсе не заключается утверждение, что социальная иерархия обоснована самой природой и что принцесса и в лохмотьях остается принцессой. Наоборот, в этой сказке утверждается, что человек плох или хорош сам по себе, что внешнее положение ничего не может к нему прибавить. Сказки такого типа складывались, очевидно, тогда, когда для народного сознания начинали терять свою авторитетность все социальные учреждения, служившие государству средством угнетения масс. Положение человека в обществе и его подлинное достоинство с народной точки зрения более не соответствуют друг другу, и этим объясняется та легкость, с которой в сказке одно противопоставляется другому и человек отделяется от положения, а положение — от человека.

Испанская принцесса и в грязном отрепье не становится хуже. Инфанте, соответственно сюжету сказки, еще приходится доказывать, что именно она хороша и полна моральных совершенств. Так опровергается общее правило, согласно которому всякая принцесса должна обладать наивысшей добродетелью, как на этом настаивала феодальная мораль.

Вообще о сказочных принцах и принцессах нужно заметить, что они являются положительными персонажами в силу своих личных качеств, — выгоды высокого происхождения этих героев остаются в стороне. Недаром один и тот же сюжет, варьируясь, может иметь своим героем и младшего сына бедной вдовы, и безродного солдата, и, наконец, королевского сына. Слишком многочисленны были бы напоминания о сказочных принцессах — мошенницах и злодейках.

Герой народной сказки достигает счастья не потому, что он просто удачлив, и не потому, что он сильнее своих врагов. Он удачлив по заслугам, в награду за свои душевные достоинства, и потому еще, что он умеет отличить настоящее от поддельного.

Сказочная мудрость — это верное зрение, умение распознать ценности, невидимые простому глазу. Нужна эта мудрость для того, чтобы не попадаться на блестящую приманку, не смешивать подделку с вещами, которые действительно нужны человеку. Героя сказки не подкунит простая видимость, и особое его счастье в том, что он догадается, которая из двух уздечек обладает волшебными

свойствами: чаще всего это та, которая на вид поплоче. Так и настоящий герой ходит до поры до времени в лохмотьях. Сказочная мудрость требует, чтобы герой умел обнаружить настоящие ценности, независимо от каких-либо условностей, от случайных перемен и обстоятельств. Этот мотив проходит через все многообразные эпизоды переодеваний и превращений, он часто осложняется, запутывается другими побочными мотивами, однако же всегда смысл его один и тот же: счастье — удел того, кто подлинно заслужил его. В сказке «Король-ворон» (№ 57) младшая дочь зеленого человека соглашается идти замуж за ворона, который выклевал у зеленого человека его единственный глаз: только получив жену, ворон возвратит отцу зрение. Две старших дочери не дали своего согласия, и только младшая дочь согласилась. Девушка пожалела отца и не испугалась ворона, хоть он и очень страшен со своим черным народом. В конце концов ворон оказался прекрасным юношей, он был только заколдован. Судьба девушки — награда за любовь, за стойкость, за умение видеть и угадывать.

Но подвиг, за которым непременно следует награда, был бы слишком прозаичен для народной сказки. Пожертвовать собой за отца и получить за это награду — мораль узкая и слишком практическая. Фольклорные герои, жертвуя чем-либо, обычно отдают нечто важное для них самих — последнюю корку хлеба, например, — и отдают из настоящего сочувствия к другому, не рассчитывая на награду. Подвиг, так или иначе оплаченный, теряет свою поэтичность. Сказочная мудрость и состоит в том, чтобы проявить справедливость к другому человеку, с открытой душой принять все, что от него исходит.

В народных сказках сталкиваются, борются избранники судьбы и люди близоручкого расчета, которые потому и обойдены судьбою, что с самого начала только на награду, на богатство и рассчитывали. Соответственно фольклорной морали самый умный, самый счастливый тот, кто меньше всего замыкается в самом себе, кто меньше всего отделяет себя от других людей. Фольклорная мораль поэтична: она не признает буржуазной расчетливости и не впадает в христианский аскетизм и самоотречение. Для фольклорной морали эгоистическая преданность собственным интересам является ограничением личности. Лучшая же часть всякого человека — это его живая солидарность с людьми, вера в них, доверие к ним.

В дальнейшем сказка «Король-ворон» развертывает всемирно распространенный сюжет, подсказавший древним грекам историю Амура и Психеи. Девушка нарушила запрет, решила поглядеть,

каков ее муж, хотя и знала, что этого делать нельзя, что этим она подвергает его новому мучению. Свой грех против любви, свое неверие она должна искупить. В гасконской сказке красиво и возвышенно описан искупительный подвиг девушки. По всему свету ищет она своего милого, ей надо пройти столько дорог, чтобы лопнули наконец ее железные башмачки. Теперь она уже любит своего ворона, и все страдания и мучения, пройденные дороги и моря — все она принимает ради жизни, ради счастья, на которое надеется.

Непосредственно против буржуазной морали купли-продажи направлен мотив «непродажных» вещей, столь же часто встречающийся во французской сказке, как и в сказках других народов. В сказке «Жених-жаба» (№ 39) героиня, бретонская Психея, приходит к женщине, укравшей ее мужа. Она показывает корыстной невесте золотой шарик, той он очень нравится, она хочет купить его. Но пастушка не соглашается продать золотой шарик, она может отдать его только за ночь, проведенную с милым. И корыстная, нелюбящая невеста отдает ей любовь, которая по смыслу сказки не может быть заменена золотом. Пастушка была настоящей женой, и милый в конце концов признал ее, а фальшивой невесте приходится удалиться. Развязка этого сюжета, довольно частого во французских сказках, ставит вещи по своим местам. Торжествует глубокое человеческое чувство, и перед ним должны отступить все прозаичные и в своей прозаичности неправдивые отношения, основанные только на здравом смысле, корысти и расчете.

Фольклор относится к жизни критически. В сказке предполагается, что обыденные явления еще не все, что дано человеку. За ними таится возможность какой-то лучшей жизни. И тот, кто в своих поступках видит жизнь только с ее обыденной стороны, никогда не овладеет ею до конца. Человек, верящий, что хитростью, обманом и насилием ограничивается все содержание жизни, в конце концов будет наказан. В сказке мораль и познание связаны друг с другом. Чем выше мораль, которой следует герой, тем ближе он к настоящему содержанию жизни. Быть добрым — не значит быть чудаком: доброта имеет свой глубокий смысл и свое глубокое оправдание.

Бретонская сказка «Кошенар и Тюркен» (№ 44) соответствует распространенной русской сказке о Правде и Кривде. Хитрый Кошенар выкалывает глаза добродушному и простоватому Тюркену, водит его по деревням, а милостыню забирает себе. Собрав немалую толику денег, он бросает ненужного ему теперь Тюркена в лесу. Ночью в лесу собираются вещие звери и рассказывают

друг другу никому неведомое и тайное. Звери ведут этот разговор только раз в году, и именно под этим деревом, а слепой, беспомощный Тюркен узнает это тайное, чего никто узнать не может. В русской сказке Кошенар — Кривда, Тюркен — Правда. Тюркен жестоко пострадал, но окончательная правда за ним, а не за Кошенаром, который ловко устроил свои дела и которому в голову не пришло, что для доверчивого товарища еще что-нибудь остается в этой жизни. Но глубина жизни открылась именно слепому, безоружному, ограбленному Тюркену. Когда Кошенар вздумал повторить то, что случилось с Тюркеном, влез на дерево и стал в урочный час подслушивать, то все сложилось по-иному: звери не стали открывать перед ним своих тайн, а бросились на него и растерзали. Торжество Тюркену нелегко дается, однако в конце концов жизнь, с ее подлинными законами, ускользает от Кривды и открывается Правде. Самое насущное — знать, где в темной глубине земли бежит вода, от чего болеет и умирает человек, какая трава может вернуть утраченное зрение. Эти подробности повторяются в сказках на эту тему у всех народов, и во всех таких сказках слепая Правда видит лучше, чем зрячая Кривда.

К этому же циклу сказок надо отнести и «Золушку», особенно памятную нам по «Сказкам» Перро. Существо невзрачное, неприглядное может развернуться и показать себя с самой неожиданной стороны. Золушка Сандрильона оказывается куда прекраснее своих нарядных сестер. И в этой сказке обыденный, житейский взгляд на вещи оказывается близоруким, ошибочным. По «кривде» героиня этой сказки — всего-навсего Замарашка, Золушка, а по «правде» — красotka и счастливица.

Сказка никогда не воздерживается от оценки героев; наоборот, она как бы судит их. Сказка вовсе не равнодушна и не безразлична, над каждым из ее героев стоит ясный положительный или отрицательный знак. Мир, в котором живут герои народной сказки, хорош только в своем последнем счете. Изображая повседневный мир героев, сказка не прикрашивает и не улучшает его — герои живут и действуют в условиях морали и обычаев классового общества, среди всей его несправедливости.

Наивный герой сказки не хочет считаться с той действительностью, среди которой живет, и не подчиняется ее принудительной силе. Золушки и Тюркены выступают обычно в роли дураков и простушек. Их антагонисты зато вполне сознательно относятся к окружающему злу, они приноровились к нему и умеют пользоваться дурными порядками общества, не помышляя ни о каких

других. В сказке для этих людей готовятся разочарования, как случилось с Кошенаром, например. При этом народная сказка совсем не заботится о том, чтобы просветить злых. Она их ненавидит и искореняет.

Во французском фольклоре имеется большое количество сказок, полных величайшего социального гнева, сказок осознанной и действенной ненависти к угнетателям. Таковы многочисленные сказки о работнике и хозяине — сюжет этот разработан Пушкиным в «Сказке о попе и работнике его Балде». Такова и замечательная бургонская сказочка о петухе, который ходил требовать к господину д'Арглуану свое серебро (№ 16). В этой сказке видна многовековая борьба французского народа против феодальных прав и привилегий, борьба настойчивая и постоянно возобновляющаяся. Развязка последовала в событиях революции, разгромившей феодальное право и потрясшей феодальную собственность.

В этой сказке нет ничего от духа примирения и снисхождения. Сеньер д'Арглуан действует без стыда и совести, поэтому вернуть то, что принадлежит тебе по праву, можно только действуя против сеньера его же оружием — силой и принуждением.

В этой связи характерна и гасконская сказка «Ночь четырех ненастий» (№ 40). Мрачен и великолепен образ старухи, которая по утрам просушивает на солнце свои золотые монеты, словно кучу слежавшегося платья. В этой сказке мир сеньеров изображен страшным, зловещим, главный персонаж в нем — золото; из-за золота режут и убивают. Прекрасный рыцарь на черном коне под стать старухе, — он засматривается на ее вдовью приданое, к нему он и сватается. По лесу рыщут волки: они нападают на невесту, едущую справлять свою свадьбу. Волки съели старуху вместе с ее осликом, и осталась от старухи только золотая нога, а от ослика — четыре золотые подковки с алмазными гвоздиками.

Вся окраска этой истории «из жизни сеньеров» — темная, мрачная. Старая дама из замка напоминает бабу-ягу, ведьму, а ее жених недаром в полночь приезжает к ней под окно на черном коне — так в поверьях многих народов в полночь на черной лошади приезжает дьявол за купленной душой. Образы этой сказки опровергают представления о патриархальном духе фольклора, о мире и согласии, будто бы царивших в феодальной Франции, о преданности добрых вилланов своим добрым сеньерам.

Откуда же у сказки ее положительные идеалы? Что такое этот более действительный мир и эти более действительные отношения, на которых настаивает фольклор? Можно ли назвать все

Это мечтою, или же здесь надо видеть признак того, что народ чувствует за собой некую реальную правду и борется за ее осуществление? Когда в сказке противопоставляются наживе — труд, захваченным богатствам и почестям — подлинные заслуги, случайному и внешнему положению, достигнутому силой или хитростью, — дела и таланты, всему покупаемому и продажному — отношения, не измеряемые деньгами, то перед нами возникают гуманистические основы, на которых должны строиться человеческие отношения. О них-то и твердят настойчиво народные сказки.

Народ как непосредственный создатель всех основ жизни разбирается в ней несравненно глубже и правильней, чем эксплуататоры, присваивающие его труд. Фольклор отражает это народное понимание жизни. Мир сказки, при всех его чудесах и волшебстве, в конце концов тот же реальный мир, но изображенный с особой точки зрения, очищенный от морали господствующих классов, павязываемой трудовому народу.

Разумеется, многими своими чертами французская литература реалистичней, чем причудливая и часто произвольная французская народная сказка. Сказка очень часто, почти всегда, выходит за пределы человеческого быта и его подробностей — в этом опять-таки социальная особенность ее стиля. Литература же порой изолирует человека и его действия от жизни природы; такой литературе не хватает широкого взгляда на жизнь общества в целом, взгляда, который помогает уяснить, что, при всей запутанности отношений человека к природе, все же его существование в известной степени зависит от законов природы. Человек пользуется ее силами и, борясь с нею, заимствует из природы необходимые для него ресурсы.

Такой широкий, обобщающий взгляд присущ народу-художнику. Во французском фольклоре мы встречаемся даже с какой-то особой фамильярностью по отношению к природе. Природа в сказках чаще всего друг, хороший знакомый и кормилец. Ветер (например, в сказке «Портной и вихрь», № 20) и солнце только кажутся страшными — в конце концов сказочные герои отлично ладят с ними.

Особенно интересны в этой связи сказки о животных. Медведь, волк, лиса — в фольклоре совершенно индивидуальные образы. Они сильно отличаются от аналогичных образов басен. Басня создавалась на основе рационалистического отношения к природе. В басне природа и животный мир лишены самостоятельного значения, звери в басне становятся аллегорией, иносказанием о человеке. Но звери из сказки, сами по себе взятые, вовсе не являются иносказанием, Медведь, о котором рассказы-

вается в народных сказках, это определенный медведь, у него свои особенности, свой сложный характер. На этой почве постоянной индивидуализации звериных образов может возникнуть такая сказка, где центральным действующим лицом является какой-нибудь представитель пернатого или мохнатого царства, вступающий в отношения с людьми. Напомним хотя бы разобранную выше сказку о петухе, который вел тяжбу с нечистым на руку господином д'Аргланом.

Но как бы ни были сильны и хитры животные, во французской сказке ясно просвечивает чувство превосходства человека над ними. Человек — работник и строитель, его силы развиты многообразно. Зверь в сказке тоже вполне индивидуален, но, по сравнению с человеком, он развит односторонне, он более ограничен: медведь главным образом силен, волк скор на ноги, лисица хитра.

А. Н. Веселовский пишет о том, как из древнего мифологического звериного образа получился сказочный зверь, гораздо более доступный человеческому пониманию: «Скорее всего могли утратить религиозное значение мифы о животных: с животными человек скорее освоился, чем с явлениями грозы, дня и ночи; скорее понял их, и тогда всякая религия к ним исчезла; он научился бороться с ними, иных из них сделал домашними; вещь мудрость он толковал хитростью (лиса), а грубая сила мышц начала поражать его своей неповоротливостью (медведь)». ⁴

По мере того как человек набирал знания и осваивался с миром природы, зверь не только утрачивал для него свою непостижимую таинственность, но и явно спускался в разряд существ, стоящих ниже человека. У зверя есть определенные качества, но у него нет сочетания качеств, которыми обладает человек. У зверя в сказке есть человечья хитрость, но нет человеческого ума, есть человечья сила, но нет человеческой предусмотрительности и т. д. Каждый из них поэтому может делать что-нибудь одно (см., например, сказку «Как звери справляли масленицу», № 9).

Толкование в реалистическом, мирском смысле древних мифов, о котором только что говорилось, во французском фольклоре идет значительно дальше темы о животных. В сказке происходит постепенное разоружение всего темного, демонического воинства, угрожающего царству человека. И дьявол в ней представлен чаще всего комически, — он обманщик, который будет обманут, хитрец, которому не справиться с хитростью человека.

⁴ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, т. XVI, М.—Л., изд. АН СССР, 1938, стр. 102—103.

«Дух зла», которым пугают легковерных, в иных французских сказках становится совсем безвредным персонажем. Он не поднимает руки на храбрецов, которые осмеливаются к нему сунуться, и, ради собственного удовольствия перекувырнувшись три раза в воздухе, бесследно исчезает (пикардийская сказка «Замок дьявола», № 30). Великаны и людоеды во французской сказке тоже часто ведут себя не так, как им положено, — эти грозные стражи кладов, сокровищ и похищенных принцесс оказываются весьма добродушными и покладистыми на дело. В лотарингской сказке «Король Англии и его крестник» (№ 52) герою приходится иметь дело с необыкновенно сговорчивым великаном, который хоть и начинает разговор сердито: «Что тебе надо, тень от моих усов, пыль с моих ладоней?» — все-таки очень легко выдает все, что у него просят.

Даже сказки о привидениях, о выходцах с того света во французском фольклоре нередко теряют свой мрачный характер. Генрих Гейне говорил, что «Франция — неподходящая почва для привидений». «Французское привидение, — писал он, — какое противоречие в этих словах! В слове «привидение» заключено так много одинокого, неприветливого, немецкого, молчаливого, а в слове «французский» — так много общительного, любезного, французского, болтливое! ...рассказы о привидениях решительно неуместны в стране, где либо совсем нет привидений, либо они так же общительно-веселы, как мы, живые люди».¹

Гейне, который сам очень любит рассказывать об эльфах и о других духах стихий, подчеркивает эстетическую природу французского фольклора и светлый, веселый его характер объясняет особой ролью, которую в истории Франции играли ее демократические силы.

Во французской сказке сильнее, чем в сказках других народов, проявляется склонность к художественной игре. Обыкновенно те элементы сказки, которые представляются наиболее устаревшими, как раз и превращаются в ряд забавных эпизодов или дают материал для веселой, даже озорной истории.

Сама форма рассказа, рассказывания сказки вносит подчас иронию в чудесную фэбулу. Темп событий становится преувеличенно скорым, они мелькают одно за другим; способ рассказывания сказки и шутливый, озорной характер фэбулы таковы, что они подчеркивают нереальность содержания. Так, в лотарингской сказочке, где волк грозит съесть трех козочек (№ 4), все совер-

¹ Г. Гейне. Романтическая школа. Собрание сочинений, т. 6, М. — Л., Гослитиздат, 1958, стр. 239—241.

шается с немислимой быстротой. Вот уже волк и пасть разинул, сейчас съест их, но они успевают послать его в лес за орехами. Пока он бегал за орехами, они построили домик и разожгли огонь на очаге. «Тук! Тук! — постучал волк. — «Влезай в трубу, мы потеряли ключ!» Старый волк забрался на крышу, влез в трубу и там сгорел». Одна фраза охватывает трудные и сложные действия, но возможные затруднения и паузы опущены, не уместились в коротком, отрывистом изложении. Все совершается легко и безболезненно, все рассказано с намеренно легкомысленной поспешностью. Обыкновенно в сказке чрезмерная быстрота мотивируется такими средствами ускорения, как конь-огонь или ковер-самолет. Здесь фантастический темп не имеет никакой мотивировки и безоговорочно неправдоподобен.

Маленькая гасконская сказочка «Три охотника» (№ 60) может служить характерным образчиком так называемой сказки-небылицы. Сказки-небылицы в подчеркнутом виде представляют нам тот алогизм, ту неправдоподобность, которая с внешней стороны присуща сказке вообще. В сказке «Три охотника» фабула осуществляется вопреки условиям самой же фабулы: каждый пройденный пункт проваливается и делает дальнейшее развитие действия невозможным. А фабула все же движется вперед, и ее движение делается фантастическим, нелепым и в своей нелепости комичным. Самые различия между лицами и вещами, их индивидуальные признаки, их действия сводятся к перестановке слов и, по сути дела, неосуществимы. Три охотника: два были голые, на третьем — никакой одежды. Три ружья: два незаряженных, в третьем не оказалось заряда. Три зайца: двух охотники упустили, третий убежал. По обычной сказочной схеме третий персонаж или третья вещь резко отличается от остальных двух. Здесь на месте третьей вещи — только слово, только название. Фабула не может развернуться, потому что все условия однородны, противоречия между ними нет. Но, вопреки всему, фабула все же идет вперед. Охотники хлопочут, как бы им сварить убежавшего зайца. Находят дом без окон, без дверей — никакой дом. Хозяин никакого дома не может снабдить их посудой: у него есть только три горшка — у двух выбито дно, третий никуда не годится. Так как охотники не решились варить сбежавшего зайца в одном из этих несколько неисправных горшков, то сказка на том и заканчивается. Весь живой и неживой инвентарь этой сказки ходит в нетях, фабула — вся из ничего и ни о чем.

Такое обесмысливание сказочной фабулы, на котором основывается сказка-небылица, вообще довольно часто вторгается

во французскую сказку. В гасконской «Сказке про тринадцать мух» (№ 38) оказывается, что неожиданный дар, доставшийся людям, — чудесная помощь, хранящаяся в орешке, — слишком универсален и становится бременем, от которого хозяева не знают, как и отделаться. Тринадцать рабочих мух слишком быстро и легко выполняют все поручения хозяйки и требуют для себя все новых занятий. Они вызывают у нее в конце концов досаду, и она выпускает их на все четыре стороны. Сам образ мух-помощниц намеренно нелеп и комичен. Раздраженная хозяйка кричит: «Мухи, вот вам шесть сит, шесть решет и дырявая бочка. Летите к реке Жер и принесите сюда всю воду», что мухи и выполняют без задержки.

Гасконская сказка «Как осел проглотил луну» (№ 50) — тоже сознательная и намеренная небыллица. Только верить, будто бы осел может поужинать луной, предлагается уже не слушателям сказки, а ее персонажам, французским «попехонцам».

Вместе с ходом исторического развития мифологические элементы сказки разрушаются. Но сказка начинает по-новому пользоваться миром чудесного и необычайного. Прежде всего здесь открывается источник комизма и юмора. Есть сказки, в которых внутри самой сказочной фэбулы фантастические и волшебные происшествия играют роль комического события, нарочно для того и введенного, чтобы рассмешить кого-либо, чтобы создать веселое зрелище. В «Сказке о ловком пастушке» (№ 55) герой с помощью магической палочки заставляет людей застывать в любой позе. Получается целая комическая труппа: девушка хотела схватить прельстившего ее погутая, да так и застыла с протянутой рукой; рука слуги прилипла к заду служанки, когда он захотел наказать ее; хозяин окаменел в тот миг, когда давал ногой пинка слуге, и т. д. Отчасти это напоминает сказку о сонном царстве, только все эти тела, застигнутые врасплох, тут становятся комическим представлением для принцессы. Принцесса до той поры не говорила и не смеялась. Но она сразу очнулась, развеселилась и заговорила, увидев эту комическую труппу во дворе своего замка. Так в сказке смешат самой сказкой.

В поздней сказке появляется заметное различие между миром фантастическим и реальным — одни подробности уводят читателя в область вымысла, но другие крепко держат его в сфере привычных вещей, известных из житейского опыта. Старинная сказка не знает таких различий, сплавливая воедино все подробности, и бытовые и фантастические. Для позднего сознания, однако, нет

уже этого единого сплава. В сказках, сложившихся позже, подчеркиваются различия между миром вымысла, с одной стороны, и реальным бытом, с другой. Более того — сказка подчас играет на таких различиях и извлекает из них комические эффекты. Так, в бретонской сказке «Эуен Конгар» (№ 43) заколдованная испанская принцесса объясняет, как узнать ее, — она будет той лошадью в конюшне чародея, которая стоит от входа третьей налево, серая в яблоках, Указание слишком уж точно, вызывает чересчур близкий бытовой образ, особенно парадоксальный потому, что за этим образом скрывается превращенная чародеем красавица. Такого рода точность, такие слишком ощутимые бытовые подробности порождают недоверие к фантастическому мотиву сказки и усиливают неправдоподобность всей сказки в целом. В наполненной приключениями лотарингской сказке «Король Англии и его крестник» (№ 52) подробности, выхваченные из живого быта, вносят намеренный диссонанс в фантастическую эпопею. Отправляясь за живой и мертвой водой, принц зовет на помощь своих друзей-воронов. Созвали всех, однако помочь принцу никто из них не берется. Вдруг хватились, что недостает двух «старых вояк», отсутствуют Ля Шик и Ля Рапе. Их ищут, и они появляются наконец, один пьяней другого. Среди вороныа возникают две знакомые характерные жанровые маски — Ля Шик и Ля Рапе, два веселых солдата, лихие и сильно пьющие. И далее оба поступают согласно своей обычной роли: Ля Рапе отказывается искать живую и мертвую воду, поэтому его сажают в тюрьму, а Ля Шик берется за дело под условием, что сначала будет выпущен его товарищ Ля Рапе. Этот новый образ поглощает привычный для старинной сказки образ помогающих и сопутствующих герою друзей из животного мира. Вороны забыты: перед нами два настоящих солдата, связанных военным товариществом и своей холостой солдатской дружбой. Ля Шик добывает волшебную воду и получает награду, какая и надлежит солдату: ему выдают пятьсот франков, чтобы он выпил за здоровье принца. Дальше в сказке Ля Шик и Ля Рапе появляются снова — на этот раз на сборе дружественных рыб, которых посылают искать для крестника английского короля перстень принцессы, упавший на дно морское. Опять оба пьяны, опять Ля Шик пьянее, и опять он берется за поиски, вытребовав, чтобы, как и в первый раз, был освобожден из тюрьмы провинившийся Ля Рапе. Ля Шик и Ля Рапе в этой сказке оказываются то в рядах птиц, то среди рыб, но каждый раз они французские солдаты. Дело идет не о быте вообще, но уж об очень характерном солдатском быте, и этот быт,

вторгаясь в волшебный мир, вносит в него элемент недоверности. Живой и выразительный быт, включенный на равных правах в фантастическую сказку, оказывает на нее свое действие и вытесняет фантастику, которую теперь уже трудно воспринять как реальное.

В сказках «Лоцман из Булони» (№ 76) и «Золотая головня» (№ 77) уже не отдельные эпизоды реальны в бытовом смысле, а реальна и имеет свою бытовую характерность вся среда, в которой происходят сказочные события. Здесь уже не быт входит в сказку, а сама сказка вставлена в среду быта и с трудом в ней удерживается. В сказке «Лоцман из Булони» реальная, настоящая Франция с помощью своего военного и торгового флота вступает в деловые связи с заморским королевством Нац. Все необычайное, фантастическое, творящееся в королевстве Нац, мотивировано тем, что таковы-де обычаи этой страны. Во Франции живут и отставной обыкновенный лоцман, занимающийся рыбной ловлей, и обыкновенный господин префект. Господин префект, господин мэ́р и все власти встречаются на булонском берегу экзотических гостей из-за моря. Во Франции все просто и естественно, а волшебство, страшные запреты и наказания приурочены к неведомому королевству Нац. Фантастика здесь уже ограничена в своих правах и допускается лишь, так сказать, в порядке географической гипотезы. В сказке «Золотая головня» события разворачиваются то в провинции, то в Париже, и крестьянская трудовая провинция противопоставлена праздному, расточительному Парижу. Герой сказки — угольщик, попавший в столицу и там прожигающий свою жизнь, напоминает крестьянина, развращенного Парижем, того самого «развращенного крестьянина», которого французские писатели XVIII века описывали подчас в своих романах.

Реальный быт, появляясь в сказке со всеми своими, одному ему присущими чертами, неминуемо начинает главенствовать и в стиле и в композиции сказки. Фантастические мотивы сказки подчиняются ему и становятся лишь орнаментом вокруг бытовых эпизодов, только намеком на неизвестную и поэтическую сторону вещей.

Здесь французская сказка, которая раньше других национальных сказок приблизилась к литературе и временами почти сливается с ней, использует фантастику почти так же, как ее использует литература.

Как и в художественной литературе, фантастические мотивы в народной сказке очень часто являются особым средством выра-

жения мысли: смысл сказки, ее содержание — типичные отношения реальной жизни. Фольклор отстаивает действительные, важные идеи, идеи общественно-политического характера, но все это облечено в форму малодостоверного по своим подробностям рассказа. Так, сказка «Пастух и королевская дочь» (№ 19) или сказка «Жан и Пьер» (№ 24) полны серьезного, жизненно важного содержания. Первая из них — злой памфлет на дворянские и придворные нравы, а вторая, очень похожая на нашу сказку «О работнике Балде и попе Остолоне», столь же злой памфлет на хозяев-собственников, и притом с точки зрения наемного работника, батрака. Тип людей, тип отношений, идейный смысл — всё в этих сказках отмечено жестоким и строгим реализмом, тогда как фабульная атмосфера полна сказочных небылиц. Этим приемом пользуется и сатирическая литература: из мира небылиц постепенно вырисовывается хорошо знакомый настоящий мир, тем более убедительный для читателя, что тот меньше всего ожидал встретить здесь знакомые и близкие предметы. Таким образом как бы подчеркивается, что обыкновенная социально-политическая действительность вездесуща и необходима. Из фантастического препирательства короля и пастуха постепенно вырисовывается коренной конфликт между феодальной властью и крестьянством, а из маловероятных рассказов о крестьянине Жане, из его гиперболических похождениях возникает реальная в своих существенных чертах картина вековой борьбы между хозяином и работником, где, с одной стороны, проявляется обман и принуждение, а с другой — ожесточенное сопротивление.

Французская сказка необычайно искусно соединяет разнородные мотивы и сюжеты в одно произведение — так, что не видно швов и мест склейки. В сказке «Принцесса Тройоль» (№ 35), например, соединены, по крайней мере, две сказки: одна — о зачарованной принцессе, другая — о людоедах-великанах. При этих соединениях возникает, однако, некоторое достаточно осмысленное целое. Особенно замечательно, что вся сказка полна скрытой художественной иронии. При внимательном разборе ее выясняется, что именно ирония и соединяет в одно целое ее весьма разнородные части. Спасая принцессу Тройоль, герой сказки Фанш проявляет удивительную стойкость. Он проходит через три испытания. Сначала великаны играют Фаншем, словно мячом, потом они разрывают его на куски, наконец съедают. От него только и остается, что кусочек черепа. Но принцессе каждый раз удается вернуть своего защитника к жизни и снова отправить на мучения. Самоотверженность Фанша приносит ей освобождение. Но

Фанш не умеет выдержать дальнейших, куда более легких, испытаний. Теперь от него требуется только воздержаться от питья и еды, но Фанш, со всем своим недавним героизмом, трижды поддается соблазну. Он не может устоять сперва против свежих слив, потом против винных ягод и, наконец, против апельсина. Едва Фанш съедает апельсин, как навсегда теряет свою принцессу. Следовательно, ирония сказки в том, что герой ее может многократно ходить на смерть, но он неспособен обуздать свой аппетит. Обеды и ужины в дальнейшем развитии сказки играют решающую роль. Фанш отдает свой хлеб, взятый в дорогу, встречной старушке и приобретает в ней новую союзницу. Старушка снабжает его скатертью-самобранкой и магической палочкой, помогающей ему преодолевать любые расстояния. Дальше Фанш попадает к страшным ветрам. Они чуть было не съели его живьем, но Фанша выручает скатерть-самобранка: он до отвала накормил ветров и вступил с ними в дружбу. Старший ветер берет Фанша к принцессе через все моря, но требует, чтобы тот кормил его. Скатерть-самобранка работает безотказно, Фанш добирается до своей потерянной красавицы и в конце концов соединяется с нею. В этой сказке герой потерял принцессу из-за своего чрезмерного пристрастия к еде, но вновь обрел невесту, так как ему помогали существа, которые привержены к еде еще больше, чем сам герой. Принцесса оборачивалась козой и снова стала принцессой, Фанш трижды умирал и трижды воскресал, облетел с ветром земли и моря и все-таки нашел свою, казалось навсегда утерянную, милую. Все эти чудесные события шутки ради связаны одним мотивом — судьба действующих лиц зависит от того, насколько они проголодались к этому часу. Прозаический мотив связывает возвышенные мотивы сказки, придает им единство, является ключом к ним. Быт в самых своих элементарных проявлениях служит для соединения фантастических, волшебных событий. При таком построении смысл всего фантастического разрушается. Но здесь налицо стремление именно к этому эффекту — к игре фантастическим, к шуточному использованию его.

Игра, литература, эстетика находят во французском фольклоре для себя благодатную почву. Французский фольклор заметно эстетичен и артистичен. Он эстетичен не только по формам и приемам, но и по содержанию, по своему мировоззрению. Моральный подход к явлениям жизни здесь граничит с эстетическим, зачастую моральный и эстетический подход и имеют одну цель и сливаются вместе. Само восприятие жизни, живых су-

пцеств, симпатии и антипатии к ним эстетически деликатны и утонченны. Особенно заметна эта нежность в сказках об эльфах, феях, добрых и услужливых домовых и других милых и безобидных существах. Самые образы и характеры этих сказочных существ эстетически прочувствованы, а развитие образов под-сказано чисто художественной логикой. Эльфы пляшут и поют, но они существа настолько слабые, что память у них коротенькая, как у ребенка. Они едва могут запомнить подряд несколько строчек, их песенка проста и состоит всего-навсего из перечисления дней недели (бретонская сказка «Два горбуна и гномы», № 36). Добродушный горбун, случайно попав в компанию ночных плясунов, подсказывает своим новым друзьям еще один день — пятницу, они сами до нее не дошли. В песенке эльфов получалась рифма, и это им понравилось больше всего. В восторге от того, что с новым словом песенка стала такой складной и славной, эльфы щедро награждают своего гостя — снимают с него горб. Теперь он будет так же прекрасен, как песня, которую он помог им сложить. Другой горбун, в расчете на такую же награду, тоже отправляется к эльфам и, желая получше заработать, подсказывает им даже больше, чем его предшественник, — все оставшиеся дни недели сразу. Но слова теперь не приходится в рифму, второй горбун только испортил им песню. Рассердившись на расчетливого прозаика, эльфы жестоко наказали его. Высший жизненный идеал для этой сказки — в красоте, в поэзии. Другие сказки толкуют о моральных качествах людей, эта же сказка говорит об их способности служить красоте, и такая способность является лучшим выражением моральных качеств. Заслуга героя сказки в том, что он существо поэтическое, в том, что он умеет войти в общую гармонию, а грех, по этой же сказке, заключается в неумении играть, в неумении сложить песню, в порче искусства. Само же искусство рассматривается в этой сказке как нечто насущно необходимое в жизни.

Наряду с особенностями всей французской сказочной традиции в целом можно также указать и на особенности сказки, в зависимости от территории, на которой она бытует. Разумеется, это легче сделать в отношении сказок тех провинций, которые были особенно богаты сказками, и труднее — для тех областей и районов, где собирателям удавалось записать лишь немногое. Бретонская сказка, лотарингская, гасконская — каждая имеет свою физиономию, свой характер развития и свою тенденцию завершить это развитие.

Бретонская сказка новеллистична, любит усложненную фэбулу; усложнение это возникает через дублирование в той же сказке однородных мотивов или через вариацию их. Часто в ней развивается тема путешествий и заморских приключений. Она утрачивает свою первоначальную наивность и все более тяготеет к жанру примитивного авантюрного романа. Сказка лотарингская, напротив, наиболее классична в смысле чистоты фольклорного стиля и не так «литературна», как бретонская. Она теряет фантастику и поэтичность, превращаясь понемногу в короткий, почти бессюжетный рассказ, прозаичный по своему содержанию. Утрата прежнего смысла в ней ничем не компенсируется, и она не обещает дальнейшего развития. Сказка гасконская либо романтична, сумрачна, по колориту и форме напоминает народную балладу, либо пародийна и смела на гротескную выдумку. Большинство сказок, в которых профанируется сама сказка или подвергаются осмеянию сказочная форма и сказочная фантастика, происходит из Гаскони. Все эти особенности объясняются, конечно, различиями в социальном развитии областей Франции, различиями их социального уклада, так как, невзирая на то, что Франция издавна была централизованной страной, местные особенности исчезали в отдаленных областях сравнительно медленно.

Все же в сказках, записанных в любой провинции Франции, мы наблюдаем одинаковые явления — французская сказка приобретает многие признаки, характерные для литературы, и теряет обычные признаки фольклорного жанра. В сказке «Морганы на острове Уэссан» (№ 74, Нижняя Бретань) заметно усиливаются психологические обоснования поведения действующих лиц, приключения «Лодмана из Булони» (№ 76, Верхняя Бретань) напоминают авантюрный лубочный роман, в гасконской сказке «Золотая головня» интерес к подробностям быта и к назидательности перевешивает чисто сказочные элементы. В сказочных собраниях имеются записи, которые скорее можно было бы назвать повестями из крестьянской жизни, в которых лишь кое-где проступает сказочный сюжет и лишь изредка попадаются фантастические подробности. В иных случаях граница между фольклором и литературой едва различима.

Следует отметить еще одно явление, встречающееся во французских сказках, пожалуй, чаще, чем в сказках других народов, и подтверждающее сближение французского фольклора с литературой. В собраниях мы встречаем сказки с сюжетами из литературы, и даже из литературы первостепенного значения.

Если французская сказка подчас мостит дорогу литературе, то и литература по этой дороге снова переходит в область сказки. Гасконская сказка «Наказанная королева» (№ 59) — по-видимому, образчик (кажется, еще не отмечавшийся шекепирологами) фольклорной обработки сюжета «Гамлета», на которую, весьма вероятно, оказала свое обратное влияние сама шекепировская трагедия. Налицо почти весь состав действующих лиц и почти весь сюжет шекепировской трагедии: достойный старый король, «надежный, как золото, сильный и смелый, как Самсон», и его любимый сын, который может явиться заслуженным преемником короля на престоле. Тайное убийство совершает не Клавдий — его нет в сказке, — но сама королева. Попытки принца ускользнуть от бремени власти, явление ему тени отца с рассказом о преступлении, страх и ужас принца воспроизводят фабулу трагедии; невеста принца, как того требует Гамлет от Офелии, уходит в монастырь. В сказке много следов приспособления «Гамлета» к народному быту и к народному уровню понимания. Преступление королевы мотивируется тем, что король собирается женить принца, в замке тогда появилась бы вторая хозяйка. Драму, таким образом, приводит в действие мотив из крестьянской жизни: «Две хозяйки в доме — две волчихи в логоу». Несколько простоудушно представлено воспитание молодого принца («принца Гамлета»): старик король любит справедливость, и хоть он и добряк, а за каждый проступок собственноручно поколачивает сына палкой, с малых лет стараясь внушить ему хорошие правила. Однако в этой сказке встречаются и прямые шекепировские мотивы, необычные для сказки как таковой. Здесь и нежелание героя принять на себя власть, и привидение, открывающее тайну, а главное — мотив постоянной душевной тревоги, в которой пребывает герой. Сказочному принцу приданы черты романтического скитальца. Принц совершает свою месть, поит королеву из отравленного кубка, который она приготовила для него (напомним сцену с отравленным кубком у Шекепира, сцену между Гамлетом, Клавдием и Гертрудой), и затем исчезает неведомо куда. Он садится на коня и во весь опор мчится в ночной мрак — «никто его больше никогда не видел».

В сказке, таким образом, сохраняется таинственность, окутывающая принца датского. Но интересно, как в фольклоре обйдены и решены по-своему некоторые художественные задачи, перешедшие туда из шекепировской драмы. Фольклору не свойственно глубоко вдаваться во внутренний анализ, в мир человеческих переживаний. Вместо психологических сцен, вместо смут-

вых монологов Гамлета во французской сказке наблюдается стремление передать внутреннее состояние принца через его скитания, через его внезапные и порывистые действия. Его уклонение от скорой мести выражено не рефлексией и не философскими «обобщающими» монологами, а поступком — принц бежит из замка. В фольклоре, по правилам его поэтики и его миропонимания, внутреннее передается через внешнее и психология от начала до конца выражается через действие. История «фольклорного „Гамлета“» вся целиком — цепь событий и поступков, которая нигде не прерывается размышлениями, созерцанием собственного «я» героев, сменами анализа и духовного самоуглубления.

Из других «шекспировских» сказок в собрании гасконского фольклора имеется также «Король Лир».

Можно думать, что постепенное сближение французской сказки с фольклором объясняет, почему во Франции отношения между литературной традицией и традицией фольклорной иные, чем в литературах других европейских стран. В Англии предание, легенда и сказка очень многое и важное подсказали Вальтеру Скотту; отголоски народной сказки еще очень сильны у Диккенса, не только в его святочных рассказах, но и в больших романах; в Дании народная сказка создала такого писателя, как Андерсен. У немцев Шамиссо, Тик, Брентано, Генрих Гейне и сюжетами, и мотивами, и символикой, и художественной формой часто обязаны сказке. У нас к сказочной традиции обращался Жуковский, а сказки Пушкина — целая эпоха в русской литературе.

Во Франции преимущество сохраняется за литературой. Просветитель Вольтер в своих сказочках пользуется фольклорными мотивами с заметной иронией; гораздо позднее та же ирония заметна у своеобразного наследника Вольтера, у Анатоля Франса. Даже у французских романтиков влияние сказки поставлено в строгие рамки, а такой писатель, как Проспер Мериме, является насмешливым фальсификатором фольклорной традиции европейских народов. Здесь нельзя говорить о формирующем основном влиянии фольклора: французская сказка была для французских писателей скорее лишь подсобным литературным материалом.

Тем не менее французские писатели издавна пользовались сюжетами национальных народных сказок, вводили их в свое повествование или перерабатывали их.

Франсуа Рабле в XVI веке ввел в свой роман народную сказку

про обжору; под именем Гаргантюа этот персонаж остался навсегда связанным с творчеством французского гуманиста. На рубеже XVII и XVIII веков Шарль Перро обработал и напечатал ряд народных французских сказок. И хотя на «Сказках» Перро лежит печать придворных вкусов и многое в них продиктовано жизненным укладом и нравами того времени, все же «Золушка», «Кот в сапогах», «Спящая красавица», «Ослиная кожа», «Красная шапочка» сберегли очарование подлинно народной поэзии. Как и сюжет «Гаргантюа», в позднейших фольклорных записях сюжеты сказок, переработанных Перро, встречаются обычно именно в форме, приданной им французским писателем.

В начале XVIII века выходят волшебные сказки мадам д'Онуа, затем сказки другой французской писательницы — мадам де Бомон, еще позже появляются переделки Кайлюса. Эти «волшебные сказки» сохраняют только внешность народной сказки, наполняя ее чуждым народному духу, претенциозным содержанием. Из сказок вытравляется самое главное — их реалистическое содержание, реалистический взгляд на вещи, свое, особое мнение о мире и право суда над ним. К концу XVIII века народные сказки охотно вставляет в свои романы Ретиф де ла Бретонн — писатель демократического толка. В двадцатых годах XIX века выходит несколько стихотворных переложений народных сказок.

Собирание народных сказок как таковое началось во Франции сравнительно поздно. Другие европейские страны в середине XIX века уже заканчивают составление основных, сделанных с научной добросовестностью сказочных сводов. В сороковых годах собирают и печатают норвежские сказки Асбьернсен и Му, в шестидесятых годах издает свое собрание русских сказок А. Н. Афанасьев, сборник же немецких сказок, сделанный братьями Гримм, хронологически предшествует работе других европейских собирателей. Французские фольклористы в этом отношении отстали от своих норвежских и русских коллег: собрания народных сказок появляются во Франции в последней четверти XIX века.

Впрочем, отдельные попытки организовать собрание и запись фольклорного материала делались во Франции и гораздо раньше. Министр внутренних дел Шаптал в 1800 году, то есть в ту эпоху, когда интерес к фольклору пробуждается в Европе повсеместно, рассылает своим провинциальным чиновникам циркуляр, в котором рекомендует им записывать местные легенды и песни. Академия литературы в 1818 году предпринимает опрос касательно

различных жанров устного народного творчества в провинции. Министры и департаменты издают постановления о собирании фольклорного материала и позже. Однако по существу эта бюрократическая инициатива сколько-нибудь серьезных результатов не дала.

Французские писатели обогнали фольклористов: они не только пользовались сказочным материалом в интересах собственного творчества, но выступали в это время и в качестве собирателей сказок, созданных народом. В тридцатых годах Эмиль Сувестр начинает собирать и издавать свои записи сказок и легенд Бретани. В то же время Жорж Санд собирает сказки в Берри, а Жерар де Нерваль — в провинции Валуа. Обработки этих писателей ознакомили Европу со сказкой Франции; очень быстро французские сказки стали известны и в России. Однако во Франции еще не было выпущено ни одного собрания народных сказок. Лишь в пятидесятых годах, вслед за писателями, ряд любителей фольклора начинает собирать и записывать народные французские сказки и легенды. Были опубликованы сборники Фуке и Кордые, а за ними следуют публикации таких собирателей, которых можно назвать уже не любителями, а специалистами. Однако только в семидесятых и восьмидесятых годах публикуются записи французских ученых-фольклористов, записи достаточно обширные и сделанные с настоящей научной тщательностью.

Эти ученые в своих поисках сказочного материала поневоле обращались к отдаленным французским провинциям и к окраинам, нравы и традиции которых были меньше затронуты городской, парижской цивилизацией. Поль Себильо занимается собиранием сказок в Верхней Бретани; Люзель записывает сказки Бретани Нижней; в Гаскони работает Франсуа Бладе; выходит двухтомное собрание лотарингских сказок Эммануэля Коскена. Изданные этими учеными сборники составляют основной фонд французских народных сказок. Позже, в девяностых годах и в начале нашего века, фольклористы, работавшие в других провинциях, добавили свои записи к собранному ранее. Собрание французских народных сказок успешно продолжается и поныне.

Большие собрания Коскена, Себильо, Люзеля являются для своего времени образцовыми. Они не только снабжены точной документацией — то есть ссылками на рассказчика и местность, но часто и указаниями на сюжетные параллели, имеющиеся в народных сказках остальной Европы. Большая вступительная статья Коскена к своему собранию, как известно, вызвала отклики в русской научной литературе. К недостаткам этих собраний надо

ответности, может быть, то, что в записях сказок не отражены особенности местных провинциальных говоров; фонетическая запись вовсе не практиковалась.

В противоположность, скажем, русским изданиям, многие французские не являются собранием одних только сказок или несен. Наряду со сказками собиратели нередко печатают и фольклорный материал вообще. Стараясь закрепить в памяти уходящую народную сказку, они записывали не только сказки и песни, но и те обрывки исчезающих обычаев и устного творчества в любом виде, которые встречались по пути. Рассказы о феях, оборотнях, записи примет и суеверий лишь отчасти сохраняют фэбулу, не всех их можно счесть сказкой, но они прекрасно вводят нас в самую жизнь французского крестьянина, оживляют самый воздух, в котором рождается сказка, позволяют почувствовать тот особый быт, в котором реальность живет бок о бок с фантастикой, в дружбе с ней. Кроме того, иные собиратели предпосылают своим книгам статьи, где они описывают очень подробно обстановку деревенских вечеров, бретонских или гасконских «посиделок», а также манеру народных рассказчиков, среду их слушателей и ответное отношение этих слушателей к рассказам. Они рассказывают, как жужжат прялки, о чем говорят старики, как танцует молодежь, как готовят сидр для коллективного угощения и собирают по всей деревне поленья для общего очага. Собиратели отмечают, что сам сказочный репертуар меняется в течение зимы, и на святках он не тот, что во время карнавала.

Касаясь вопроса о том, как и почему исчезают «посиделки» и другие старые народные обычаи, способствовавшие устному народному творчеству, фольклористы указывают, что традиция коллективного отдыха умирает во Франции, так как деревня становится все деловитей и время крестьянина целиком занято трудом на сбыт. Этот труд изолирует крестьян друг от друга, и так одно за другим уходят из жизни условия, благоприятные для коллективного праздничного духа, сообщающего столь поэтический характер традиции фольклорного искусства. Франция семидесятых годов — зрелая капиталистическая страна, и буржуазные отношения в ней проникают повсюду, не щадя старых укладов и обычаев. В записях французских фольклористов отражился фольклор того времени, когда самые условия для его дальнейшего нормального развития становятся проблематичными. Это приходится все время иметь в виду при изучении и толковании французского фольклора.

В русском переводе французские народные сказки печатаются впервые. В России были хорошо известны и много раз переводились только «Сказки» Перро и сборники сказок мадам д'Онуа и мадам де Бомон — близких современниц Шарля Перро. Остальные сказки в старых русских детских книжках обычно являются или переделками, или подражаниями французским образцам и никакого отношения к фольклору не имеют. Только в 1898 году был напечатан русский перевод книги Карнуа «Легенды Франции»: там среди легенд имеется и несколько народных сказок, но книжка эта широкого распространения не имела, и сейчас ее можно разыскать только в самых больших библиотеках.

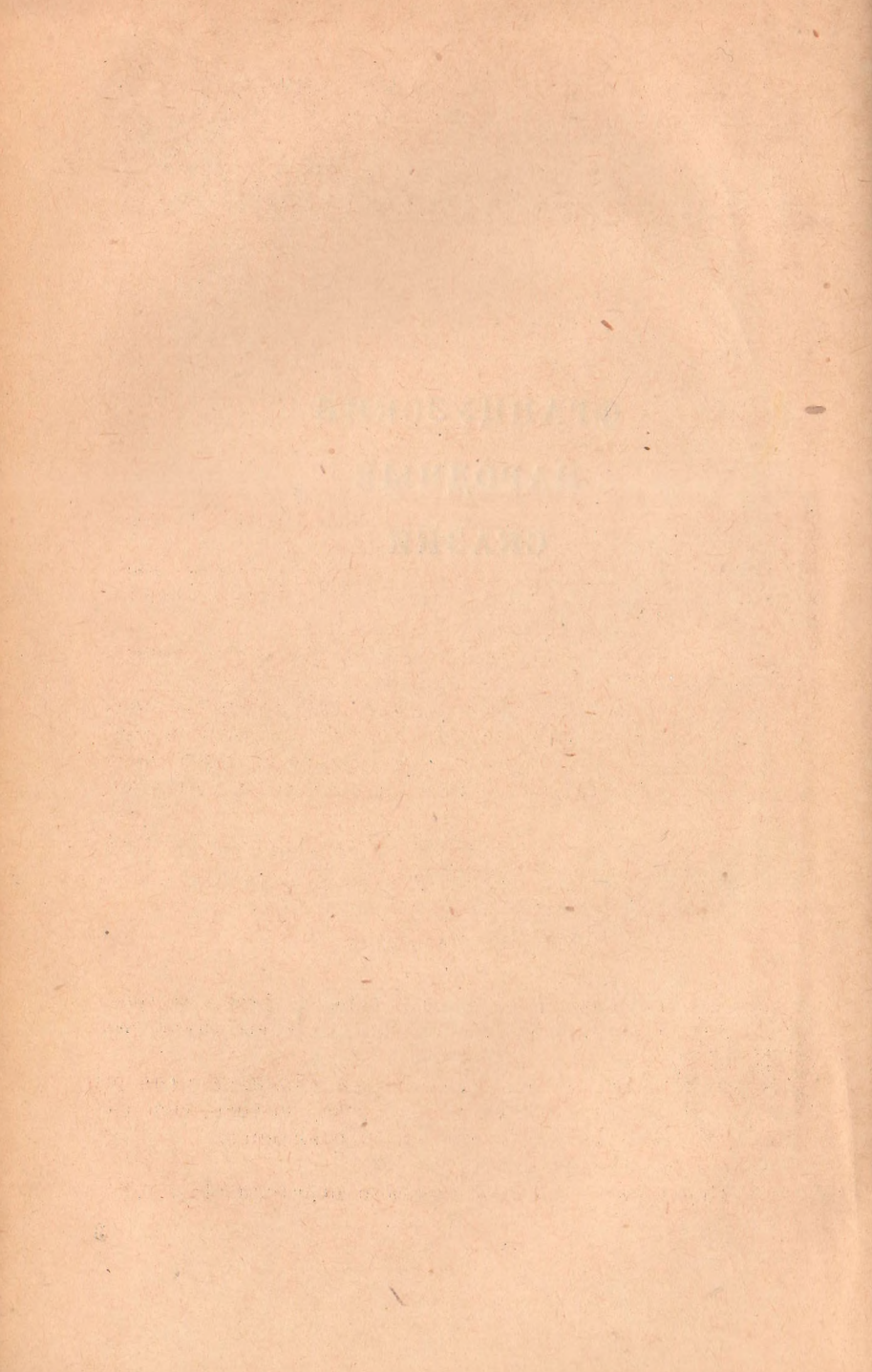
В сборник не включены сказки, известные нам в литературной обработке (например, «Сказки» Перро). Не помещаем мы и сказок, вновь возникших на основе литературных вариантов сказочных сюжетов; из сказок такого рода приводятся лишь те, которым повороты в сюжете и особые характерные детали придают известную самостоятельность по сравнению с их литературным вариантом (например, «Синяя борода», № 41).

При расположении материала составитель в основном придерживался схемы распределения сказок по их «возрасту». В начале книги помещены сказки более архаичные: сюда входит, например, большинство сказок о животных. Дальше следуют сказки, где выражены с некоторой отчетливостью черты человеческого общества на более поздней стадии его развития — на ступени выработавшихся классовых отношений. Затем помещены волшебные сказки, в которых мифологическая основа скрыта за деталями, относящимися к временам средневековья, — сказки о принцессах, сказки, так сказать, романтические, балладного типа. Затем идут сказки, в которых получают свое выражение демократические силы старого общества и в которых уже виден социальный протест. В них по-новому разрабатываются сюжеты и персонажи, известные по сказкам более раннего периода: «старика» прежних сказок вытесняет крестьянин, батрак, а место людоеда и великана занято хозяином, владельцем полей, мельниц, лесов, иной раз королем, ничем от него не отличающимся. Замыкают сборник сказки позднейшего типа, в которых уже чувствуется современность и для которых в жанровом отношении характерна новеллистичность. На этих поздних сказках заметно влияние книжного творчества, они подчас сентиментально окрашены, а, главное, особые нормы поведения героев, особая мораль, царившие в сказках на протяжении веков, оказываются в них уже распатанными,

Народное сознание и народный характер, идеалы и вкусы, симпатии и антипатии человека из народной среды — все это получило в сказке своеобразное выражение. И все это раскрыто в увлекательном и изящном художественном повествовании со свойственной французскому народу склонностью к шутке, импровизации, с присущим ему оптимизмом, любовью к жизни и свободе.

Е. Лопырева

**ФРАНЦУЗСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

1. ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Раз люди в деревне подняли крик:

«Глядите, глядите, лиса уносит петуха!
Это петух Жана Лартинга!»

— Лиса, — сказал петух, которого лиса держала в пасти, — а ты бы им ответила:
«Канальи, вам какое дело?»

Едва злая лиса приоткрыла пасть, как петух улетел обратно к хозяину.

— Эх! — промолвила лиса, ужасно сконфуженная тем, что так осрамилась, — лучше бы мне без хвоста остаться!

В эту самую минуту кто-то из крестьян нанес лисе сильный удар топором и начисто, до самого зада, отрубил ей хвост.

— Ну и места! — закричала лиса, удирая со всех ног. — Здесь шуток не понимают!

2. ОРЕЛ И ЛИСА

Дважды орел парил в небе. А лиса, смотревшая на него снизу, взяла да и высунула ему язык.

Но у орла глаза зорки. Молнией упал он на лису, схватил ее и унес высоко, под самые облака, а оттуда сбросил вниз.

Падая, лиса кричала:

— Подстелите соломки! Соломки подстелите!

3. СКАЗКА ПРО ОТЦА, МАТЬ И ДОЧКУ

ил однажды человек, и были у него жена и дочка.

Раз говорит он им:

— Пойдем на виноградник есть виноград.

Вот пришли они на виноградник. Хозяин стал глотать виноград целыми пригоршнями, а жена и дочка ели помаленьку, ягодку за ягодкой.

Досыта наевшись, хозяин закричал:

— Живей, живей, пора домой!

— Нет, мы хотим еще винограда.

— Живей, живей, пора домой!

— Нет, мы хотим еще винограда.

Тогда хозяин ушел один и сказал своей собаке:

— Пес, иди укуси мою жену и дочь.

— Хозяин, не хочу я кусать твою жену и дочь.

Тогда хозяин взял палку, чтобы побить собаку.

Но палка сказала:

— Хозяин, не хочу я бить собаку.

Тогда хозяин бросил палку в огонь.

Но огонь сказал:

— Хозяин, не хочу я жечь палку.

Тогда хозяин сказал воде:

— Вода, залей огонь.

Но вода ответила:

— Хозяин, не хочу я заливать огонь.

Тогда хозяин сказал своим волам:

— Волы, выпейте воду.

Но волы ответили:

— Хозяин, не хотим мы пить воду.

Тогда хозяин взял ярмо, чтобы запрячь волов.

Но ярмо сказало:

— Хозяин, не хочу я запрягать твоих волов.

Тогда хозяин сказал крысе:

— Крыса, сгрызи ярмо.

Но крыса ответила:

— Хозяин, не хочу я грызть ярмо.

Тогда хозяин сказал кошке:

— Кошка, съешь крысу.

И кошка захотела съесть крысу.

Крыса захотела грызть ярмо.

Ярмо захотело запрячь волов.
Волы захотели пить воду.
Вода захотела залить огонь.
Огонь захотел сжечь палку.
Палка захотела побить собаку.
Собака захотела укусить мать и дочь.
А мать и дочь захотели поскорей вернуться домой.

4. КОЗОЧКИ И ВОЛК

Три козочки отправились на ярмарку. Им было весело, и всю дорогу они прыгали, смеялись и пели. Присмотрев их издали, старый волк спрятался на их пути за большим кустом.

— Стой! — крикнул он.

— Что тебе надо, старый волк?

— Чернушка, я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, ешь Белянку!

— Белянка, я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, ешь Краснушку!

— Краснушка, я тебя съем!

— Нет, нет, не ешь нас: мы ведь идем на ярмарку, там продают сладкие пряники, мы накупим побольше и отдадим тебе самые вкусные!

— Так и быть! Так и быть! Только поторопитесь, потому что я очень голоден. Но если вы обо мне забудете, я вас всех троих проглочу — и Чернушку, и Белянку, и Краснушку.

— Да, да, да! До свидания, старый волк!

— До свидания!

Козочки пошли дальше и пришли в город. Они сейчас же побежали на ярмарку, накупили там конфет и пряников и ушли только тогда, когда в их кошельке не осталось ни одного су.

На беду они всю дорогу грызли конфеты и пряники так усердно, что когда старый волк потребовал свою долю, у бедных козочек уже ничего не оказалось.

— Ну, где же мои пряники? — спросил волк.

— Не поминай об этом, мы оставили тебе твою долю, да растеряли по дороге.

— Чернушка, я тебя съем!

— Нет, Белянку!
— Белянка, я тебя съем!
— Нет, Краснушку!
— Краснушка, я тебя съем!
— Прежде чем есть нас, походи нарви нам орешков в лесу!

— Сейчас сбегаю. И как вернусь, так проглочу вас всех.

Тут Белянка, Чернушка и Краснушка наспех построили домик и обложили его охапками терновника. Затем разожгли огонь в очаге и стали ждать.

«Тук-тук!» — постучал волк.

— Влезай в трубу, мы потеряли ключ!

Старый волк забрался на крышу, влез в трубу и там сгорел.

Можете себе представить, как счастливы были три козочки, когда они вернулись домой к своим родителям!

5. ВАДУАЙЕ

ил однажды человек, было у него пшеничное зернышко, и звался он Вадуайе.

Пришел он к одной старушке и говорит:

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Постерегите, пожалуйста, мое пшеничное зернышко.

— Охотно. Положите-ка его вон туда, мы потом уберем его вместе с нашим зерном в закрома.

На следующий день пришел Вадуайе в дом этой доброй женщины.

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Хорошо ли вы припрятали мое пшеничное зернышко?

— Ох, бедняга Вадуайе! У меня приключилась большая беда: моя курица позавтракала этим зернышком.

— Я пожалуюсь на вас в суд, тетушка, я пожалуюсь на вас в суд!

— Нет, нет, об этом и разговору не может быть. Возь-

мите лучше курицу. Вы не останетесь в накладе, это хорошая насадка.

Вадуайе забрал курицу из курятника и пошел к другой крестьянке.

— Здравствуйте, тетушка.

— Здравствуй, Вадуайе.

— Не присмотрите ли вы за моей курицей?

— Ладно, оставьте курицу у нас. Я посажу ее в курятник и буду за ней присматривать как за своей.

Но корова ударила копытом курицу и убила ее.

Спустя некоторое время является хозяин курицы.

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Хорошо ли вы присматривали за моей курицей?

— Ох, бедный мой соседущка! Сегодня утром наша корова лягнула курицу копытом и убила ее.

— Я пожалуюсь на вас в суд, тетушка, я пожалуюсь на вас в суд!

— Оставьте меня в покое, Вадуайе, и, чем жаловаться, забирайте лучше нашу корову.

Он увел хорошую дойную корову — белую в черных пятнах, с тонкой блестящей шерстью, и привел ее в дом к другой женщине.

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Не можете ли вы присмотреть за моей коровой?

— Что ж, пожалуй присмотрю. Привяжите ее тут недалеко, мы поставим ее вместе с нашими коровами в стойло.

Когда наступил вечер, служанка взяла скамеечку и подойник и пошла доить коров, но корова Вадуайе ни за что не подпускала ее, брыкалась и, пребольно лягнув служанку, перевернула подойник. Скотница разозлилась и так ловко запустила в корову скамейкой, что убила ее на месте.

На следующий день приходит Вадуайе.

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Хорошо ли вы присматривали за моей коровой?

— Ох, бедный мой Вадуайе! Вчера наша служанка хотела подоить вашу корову, да так на нее разозлилась, что запустила в вашу корову скамейкой и убила ее на месте.

— Я пожалуйюсь на вас в суд, тетушка, я пожалуйюсь на вас в суд!

— Этого вы не сделаете, сосед! Уж лучше забирайте себе служанку.

Вадуайе сунул девушку в мешок и пошел к другой женщине; та приходилась служанке крестной матерью, но Вадуайе этого не знал.

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Нельзя ли пока оставить у вас мой мешок?

— Пожалуйста, оставьте его за дверьми, его никто не тронет.

Вадуайе ушел. Через некоторое время старуха, думая, что ее служанка где-то поблизости, сказала:

— Жаннетта, не съешь ли ты тарелку супа?

Служанка не услышала, но девушка, сидевшая в мешке, ответила за нее:

— Я охотно поела бы.

Старуха дважды повторила свой вопрос, и каждый раз ей отвечал голос, выходявший из мешка. Она заглянула в него и, увидев крестницу, помогла ей вылезть, а вместо нее сунула в мешок большую собаку.

Когда Вадуайе пришел, он сказал:

— Здорово, тетушка.

— Здорово, Вадуайе.

— Присматривали ли вы за моим мешком?

— Да, вот он, можете его забрать.

Он взвалил на плечи мешок, в полной уверенности, что там сидит служанка. Отойдя немного, он дернул шнурок от мешка и говорит:

— Жаннетта, ну-ка, поцелуй меня!

— Гав! гав! — огрызнулась собака.

Вадуайе так испугался, что уронил мешок на землю и со всех ног бросился бежать.

ошел однажды волк вместе с кумушкой лисой рыбу удить.

— Кто понесет корзину? — спросил волк.

— Ты, — ответила лиса, — у тебя хвост потолще моего.

Она крепко привязала корзину к хвосту волка. Улов был обильный. Волк тащил-тащил тяжелую корзину, хвост не выдержал и оборвался.

— Я тебя съем, — сказал волк лисе, — за то, что ты сыграла со мной такую шутку!

— Пожалей меня, мой дружок, милый мой кум! Пойдем лучше с тобой в кузницу, там тебе выкуют хвост покрепче, чтобы он больше не обрывался.

По приказу лисы кузнец положил на наковальню кусок железа и, раскалив его как следует, приложил волку к тому месту, где был оборван хвост.

Волк страшно взвыл от боли и опрометью бросился бежать.

Спустя некоторое время лиса столкнулась со своим кумом нос к носу на дороге. Волк закричал сердито:

— На этот раз ты от меня не уйдешь, я тебя съем!

— Ну, полно, Куцый, мой дружок! Неужели ты станешь мне мстить за невинную шутку? Пойдем-ка со мной, я знаю местечко, где висят прекрасные колбасы. Они, наверное, куда лучше на вкус, чем мое жесткое, жилистое мясо.

Волк помог лисе украсть колбасы, и они утащили их в лес.

— Теперь, — сказала лиса, — нужно их повесить на верхушку дуба. Ведь если мы оставим их здесь, соберутся другие звери и потребуют свою часть. Не лучше ли нам устроить хорошую кладовую, откуда брать припасы будем мы одни?

Волк согласился, и лиса стала таскать колбасы на верхушку очень высокого дуба, а перетаскавши, принялась их улетать.

Волк не умел лазить по деревьям и кричит лисе:

— Сбрось-ка мне мою долю!

— Подбирай мои огрызки, Куцый!

— Ах ты, негодная! Да будь ты potvrже древесной коры, я и то тебя съем, если поймаю!

Тут волк завыл, и к нему сбежались волки со всего леса.

Он рассказал им про злую проделку своей кумы и попросил помочь отомстить ей, а в награду за помощь обещал поделиться колбасами, которые забрала лиса. Волки согласились. Они решили встать друг другу на плечи, опираясь передними лапами о ствол, и таким образом добраться до верхушки дерева. А Куцый будет стоять внизу и держать на себе всю стаю.

Волки полезли друг на друга, и верхний волк уже почти добрался до того места, где сидела лиса, как она крикнула:

— Кузнец, кузнец, носи горячее железо, приделай Куцему хвост к заду!

Услышав эти слова, Куцый, которому хорошо запомнилось горячее железо в кузнице, так перепугался, что тотчас шлепнулся на все четыре лапы и пустился наутек. Все волки попадали друг на друга и, обозлившись на Куцего, бросились вслед за ним и задушили его.

А хитрая лиса только посмеивалась, преспокойно доедая свои колбасы.

7. СКАЗКА ПРО КОТА, ПЕТУХА И СЕРП

Один бедный мельник умер, и в наследство трем своим сыновьям оставил только кота, петуха и серп. — А мельницу и осла? — спросите вы. — Мельница принадлежала владельцу деревни, а осел издох за неделю до смерти мельника.

«Что нам делать?» — думали братья, возвращаясь с кладбища.

— Что делать? Что делать? — уныло повторяли они.

— Не повезло нам, — сказал старший брат. — Давайте разделим отцовское наследство, — небогатое, надо признаться, — и пойдем по свету искать удачи. Сговоримся, если хотите, встретиться на этом самом месте ровно через год и один день.

— Что ж, так и сделаем, — ответили младшие братья. — Ты старший, ты и дели наследство.

— Хорошо. Вот мы и дома. Жан, возьми петуха. Жак, возьми серп. Себе я оставлю кота Мине.

Жан позвал петуха, Жак взял серп, Пьер, старший сын мельника, кликнул кота, и они отправились в путь.

Подошли три брата к перекрестку, обнялись и расстались.

Дальше каждый пошел своей дорогой: Пьер со своим котом, Жан — с петухом, Жак — с серпом.

Пьер шел-шел и наконец пришел к королевскому замку. Как раз в это время две тысячи королевских слуг, вооружившись огромными палками, сражались с мышами, которые совсем разорили страну. Оказывается, с мышами в этой стране воевали уже полгода, а прикончили пока только четырех. Пьер в удивлении смотрел на все это, как вдруг из дворцового подвала выскочила жирная мышь и побежала прямо к нему, а за нею бросилось по крайней мере с полсотни охотников. Пьер не мог удержаться от смеха, глядя, как они стараются убить мышь, которая как будто нарочно шмыгала под ногами у своих разъяренных преследователей и дразнила их. Охотники за мышами изо всех сил колотили друг друга палками, стараясь ударить зверька, а Пьер смеялся все громче и громче. Слуги сердились. Один из них сказал Пьеру:

— Будь вы на нашем месте, вы бы так не смеялись, чужеземец.

— Почему вы так думаете?

— Почему? Разве вы не видите, как нам трудно ловить этих зверей, накажи их бог!

— А я без труда поймаю эту мышь. Смотрите.

И, сказав это, Пьер выпустил из мешка кота Мине, который одним прыжком догнал мышь, схватил ее и принес своему господину.

— О боже! Что это за чудесное животное? — в один голос закричали королевские слуги, едва опомнившись от удивления.

— Это животное называют котом, и ему ничего не стоит уничтожить всех мышей в вашем королевстве.

— Котом?.. А людей он не ест?

— Нет, но он большой любитель крыс и мышей.

— Раз так, пойдемте с нами к королю. Ему будет очень интересно взглянуть на вашего... как там он называется?

— Кот.

— ...На вашего кота, и он заплатит за него много денег. Только помните — король очень богат, запрашивайте подороже.

Пьер пошел за слугами во дворец, и они привели его к королю.

— Мне сказали, что животное, которое ты держишь в руках, в один миг загрызет любую мышь и что его можно без страха за жизнь моих подданных выпустить на свободу. Правда ли это?

— Правда, и, если хотите, я сейчас вам это докажу.

С полдюжины мышей бегало взад и вперед по комнате; Пьер выпустил кота, у которого после первой мыши разыгрался аппетит, и Мине, довольный такой поживой, начал прыгать от одной мыши к другой, пока не расправился со всеми.

Король был поражен.

— Сколько ты хочешь за него?

— Мой кот не продажный. На всем свете нет другого такого животного, и я не могу с ним расстаться.

— Но он мне так нравится, что я готов отдать за него половину королевства!

— Не могу. Но вот что: отдайте мне в жены вашу дочь, и все будет хорошо — мне не придется расставаться с Мине, а принадлежать он будет вам.

Король с радостью согласился на это условие, и Пьер в тот же день женился на королевской дочери.

Жан, второй сын мельника, тоже пришел к королевскому замку, но в другой стране. Он попросил там пристанища, а вечером был очень удивлен, когда увидел, что из замка выезжает громадная колесница, запряженная большими черными лошадьми. Эта колесница умчалась по направлению к востоку. Жан спросил у одного из дворцовых слуг:

— Куда поехала эта карета?

— Куда поехала карета? Что за вопрос! Разумеется, она поехала, чтобы привезти день, который иначе не вернется. А разве в вашей стране вечная ночь?

— Нет, что вы! Спасибо, что объяснили.

И Жан стал дожидаться следующего дня. Он проснулся, когда на дворцовых часах пробило шесть, и так как время было летнее, ему показалось странным, что еще совсем темно. Пробило семь, потом восемь часов, а ночь все продолжалась. Наконец в девять часов вдали

послышался громкий стук колес: то карета, которая уехала накануне, теперь вернулась и привезла день.

— Вот так так! Неужели в этой стране нет петухов? Посмотрим, что будет завтра.

Жан ничего не сказал слугам о своем замысле, но, когда опять настала ночь, он выпустил в своей комнате петуха и стал ждать.

Около трех часов ночи петух проснулся, взмахнул крыльями и оглушительно пронел свое веселое «кукареку», да не один раз, а несколько.

Тотчас же стало рассветать. Как переполошились все в замке! Сперва было решили, что колесница вернулась раньше обычного, но сразу же убедились в своей ошибке. Стали расспрашивать слуг, и один из них рассказал, что перед самым появлением дня он слышал, как в комнате чужеземца какая-то птица пропела: «кукареку». Король приказал привести к себе Жана и спросил у него:

— Выходит, это ты призвал день?

— Да, я; вернее, птица, которую я держу в руках.

— Как она называется?

— Петух. Стоит ему пропеть «кукареку, кукареку» — и день спешит на его призыв.

— Где же водятся эти чудесные птицы?

— На всем свете другой такой нет. Мне подарила ее моя крестная мать — фея.

— Продай мне петуха, я дам тебе за него все, что хочешь, хоть половину королевства.

— Мой петух не продается ни за серебро, ни за золото, и я никогда не соглашусь с ним расстаться. А если он вам очень нравится, то сделаем так: вы отдадите мне в жены вашу дочь, принцессу, а я уступлю вам петуха. Он станет каждое утро приводить к вам день, а мне не нужно будет с ним расставаться.

— Согласен, согласен! — весело воскликнул король, радуясь, что заключил такую выгодную сделку.

И в тот же день Жан женился на королевской дочери.

Тем временем Жак, который считал, что его обделили, не раз уже собирался выбросить серп. К счастью для него, он этого не сделал и продолжал идти дорогой, по которой пошел, расставшись с братьями.

Как и Пьер и Жан, он пришел в незнакомую страну, ко дворцу короля, который там правил. Дворец был со всех сторон окружен хлебными полями, и тысячи жнецов

палками снимали урожай. При этом пропадало почти все зерно, а люди изнемогали от усталости.

Жак в удивлении смотрел на них, не веря своим глазам. Потом он подошел к крестьянам, показал им свой серп и одним взмахом руки срезал целую охапку колосьев.

— Что это у вас за вещь? — закричали жнецы. — Пойдем расскажем королю.

И они отправились к королю и рассказали ему о том, что сделал на их глазах чужеземец. Король захотел увидеть чудо сам и вместе со своими слугами пошел в поле, чтобы поговорить с сыном мельника.

По просьбе короля Жак срезал своим серпом несколько охапок колосьев.

— Продай мне твой серп, — попросил его король.

— Мой серп не продажный. Я, так и быть, отдам его, но с одним условием.

— С каким?

— Отдайте мне в жены вашу дочь.

— Согласен, согласен!

И в тот же вечер Жак женился на королевской дочери, принцессе.

И вот ровно через год и один день три брата — Пьер, Жац и Жак — вернулись на мельницу, обняли друг друга и рассказали, в каком богатстве, почете и счастье они живут, и все благодаря коту, петуху и серпу — наследству бедного мельника!

8. МАЛЕНЬКАЯ АННЕТТА

В давние времена жила-была девушка. Когда ей минуло пятнадцать лет, она лишилась матери, а на следующий год ее отец взял себе в жены вдову, у которой были три дочери. Все три сидели дома и лентяйничали, а бедная Аннетта целый день проводила в поле и пасла овец. Вечером, когда она возвращалась домой, ей не давали передохнуть, заставляли мыть посуду, хоть не она ее пачкала, — ведь Аннетте никогда не случалось есть из тарелки. Каждое утро ей клали в карман кусок черствого хлеба, чтобы она обедала в поле, не возвра-

щаясь домой, да и то мачеха старалась дать ей горбушку; не удивительно, что бедную девушку зачастую мучил голод.

Однажды, съев свой скудный обед и запив его водой из ручья, которую она зачерпывала горстью, молодая пастушка начала размышлять о том, как печально идет ее жизнь.

«Совсем было иначе, пока жила моя мать. Она-то работилась о том, чтобы я не терпела ни холода, ни голода; она меня любила, и как она была со мной нежна и ласкова!»

Вспомнив о прошлом, пастушка расплакалась, но вдруг сквозь слезы, застилавшие ей глаза, она увидела прекрасную женщину с милым и добрым лицом. То была фея.

— Что с тобой, дитя мое? — спросила фея.

— Увы, госпожа! Я плачу, потому что вспомнила мою добрую матушку.

— Знаю, знаю — ты потеряла мать, и теперь ты несчастна: но потерпи, я позабочусь о тебе и облегчу твою долю. Для начала вот тебе палочка: каждый раз, когда тебе захочется есть, тебе только нужно будет чуть тронуть ею твоего черного барана.

Фея-покровительница исчезла, прежде чем девушка успела ее поблагодарить. Пастушка захотела как можно скорее испробовать силу палочки; она коснулась ею черного барана, и в тот же миг перед ней встал накрытый столик, на котором были всевозможные кушанья; она вволю поела и не забыла также свою верную собаку, которая усердно помогала ей стеречь стадо. Так случалось изо дня в день: стоило только пастушке захотеть, и ей мгновенно подавались блюда обильнее и лучше, чем у самого короля. Вот и вышло, что из худой и слабой она стала крепкой и полной и теперь прямо-таки сияла здоровьем. Мачеха, по-прежнему державшая ее впроголодь, надивиться не могла тому, как девушка с каждым днем толстела. Она почувяла здесь неладное.

— Мари, — сказала она старшей своей дочери, — ты пойдешь вместе с пастушкой в поле. Посмотри хорошенько, что она там ест, и все в точности расскажи мне; но только виду не подавай, что ты неспроста пошла, стайся, чтобы она ни о чем не догадалась.

Мари пошла с Аннеттой, которая обошлась с сестрой лучше, чем та обращалась с ней дома: она сплела ей

корзиночку из ивовых прутьев и собрала для нее красивый букет полевых цветов. Но дочка вдовы не привыкла долго ходить по полям, она скоро утомилась и села отдохнуть на траву.

— Сядь возле меня и положи голову мне на колени, я тебя причешу, — сказала Аннетта сестре.

Пастушка догадывалась, что девочку послали подсматривать за ней; поэтому, расчесывая ей волосы, она стала тихонько напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой! Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Она все пела да пела, пока Мари не одолел сон. Пастушка тем временем успела покушать; она хорошенько подкрепилась, а Мари ничего не заметила.

— Ну как, Мари, — спросила мачеха, когда дочь вернулась, — можешь ты мне рассказать, что это за еда, которая так идет впрок Аннетте?

— Уверяю вас, матушка, я видела, что она ела только свой черствый хлеб, а пила одну воду из ручья.

— Иди спать, лентяйка! Твоя сестра лучше сумеет все разведать. Фаншетта, слушай, что я тебе скажу: завтра ты встанешь чуть свет и пойдешь с Аннеттой в поле; посмотри, что она делает, и Расскажи мне, что она ест.

— Хорошо, матушка, я за всем услежу.

Но с Фаншеттой случилось то же, что с ее сестрой: она заснула и ничего не увидела. Мать разбранила и ее.

— Бьюсь об заклад, обе эти лентяйки там заснули. Ну, да на сей раз все будет по-другому. Лизетта, козочка моя, поди к своей матушке. Завтра ты отправишься с Аннеттой в поле; если устанешь — усни, закрой один глаз, а то и оба, только не закрывай тот, который я тебе вставлю в затылок. Плохо тебе придется, если ты не исполнишь моего поручения!

Лизетта обещала матери, что все заприметит. Когда она устала бегать, она положила голову Аннетте на колени, а та принялась, как и прежде, напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Но она не знала, что у Лизетты был третий глаз: он-то остался открытым и подсмотрел, что делала Аннетта, когда ей понадобился столик, уставленный всякими вкусными вещами. Лизетта не замедлила рассказать матери обо всем, что видела.

142462

— Ах, матушка, не удивительно, что пастушка так жиреет, — ей живется лучше, чем нам. Каких только лакомств не доставляет ей черный баран!

Мачехе стало завидно, что падчерице такое счастье выпало на долю, и она решила — не бывать этому! Она легла в постель и прикинулась больной.

— Мне думается, я умру, — сказала она мужу, — но я знаю средство, которое могло бы меня вылечить.

— Скажи, скажи скорее, женушка, мы все достанем.

— Мне хочется поесть мяса черного барана.

— Только-то? Ну, это желание легко исполнить! Что черный баран, что белый, — мне все равно: я его зарежу.

Аннета слышала весь разговор, и пока хозяин точил большой нож, прокралась на двор, а оттуда — в овчарню.

— Черный мой барашек, убежим поскорее! Тебя хотят резать!

— Э, не бойся! Не перечь им, пусть они меня убьют, так надо. Ты одно только сделай: добудь мою печень и зарой ее в саду.

Аннетта долго плакала; но она ничего не могла поделать, пришлось ей примириться с тем, что ее черного барана зарезали. Мачеха и ее дочери угостились им на славу. Болезнь у мачехи словно рукой сняло, — теперь-то она была уверена, что насолила безответной падчерице. Злорадно попотчевала она девушку жарким из черного барана. Но ей жалко было дать Аннетте какой-нибудь лакомый кусок, и она отдала ей печень:

— На, возьми, хватит с тебя!

Аннетте только это и нужно было. Она сделала так, как ей велел баран, и на том месте, где она зарыла печень, выросло дерево. Оно было такое высокое, такое высокое, что, даже приставив к нему самую длинную лесенку, нельзя было добраться до ветвей, и такое гладкое, что ни один человек не мог взобраться по стволу хотя бы до половины. Прекрасные плоды, созревающие на нем, прельщали каждого, но приходилось только любоваться ими. Одна лишь Аннетта могла их срывать, потому что ветви сами склонялись для нее, и ни для кого другого.

Как-то раз проезжал в тех местах королевский сын и увидел эти прекрасные плоды. У него потекли слюнки — уж очень они ему показались заманчивыми, но никто не смог сорвать их. Однако королевскому сыну так сильно хотелось их отведать, что он дал слово взять в жены

дочь любого человека, который сумеет их добыть для него. Все отцы, все матери захотели попытать счастья; дочери и сами старались добраться до плодов. Но не тут-то было! Это никому не удавалось.

Мачеха Аннетты, лелеявшая для своих дочерей честолюбивые замыслы, решила, что она хитрее всех. Она заказала предлинную лестницу и приставила ее к дереву, но все же лестница на несколько футов не доходила до нижних веток. Мачеха залезла на самую последнюю ступеньку, поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до висевшего над ее головой плода, опрокинулась, упала навзничь и сломала себе шею. Тут и ей самой и всей ее злости пришел конец!

Этот случай отвадил всех честолюбцев — никто уже не пытался карабкаться по лестнице или взбираться по стволу. Однако принца томило такое сильное желание, что опасались, как бы он не заболел. Тут маленькая Аннетта соблаговолила сжалиться над ним. И едва только она приблизилась к дереву, ветки стали клониться, пока не пригнулись так низко, что она смогла их коснуться. Аннетта набрала полную корзину плодов и снесла больному принцу. Легко угадать, какая награда досталась ей за этот драгоценный подарок: она стала женой принца и жила с ним в счастье и довольстве до конца своих дней.

Вот и все.

9. КАК ЗВЕРИ СПРАВЛЯЛИ МАСЛЕНИЦУ

ного лет назад накануне масленицы собрались люди вечером посидеть и потолковать. Они говорили о том, что у них припасено вкусного к завтрашнему празднику.

— У нас есть, — хвастали одни, — откормленный баран; мы его зарежем.

Другие сказали:

— Мы съедим нашего гусака.

Кто-то молвил:

— У нас есть петух; мы им полакомимся.

А какие-то бедняки сказали:

— Как же нам-то быть? У нас ничего нет; мы съедим нашего кота, он очень жирный.

А кот лежал тут же и притворялся, будто спит. Он слышал весь разговор.

«Как бы не так! — подумал он. — Я сбегу!»

Он шмыгнул в лазейку и отправился к гусаку.

— Что ты делаешь? — спросил он гусака. — Спишь, что ли?

— Я и сам не разберу, что я делаю, — ответил гусак, — то ли сплю, то ли не сплю. Я здесь с моими гусынями.

— Если б ты знал то, что я знаю, — сказал кот, — ты не спал бы: тебя решили съесть на масленицу.

— Вот оно что! — сказал гусак. — Раз такое дело, я убегу. Подожди минутку, я надену свои сабо,¹ и мы пустимся в путь.

Они немедленно пошли к петуху.

— Что ты делаешь? — спросили они петуха. — Спишь, что ли?

— Я и сам не разберу, что я делаю, — ответил петух, — то ли сплю, то ли не сплю. Я здесь со своими курами.

— Уходи отсюда, если хочешь остаться в живых, — сказали они, — тебя решили съесть на масленицу.

— Ого! Раз такое дело, я ухожу. Подождите, я сейчас обуюсь и пойду с вами.

Они зашли за бараном.

— Что ты делаешь, баран? — спросили они его. — Спишь, что ли?

— Ах, я и сам не разберу, что я делаю, — ответил баран. — Лежу в навозе с моими овцами.

— Иди с нами, если хочешь остаться в живых, — сказали они ему. — Останешься здесь — тебя съедят на масленицу.

— Раз такое дело, — сказал баран, — идем! Я натяну сапоги и пойду с вами.

И вот они все четверо пустились в путь. Идут, отдохнут, опять идут.

Дорогой у них животы подводило от голода: им не попадалось ничего съестного. В придорожных канавах баран находил немного травы, он ее пощипывал; петух и гусак тоже пробавлялись травкой, — все лучше чем ничего; а бедному коту совсем ничего не попадало.

¹ Сабо — деревянные башмаки (франц.).

— Послушай, — сказали коту остальные звери, — ты ведь хорошо умеешь лазить; заберись-ка на дуб и посмотри, не видно ли где-нибудь огонька.

Кот взобрался на дерево и сказал:

— Я вижу огонек, но до него идти далеко, очень далеко!

Они пошли дальше и добрались до дома, откуда шел свет. Дом был ярко освещен, оттуда доносились пение, смех, адский шум, неистовый гомон. Сразу можно было догадаться, что там справляют масленицу.

Кот просунул морду под дверь и заглянул в комнату: он увидел льва, волка, лису и медведя, который на сковороде жарил мясо.

— Ах, — сказал кот, — нам не повезло. Я вижу льва, волка, лису и медведя, они справляют масленицу.

Все четыре больших зверя были навеселе: они забавляли друг друга рассказами и хвастались наперебой.

Медведь сказал:

— Здесь собрались четыре самых сильных зверя, какие только есть на свете!

Лев подхватил:

— Приди сюда сам дьявол, мы и его съедем!

Кот сказал своим спутникам:

— Если мы туда войдем, они всех нас съедят; попробуем их напугать. Спрячьтесь, а я влезу на дом и спущусь в трубу. Буду там шуметь что есть сил. Может быть, они испугаются и убегут; тогда нам удастся поесть, а то мы совсем отощали.

Он взобрался на черепицы — топ-топ-топ — и спустился в трубу, чертыхаясь и засыпав очаг сажей.

— Тише! — сказал медведь. — Кто это идет?

Четыре самых сильных зверя на свете не на шутку перепугались.

— Это, наверно, люди, худо нам придется! — молвил лев.

— Ты же, дурень, сказал, что если бы сам дьявол сюда пришел, мы бы его съели!

— Вот он идет, — сказал волк. — Бежим!

Они распахнули дверь и пустились наутек.

Тем временем кот успел подкрепиться куском мяса и крикнул остальным зверям:

— Они убрались! Идите скорее сюда!

Звери вбежали в дом. Лев, волк, лиса и медведь всего припасли для своего пиршества. Они только принялись за салат, когда их потревожили.

Тут каждый взял то, что ему было по вкусу. Гусак, примостившись на очаге, стал улетать салат, кот присоседился к мясу, баран разыскал сено, а петух клевал хлеб.

Когда они наконец насытились, кот сказал им:

— Это еще не все: нам нужно спрятаться. Те звери недолго нам дадут пировать. Они вернуться, чтобы узнать, кто их напугал; не годится, чтобы они застали нас тут.

Сказано — сделано. Кот зарылся в груды пепла, гусак притаился у очага, баран залез в ящик для дров, а петух забрался на шесток.

Вдруг четыре малых зверя услышали, что те, большие, подошли к дому и, подталкивая друг друга, говорят промеж себя:

— Войди ты первым! Войди ты первым!

Но никто из них не решался войти. В конце концов им удалось вытолкнуть волка вперед.

— Ты ведь не трусливого десятка, дойди до очага и вздуй огонь. Мы увидим, кто нас напугал.

Волк вошел мелкими шажками. Ему было страшно. Видя, что он приближается, кот широко раскрыл пасть и выпустил когти. Когда волк вплотную подошел к очагу, кот вцепился ему в морду и всю ее изранил своими острыми когтями. Волк опрометью выбежал из дому.

— Ах вы, разбойники! — вскричал он. — Хорошо меня по вашей милости изукрасили! Знаете, кто нас напугал? Чесальщик шерсти. Я его там застал. Он дважды хватил меня чесалкой по лицу, сначала справа, потом слева.

Тогда звери сказали медведю:

— Ты ведь мастер играть дубинкой, тебе бояться нечего. Ступай! Подойди к ящику для дров. Возьми там полено: ты обшаришь в доме все закоулки и проучишь тех, кого найдешь там.

Медведь пошел. Видя, что он приближается, баран изготовился, и когда медведь подошел к нему вплотную, баран бросился на него, повалил его посреди комнаты и сломал ему два ребра.

Придя в себя, медведь кое-как выбрался из дому.

— Злодеи! — сказал он другим зверям. — Хорошо меня отделали по вашей милости. В дровах притаился

дровосек, он меня так огрел палкой, что сломал мне четыре ребра, если не все пять.

После этого звери сказали лисе:

— Ты ведь очень проворная, войди потихоньку и унеси жбан с вином, который стоит у очага; мы, по крайней мере, выпьем, это нас подбодрит.

Лиса осторожно прокралась в дом.

Как только она приблизилась, гусак давай шипеть — цс-цс-цс... Лисица опрометью выскочила назад, за дверь.

— Ах, друзья мои! — молвила она. — Вот я и вернулась! Счастье, что я такая проворная! В доме засел охотник, он, чего доброго, натравил бы на меня десяток собак.

Тут все три зверя напустились на льва:

— Эй ты, лежебока, ты ничего еще не сделал! Пойди хоть дверь закрой!

Лев нехотя подошел к двери. Петух, сидевший на шестке и наклепавший помета целую мерку, если не больше, сбросил его на голову льву. Тот мигом попятился.

— Ах, дьяволы, — молвил он, — хорошо же со мной по вашей милости разделались! Всего измарали! В дом, видно, забрался лекарь, он швырнул мне на голову пластырь, который, ей-ей, здорово пахнет!

Встретив такой отпор, четыре больших зверя ушли прочь. Так четыре малых зверя обратили в бегство четырех больших.

10. КУРТИЙОН - КУРТИЙЕТ

Некогда жил в огромном лесу бедный дровосек. Летом он помогал крестьянам из окрестных деревень рубить лес, и ему жилось неплохо. Зато зимой дровосеку приходилось туго. Ему только и оставалось, что собирать хворост, а потом продавать его за бесценок в соседних деревнях.

И часто, слишком даже часто, бывало так, что бедный дровосек не мог раздобыть хлеба для себя и своей семьи, состоявшей из жены, двух мальчигов двенадцати и тринадцати лет, девочки по имени Мари и собаки. Собаку звали Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет — такое длинное имя дала ей одна старая колдунья, жившая поблизости. И — удивительная вещь! — с тех пор, как старуха

побывала у дровосека, собака начала разговаривать совсем как мы с вами и нередко вмешивалась в беседу.

И вот зимой, к тому времени, когда хлопья снега на деревьях лежали уже месяца полтора, в лачуге у дровосека не осталось ни куска хлеба. Дровосек пытался просить хлеба у крестьян, но ничего из этого не вышло, и он увидел, что ему с детьми суждено умереть голодной смертью.

Вечером, когда дети легли спать, а Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет дремала возле печки, дровосек сказал жене:

— Бедная моя Катрина, мы с утра сидим без хлеба, и, наверно, мне его не раздобыть. Несчастные дети умрут с голоду на наших глазах, а я не в силах смотреть на их мучения. Я думал об этом весь день, и вот что придумал: завтра с самого утра возьмем наших сыновей и дочку в лес, будто бы для того, чтобы собирать хворост, заведем их далеко-далеко и там оставим. Они, разумеется, умрут, но мы хоть не увидим, как они погибнут от голода. Ты согласна?

— Очень мне тяжело, Пьер, но что поделаешь? Ничего другого нам не остается.

— Значит, решено. Подождем до утра, а сейчас пора спать.

Пьер и Катрина легли спать. Но Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет не пропустила ни одного слова из их разговора.

Как только дровосек с женой уснули, она потихоньку подошла к кровати, на которой спали дети, разбудила их и рассказала обо всем, что слышала. Бедняжки залились слезами.

— Успокойтесь и не будите ваших родителей, иначе все пропало. Вот что нужно сделать. В шкафу, на дне мешка, есть еще немного гороха. Пусть кто-нибудь из вас потихоньку возьмет его и завтра незаметно бросает горошины на землю. По этим горошинам мы легко найдем дорогу домой.

Дети обещали сделать все так, как им сказала умная собака, и опять уснули. На следующее утро дровосек разбудил их:

— Вставайте, дети, в доме не осталось ни вязанки хвороста, надо нам сходить в лес.

Дети встали и пошли с родителями в лес, но время от времени они бросали на землю несколько сухих горошин,

чтобы отметить обратный путь. К вечеру Пьер и Катрина скрылись, оставив обоих мальчиков и девочку вдалеке от дома. Дети заплакали.

— Не плачьте, — сказала собака, — мы проведем в лесу только одну ночь. Завтра утром я непременно отыщу лачугу ваших родителей. Ложитесь на мох, а я постерегу вас.

Дети улеглись на мох, а Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет так хорошо стерегла их, что ни волки, ни лисицы не осмелились и подойти к спящим малышам. Когда настало утро, дети проснулись и горячо поблагодарили своего верного сторожа.

— Теперь, — сказала Куртийон-Куртийет, — идите за мной и не сбивайтесь с пути.

И собака без всякого труда нашла дорогу к дому дровосека. Они добрались туда в полдень. Было как раз время обеда. Какой-то крестьянин, который должен был Пьеру немного денег, вернул долг, и Катрина сварила вкусный суп.

— Бедные наши дети! — плача, приговаривала она. — Если бы они были дома, уж как бы они обрадовались такому вкусному супу!

— Да, бедные наши дети! И бедная Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет, которая ушла с ними! Плохо мы сделали, что бросили их в лесу. Наверное, их съели волки.

И дровосек тоже заплакал.

«Тук-тук-тук!»

— Мама, папа! Вот мы и пришли из лесу. Мы очень голодны. — Это вернулись оба мальчика, девочка и Куртийон-Куртийет.

Вот обрадовались Пьер и Катрина!

На беду, денег хватило ненадолго. Зима становилась все злее, и Пьер снова решил отвести детей в лес. Но умная собака опять узнала про этот замысел и предупредила своих маленьких друзей.

На следующее утро дровосек с женой, детьми и собакой снова отправился в лес за хворостом.

Старший из мальчиков незаметно бросал на землю крошки творога, так как дома больше ничего не нашлось.

Вечером Пьер с женой скрылись, и дети легли спать под открытым небом, охраняемые Куртийон-Куртийет.

Всю ночь шел дождь, и назавтра Куртийон-Куртийет не смогла отыскать дорогу к лачуге дровосека, потому что

дождем смыло весь творог, который дети разбросали накануне.

— Что нам делать, что делать? — плача, повторяли бедняжки.

— Попытаемся выбраться из лесу, — отвечала собака.

Так они и сделали. Им все время казалось, что лес уже кончается, но на самом деле они только углублялись в него. Настал вечер, а они по-прежнему блуждали в чаще.

— Не можем же мы все время ходить по лесу, — сказала собака. — Жан, влезь на эту высокую ель, заберись как можно выше и посмотри, не видно ли где-нибудь огонька.

Жан влез на дерево, но ничего не увидел.

— Теперь твоя очередь, Пьер, — сказала Куртийон-Куртийет.

Но Пьер тоже ничего не увидел.

— Погляди теперь ты, Мари.

Девочка взобралась на самую верхушку ели.

— Что ты видишь? — крикнула ей собака.

— Я вижу с правой стороны большое замерзшее болото.

— А слева?

— Замерзший пруд.

— А прямо перед тобой?

— Огромный замок, где во всех окнах горят огни.

— Хорошо. Теперь слезай, Мари.

Девочка слезла. Куртийон-Куртийет побежала вперед, а следом за нею пошли дети. Через час они добрались до замка.

«Тук-тук-тук!»

— Кто вы такие? — спросила старуха, которая открыла им дверь.

— Мы — трое маленьких заблудившихся детей, и мы просим у вас пристанища на ночь.

— Разве вы не знаете, что это замок дьявола и что дьявол съедает всех, кто сюда приходит?

— Все равно! Мы озябли и проголодались.

— Что ж, входите.

Старуха не хотела впускать собаку, но маленькая Мари так упрашивала, что пришлось пустить и Куртийон-Куртийет.

Дети с удовольствием съели вкусный ужин, поданный женой дьявола. Потом они улеглись на кровать, кото-

рую она им указала, но сперва старуха заставила их надеть соломенные ожерелья. Куртийон-Куртийет спряталась под кроватью.

В этой же комнате спали три дочери дьявола, но на них были надеты прекрасные золотые ожерелья.

Вскоре вернулся дьявол.

— Здесь пахнет сырым мясом, — сказал он жене.

— Да нет, это просто кошка окотилась.

— Ты лжешь! Здесь пахнет человеческим духом.

И дьявол стал шарить по всему дому. Он нашел малышек, которые притворились спящими.

— Вот хорошо! Сейчас затоплю печь и поставлю жаркое на угли. Утром у меня будет отличный завтрак.

Старуха легла спать, а дьявол затопил печь.

Куртийон-Куртийет не теряла времени даром. Она велела детям снять соломенные ожерелья и надеть их на дочерей дьявола, а себе взять золотые. Так они и сделали.

Когда печь накалилась, дьявол вернулся в комнату, где спали дети, и подошел к их кровати. Он провел рукой по шее маленькой Мари и нащупал золотое ожерелье.

— Я совсем одурел! — проворчал он. — Чуть было не изжарил собственных дочерей! Должно быть, я опшибся кроватью.

И он подошел к кровати, где спали его дочки. Нащупав соломенные ожерелья, он взял девочек под мышку и понес их жарить.

— Но ведь мы твои маленькие дочки! — кричали они, заливаясь слезами.

— А ну, замолчите! Что я, по-вашему, добра от худа не могу отличить?

Он сунул их в печь, а сам лег спать.

Когда Куртийон-Куртийет услышала, что дьявол храпел, она разбудила детей и велела им взять все золото, какое только было в замке. Дети не заставили себя дважды просить.

— Теперь слушайте. Забирайтесь все трое ко мне на спину, и мы живо удерем от этого гадкого дьявола. Только смотрите не свалитесь.

Первой на спину собаки уселась девочка, потом оба мальчика; Куртийон-Куртийет выпрыгнула из окна и помчалась по полям.

Долго она бежала, и вот наступило утро.

Дьявол, проснувшись, захотел поцеловать дочерей и тут только увидел, что он наделал.

Он стал браниться, как церковный сторож, и поклялся отомстить детям. Он запряг черепаху, быстрюю как ветер, и поскакал вдогонку. Спустя немного времени он увидел их вдалеке.

— На этот раз я их поймаю! Уж они у меня попляшут! — прорычал дьявол.

Но Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет обернулась и увидела дьявола. Не долго думая она сказала:

— Пусть дети превратятся в прачек, а я — в большую реку.

И сразу же по полю потекла широкая река, а на берегу оказались три прачки.

Прискакал дьявол.

— Не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет с тремя детьми на спине?

— Убирайся вон, гадкий дьявол! Мы тебя проучим за твои насмешки над нами!

Дьявол свернул на другую дорогу, а собака с детьми еще быстрее помчалась дальше.

Злой дьявол, не найдя тех, кого он искал, сообразил наконец, что они превратились в реку и прачек, и слова направил черепаху в ту сторону.

Но, прискакав туда, он увидел только большое поле клевера, стадо баранов, пастуха и собаку.

— Пастух, не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет с тремя детьми?

— Куртийон-Куртийет? Ты что, смеешься надо мной? погоди, дрянной дьявол, вот я тебя проучу палкой!

«Пойду по дороге направо. Должно быть, они побежали по ней», — решил дьявол.

Только он скрылся из виду, как собака опять велела детям взобраться к ней на спину и побежала дальше. Но не тут-то было.

— Вот снова дьявол скачет на своей черепахе. Теперь пусть я стану лугом, Жано и Пьеро — коровами, а маленькая Мари — пастушкой.

Тут появился дьявол, злющий-презлющий.

— Эй, пастушка, не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет с девочкой и двумя мальчиками?

— Ах ты, негодный дьявол! А зачем они тебе?

— Я хочу их съесть. Видела ты их?

— Как же, как же! Они только что переплыли реку.

— Спасибо, пастушка.

Дьявол поскакал к реке, но черепаха не захотела переплывать на другой берег.

— Что ж, переберусь иначе.

Увидев на лугу большой кусок полотна, который крестьяне положили белить, он бросил его на воду и хотел пройти по нему как по мосту. Но полотно разорвалось, и дьявол утонул.

— Теперь вернемся к вашим родителям, — сказала умная собака.

И она в один миг примчала детей домой. Дровосек и его жена умирали с голоду. Они тоже взобрались на спину к Куртийон-Куртийет, отправились с детьми в замок дьявола и стали там жить да поживать. Жена дьявола как в воду канула.

Много было разговоров о счастье и богатстве, которые достались на долю Пьера-дровосека и его семьи!

11. СКАЗКА О ВОЛКЕ, КОТОРЫЙ НАШЕЛ КУСОК САЛА

Однажды волк пошел гулять. Дорогой он нашел кусок сала. В ту пору волк не был голоден; он обнюхал сало, потрогал его лапой и сказал:

— Я бы тебя, пожалуй, съел, да уж очень ты соленое.

Оставил волк сало и пошел дальше. Когда ему захотелось есть, он уже ничего не нашел.

«Ну и дурак же я, — подумал он, — ах, если б я вовремя догадался съесть тот кусок сала! Да теперь уж этого не воротить».

Спустя немного времени он встретил свинью с целым выводком поросят и сказал ей:

— Послушай-ка, я съем одного из твоих поросят, уж очень я голоден.

— Одного, так и быть, ты можешь съесть, — ответила свинья, — но мои малыши некрещенные. Нельзя же их

есть, не окрестивши. Пойдем к пруду, там возьмем воду для крещения.

Дойдя до пруда, свинья сказала волку:

— Поймай какого-нибудь из малышей!

А когда они изловили поросенка, она сказала:

— Зачерпни лапой воды!

Как только волк нагнулся, чтобы набрать воды, она что было мочи толкнула его рылом; волк скатился в пруд. Пока он там барахтался, свинья и поросята убежали.

А бедный волк все вспоминал о том куске сала: «Ну и дурак же я, что не съел его, когда нашел!»

Пошел волк дальше и увидел на лугу баранов. Он сказал им:

— Эй вы, бараны! Уж как вы хотите, но одного из вас я должен съесть, я очень голоден!

— Ладно, одного из нас можешь съесть, — молвили бараны, — но сперва мы должны отслужить вечерню.

Бараны сбились в кучу и принялись блеять изо всех сил. Люди, что были приставлены их стеречь, подумали: «Почему это наши бараны сбились в кучу?» Они заметили волка и прогнали его.

Волк подошел к стаду коров, за которыми шли телята и телки. Он сказал коровам:

— Послушайте-ка, я должен съесть хоть одного теленка из вашего стада, уж очень я голоден!

— Ладно, бедняга, — сказали коровы, — так и быть, ешь его; но сперва мы должны поплясать. — И коровы мигом собрались в кружок, а телят и телок поместили посредине.

— А теперь возьми-ка теленка, — сказали они волку.

Как только волк пытался приблизиться, они выставляли рога вперед. Они бы его забодали насмерть. Опять пришлось волку уйти голодным.

«Ах, — твердил он себе, — какой я несчастный! Если б я вовремя догадался съесть тот кусок сала! Я подохну с голоду».

Он пошел на луг, где паслась кобыла с жеребенком. Волк сказал кобыле:

— Уж очень я голоден! Придется мне съесть твоего жеребенка!

— Ладно, волк, — сказала кобыла, — ты его получишь, но он не подкован. Я не могу отдать его тебе на съедение, прежде чем я его не подкую.

Она попросила волка взять жеребенка за ногу, чтобы ей было удобней его подковать, а жеребенок хватил волка копытом и сломал ему челюсть.

Совсем приунывши, бедный волк расположился под дубом, на котором сидел человек и обрубал засохшие ветви. Волк громко сетовал на все свои злоключения.

— Какой я несчастный! — причитал он. — Я нашел кусок сала — и не догадался его съесть. Встретил свинью с поросятами — и по глупости ни одного из них не сумел добыть. Набрел на баранов: они сказали, что хотят сперва отслужить вечерню; я согласился подождать — и ни один из них мне не достался. Попалось мне стадо коров. Они захотели поплясать, прежде чем отдать мне теленка. Повстречал кобылу, — она вздумала подковать своего жеребенка, а он сломал мне челюсть. Не хватает только, чтобы меня громом убило.

В это время человек, сидевший на дубе и слушавший все, что говорил волк, уронил топор; тут волку конец пришел.

12. РОПИКЕ

В давние времена жила одна женщина. Раз сбралась она отдать свою пряжу в работу ткачу, но когда она кончала сучить нитки, в дом вошел дьявол и сказал:

— Здравствуйте, хозяйка!

— Здравствуйте, сударь!

— Если хотите, я буду даром ткать для вас, но с одним условием: вы должны угадать мое имя.

— Охотно, — ответила женщина. — Может быть, ваше имя Жан?

— Нет, милейшая.

— А может статься — Клод?

— Нет.

— Значит, Франсуа?

— Нет, нет, добрая женщина, вам, видно, до этого не додуматься. Но запомните: если угадаете, я даром сотку вам полотно.

Женщина перебрала все имена, какие только ей приходили на ум, но так и не сумела напасть на имя дьявола. Наконец тот сказал:

— Я ухожу; через два часа я принесу сотканное полотно; если вы к этому сроку не угадаете имени, полотно мое.

Когда дьявол ушел, женщина отправилась в лес за хворостом. Она остановилась возле высокого дуба и принялась подбирать валежник. А дьявол сидел как раз на том дереве — он усердно ткал и все стучал да стучал станом, а вокруг него вертелись дьяволята, его подручные. Дьявол ткал и приговаривал:

— Тики-так, тики-так!
Зовут-то меня Ропике, Ропике.
Знала бы пряха, как меня звать,
Она бы от радости стала плясать.

Женщина взглянула наверх и узнала своего гостя. Она поспешно записала на своем деревянном башмаке имя, которое только что услышала, и дорогой все твердила: «Ропике, Ропике». Едва она успела прийти домой, как явился дьявол.

— Вот ваше полотно, — сказал он. — Ну что, теперь вы догадались, как меня зовут?

— А не зовут ли вас Эженом?

— Нет, нет.

— Может быть, Эмилем?

— Опять не то.

— А может статься, ваше имя — Ропике?

— Ай! — завизжал дьявол. — Если бы ты сама не побывала под деревом, ты бы никогда не узнала!

И он пустился бежать в лес, страшно рыча и опрокидывая на пути деревья.

А я о ту пору на дубе сидел, только спрыгнуть с него успел и домой едва поспел.

ил однажды старик, такой бедный, что у него, кроме одного боба, ничего больше не было. Посадил старик этот боб в своем огороде и каждый день наведывался к нему, чтобы посмотреть, растет ли он.

Вот старик и говорит бобу:

— Расти скорее, чтоб я мог добраться до рая и поискать там хлеба.

— Я вырасту этой ночью на двадцать футов, — ответил боб.

Наутро старик встал на рассвете и побежал в огород взглянуть на боб.

— Ох, — воскликнул он, — как же ты вырос!

— Этой ночью я вырасту еще больше, — ответил боб.

— Поторопись, — сказал старик, — очень уж нужно мне добраться до небесных ворот, авось мне там подадут хлеба.

Через день он снова зашел в свой огород, поглядел на боб и воскликнул:

— Ну вот, скоро конец моей нищете! Тебе уж немного осталось до неба, ты этой ночью славно вырос. Поторопись, расти еще выше, а чтобы дело шло скорее, тебе надо расти и днем.

— Нет, — ответил боб, — я могу расти только по ночам. Но через двое суток я вырасту до неба.

Старик слышал много толков о святом Петре, и ему не терпелось повидать его.

— Говорят, — сказал он, — что этот святой очень добрый. У него ключи от рая, и если мне удастся туда добраться, я попрошу открыть мне ворота или дать хлеба.

На следующий день боб еще больше вырос — так вырос, что верхушки не стало видно.

— Думается мне, — сказал старик, — что ты уже достаточно высок.

— Нет еще, — ответил боб, — потерпи один день и одну ночь.

С утра старик побежал в огород и сказал:

— Ну, теперь пора отправляться в путь. Можно мне влезть на тебя, мой добрый боб?

— Да, — ответил боб, — полезай, если хочешь.

Старик обхватил руками бобовый ствол, который был толщиной в дуб, и стал карабкаться наверх, словно матрос, взбирающийся по мачте корабля.

Наконец он добрался до ворот рая, где увидел человека весьма почтенной наружности. Старик, не подозревая, с кем говорит, спросил его:

— Здесь ли ворота рая, сударь?

— Я вам не сударь, — ответил святой Петр сурово.

— Простите, — сказал старик, — я не хотел вас этим словом обидеть. А как же вас звать?

— Я святой Петр.

— Вот оно что! Значит, это у вас ключи от рая?

— Да, у меня. Не собираешься ли ты, чего доброго, войти туда?

— Нет, я пришел только попросить у вас кусок хлеба.

— Неужто на земле хлеба не хватает, что ты вздумал искать его на небе?

— Нет, хлеб там еще водится, только никто не хочет мне уделить ни кусочка. Люди раньше были милосерднее. Я думал, что хоть здесь достану немного хлебца.

— Как ты забрался сюда, — спросил святой Петр, — и кто тебя так высоко посадил?

— Я вскарабкался вверх по бобу, который вырастил у себя в огороде.

— Черт побери, — ворчливо сказал святой Петр, — если ты такой чудотворец, что можешь заставить боб расти до неба, значит тебе и хлеба нетрудно себе раздобыть.

— Ох, нет, не могу. Никто не дает. Будьте милосердны, подайте, бога ради.

— Слушай, — сказал святой Петр, — вот тебе осел. Если тебе что-нибудь понадобится, погладь его по спине и скажи: «Делай экую, делай экую».

Старик низко поклонился святому Петру, сел на осла и спустился вниз по бобовому стволу. Все время он поглаживал ослика по спине и повторял: «Делай экую, делай экую».

Оказавшись на земле, старик увидал рядом с бобом целую кучу экую. Он собрал их и сказал, потирая руки:

— Теперь я разбогател.

Но вместо того, чтобы сидеть дома с женой, он поспешил в трактир, поставил осла в стойло и заказал себе обильный ужин.

Трактирщик сказал ему, что не подобает такому бедняку, как он, тратить столько денег.

— Ничего, — ответил старик и хлопнул себя по карману, — я могу себе это позволить, потому что мой осел доставит мне столько денег, сколько я пожелаю. Для этого мне надо лишь погладить его по спинке и сказать: «Делай эю».

Пока он угощался, трактирщик украл его осла и подменил другим, очень на него похожим. Напрасно теперь старик поглаживал ослика и во всю глотку кричал: «Делай эю, делай эю!» — денег он больше не получал.

Старик, уже решивший, что будет богачом до конца своей жизни, стал таким же бедняком, каким был раньше. Вначале он очень горевал, потом подумал:

«Надо пойти посмотреть, остался ли в огороде мой боб. Ведь я снова могу пробраться к воротам рая».

Увидав, что верхушка боба по-прежнему теряется в небе, он подпрыгнул от радости и вторично вскарабкался по стволу на небо. Представ перед святым Петром, он сказал ему:

— Здравствуйте, сударь святой Петр.

— Здравствуй, старичок. Опять пришел?

— Да, — ответил он, — у меня украли осла, которого вы мне подарили.

— Оттого, что ты пошел в трактир! Если бы ты оставил осла дома, его никто бы не забрал.

— Смилуйтесь надо мною, Христа ради, подарите мне еще что-нибудь.

Но святой Петр был не в духе, не хотел ничего подавать и говорил, что старик слишком много шатается по трактирам.

— Смилуйтесь, святой Петр, — твердил старик, — не откажите! У нас все говорят, что вы очень милосердны и что вы самый покладистый из всех апостолов. Смилуйтесь надо мной!

Святой Петр, выведенный из терпенья такой назойливостью, сказал:

— Не люблю я, когда мне льстят, но, чтобы отвязаться от тебя, дам тебе кое-что. Гляди, вот скатерть; когда захочешь есть, накрой ею стол и только скажи: «Хлеба и вина!» — все будет подано. Но смотри не вздумай снова завернуть в трактир.

— Что вы! — ответил старик, пряча в карман скатерть. — Как же я могу обещать вам не ходить туда!

Спустившись на землю, старик сказал жене:

— Накрой стол этой скатертью, будешь иметь еды сколько пожелаешь.

Они накрыли скатертью стол и только промолвили: «Хлеба и вина!», как на столе все появилось.

Муж и жена были очень рады, что наелись досыта.

— Вот мы снова живем в довольстве, — сказала жена. — Так оно может продолжаться очень долго, если ты сумеешь сохранить у себя скатерть. Но где ж тебе удержаться, ты опять начнешь болтать языком и хватать!

— Посмотрел бы я на хитреца, которому удалось бы украсть у меня эту скатерть! — сказал старик.

Но он не мог отделаться от привычки заходить в трактир, людей послушать и самому кое-что порассказать. Пошел он туда однажды и засиделся, а хозяйка ему и говорит:

— Уж лучше бы ты, убогий человек, работал и на хлеб себе зарабатывать, чем тут целый день торчать.

— Больше мне и делать нечего, как на хлеб зарабатывать! — воскликнул он. — Осла у меня, правда, украли, зато у меня есть скатерть. Стоит только крикнуть: «Хлеба и вина!», как все появляется.

«Я забрал у него осла, нужно мне стащить у него скатерть», — решил трактирщик. И ему удалось украсть у бедняка скатерть, подаренную святым Петром, и подменить ее другой, совсем такой же.

Опечалился старик, стал горевать, а потом подумал:

«Если боб и сейчас такой же высокий, как прежде, я снова доберусь до ворот рая. Может, я и надоед святому Петру, но все-таки попробуем».

Он влез в третий раз на небо и говорит:

— Здравствуйте, сударь святой Петр.

— Опять ты здесь?

— Что подделаешь, меня опять обокрали.

— Потому что ты снова пошел в трактир. А ведь я предупреждал тебя!

— Это верно, — ответил старик, — но я не могу удержаться, чтоб туда не ходить, ведь я уж говорил вам.

— Сегодня ничего не могу тебе дать, кроме этой дубинки.

— А на что она мне сдалась? Разве что, с вашего позволения, бить собак по морде, когда я захожу во двор просить милостыню!

— А в ваших краях бьют собак по морде? — спросил святой Петр.

— Конечно, когда бедняк подходит к гумну, собаки со всей фермы набрасываются на него с лаем и скалят клыки. Тут их бьют по разинутой пасти, чтоб отогнать.

— Нет у меня для тебя ничего, кроме этой дубинки. Проваливай вместе с ней!

— А что мне делать с этой деревяшкой, сударь святой Петр?

— Прикажешь ей выполнить свою обязанность.

Вернувшись к себе домой, старик решил посмотреть, что умеет делать дубинка, и сказал:

— Выполняй свою обязанность!

Тут на спину старика и его жены посыпался такой град ударов, что они не знали, куда деваться, и только голосили благим матом. Наконец старик догадался крикнуть: «Дубинка, остановись!» — и дубинка успокоилась.

Старик подумал:

«Буду повсюду носить эту дубинку с собой и если встречу того, кто украл у меня осла и скатерть, то прикажу дубинке отколотить его».

Он пошел в трактир, где хозяин с хозяйкой стали называть его простофилей и даже смеялись над ним, как это он дважды позволил так глупо ограбить себя.

Старик, у которого они давно были на примете, сказал:

— Дубинка, выполняй свою обязанность, колоти тех, кто меня обокрал, пока они не вернут все, что забрали!

Дубинка выскочила из рук старика, замелькала в воздухе и с такой силой начала колотить трактирщика и его жену, что они сразу же покрылись синяками. Тут они взмолились о пощаде и стали клясться, что вернут все обратно.

— Дубинка, остановись! — крикнул старик. И, со скатертью в кармане, вышел из трактира и сел на своего осла.

Теперь у него была скатерть, кормившая его, осел, делавший деньги, и дубинка, чтоб их уберечь.

одного бедняка были три козы. Летом и осенью он выгонял их в поле или на опушку леса, где они кое-как находили себе пищу. Но когда наступила зима, крестьянину пришлось продать двух коз. Он оставил только самую маленькую и привязал ее в своем саду к изгороди. Каждый день он приносил ей немного хлеба, чтобы она не умерла с голоду.

Коза рада была бы освободиться и побежать в соседний лесок — там она видела зеленые ели и думала, что на них растет сочная, нежная трава. Вот она и решила убежать при первом удобном случае. В один прекрасный день она перегрызла свою привязь и перескочила через изгородь, отделявшую ее от лесочка. То-то было козе раздолье резвиться на свободе и щипать остатки травы, которую пощадили ранние заморозки!

На беду заметил ее кум лис и пошел к волку с вестью:

— Коза дядюшки Матье убежала. Хочешь съесть ее?

— Еще бы! Вот уж целых два дня, как у меня маковой росинки во рту не было. Где она? Я готов.

— Мы разделим скотинку?

— Да, да, само собой.

Кум лис и кум волк набросились на козочку и загрызли ее.

— Мы ее сейчас же и съедем, — сказал волк.

— Нет, — ответил лис, — пойдем раньше к тебе и сварим ее. Это будет куда вкуснее. Мы приготовим чудесный суп.

— Верно ты говоришь, кум лис.

Волк и лис спесли козу к волку в дом. Разожгли огонь в очаге; кум волк принес воды из колодца, налил в котел и принялся варить козу дядюшки Матье. Суп закипел — пришло время снимать с него пену.

— Возьми шумовку, кум лис, и сними с супа пену.

— Возьми лучше сам, я что-то плохо вижу.

Волк взял шумовку и стал снимать пену с супа. Тогда кум лис схватил кума волка за хвост, бросил его в кипящий суп и, решив, что волк издох, ушел очень довольный. Но не тут-то было. Волк вылез из котла, и не прошло и недели, как он снова был жив и здоров.

«Ну, — думал он, — если мне только попадется этот подлый лис, он мне дорого заплатит за все!»

Тут лис как раз проходил мимо него.

— Стой, дружище лис! Ты меня бросил в котел, а я тебя съем.

— За что же? Я ведь не был голоден и хотел только, чтобы весь суп достался одному тебе.

— Ну, прости, коли так, и дай лапу!

— Охотно! И чтобы доказать мою дружбу, поведаю тебе, что здесь неподалеку пасется другая коза, куда жирнее первой. Бежим скорее, поймаем ее и сварим.

— Хорошо, но ты меня больше не бросишь в суп?

— Нет, клянусь тебе!

Козу поймали и стали варить, и на этот раз снова кум волк оказался в котле и снова выскочил из него.

Через две недели опять встретил он лиса.

— На этот раз я тебя загрызу, кум лис!

— За что же, дружище волк?

— За то, что ты бросил меня в котел.

— Я, знаешь, думал о своей больной жене и забыл о нашем условии.

— А ты не врешь? Раз так, давай помиримся.

— Хорошо, тем более что здесь неподалеку бродит прекрасная коза.

И третью козу утащили они и стали ее варить. И снова волк попал в котел.

Но когда лис после этого встретил волка, он не на шутку испугался. Он хотел было убежать, да кум волк поймал его и уже приготовился съесть.

— Так и быть, ешь меня, кум волк, но я хотел бы перед смертью сходить к обедне.

— А что ты там будешь делать?

— Буду просить бога, чтобы он пустил меня в рай.

— Изволь, в этом я тебе не откажу.

Волк и лис побежали в деревню и вошли в церковь.

— Ох, кум волк, здесь нет звонарей, чтобы возвестить о моем покаянии. Может быть, ты позвонишь в колокола?

— Я готов, но не умею дергать веревку.

— Ничего, я прикручу тебе веревку к хвосту, а ты будешь прыгать взад и вперед, вот так.

Тут лис привязал веревку к хвосту волка, раскачал хорошенько колокола, а потом бросил все и ушел.

Несчастный волк, привязанный за хвост к колоколам, то взлетал на пятнадцать футов вверх, то падал вниз и больно ушибался об землю. Так качался он минут пять.

А потом колокола остановились, волк перегрыз веревку и бросился в погоню за лисом. Нашел он его под кусточком.

— А, вот ты где, кум лис! Пойди-ка сюда, я тебя съем!

— Не можешь ли ты потерпеть немножко? Мы дошли бы до моего дома, чтобы я успел сделать завещание и в последний раз поцеловал жену и детей.

— Так и быть, но поторанивайся!

Подошли они к дому лиса.

— Не входи, кум волк, жена моя при смерти, ты ее так напугаешь, что она тут же умрет.

— Хорошо, я подожду у порога.

Кум лис закрыл на засов дверь дома и решил, что он спасен. Но волк влез на крышу и стал бросать кирпичи в трубу.

— Спасибо, дружище волк, за кирпичи, — я обнесу мой садик стеной.

Волк набрал в реке воды и стал лить ее в трубу.

— Спасибо, дружище волк, за воду, — я бежал сломя голову и умираю от жажды!

Тут волк решил сжечь дом и запустил в лиса горячей головней. Но лис продолжал кричать:

— Спасибо, дружище волк, за огонь! О-хо-хо! Мне так холодно, а в доме нет дров. Влезай-ка и сам ко мне через трубу.

Кум волк полез в трубу, а хитрый лис сунул его в очаг, зажарил на вертеле и съел.

15. ПРИНЦЕССА - МЫШКА

Слушайте все, кому охота,
Славную сказочку вам расскажу.
В сказочке этой нет вранья,
А если есть, так слова два.

ил-был когда-то один французский король. Дожил он до старости, а детей у него не было, и он об этом очень горевал.

Наконец, когда король и королева уже перестали надеяться, королева родила дочь, и по случаю рождения принцессы при дворе много пировали и веселились.

Но одну старую волшебницу, которая жила в ближнем лесу, не пригласили на праздник, и она из мести задумала превратить принцессу в мышку. Принцесса должна была оставаться мышкой, пока кто-нибудь не рассмешит сестру волшебницы, которую никто никогда не видел смеющейся.

Вот однажды, когда кормилица во дворце кормила ребенка, все вдруг услышали ее крик:

— О боже! Принцесса превратилась в мышку и выскользнула у меня из рук!

— Какое несчастье! — воскликнул король. — Но такова, видно, воля божья, и надо ей покориться.

Прошло немного времени, началась война между королем французским и королем испанским. Французский король уже сидел на коне во дворе своего замка и готовился выступить в поход, как вдруг увидел свою дочь-мышку — за ней во дворце ухаживали и окружали ее заботами. Она подбежала к нему и сказала:

— Я хочу ехать с вами на войну, отец.

— Но что ты будешь там делать в таком виде, бедное мое дитя?

— Не бойтесь ничего и возьмите меня с собой. Посадите меня в ухо вашему коню, и едем.

Король посадил мышку своему коню в ухо, и они пустились в путь.

Когда французы были уже на поле битвы и готовились сразиться с неприятелем, вдруг раздалось дивное пение, и обе армии остановились, чтобы послушать его.

— Какая чудная песня! — воскликнул сын испанского короля. — Но откуда она слышится? Я непременно хочу это узнать.

От звуков этой песни солдатам обеих армий захотелось обнять друг друга, вместо того чтобы сражаться.

Сын испанского короля подъехал к королю французов и спросил у него:

— Государь, что это за пение и откуда оно слышится?

— Это поет моя дочь, — ответил король.

— Ваша дочь? Но где же она?

— Здесь, подле меня, в левом ухе моего коня.

— Вы смеетесь надо мной?

— Ничуть. Я сказал вам правду.

— Ну, хорошо. Если вы согласны отдать ее мне в жены, война между нами кончена.

— Как, вы хотите жениться на мышке?

— Ваша дочь — мышка?! Все равно, женюсь, если она согласится.

— Я согласна, отец, — послешила ответить мышка.

И вот война прекратилась, сыграли свадьбу, и обе армии, вместо того чтобы кинуться друг на друга, пировали и веселились целую неделю и братались за стаканом вина.

У короля Испании было еще два сына, уже женатых: один был женат на дочери португальского короля, другой — на дочери короля турецкого. Вот раз отец призывает всех троих и говорит, что он решил отдать корону старшему сыну и уйти на покой.

— Мне думается, отец, — промолвил средний сын, — что было бы справедливее отдать корону тому из нас троих, кто совершит самый доблестный подвиг. Все мы — ваши дети и имеем одинаковые права на престол.

— Ну, хорошо, — сказал старый король. — Задам я вам задачу. Корона достанется тому, кто принесет мне лучший кусок полотна.

— Пусть будет так, — согласились все три брата.

Они вернулись каждый к себе домой, чтобы сообщить женам волю отца.

Когда самый младший принц, муж мышки, приехал домой, жена поджидала его, греясь на солнышке на одном из окон дворца, и при этом пела так сладко, как не пела еще никогда.

— Довольно распевать, — сказал ей муж. — Я предпочел бы, чтобы вы были искусной ткачихой.

— А почему? Что случилось? — спросила принцесса-мышка.

— Отец обещал отдать корону тому из нас троих, кто привезет ему лучший кусок полотна.

— Что за беда! Корона моего отца во сто раз ценнее вашей. Не огорчайтесь же и предоставьте братьям спорить из-за испанской короны и добывать ее с помощью полотна.

— Нет! Как ни заманчива корона вашего отца, я не хочу отказываться от нашей, испанской короны.

Накануне того дня, когда нужно было взять полотно старому королю, наш принц жаловался жене:

— Завтра надо представить отцу полотно, а у меня ничего нет. Как быть?

— Не тревожьтесь из-за таких пустяков, принц, возьмите вот эту коробку, — отвечала мышка и дала ему красивый плотно закрытый ящичек. — Пусть ваши братья покажут свои куски полотна. Когда вы откроете этот ящичек, в нем найдется, чем их посрамить.

— Вы хотите меня уверить, что в этой маленькой коробочке может поместиться такой кусок полотна, который отцу понравится больше других?

Принц уехал, взяв с собой коробочку, хотя слова жены мало его успокоили.

Он подъехал к замку отца, вошел во двор и увидел там мулов, нагруженных тюками полотна, которое старшие братья привезли из дальних стран.

Королю показали полотно. Он внимательно его рассмотрел и очень хвалил некоторые куски за красоту, тонкость и мягкость.

— А ты что привез, мой сын? — спросил он у младшего, когда до него дошла очередь.

Принц вместо ответа протянул отцу коробочку и сказал:

— Откройте ее, отец.

Старшие братья громко захохотали. Но король открыл коробочку, и из нее тотчас потянулся кусок полотна, тонкого и блестящего как шелк. По сравнению с ним полотно, привезенное братьями, казалось грубым холстом. А удивительнее всего было то, что, сколько ни вытягивали его из коробки, конца все не было видно.

Старшие принцы уже не смеялись.

— Корона достанется моему младшему сыну, — сказал восхищенный король.

— Погодите, отец! — закричали с досадой оба старших. — Не надо судить так поспешно, по первому испытанию. Придумайте второе, государь, и тогда увидим.

— Хорошо, я согласен, — сказал король. — Но что же мне потребовать от вас на этот раз?

— Обещайте корону тому из нас, кто привезет вам самую красивую невестку, — сказал старший, женатый на дочери турецкого императора, принцессе поразительной красоты.

— Пусть будет так, — сказал старый король. — Корона достанется тому, кто привезет самую красивую жену.

И три брата разъехались, каждый в свою сторону.

Младший вернулся домой в полном унынии. Он был уверен, что на этот раз не сможет соперничать с братьями, потому что у него жена — простая мышка.

— Отчего вы так печальны, принц? — спросила жена, заметив его унылый вид. — Разве моя коробочка не выполнила того, что от нее требовалось?

— Коробочка вела себя отлично.

— Значит, корона Испании ваша?

— Корона Испании? О нет! Она еще далеко не моя.

— Почему же?

— Да потому, что отец назначил второе испытание.

— Какое? Скажите.

— К чему?

— А вы все-таки скажите.

— Хорошо, слушайте: по совету моего старшего брата, женатого на дочери турецкого императора, отец объявил, что корона достанется тому из нас троих, кто привезет самую красивую жену. А вы сами понимаете, что...

— И в этом все дело? Ну, так успокойтесь и ложитесь на меня.

Наступил день, когда братьям следовало представить своих жен королю, и мышка сказала мужу:

— Я поеду с вами к отцу.

— Чтобы ехать к отцу, мне нужна не мышь, а женщина, красивая женщина.

— Не беспокойтесь ни о чем, говорю вам, и возьмите меня с собой.

— Зачем? Чтобы осрамиться?

И он сел в свою карету и уехал, оставив мышку дома. Тогда она сказала пастушку, который собирался гнать баранов в поле:

— Пастух, поймай-ка мне вон того большого рыжего петуха, который ходит среди кур, и взнуздай его уздечкой из ивовой коры, чтобы я могла на нем ехать вслед за мужем к моему свекру королю.

Пастух сделал, как она приказала, и мышка села к петуху на спину, взяла в передние лапки уздечку из ивовой коры и поехала ко двору короля испанского. Ей пришлось проезжать мимо замка той волшебницы, которая превратила ее в мышь. В этом месте на дороге была лужа, и петух ни за что не хотел переходить ее. Сколько ни кричала мышка: «Гои! Гои! Вперед!» — он делал один шаг вперед и два назад. Сестра волшебницы сидела у окна и, увидев эту картину, разразилась громким хохотом, так что по всему замку прокатилось эхо.

Прибежала волшебница и, увидев, кто рассмешил ее сестру, сказала мышке:

— Чары сняты! Я превратила тебя в мышь, но ты должна была оставаться ею только до тех пор, пока я не услышу смеха моей сестры. Она засмеялась — и ты освобождена. Отныне ты будешь самой прекрасной принцессой из всех живущих под солнцем, твоя уздечка превратится в красивую золотую карету, а рыжий петух — в прекрасную лошадь.

И в самом деле, в мгновение ока все преобразилось так, как сказала волшебница.

— Теперь поезжай ко двору свекра, — добавила она, — и я уверена, что там не будет женщины красивее тебя.

Принцесса продолжала путь, но уже в сверкающем золотом экипаже, и скоро догнала мужа, который не очень торопился ко двору.

— Как, вы еще только здесь? — сказала она.

Удивленный принц молчал, потому что не узнавал жены в этой красавице.

— Садитесь ко мне в карету и оставьте здесь вашу дрянную тележку и клячу.

— Не насмехайтесь надо мной, принцесса, хотя ваша карета и красивее, а ваша лошадь лучше моей.

— Да взгляните же в меня хорошенько! Вы не узнаете собственной жены?

— Нет, вы не моя жена. Моя жена — дочь французского короля, и злая колдунья превратила ее в мышь. Но все равно, я люблю ее такой, какая она есть.

Тут принцесса рассказала ему, что произошло, и в конце концов, хотя и с трудом, убедила его, что она и есть его жена, дочь французского короля.

Затем они поехали дальше в золотой карете, которая вся так и сверкала, и скоро прибыли ко двору испанского короля. Их появление наделало шуму, все не могли встать нагладеться на принцессу, на ее карету и лошадь. Принцесса осветила весь двор блеском своей красоты. Жены старших принцев были, бесспорно, красивы, но рядом с женой младшего они ничего не стоили. Старый король, повеселевший и обрадованный при виде такой дивной красоты, предложил принцессе руку, чтобы помочь ей выйти из кареты, и сказал:

— Вы самая прекрасная женщина, какую видели когда-либо мои глаза, и больше всех достойны сидеть на испанском троне, рядом с моим младшим сыном.

Вечером был большой пир, и король пожелал, чтобы принцесса сидела за столом рядом с ним. А она от каждого блюда, которое ей подавали, от каждого напитка, который ей наливали, прятала кусочек, отливала капельку за свой корсаж, чем очень удивляла всех гостей.

После ужина начались танцы, и, когда принцесса танцевала, из складок ее платья сыпались и сыпались без конца жемчуга и цветы. Обе старшие невестки позеленели от зависти.

На другой день при дворе опять пировали, и жены старших братьев принялись прятать за свои корсажи кусочки от каждого блюда, которое им подавали, и отливать по капле от каждого бокала, в надежде что все это и у них превратится в жемчуг и цветы. Но увы! Когда начались танцы, они, танцуя, сеяли вокруг себя не жемчуг и не цветы, как младшая невестка, а разные объедки да подливки, от которых их нарядные платья так испачкались и промокли, что кавалеры брезгали ими и уходили. Зато собаки и кошки со всех концов дворца прибежали в бальный зал и ходили за принцессами по пятам, учиняя страшную сумятицу.

Из-за этого старый король сильно разгневался и прогнал из дворца старших сыновей с их женами. А потом уступил престол младшему сыну.

Все, что было с ними до тех пор, я знаю и всю правду вам рассказал. А что случилось с ними потом, того не знаю и врать не хочу. Так что на этом сказке конец.

Много лет назад у нас был старый петух; он водил своих кур в леса и поля. Однажды, когда они рылись в земле под листьями, петух нашел там большой полотняный кошелек, туго набитый золотыми и серебряными монетами. Петух схватил кошелек и понес его домой; он шел во все горло и не помнил себя от счастья.

В той деревне жил некий господин, звался он д'Арглан; он сказал:

— Петух, покажи-ка мне кошелек!

Заполучив кошелек, он и не подумал его возвращать, а унес к себе домой.

Тогда петух запел:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

Господин д'Арглан ничего не отдал.

Петух стал петь еще громче.

Господин д'Арглан рассердился и сказал:

— погоди, я с тобой разделаюсь! Запру тебя на ночь в хлев вместе с моими мулами, они тебя проучат.

Петух испугался и улетел прочь. Дорогой он встретил волка.

— Здравствуй, кум, — сказал он.

— Здравствуй, кум, — ответил волк. — Куда идешь?

— Я-то знаю, куда иду. Если хочешь пойти со мной, я тебя превкусно накормлю.

— Я всегда рад полакомиться, — сказал волк.

— Раз ты согласен пойти со мной, — сказал петух, — полезай ко мне в мешок.

Петух пошел дальше. Навстречу ему попался лис.

— Здравствуй, кум, — молвил петух.

— Здравствуй, кум, — ответил лис. — Куда идешь?

— Я-то уж знаю, куда иду. Если хочешь пойти со мной, я тебя превкусно накормлю.

Лис сразу уши наострил.

— Я всегда рад полакомиться, — молвил он.

— Если так, полезай ко мне в мешок, — сказал петух.

Он пошел дальше. Повстречались ему пчелы и шершни.

— Если вы хотите пожалить власть, полезайте ко мне в мешок.

Пчелы и шершни не заставили себя просить: петух сунул их в мешок.

Петух все шел да шел, пока не набрел на ручей.

— Куда ты, петух, идешь? — спросил его ручей.

— Я-то уж знаю, куда иду, — сказал петух. — Господин д'Арглан взял мое добро, все мое золото и серебро. Идем-ка со мной: ты мне поможешь.

Ручей согласился. Петух сунул его в свой мешок.

Петух поворотил назад, постучал в дверь господина д'Арглана и принялся горланить:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

— погоди, ты у меня присмиреешь! — молвил господин д'Арглан.

Под вечер он велел своим слугам словить петуха и запереть его на ночь в конюшню вместе с мулами. «К завтрашнему утру они с ним разделаются», — думал он.

И вот петуха заперли вместе с мулами. Мулы сердились, стучали ногами. Бедный петух порядком струхнул, но держал ухо востро. В конце концов они набросились на него.

Тогда петух сказал волку:

— Вылезай из мешка; загрызи их всех, ешь сколько захочешь.

Волк выскочил из мешка, заел всех мулов одного за другим, стал их терзать, пить их кровь, пожирать их. В мгновение ока мулам пришел конец.

На следующий день, рано поутру, господин д'Арглан соскочил с постели и побежал в конюшню, где стояли мулы, посмотреть, убит ли петух. Как только он отпер дверь, петух, такой же важный, как прежде, вылетел во двор и во все горло пропел:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

«Вот тебе раз! — подумал господин д'Арглан. — Мулы не сумели его доконать».

Он вошел в конюшню и увидел, что все его мулы лежат мертвые.

— Здорово я попался! — вскричал он. — Осточертел мне этот зловредный петух! Я велю его посадить в гусятник, пусть гуси хорошенько его потреплют.

Вечером он велел отравить петуха в гусятник. Гуси разом зашипели на него.

— Эй, лис, выходи из мешка! — молвил петух. — Задуши их всех! Ешь сколько захочешь!

Лис не заставил себя просить, всю ночь напролет он душил гусей и лакомился гусятиной.

Господин д'Арглан еле дождался рассвета, так не терпелось ему узнать, жив ли петух. Он отпер гусятник, петух вылетел во двор и запел:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

— Черт бы побрал этого петуха! — в испуге сказал господин д'Арглан. — Неужели с моими гусями случилось то же, что с мулами?

Он вошел в гусятник и увидел, что все гуси до единого задушены; вокруг все было залито кровью и усеяно перьями.

«Этот петух суший дьявол! — подумал господин д'Арглан. — Ну, да мы с ним все-таки справимся. Я в этом не сомневаюсь».

— Сегодня, — сказал он петуху, — я тебя отправлю на ночь к моим дочерям. Они тебя удавят, — уж они-то с тобой справятся.

А петух в ответ:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

Когда стемнело, господин д'Арглан сказал трем своим дочерям:

— Дочки, вот вам петух; он будет спать у вас. Постарайтесь его удавить.

Почуяв, что девушки хотят его прикончить, петух молвил:

— Пчелы, шершни — жальте, да побольнее!

Наутро, как только стало светать, господин д'Арглан явился посмотреть, пришел ли петуху конец. А петух пролетел у него над головой и пропел:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

Господин д'Арглан поглядел на своих дочерей — они были едва живы и распухли так, что их не узнать стало. «Что делать? — размышлял господин д'Арглан. — Надо же наконец прикончить этого петуха! Вот что! Я велю затопить печь и посадить его туда — уж так нам наверно удастся его извести. Другого способа, видно, не найдешь».

Печь затопили, а когда она раскалилась докрасна, за петухом погнались, поймали его, схватили за крылья и бросили в топку. Тогда петух сказал ручью:

— Выходи из мешка!

И ручей мигом разлился по всей печи; печь почернела, словно труба. Когда господин д'Арглан пришел посмотреть, как обстоит дело, и открыл печь, петух вылетел из нее, распевая:

Господин д'Арглан, отдай мне добро!
Верни мое золото и серебро!

Тогда господин д'Арглан взял кошелек, забросил его на черепичную крышу и крикнул:

— Вот твой кошелек! Слишком уж много ты мне причинил убытков!

Наш петух взял кошелек и отправился домой к своим курам, не чуя под собою ног от радости. А куры, завидев его, все разом закудахтали!

17. ПРО КОРОЛЬКА, ПРО ЗИМУ, ПРО ОРЛА И ПРО КОРОЛЕВСКОГО СЫНА

давние времена, много, очень много лет назад, говорят, повздорили между собой зима и королек. Не знаю толком, из-за чего.

— Я тебя проучу, пичужка! — грозилась зима.

— Это мы еще увидим! — отвечал королек.

К ночи зима наслала трескучий мороз.

Поутру зима, видя, что королек, как всегда, весел и молодцеват, удивилась и спросила его:

— Где ты провел ночь?

— В прачечной, где поденщицы стирают, — ответил королек.

— Ладно, сегодня я уж до тебя доберусь.

В эту ночь стало так холодно, что вода замерзала на очаге.

Но королек был совсем не там, где все замерзало, и на другое утро зима, видя, что он по-прежнему бодр и весел, спросила его:

— Где ты провел ночь?

— В хлеву, с волами, — ответил королек.

В следующую ночь настал такой лютый холод, такая небывалая стужа, что у волов хвосты примерали к заду, а королек утром все же порхал и чирикал, словно на дворе был май.

— Как, ты еще не помер? — спросила зима, дивясь тому, что королек опять тут как тут. — Где же ты провел ночь?

— У молодоженов, в их постели.

— Вот где нашел себе местечко! Кто бы догадался там его искать? Ну, да ничего, за мной не пропадет. Сегодня ночью я тебя доконаю.

— Это мы еще увидим! — ответил королек.

В ту ночь зима наслала такой мороз, стало так холодно, так холодно, что на другое утро молодоженов нашли насмерть закованевшими в постели.

Королек приютился во впадине стены, возле жаркой печи булочника, где холод не мог его пронять. Но там он встретился с мышью, тоже искавшей местечка потеплее, и они не на шутку поссорились. Так как они не могли между собою поладить, то решено было покончить дело,

назначив через неделю на горе Бре великий бой между всеми пернатыми и всеми четвероногими того края.

Все звери были оповещены, и в условленный день птицы всей округи с утра собрались на горе Бре. Длинной вереницей тянулись туда обитатели птичьих дворов — утки, гуси, индюки, павлины, петухи и куры — и всякие иные птицы: сороки, вороны, сойки, дрозды; там же сошлись лошади, ослы, волы, коровы, бараны, козы, собаки, кошки, крысы и мыши, — никто не мог помешать им в этом. Бой выдался жестокий; шел он с переменным счастьем. Перья так и летали в воздухе, а земля была усеяна клочьями шерсти, со всех сторон неслись крики, мычанье, ржанье, хрюканье, блеянье, мяуканье. Вот страшно было!

Уже казалось, что победа останется за четвероногими, как вдруг прилетел орел, сильно запоздавший; он бросился в самую гуцу схватки. Куда бы он ни ударил, он всех разил насмерть, и вскоре перевес оказался на стороне пернатых.

Королевский сын следил за сражением из окна своего дворца. Видя, как орел справляется с четвероногими, он улучил минуту, когда тот поравнялся с окном, и ударил его саблей так сильно, что у орла сломалось крыло, и он упал наземь. Благодаря этому победу все-таки одержали четвероногие. Однако королек, сражавшийся как герой, пропел свою песню на колокольне святого Эрве, которая по сей день еще высится на горе Бре.

А раненый орел не мог больше летать и сказал королевскому сыну:

— Теперь тебе придется в продолжение девяти месяцев кормить меня куропатками и зайцами.

— Я согласен, — сказал принц.

По прошествии девяти месяцев орел, совершенно исцелившись, сказал королевскому сыну:

— Теперь я полечу к своей матушке; я желаю, чтобы ты отправился со мной поглядеть на мой замок.

— Охотно, — сказал принц, — но как я туда попаду? Ведь ты летаешь по воздуху, а я ни пешком, ни верхом не могу за тобой угнаться.

— Садись ко мне на спину.

Принц так и сделал. Они понеслись над горами, над долами, лесами и морями.

— Здравствуйте, матушка, — сказал орел, прилетев домой.

— Это ты, дорогой сынок? Долго ты отсутствовал на этот раз, я уже тревожилась, что тебя все нет.

— Я сильно хворал, милая матушка, — ответил орел, и, указав на принца, добавил: — Это сын короля Нижней Бретани, он приехал повидаться с вами.

— Королевский сын! — вскричала старая орлица. — Вот лакомый кусочек; мы попируем на славу!

— Нет, матушка, не делайте ему зла; он хорошо со мной обходился в течение тех девяти месяцев, что я прохворал у него; я пригласил его погостить у нас, в нашем замке, — надо его получше принять.

У орла была красавица сестра, и принц влюбился в нее с первого же взгляда. Орел и его мать очень были этим недовольны.

Прошел месяц, затем второй, третий; миновало шесть месяцев, а принц и речи не заводил о том, чтобы вернуться домой. Старухе это совсем не нравилось, и наконец она сказала сыну, что если его друг не уберется во-свояси, то она изжарит его на обед и подаст под каким-нибудь вкусным соусом.

Услыхав, что задумала мать, орел предложил принцу сыграть с ним в кегли, с условием: если принц проиграет, он теряет жизнь, если выиграет — сестра орла станет его женой.

— Я согласен, — сказал принц. — Где кегли?

Они вошли в широкую длинную аллею старых дубов, где стояли кегли.

Когда принц их увидел, у него сердце замерло. Кегли эти были чугунные, каждая из них весила пятьсот фунтов. Орел взял одну из них и давай ею забавляться: он играючи подбрасывал ее высоко-высоко, а затем ловил, словно яблоко. А бедный принц свою кеглю даже сдвинуть с места не мог.

— Ты проиграл, теперь я хозяин над твоей жизнью, — сказал орел.

— А я отыграюсь, — сказал ему на это принц.

— Так и быть, завтра сыграем еще партию.

Принц пошел к сестре орла и со слезами на глазах рассказал ей обо всем.

— Вы обещаете хранить мне верность? — спросила она его.

— Да, до самой смерти! — ответил принц.

— Тогда вот что надо сделать: есть у меня два больших бычьих пузыря, я выкрашу их в черный цвет, чтобы они стали похожи на кегли, и поставлю их между кеглями брата, в той аллее; завтра, когда вы туда явитесь, постарайтесь первым начать игру и выберите себе два пузыря. Затем вы им скажете: «Косули, подымитесь повыше и скорее летите в Египет — вот уже семь лет, как вы здесь, и ни разу не отведали железа»; они тотчас взлетят в поднебесье, да так высоко, так высоко, что их и не видно будет. Мой брат воображит, что это вы их так ловко подбросили; ему самому никак не удастся бросить свои кегли так же высоко, и он должен будет признать себя побежденным.

И вот они снова пошли в аллею, где стояли кегли. Принц взял свои две кегли, вернее сказать — два бычьих пузыря, и принялся ими забавляться, подбрасывая их в воздух с такой легкостью, словно в руках у него были два мяча, набитых отрубями; а его противник дивился, глядя на него.

«Что бы это значило?» — с тревогой спрашивал себя орел.

Сам он первый подбросил свои кегли, да так высоко, что прошло добрых четверть часа, прежде чем они снова упали наземь.

— Ловко! — сказал принц. — Теперь моя очередь.

Вслед за тем он тихонько пропентал слова:

— Косуля, лети на родину, в Египет — вот уже семь лет, как ты здесь, и ни разу не отведала железа.

Тотчас же кегля поднялась в поднебесье, да так высоко, так высоко, что скоро ее не стало видно; и сколько они оба ни ждали, она не упала наземь.

— Я выиграл! — сказал принц.

— Значит, каждый из нас выиграл по одной партии; завтра мы сыграем в другую игру, — сказал орел.

Он в слезах вернулся домой и поведал свое горе старой орлице. Та сказала:

— Надо его зарезать и съесть, к чему еще мешкать?

— Но ведь я его еще не одолел, матушка; завтра мы сыграем в другую игру, посмотрим, как он выпутается.

— Пока что принесите мне воды из родника, во всем доме ни капли нет,

— Ладно, матушка, завтра утром мы с принцем пойдем за водой, и я предложу ему потягаться, кто больше притащит за один раз в бочке.

Орел тотчас отправился к принцу и сказал ему:

— Завтра утром мы сходим за водой для моей матушки — посмотрим, кто из нас больше притащит за один раз.

— Отлично, — сказал принц, — ты только покажи мне, в чем ее надобно носить.

Орел тотчас показал принцу две бочки, вместимостью в пять бочонков каждая; сам он легко подымал по одной такой доверху полной бочке на ладони каждой руки, — ведь он был то человеком, то орлом, по своей прихоти.

Принц обеспокоился пуще прежнего и опять пошел к сестре орла.

— Вы обещаете хранить мне верность? — спросила она его.

— До самой смерти, — ответил принц.

— Так вот, завтра утром, когда брат возьмет свою бочку, чтобы идти с ней к роднику, вы ему скажете: «Да на что нам бочки? Оставь их тут, они совсем не нужны, а лучше дай мне кирку, лопату и носилки». Брат спросит: «На что это тебе?» Вы ответите: «Чтобы снять родник с места и перенести его сюда, это ведь гораздо удобнее: можно будет брать воду когда только вздумается». Услышав это, он пойдет за водой один, — ведь ни он, ни матушка не захотят испортить прекрасный свой родник.

Утром следующего дня орел сказал принцу:

— Пойдем за водой для моей матушки.

— Пойдем! — ответил принц.

— Вот моя бочка, а ты возьми вон те, — продолжал орел, указывая на две огромные бочки.

— Бочки! На что они нам? Чтобы терять время понапрасну?

— А как же иначе нам наносить воды?

— Дай мне просто-напросто кирку, лопату и носилки.

— Зачем они тебе?

— Как зачем? Остолоп! Да затем, чтобы перенести родник сюда, к самой двери кухни, тогда не придется ходить за водой в такую даль.

«Ну и силач!» — подумал орел, а вслух он сказал:

— Вот что, оставайся здесь, а я уж один схожу за водой для матушки.

Так он и сделал.

Когда на другой день старуха опять стала говорить орлу, что самый верный способ избавиться от принца — это зарезать его, изжарить на вертеле и съесть, орел ответил, что с ним хорошо обходились у принца и он не хочет выказывать неблагодарность, но что он подвергнет принца другим испытаниям, из которых тому трудно будет выйти с честью.

И действительно, орел объявил принцу:

— Сегодня я управился один, а завтра уж настанет твоя очередь.

— А какая завтра будет работа? — спросил принц.

— Матушке моей нужны дрова, ей нечем топить кухню. Нужно будет срубить аллею старых дубов — вон там, — и сложить их здесь, во дворе, чтобы у нее был запас дров на зиму; все это должно быть сделано до захода солнца.

— Ладно, сделаю, — сказал принц, притворяясь беззаботным, хотя на самом деле сильно обеспокоился.

Он и в этот раз пошел к сестре орла.

— Вы обещаете хранить мне верность? — опять спросила она его.

— До самой смерти, — ответил принц.

— Так вот, завтра, когда вы с деревянным топором, который вам дадут, придете в лес, снимите камзол, положите его на старый дубовый пенек, что лежит там с вывороченными корнями, затем ударьте этим деревянным топором по стволу ближнего дерева, и вы увидите, что произойдет.

Принц так и сделал: чуть свет пошел в лес с деревянным топором на плече, снял камзол, положил его на тот старый, с вывороченными корнями, дубовый пенек, который был ему указан, затем деревянным своим топором ударил по стволу ближнего дерева, и оно тотчас затрещало и рухнуло.

«Ладно, — сказал себе принц, — если это такое немудрое дело, я мигом с ним справлюсь».

Он тотчас хватил топором второе дерево, потом третье, — оба они с первого же удара повалились наземь, и так дело шло дальше, пока во всей аллее не осталось ни одного не срубленного дуба. После этого принц не спеша вернулся в замок.

— Как, ты уже все сделал? — спросил его орел.

— Все! — ответил принц.

Орел мигом побежал в свою аллею; увидя, что все его прекрасные дубы повалены наземь, он заплакал и пошел к матери.

— Бедная моя матушка, я побежден. Все мои прекрасные деревья срублены! Я не в силах одолеть этого дьявола, ему, наверно, помогает какой-нибудь могучий волшебник.

В то время как он жаловался матери, вошел принц и сказал ему:

— Я трижды тебя одолел, теперь ты должен отдать мне свою сестру!

— Увы, это так, — молвил орел. — Забирай ее и уходи поскорее.

Вот как случилось, что принц увел с собой сестру орла. Но она пока что не соглашалась выйти за него замуж и не хотела даже сопровождать его во владения его отца. Она сказала ему:

— Теперь нам придется некоторое время пробыть в разлуке, потому что мы еще не можем пожениться. Но будьте верны мне, что бы ни случилось, и когда придет время, мы встретимся вновь. Вот вам половинка моего кольца и половинка моего носового платка: берегите их — они помогут вам в будущем узнать меня, если в том будет нужда.

Принц сильно опечалился. Он взял половинку кольца и половинку носового платка и один вернулся в отцовский замок, где все от души рады были его возвращению после такого долгого отсутствия.

Сестра орла нанялась в услужение к ювелиру, проживавшему в том городе и работавшему для королевского двора.

Спустя недолгое время принц совершенно забыл свою невесту — он влюбился в одну принцессу, прибывшую ко двору его отца из соседнего королевства. Вскоре назначен был день свадьбы; стали готовить великое пиршество и созывать многочисленных гостей. Ювелира, которому были заказаны обручальные кольца и всякие иные украшения, тоже пригласили, вместе с его женой и даже с ее прислужницей, которая славилась своей красотой и благородной осанкой.

Прислужница попросила своего хозяина отлить ей из чистого золота маленького петушка и такую же курочку

и, отпрапляясь на свадебный пир, положила их в карман. За столом ее посадили как раз напротив новобрачных. Она положила на стол рядом с собой половинку кольца, вторая половинка которого была у принца.

Увидев эту половинку, новобрачная сказала мужу:

— У меня точь-в-точь такая. — Оказывается, принц подарил ей свою.

Тотчас обе половинки были приложены одна к другой; они сошлись, и кольцо снова сомкнулось.

То же произошло и с обеими половинками носового платка. Все присутствовавшие выражали изумление. Один только принц оставался спокойным и, казалось, ни о чем не догадывался. Тогда сестра орла поставила на стол перед собой сработанных из золота петушка и курочку, а затем положила на свою тарелку горошину. Петушок вмиг ее проглотил.

— Опять ты, обжора, съел горошину, — сказала ему курочка.

— Молчи, — ответил петушок, — следующую я дам тебе!

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда шел играть в кегли с орлом, моим братом.

Принц насторожился. Сестра орла бросила на свою тарелку вторую горошину; петушок и на этот раз склевал ее.

— Опять ты, обжора, съел горошину! — снова сказала курочка.

— Молчи, — ответил петушок, — следующую я отдам тебе.

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда брат мой орел вел ему пойти с ним вместе к роднику за водой.

Все присутствовавшие были крайне удивлены и терялись в догадках. Тем временем сестра орла кипула на свою тарелку третью горошину, которую петушок миглом проглотил, как и те две.

— Опять ты съел горошину, обжора! — в третий раз сказала курочка.

— Молчи, милая моя курочка, следующую я уж непременно отдам тебе.

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда брат мой орел

послал его вырубить деревянным топором длинную аллею старых дубов.

Теперь принцу все стало ясно. Он встал и, обернувшись к своему тестю, сказал ему так:

— Дорогой тесть, мне надобно спросить у вас совета. У меня был прекрасный золотой ларец, заключавший в себе бесценное сокровище. Я его лишился и раздобыл другой. Но случилось так, что я снова нашел первый ларец, и теперь у меня их два. Какой из них мне надлежит оставить у себя — первый или второй?

— Пренуиущество всегда должно быть отдано более давнему, — ответил старец.

— Я тоже так думаю, — сказал принц. — Так вот, до вашей дочери я любил другую девушку и обещал ей, что возьму ее в жены. Вот она!

С этими словами он подошел к служанке ювелира, — а это ведь была сестра орла! — и, к изумлению всех присутствующих, взял ее за руку.

Другая невеста и ее отец и мать, вместе с родственниками и гостями, удалились, сильно раздосадованные.

Несмотря на это, пиры, игры и забавы продолжались, так что свадьба принца и сестры орла была отпразднована с должным великолелием.

18. ДРОЗД И ЛИС

авным-давно, в былые времена, когда куры пехухом пели, свил себе дрозд гнездо, вывел птенцов и обучил их всему, чему полагается. Только они собрались вылететь из гнезда, как подкрался лис, схватил их и унес.

Возвращаясь к своему гнезду, дрозд издалека увидел, что лис доедает его птенцов.

— Вот так шутку сыграл со мной лис! — сказал дрозд. — Но собака с фермы давно его подстерегает, полечу-ка я за ней, пусть поможет мне отомстить.

Увидел дрозд собаку с фермы и говорит:

— Отомсти за меня лису — он съел моих птенцов.

— Охотно, — ответила собака, — но как это сделать?

— Ложись и вытяни ноги, как будто ты мертвая. Я расскажу об этом лису и начну тебя клевать у него на глазах, а ты лежи как полено и не шевелись; тогда он подойдет к тебе, и ты его задушишь.

Собака охотно согласилась на эту сделку. Дрозд полетел к лису и сказал ему:

— Ты, видно, ничего не знаешь, куманек. Собака с фермы лежит на лугу и ноги протянула. Теперь она в самом деле сдохла. Я клевал ее, и она мне ничего не сделала.

Когда лис подошел, дрозд стал у него на глазах клевать собаку, но та даже не шевельнулась.

— Ага! — воскликнул лис. — Наконец-то мы от нее избавимся; только, прежде чем съесть ее, помочусь-ка я ей в глотку.

Но в ту минуту, когда лис поднял лапу, собака так вцепилась в него, что лису тут и конец пришел.

Дрозд сказал собаке:

— Ты очень утешила меня, отомстив за моих птенцов. Придется за твои труды угостить тебя. Вот идет крестьянка, она несет молотильщикам обед. Ты только погляди, что я устрою.

Дрозд запрыгал по тропинке, волоча ногу, как раненый. Крестьянка подбежала, чтоб схватить его, он заковылял побыстрее.

— Какой красивый дрозд! — сказала старая фермерша. — Ему не уйти далеко. Я поймаю его и отдам своей маленькой Жанне, ведь она так любит птиц.

Фермерша положила узелок на землю и стала ловить дрозда, который нарочно уводил ее за собой. В это время собака съела обед молотильщиков.

Вернувшись, крестьянка не нашла на дороге ничего.

— Что же мне теперь делать, — сказала опечаленная женщина, — у меня украли мой узелок!

Чтобы работники не очень бранились, она решила их задобрить.

— Ох, голубчики, — сказала она, — уж вы на меня не пеняйте, что я вам обеда не принесла. Я побежала за дроздом и хотела словить его, а в это время кто-то украд мой узелок.

— Не рассказывай нам басни! — закричали молотильщики. — Бросим мы твою работу и уйдем.

— Старая притворщица, — добавил другой, — и не стыдно тебе врать в твои годы! Так бы и треснул тебя вилами по шее!

— Смотрите, — закричала фермерша, — вот эта птичка, вон она на току!.. Села теперь мне на плечо!

Тут один из молотильщиков размахнулся, чтоб ударить дрозда цепом, по вместо того попал хозяйке по шее. Да так удачно, что она растянулась на току во всю длину!

19. ПАСТУХ И КОРОЛЕВСКАЯ ДОЧЬ

ил однажды король, утверждавший, что он никогда на своем веку не лгал; по ему часто приходилось слышать, как придворные говорили друг другу: «Это неправда! Вы лжец!», и он при этом всегда очень сердился.

Наконец он сказал придворным:

— Вы меня удивляете и огорчаете. Если бы вас услышал чужестранец, он мог бы подумать, что я царствую над одними лугами. Я желаю, чтобы это прекратилось. Вы никогда не услышите от меня подобных слов, и я охотно выдам свою дочь замуж за любого человека, который уличит меня в том, что я скажу кому-нибудь: «Это неправда!» или же «Вы лжете!»

Один молодой пастух, также слышавший эту речь, сказал себе:

«Ладно! Если король — человек слова, его дочь достанется мне!»

Старый король любил старинные песни, волшебные и забавные сказки. Часто он после вечерней трапезы усаживался в кухне подле огромного очага и с удовольствием слушал, как его слуги беседовали, пели и рассказывали всякую всячину. Каждый из них по очереди что-нибудь пел или рассказывал.

— А ты, мальчуган, видно, ничего не знаешь, — сказал король однажды вечером молодому пастуху, о котором уже была речь.

— Как не знать, ваше величество, — ответил пастух.

— Послушаем, что ты знаешь.

Пастух начал:

— Однажды, идя по лесу, я увидел жирного зайца.

Он бежал прямо на меня, словно не видя ничего. В руке у меня был катышок смолы. Я запустил им в зайца, катышок угодил ему прямо в лоб, да там и прилип. А заяц понесся дальше и с разгону столкнулся с другим зайцем, мчавшимся навстречу; вот они и приклеились лбами друг к другу; им никак не разняться было, и я без всякого труда поймал обоих. Как вам это нравится, ваше величество?

— Что-то не верится, — ответил король, — но в конце концов это возможно. Что ты нам еще расскажешь?

— Прежде чем наняться в пастухи при вашем дворе, я работал подручным на отцовской мельнице. Однажды я так навьючил моего осла, что у него переломился спинной хребет.

— Бедный ослик! — вскричал король.

А пастух продолжал:

— Я подошел к ближайшей изгороди, — а была она из орешника, — карманным ножом вырезал оттуда палку и вставил ее ослу вместо позвоночника. Он тотчас вскочил и, как ни в чем не бывало, направился со своей ношей на мельницу.

— Удивительная штука, — сказал король. — Ну, а дальше что?

— На другое утро я сильно изумился (дело было в декабре), увидя, что за ночь на том конце палки, который торчал наружу, появились ветки, листья и даже орешки; вывел я осла из конюшни, а ветки все росли и росли и поднялись высоко-высоко, до самого неба.

— Занятная штука, — молвил король. — А что дальше?

— Ну что ж, когда я это увидел, я стал взбираться по ветвям и карабкался все выше и выше, пока не добрался до луны.

— Презанятная штука, — сказал король. — А что дальше?

— Попав на луну, я увидел там старух, которые жали овес, и долго смотрел, как они работали. Когда же я решил опять спуститься на землю, я уже не нашел своей палки, — осел куда-то запропастился. Что было делать? Я стал свивать колосья; у меня и получилась веревка, по которой я начал спускаться.

— Трудно этому поверить, — сказал король. — А что дальше?

— Увы, веревка была недостаточно длинна, и, когда я добрался до конца, мне пришлось срыгнуть на землю. Я упал вниз головой на скалу и увяз в ней по самые плечи.

— Уж не знаю, верить иль не верить, — сказал король. — А дальше что?

— Я столько сил потратил, чтобы высвободиться, что туловище мое оторвалось от головы, которая так и осталась в скале; а я побежал за железным ломом, чтобы вытащить свою голову.

— Ну, как в это поверить? — молвил король. — А дальше что?

— Когда я вернулся с ломом, я увидел огромного волка, который грыз мою голову. Я так хватил его по спине железной своей палкой, что он весь сплюснулся, а из зада у него выпала какая-то бумага.

— Чудеса, да и только! — сказал король. — А что же в ней было сказано?

— Там было сказано, что отец вашего величества некогда был подручным у моего дедушки, мельника.

— Клянусь честью, ты лжешь, поганое отродье! — крикнул король, вскочив на ноги.

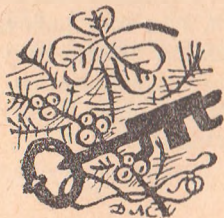
— Ура, ваше величество! Я выиграл: ваша дочь достанется мне! — молвил пастух.

— Как так? Что ты хочешь этим сказать? — спросил король.

— А разве вы, ваше величество, не обещали отдать руку вашей дочери любому, кто поймает вас на том, что вы кому-нибудь скажете: «Ты лжешь»?

— Верно. Король должен всегда держать слово и никогда его не нарушать. Моя дочь будет твоей женой. Завтра обручение, а через неделю свадьба.

Вот как случилось, что пастуху за одно слово досталась королевская дочь!

ил однажды портной; у него была жена. Обычно жены портных лентяйки, и эта была под стать другим. Звали ее Жанна, а ее мужа — Жан Кривая Ступня. Утром, как только Жан уходил на работу, Жанна опять заваливалась спать, часов в одиннадцать или двенадцать вставала с постели и принималась ходить из дома в дом, навещала кумушек и болтала как сорока. Когда Жан к вечеру возвращался домой, она всегда сидела за прялкой; вот он и воображал, что Жанна весь день от нее не отходила.

Как-то раз Жан поутру сказал своей жене:

— Сегодня я не буду работать, мы вдвоем пойдем на рынок продавать пряжу, ведь у тебя ее, наверное, уже много накопилось.

Жанна сильно испугалась; как тут быть? У нее не было и трех мотков пряжи. Она побежала к кумушке, ближайшей соседке, и рассказала ей про свою беду.

— Скажи мужу, — посоветовала ей кумушка, — что ты вымыла пряжу, снесла ее для просушки в пекарню и положила в печь, а пекарь, ничего об этом не зная, затопил, как всегда, и вся пряжа сгорела.

Вернувшись домой, Жанна слово в слово повторила мужу то, чему ее научила кумушка.

— Дура! — сердито крикнул Жан. — Видно, ты потеряла и ту крупницу разума, которая у тебя была, и пока я буду жить с тобой, мне не выбраться из нищеты. Теперь в наказание ты посеешь здесь во дворе полмеры льняного семени, — вот оно, — и чтобы к моему возвращению лен поспел и был вытереблен, вымочен, высушен, связан в пучки и снесен па чердак!

— Полно, муженек, — ответила Жанна, — как ты можешь говорить такие вещи? Никто на свете не сумеет это сделать; как же ты хочешь, чтобы я с этим управилась?

— Делай как знаешь, — ответил Жан, — но вечером, к моему приходу, все должно быть готово, иначе тебе несдобровать.

С этими словами портной ушел. Жанна встревожилась и побежала к кумушке.

— Если бы вы знали, кума, что мой муж придумал! Видно, он совсем спятил.

— Чего же он, кума, хочет?

— Чего он хочет? Он хочет, чтобы я посеяла у нас во дворе полмеры льняного семени и чтобы к вечеру этот лен поспел, да чтобы вдобавок я его вытеребила, вымочила, высушила, связала в пучки и сложила на чердаке! Скажите, пожалуйста, разве он стал бы приставать ко мне с такими бреднями, будь он в своем уме? — Тут она даже расплакалась.

— Не печальтесь, кума, — сказала ей соседка. — Неужели мы не найдем способа и на этот раз провести вашего Жана, который считает себя умником, а на самом деле дурак, каких мало? Вот что надо сделать: у меня еще с прошлого года лежит на чердаке немного льна. Вы возьмете два-три пучка, развяжете их, разбросаете стебли по окрестным полям и лугам, закинете на изгороди и кусты, а вечером, когда Жан вернется, вы скажете ему, что все сделали, как он велел, но что в то время, как лен сушился на лугу, налетел Вихрь и все разметал. А в доказательство вы покажете ему раскиданные по кустам и деревьям стебли.

Этот совет пришелся Жанне по душе. Она взяла у кумушки три пучка сухого льна и разбросала его по полям и лугам, закинула на кусты и на ветви деревьев.

Вечером, придя домой, Жан сразу спросил:

— Ну как, жена, ты сделала все, что я тебе сегодня утром наказал?

— Еще бы, я в точности выполнила все твои приказания, но не везет нам, муженек, да и только!

— Что же случилось?

— Что случилось? Ты только подумай: лен сушился на лугу возле пруда, где я его мочила, и я уже начала было его собирать, чтобы связать в пучки и снести на чердак, как вдруг налетел Вихрь и все разметал.

— Те-те-те! Я таким сказочкам не верю, — ответил Жан.

— Это совсем не сказочка, муженек, пойдем со мной, и ты убедишься, что это суиная правда.

Жанна тотчас повела мужа на луг, где, по ее словам, она раскладывала лен для просушки, и показала ему стебли, разметанные по окрестным полям и лугам, зацепившиеся за кусты и ветки деревьев.

Волей-неволей портному пришлось поверить жене, и он вскричал:

— Вот оно что! Раз это Вихрь причинил мне такие убытки, он мне за них заплатит. Я сейчас же пойду жаловаться Повелителю Ветров!

Жан вернулся домой и, взяв с собой свою сучковатую палку, пирог из ячменной муки да несколько лепешек, отправился в путь.

Шел он долгое время. Шел все вперед да вперед и наконец очутился у подножия холма, на котором сидела старуха ростом с башню. Ее седые волосы развевались по ветру, изо рта торчал большой черный зуб, единственный, который у нее уцелел.

— Здравствуйте, бабушка, — сказал ей портной.

— Здравствуйте, — ответила старуха. — Что вы ищете?

— Я ищу жилище Ветров.

— В таком случае, сынок, вы у конца пути: жилище Ветров здесь, а я — их мать. Что вам от них нужно?

— Я пришел требовать с них денег за убытки, которые они мне причинили.

— Какие такие убытки? Скажите мне, и я вам их возьму, если вы действительно пострадали.

— Ваш сын Вихрь дочиста меня разорил...

И Жан рассказал старухе, как было дело. Она сказала:

— Войдите в наш дом, сынок, а когда сын мой Вихрь вернется, я заставлю его уплатить вам за убытки.

Старуха спустилась с холма и повела Жана в свой дом, стоявший в ложбинке. Это была хижина, построенная из веток и комьев земли; ее продувало со всех сторон. Старуха дала Жану поесть и сказала, чтобы он не пугался, когда ее сын вернется, так как она сумеет с ним справиться, хоть Вихрь и будет грозиться, что съест пришельца. Вскоре раздался страшный шум: деревья трещали, камни срывались с места, волки протяжно выли.

— Это сын мой Вихрь спешит домой, — сказала старуха.

Жан так перепугался, что полез под стол. Вихрь вошел, рыча, принюхался и крикнул:

— Я чую человеческий дух! Здесь спрятан человек, я его съем!

— Не надейтесь, сын мой, что я позволю вам съесть этого славного человечка, а лучше подумайте о том, как возместить убытки, которые вы ему причинили, — сказала старуха.

Она взяла Жана за руку и вытащила его из-под стола. Увидав Жана, Вихрь раскрыл пасть и уже приготовился было схватить его и съесть, но мать пальцем указала на мешок, подвешенный к балке у самого потолка, и спросила:

— Вам, видно, хочется посидеть в том мешке?

Вихрь тотчас угомонился. А портной осмелел и сказал ему:

— Добрый день, ваша светлость. Вы меня разорили.

— Как так, дружище? — ласково спросил Вихрь.

— Вы разметали по лугу весь лен, который моя жена разложила для просушки.

— Это неправда, твоя жена лгуния и лентяйка. Но сам ты честный парень, хороший работник и усердно трудисься. С такой женой ты, несмотря на все твои старания, век останешься бедняком, и я хочу вознаградить тебя за долгий путь и за то, что ты верил в мою справедливость. Вот тебе ослик, а когда тебе понадобятся серебро и золото, ты только расстели на земле под самым его хвостом белую салфетку и скажи: «Ослик, исполни свой долг!» И он тотчас доставит тебе столько золота и серебра, сколько ты пожелаешь. Но смотри береги его! Если его у тебя украдут, ты станешь так же беден, как прежде.

И Вихрь дал ему стоявшего в углу хижинки ослика, ничем не отличавшегося от любого вислоухого. Портной поблагодарил за щедрый подарок, попрощался с Вихрем и его матушкой и отправился домой в сопровождении драгоценного животного.

Отойдя на некоторое расстояние от хижинки, Жан очутился среди обширной пустоши. Чтобы поскорее узнать, обладает ли его ослик тем свойством, которое ему приписывалось, Жан расстелил свой носовой платок на земле под самым его хвостом и сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

В тот же миг посыпались золотые и серебряные монеты, быстро покрывшие платок. Жан наполнил ими все карманы, а затем продолжал путь, распевая, смеясь, приплясывая от радости и припрыгивая, словно помешанный.

Когда стало смеркаться, он решил заночевать на постоялом дворе у самой дороги.

Слуге, которому Жан поручил своего ослика, он строго велел как можно лучше о нем заботиться, а главное —

не просить его исполнить свой долг. Как видно, бедняга Жан был не из сметливых. Плотно поев и угостившись самым лучшим вином, какое нашлось на постоялом дворе, Жан лег в постель и заснул, не тревожась о завтрашнем дне.

Слуга был удивлен тем, что Жан велел ему не просить ослика исполнить свой долг, — никто из постояльцев никогда не говорил ему таких вещей.

«Здесь что-то неладно», — подумал он.

Эта мысль не давала слуге уснуть, и он пошел поделиться ею со своим хозяином.

Когда все в доме легли спать, хозяин, его жена и слуга отправились в конюшню. Слуга подошел к ослику и сказал ему:

— Ослик, исполни свой долг!

И в тот же миг с веселым звоном посыпались серебряные и золотые монеты. Все трое не могли прийти в себя от изумления. Наполнив карманы золотом, они подменили одного вислоухого другим и заперли волшебного ослика в укромный чулан, далеко от конюшни.

На другое утро Жан вкусно позавтракал, расплатился и, забрав ослика, которого ему привел слуга, продолжал путь, не догадываясь, как его надули. Карманы у него еще полны были золота и серебра, добытого накануне, и поэтому до самого конца пути ему не понадобилось приказывать ослику исполнить свой долг.

Возвратясь домой, он увидел, что его жена и дети чуть не умирают от голода. Жанна, завидя мужа, стала осыпать его бранью:

— Наконец-то ты явился, жестокий, бессовестный человек! Шатаешься неизвестно где, оставляешь жену и детей умирать с голоду! — И она грозила ему кулаком.

— Замолчи, жена, — сказал Жан спокойно, как подобает человеку, уверенному в своем деле, — ты никогда уже не будешь терпеть недостатка в хлебе или в чем другом; теперь мы будем богаты, ты сейчас в этом убедишься. Сними передник и расстели его на земле под самым хвостом моего ослика.

Жанна расстелила передник, и Жан, не медля, сказал:

— Ослик, исполни свой долг.

Но на передник ничего не упало. Жан сильно этому удивился. Думая, что, быть может, ослик не расслышал, он во второй раз сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

Опять ничего! Он в третий раз, еще громче прежнего, крикнул:

— Ослик, исполни свой долг!

В этот раз на передник кое-что упало, но то было не золото и не серебро.

Видя все это, Жанна решила, что муж над ней издевается. Она заорала еще громче, а затем схватилась за палку. Бедняга Жан убежал сломя голову.

Куда ему было деваться? Он даже толком не знал, где у него украли ослика; вот он и решил снова отправиться к Вихрю.

Когда Вихрь увидел опечаленного Жана, он сказал:

— Я знаю, зачем ты опять пришел: ты недоглядел за своим осликом, его у тебя украли на первом же постоялом дворе, где ты заночевал по пути домой. Теперь вот тебе салфетка. Как только ты расстелешь ее на столе, а то и на голой земле, и скажешь: «Салфетка, исполни свой долг!» — она тотчас накормит и напоит тебя всем, чего бы ты ни пожелал. Но смотри в оба, чтобы ее тоже не украли.

— Уж будьте спокойны, — ответил Жан, — скорее я расстанусь с жизнью.

Жан попрощался с Вихрем и его матушкой и снова двинулся в путь. Когда стемнело, он заночевал на том же постоялом дворе, что и в первый раз. А там справляли свадьбу. Ему оказали радушный прием и попросили сесть за стол с новобрачными, что он охотно сделал. Потому ли, что угощение показалось ему скудным, а быть может, и потому, что он захотел похвастаться перед гостями и прослыть у них великим мудрецом и чародеем, Жан вынул из кармана салфетку, расстелил ее на столе и гордо сказал: «Салфетка, исполни свой долг!» — в тот же миг на столе появилось роскошное угощение: изысканные яства, какие подаются только за королевским столом, и тончайшие вина всех стран.

Опьяненный похвалами и вином, Жан и на этот раз не заметил, как его обокрали, утащили у него салфетку. Утро застигло его в прежней бедности, и он опять не знал, как ему быть. Однако теперь он не осмелился явиться к жене с пустыми руками, а решил, что для него единственное спасение снова отправиться к матери Ветров.

И вот он опять пошел той же дорогой, но на этот раз очень пристыженный и смущенный.

Увидев его, Вихрь сказал:

— Опять тебя обокрали, бедняга! У тебя утащили салфетку!

— Сжальтесь надо мной, ваша светлость, — взмолился несчастный портной, — у меня жена и дети с голоду умирают, я не могу вернуться домой с пустыми руками!

— Я согласен тебе помочь, потому что ты неплохой человек, но уж это в последний раз, — ответил Вихрь. Затем он вручил портному дубинку, сказав при этом:

— Вот тебе дубинка. Стоит только тому, у кого она в руках, сказать: «Дубинка, исполни свой долг!», и она начнет без устали лупить недругов своего хозяина. Ничто не сможет ее остановить, пока он ей не скажет: «Довольно!» При помощи этой дубинки ты вернешь себе и осла и салфетку.

Жан поблагодарил и пустился в обратный путь. Он заночевал все на том же постоялом дворе. Рассчитывая украсть у него еще какое-нибудь сокровище, хозяева оказали ему самый радушный прием. Жан пригласил хозяина, его жену и слугу поужинать с ним. К концу трапезы он сказал своей дубинке, с которой теперь ни на минуту не расставался:

— Дубинка, исполни свой долг!

Дубинка тотчас завертелась в воздухе и давай лупить по очереди хозяина, хозяйку и слугу. Как они ни старались ее остановить, все было напрасно; они залезали под стол, прятались, где только можно, но дубинка всюду их настигала, а портной хохотал и потешался над ними.

— Пощадите! Сжальтесь! — вопили они.

А Жан в ответ:

— Поделом вам, будете знать, как таскать ослов и салфетки!

— Сжальтесь! Пощадите! Мы все вам вернем! Ведь нам, того и гляди, конец придет!

Эта потеха длилась около получаса, пока Жан не skoмандовал:

— Довольно!

Тогда дубинка угомонилась, и Жан вернулся домой с ослом, салфеткой и дубинкой.

Если он сумел их сберечь, то, наверно, живет припеваючи. А я с тех пор больше о нем ничего не слыхал.

ила однажды женщина. Было у нее три сына. Почувствовав, что пришло ей время умирать, она сказала старшему сыну, которого звали Жемчужинка:

— Жемчужинка, ты самый старший и должен заменить своим братьям отца. Вот вам по шести франков каждому. После моей смерти вы уйдете из дому и займетесь на работу. Постарайтесь только все трое устроиться в одном доме.

Отдав последний долг матери, три мальчика связали в узелок свои пожитки и пустились в путь. Они заходили на все фермы, встречавшиеся им по дороге, и спрашивали, не нужны ли там работники. Им часто отвечали, что одного или двух охотно бы наняли, но о таком месте, где можно было бы наняться всем троем, никто не слышал.

Так зашли они очень далеко и очутились в дремучем лесу. Мальчиков уже охватил страх, как бы их не настигла там ночь, но вдруг они увидели вдали меж деревьев домик. Они прибавили шагу, подошли к дому, когда уже смеркалось, и постучались. Им открыла женщина.

— Не нужны ли вам работники, тетушка? — спросил Жемчужинка за всех братьев.

— Вы, видать, степенный малый, мой дружок, — ответила женщина, — и мне действительно нужны слуги, но мой муж съедает всех, кто входит в наш дом.

— Ах, сударыня, ваш муж не станет нас есть, уж очень мы отощали. Мы несчастные сироты, без отца и матери, и почти никогда не едим досыта.

— Еще не было такого случая, — ответила женщина, — чтобы мой муж не съел заночевавшего здесь человека.

— Приютите нас хотя бы на эту ночь, — сказал Жемчужинка, — нам все равно, кто нас съест, ваш муж или хищные звери.

— Так и быть, у меня три дочери, я положу вас вместе с ними. Думаю, что муж не станет искать вас у них в кровати.

Она накормила мальчиков, а когда они укладывались спать, велела им надеть по колпачку.

Вскоре явился муж и сразу спросил:

— Что новенького в доме? Я слышу запах свежего мяса.

— Ошибаешься, мой друг. Ты слышишь запах овец из хлева.

— Нет, нет, запах, который я слышу, идет из дома; пужно посмотреть, что там такое.

— Так и быть, скажу тебе правду. Зашли к нам трое бедных сирот, которые попросились переночевать, и я уложила их с нашими дочерьми.

— Вот я и съем одного из них! — закричал людоед.

— Ну, как хочешь, — сказала жена, — но если ты уж непременно хочешь съесть одного из них сегодня же вечером, то смотри — не трогай того, кто зовется Жемчужинкой. Это очень умный и степенный мальчик.

— Слышал я о Жемчужинке, но ему не миновать участи всех остальных.

Жемчужинка, который еще не спал, подслушал этот разговор. Тихохолько, не разбудив девочек, он снял с них короны и надел на них колпаки.

— Послушай-ка, — сказала жена людоеда, — ты только смотри не ошибись. На девочках — короны, а на мальчиках — колпаки.

Людоед пошарил руками. Он не тронул тех, на ком были короны, и убил трех своих дочерей, на которых Жемчужинка надел колпаки.

— Покончил я со всеми троими, — сказал людоед. — Вздуй-ка огонь, зажарим одного из них на вертеле.

— Только не носи сюда бедного Жемчужинку, он сам сказал, что очень худ.

— Я пощупаю рукой и выберу самого жирного.

Людоед наклонился, и когда поднес свечу поближе, увидел, что держит в руках свою старшую дочь.

— А, — закричал он, — ты говорила мне о Жемчужинке. Это он сыграл со мною злую шутку — снял короны с девочек! Не миновать тебе смерти, Жемчужинка!

— Как вам угодно, — ответил смиренно Жемчужинка, — только было бы умнее сначала подкормить нас. Ведь мы очень отощали, а свежее мясо у вас есть.

— Так и быть, плут ты этакий, даю тебе неделю. Раз я убил своих дочерей, придется их съесть...

— Только кормите нас получше, иначе мы не разжиреем.

— Приготовь-ка им хорошее пойло, — приказал людоед жене.

На следующий день жена принесла корытце с картошкой и отрубями.

— Сударыня, — сказал Жемчужинка, — то, что вы нам даете, годится, с вашего позволения, только свиньям, мы же от этого не разжиреем.

— Мой муж приказал давать вам такой корм.

— Раз так, будьте уверены, что мы ничуть не разжиреем.

Вечером, лежа в постели, великан стал громко браниться, думая, что мальчики уже уснули.

— Ну и плут этот Жемчужинка! Знай он, что у меня есть сапоги, которые делают семь миль в час, он, наверно, украл бы их.

— Не говори так громко, — предупредила его жена, — вдруг тебя кто-нибудь услышит.

Жемчужинка, еще не успевший уснуть, наострил уши и подумал: «Вот это неплохо узнать!»

— Ну и плут этот Жемчужинка! — снова сказал людоед. — Знай он, что у меня в трубе есть луна, которая светит на семь миль в окружности, он и ее захотел бы у меня украсть.

Жемчужинка слушал в оба уха.

— Ну и плут этот Жемчужинка! Знай он, что у меня на шкафу лежит палочка, по одному велению которой вырастают горы на ровном месте, появляются новые дороги на суше и на море, палочка, которая дает все, что пожелаешь, он и ее попытался бы украсть.

«Если я смогу добыть все это, — подумал Жемчужинка, — мы отсюда убежим».

Великан наконец уснул. Жемчужинка подождал, пока он храпит, потом тихонько разбудил братьев и сказал им:

— Довольно вам спать, держитесь-ка начеку.

Мальчики ночевали в лачужке рядом с большим домом. Жемчужинка вскарабкался по трубе, влез на крышу и по трубе же спустился в комнату, где спал людоед. В трубе он увидел луну, но не взял ее, рассудив, что ему вскоре опять придется карабкаться вверх.

Жемчужинка бесшумно подкрался к кровати, надел сапоги, снял со шкафа палочку и, когда снова лез по трубе, захватил луну, которая теперь освещала ему путь.

Войдя в комнату, где ждали его братья, он сказал:

— По велению моей палочки — дверь отворись и выпусти нас.

И все трое вышли. Но братья не могли поспеть за Жемчужинкой, так как у них не было волшебных сапог.

«Если у великана есть другая пара сапог, — подумал Жемчужинка, — то ему легко будет поймать нас».

— Садитесь ко мне на спину, — сказал он братьям.

Но с ношей Жемчужинка не мог так быстро идти, как шел раньше.

Проснувшись утром, людоед стал искать сапоги и не нашел их. Посмотрел на свой шкаф — нет палочки, глянул в трубу — луны как не бывало.

— Ну и плут этот Жемчужинка! — воскликнул он. — Это он у меня все украл!

— Говорила я тебе, — ответила жена, — что не надо так громко разговаривать.

Людоед надел другую пару волшебных сапог и бросился в погоню за мальчиками.

Между тем Жемчужинка шел не останавливаясь, а братьям наказывал следить за всем, что делается вокруг.

— Смотрите в оба, — говорил он им.

— Послушай-ка, мы видим, как вздымается вдали облако пыли. Вот оно совсем близко, вот настигает нас.

— По велению моей палочки, — сказал Жемчужинка, — пусть вырастут позади нас крутые горы.

Людоеду пришлось обойти горы. Но все-таки он шел быстрее Жемчужинки, который нес на себе братьев.

— Я вас не брошу, — сказал Жемчужинка, — ведь я обещал это нашей матери. Только смотрите в оба, иначе мы пропадем.

Великан чуть не настиг их, но Жемчужинка снова обратился за помощью к палочке, и по его приказу забурлила такая глубокая река, что людоед не смог перейти ее.

Стоя на другом берегу, великан все кричал:

— Верни мне только палочку, Жемчужинка, я подарю тебе сапоги и луну!

— Дудки! Дождись, дяденька, — ответил Жемчужинка, — не получишь ты палочки. Все останется у меня.

Братья пришли в большой город, и Жемчужинка сказал, что они теперь в безопасности. Он снял комнату, а когда братья спросили, как они расплатятся, Жемчужинка

ответил, что палочка будет доставлять им пищу и деньги.

И стали они богато жить, хорошо одеваться и гуляли втроем, как знатные господа.

Но братья завидовали Жемчужинке и, захватив однажды ночью палочку и сапоги, убежали из дому. Проснувшись утром, Жемчужинка напрасно искал сапоги и палочку, — у него осталась одна лишь луна.

«Я обокрал великана, теперь мои братья, в свою очередь, обокрали меня! Только зря они это сделали», — подумал он и пустился на поиски.

Он решил, что братья взяли палочку и сапоги для того, чтобы освободить зачарованную принцессу, о которой было много разговоров. По дороге он расспрашивал всех прохожих, не повстречались ли им два мальчика, но никто их не видел.

Среди людей, которых он расспрашивал, попались ему три вора. Воры, в свою очередь, захотели узнать его имя.

— Зовут меня Жемчужинка, — ответил он.

— Вот оно что! Ты ловкий малый, и нам давно хотелось на тебя посмотреть.

— Не много я теперь значу, — ответил Жемчужинка. — Была у меня палочка, которая давала мне большую власть, но пропала моя палочка! Были у меня сапоги, делавшие семь миль в час, их у меня больше нет. Осталась у меня только луна, которая в самую темную ночь светит на семь миль в окружности.

— Пойдем с нами, Жемчужинка. У нас такое ремесло, что нам как раз на руку видеть ночью, как днем. Ты с нами много заработаешь.

— А чем же вы занимаетесь?

— Собираем кошельки, которые удается стянуть.

— Это выгодное ремесло, — ответил Жемчужинка, — пока не поймают. Но в этом-то вся загвоздка!

Он согласился пойти с ворами, некоторое время помогал им и получал свою долю добычи, потому что его луна пришлась им очень кстати. Она освещала по их желанию какое-нибудь место, а кругом была полная темнота.

Но Жемчужинка не переставал думать о заколдованной принцессе и однажды сказал своим товарищам:

— Хорошо бы нам пойти в замок и освободить принцессу, там, уж наверно, можно добыть много золота.

— Так-то так, да разве ты не знаешь, что людоед съедает всякого, кто туда приходит?

— Все же я туда пойду, потому что надеюсь найти там моих братьев. Перед тем, как бросить меня, они часто говорили об этом замке.

— Раз ты непременно хочешь идти туда, — сказали воры, — мы пойдем вместе с тобой.

Они пришли в замок. Там все двери оказались открытыми, но нигде не встретилось им ни души. Комнаты были разукрашены золотом и серебром, и воры до отказа пабили себе карманы. Жемчужинка ничего не брал и только тщательно осматривал каждую комнату.

Обойдя весь замок, он сказал товарищам:

— Пойдем в сад, может быть там встретим кого-нибудь.

Тут они увидели под розовым кустом обоих братьев Жемчужинки, а рядом с ними принцессу, с которой уже наполовину были сняты чары.

— Вот вы где, плутишки! — сказал Жемчужинка своим братьям. — Я давно ищу вас.

— Не брани нас, Жемчужинка, принцесса скоро будет освобождена от чар, и мы ее тебе отдадим.

Ворам не к чему было оставаться в замке, и они ушли. Жемчужинка на прощанье подарил им луну, в благодарность за то, что они привели его сюда.

Он забрал у братьев сапоги и палочку, и они сказали ему:

— Самое трудное выпадет на твою долю, Жемчужинка. Эта ночь все решит, однако, как ты сам понимаешь, тебе не легко придется.

— Не беда, — ответил Жемчужинка.

Когда настала ночь, явились три страшных чудища и сказали:

— А, это ты, Жемчужинка! Мы тебя еще не видали.

— Еще бы, — ответил Жемчужинка, — ничего тут нет удивительного!

— Что же нам с тобой сделать?

— Делайте то, что можете, а не то, что хотите.

— Мы изжарим тебя на вертеле.

— Хоть на сковороде, если вам угодно, — ответил Жемчужинка.

Братья из зависти не предупредили его о тех ужасах, которые его ждали, но он все-таки ничуть не обрел.

Чудища поволокли Жемчужинку и стали изо всех сил бить его дубинами. Но Жемчужинка ничего не чувствовал, потому что держал в руках палочку, которой он предусмотрительно все время твердил:

— По велению моей палочки никто не может причинить мне боль.

Чудища наконец заметили, что он держит в руках палочку.

— Не говори ничего палочке, иначе мы тебя убьем! — крикнули они.

Но в ту же минуту Жемчужинка сказал:

— По велению моей палочки принцесса будет освобождена, а вы прокляты навеки.

В тот же миг желание его исполнилось, и он увидел принцессу, освобожденную от чар и прекрасную как день.

— Вы, Жемчужинка, мой избавитель, — сказала она, — и вас я выбираю в мужа.

Жемчужинка женился на принцессе, и они отпраздновали такую знатную свадьбу, что вдоль всей дороги, ведущей в замок, лежали на камнях подвыпившие гости и блаженно храпели.

22. ФИРОЗЕТ

В давние времена жил юноша по имени Фирозет; он любил девушку, которую звали Юлией. Мать Фирозета была фея; она не хотела, чтобы он женился на Юлии, а задумала навязать ему в жены старую уродливую хромоножку.

Как-то раз фея сказала Юлии:

— Я иду к обедне; тем временем ты вот этим решетом вычерпаешь колодезь.

Бедная девушка сильно опечалилась; она принялась черпать воду, но вода вся до капли уходила из решета. Вдруг рядом с девушкой появился Фирозет.

— Юлия, — спросил он ее, — что вы здесь делаете?

— Ваша мать приказала мне вычерпать вот этим решетом колодезь.

Фирозет прикоснулся палочкой к каменной закраине колодца, и он тотчас высох.

Вернувшись домой, фея сказала:

— Эй, Юлия! Видно, мой Фирозет выручил тебя.

— О нет, сударыня, я его и не видала! Очень мне нужен ваш Фирозет, Фирозетан, или как его там зовут!

Она и виду не подавала, что любит юношу.

В другой раз фея сказала Юлии:

— Поди снеси это письмо моей сестре, она живет в Эффинкуре. Ты получишь от нее что-нибудь в награду.

Дорогой Юлия повстречала Фирозета. Он спросил ее:

— Куда вы, Юлия, идете?

— Я иду снести письмо вашей тетке, она живет в Эффинкуре.

— Слушайте внимательно, что я вам скажу, — сказал Фирозет. — Войдя в дом к моей тетке, вы увидите метлу, стоящую прутьями кверху; поставьте ее так, как надо. Моя тетка даст вам полную коробку лент и скажет, чтобы вы самую красивую из них выбрали себе на кушак. Возьмите ее, но берегитесь, не опоясывайтесь этой лентой. Когда выйдете в поле, обвейте ее вокруг куста, и тогда вы увидите, что произойдет.

Придя к тетке Фирозета, девушка не забыла про метлу, а потом сказала хозяйке:

— Сударыня, вот письмо, которое ваша сестра вам послала.

Прочтя письмо, сестра феи сказала Юлии:

— Что бы я могла подарить за труд? Смотри, вот коробка, полная лент; возьми самую красивую и сделай себе из нее кушак — увидишь, как это будет тебе к лицу.

Юлия взяла ленту и отправилась в обратный путь. Дойдя до Жербо, она обвила лентой первый попавшийся куст, — он тотчас запылал.

Когда она вернулась, фея сказала:

— Эй, Юлия, это мой Фирозет тебя надоумил!

— Нет, сударыня, я его в глаза не видала. Очень мне нужен ваш Фирозет, Фирозетан, или как его там зовут!

Она и виду не подавала, что любит юношу.

Как-то раз фея положила ее спать в одну постель со старой хромоножкой, в ногах у той, и велела держать между пальцами обеих ног свечи. Поздней ночью фея, спавшая на чердаке, закричала:

— Милый Фирозет, не пора ли мне поколдовать?

— Нет, матушка, повремените немного.

Спустя недолгое время Фирозет спросил хромоножку:

— Не ляжете ли вы на место этой бедной девушки?

Фея второй раз закричала:

— Милый Фирозет, не пора ли мне поколдовать?

— Нет, матушка, повремените немного.

Спустя недолгое время он опять спросил хромоножку:

— Не ляжете ли вы на место этой бедной девушки?

Фея в третий раз закричала:

— Милый Фирозет, не пора ли мне поколдовать?

И Фирозет в третий раз спросил старую хромоножку:

— Не ляжете ли вы на место бедной девушки?

Волей-неволей пришлось хромоножке уступить и встать себе свечи между пальцами обеих ног. А Фирозет тотчас воскликнул:

— Да, да, матушка, колдуйте поскорее!

— Я хочу, — молвила фея, — чтобы та, у которой между пальцами обеих ног свечи, превратилась в утку, и хочу съесть ее к завтраку.

В тот же миг хромоножка превратилась в утку, соскочила с кровати и начала ковылять по комнате.

Увидя, что ее обманули, фея тут же лопнула от злости.

23. СМЕТЛИВЫЙ СОЛДАТ

ил однажды солдат. Отслужив свой срок, он пошел домой. Проходя мимо какого-то замка, он постучался в дверь, чтобы попросить напиться, так как его томила жажда. Ему открыл лев, — в те времена львов часто держали вместо слуг. Хозяин и хозяйка были в отсутствии. Солдат попросил льва дать ему стакан воды.

— Воды я тебе не дам, солдат, — ответил лев, — ты выпьешь вина вместе со мной.

Солдат не заставил себя долго просить. Они вдвоем распили несколько бутылок, затем лев сказал:

— Солдат, хочешь сыграть со мной партию в пикет? Я знаю, люди военные от нечего делать играют в эту игру.

— С превеликим удовольствием.

Они сыграли партий семь-восемь. Лев все время проигрывал и наконец пришел в ярость. Он нарочно уронил карту и попросил солдата поднять ее; а тот, смекнув, что лев только и ждет, чтобы он нагнулся, и тотчас на него набросился, не тронулся с места и сказал:

— Я тебе не слуга, можешь сам поднять карту. Но ты, кажется, сердишься на меня, — сыграем-ка лучше в другую игру. Принеси мне блок, веревку и доску.

Лев принес все, что солдат потребовал; солдат смастерил качели и первым влез на них.

Едва он разок-другой взлетел, как лев крикнул ему:

— Слезай, солдат, слезай, теперь моя очередь!

— Нет еще, лев, — ответил солдат, — поспеешь!

Наконец солдат слез с качелей, помог льву взобраться на них и сказал ему:

— Лев, ты игры не знаешь, я боюсь, как бы ты не упал и не переломал себе ребра. Я тебя привяжу за лапы.

Сказано — сделано. Солдат привязал льва и со всего размаха подбросил до самого потолка.

— Ай! Солдат, солдат, сними меня, — завопил лев, — с меня хватит!

— Я тебя сниму, когда опять попаду в эти края, — ответил солдат и вышел из замка.

Лев орал во все горло, так что за три лье было слышно. Владелец замка и его жена, гулявшие в лесу, поспешили домой. После долгих поисков они наконец нашли льва, висевшего в воздухе на качелях.

— Эй, лев, — сказали они ему, — что ты тут делаешь?

— Ах, и не говорите! Какой-то мерзкий, плюгавый солдатик посадил меня сюда.

— Если мы тебя снимем, что ты с ним сделаешь?

— Пущусь за ним в погоню, а если поймаю — убью и съем.

Тем временем солдат все шел да шел. Дорогой ему повстречался волк, который колол дрова.

— Волк, — сказал солдат, — ты не так берешься за дело. Я сам возьмусь за твой колун; а ты засунь лапу в трещину, она будет вместо клина.

Как только волк сунул лапу в трещину, солдат вытащил колун и лапа застряла в полене.

— Солдат, солдат, высвободи мне лапу!

— Ладно, — сказал солдат, — я это сделаю, когда опять попаду в эти края.

На отчаянный вой волка прибежал лев, отправившийся в погоню за солдатом.

— Что с тобой, волк? — спросил он.

— Ах, и не говорите! Какой-то мерзкий, плюгавый солдатишка защебил мне лапу в эту трещину.

— Что ты сделаешь, если я тебя вызволю?

— Побегу вместе с тобой за ним вдогонку; мы его загрызем и съедем.

Лев высвободил лапу волка, и они вдвоем пустились догонять солдата.

Но солдат уже далеко ушел вперед. В пути ему повстречалась лиса, стоявшая, задрав голову, у высокого дерева.

— Эй, лиса, — сказал солдат, — на что ты там загляделась?

— Вон на те вишенки.

— Если хочешь, — сказал солдат, — я тебе помогу взобраться на дерево.

Тут он взял заостренную палку, проткнул лису, а затем, размахнувшись хорошенько, забросил лису с палкой на дерево. Палка застряла в ветвях, и лиса так и осталась на ней, словно на вертеле.

— Ай! Солдат, солдат, сними меня! — вопила лиса.

— Когда опять попаду в эти края, — сказал солдат, — вишни как раз поспеют.

Лиса жалобно стонала. На ее стоны прибежали лев и волк.

— Что это ты, лиса, там делаешь?

— И не говорите! Это какой-то мерзкий, плюгавый солдатишка сыграл со мной такую штуку.

— Что ты с ним сделаешь, если мы тебя выручим?

— Пуцусь вместе с вами в погоню за ним; мы его загрызем и съедем.

Тем временем солдат все шел да шел; дорогой ему повстречалась молодая девушка.

— Сударыня, — сказал он ей, — за мной гонятся три лютых зверя, они нас сожрут. Послушайте моего совета: смастерим качели!

Девушка согласилась, и когда опередивший своих спутников лев настиг их, они уже высоко взлетали на качелях.

— Как, — сказал лев, — опять та же потеха? Надо бежать со всех ног!

Немного погодя солдат принялся колоть дрова. Волк, достигнув их, вскричал:

— Как, опять то же самое? — и пустился наутек.

С лисой вышло так же.

Солдат благополучно доставил девушку к ее родителям; те несказанно обрадовались, узнав, что она счастливо избежала такой великой опасности; они не знали, как благодарить солдата, и выдали дочь за него замуж.

24. ЖАН И ПЬЕР

В давние времена жила бедная женщина; у нее было два сына — Жан и Пьер. Видя нужду матери, Пьер пошел напиматься в работники к одному крестьянину.

— Сколько ты просишь жалованья? — спросил крестьянин.

— Сто экю, — ответил Пьер.

— Будь по-твоему. Но вот какой у нас будет уговор: при первой же ссоре тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Я никогда не сержусь, хозяин.

Не прошло и недели, как Пьер поспорил с хозяином, рассердился, и крестьянин намаял ему бока. Пьер вернулся к матери и рассказал своему брату Жану о том, что с ним случилось. Жан попросил брата показать, где живет хозяин, и пошел напиматься. Однако Жан не говорил, что он родной брат Пьера.

— Сколько ты хочешь?

— Положите мне сто экю, хозяин.

— Будь по-твоему. Но вот какой у нас будет уговор: при первой же ссоре тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Я никогда не сержусь, хозяин.

На другой день хозяин велел Жану везти зерно на рынок. Жан повозку и всю четверку лошадей продал, а деньги снес брату. Когда он вернулся к хозяину, тот его и спрашивает:

— А где повозка с лошадьми?

— Хозяин, — ответил Жан, — я их продал человеку, которого встретил на дороге.

— А что ты сделал с деньгами?

— Деньги я отдал брату, которому вы намяли бока.

— Так ты разорить меня хочешь?

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться.

На следующий день хозяин сказал хозяйке:

— Я пошлю Жана срубить самый большой дуб, какой только есть в лесу; он не сможет его приволочь, а когда я начну его бранить, он рассердится.

Жан отправился в лес с повозкой, запряженной четырьмя лошадьми, продал, как и в тот раз, повозку и лошадей, а затем вернулся домой.

— Что ж это, — спросил его хозяин, — где повозка?

— Повозка? Я ее оставил в лесу; она там застряла.

— Ай! Ты вконец разорить нас хочешь!

А хозяйка кричала и того громче:

— Ты нас дотла разоришь!

— Хозяин, — молвил Жан, — уже не сердитесь ли вы?

— Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться!

Как-то раз, когда Жан на гумне молотил хлеб, хозяин со своей женой пошли завтракать, а его не позвали. Жан и виду не подал, что заметил это; он отправился на рынок, продал обмолоченный хлеб, сытно позавтракал на постоялом дворе и пошел домой.

— Жан, — сказал хозяин, — что ты сделал с зерном?

— Вы меня не позвали завтракать. Я продал зерно и на эти деньги позавтракал.

— Ты нас дотла разоришь, Жан, дотла разоришь!

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться!

Хозяйка сказала мужу:

— Давай-ка пошлем его стеречь поросят на дальнем выгоне; людоед его сожрет, и мы избавимся от него.

И вот Жан отправился со стадом на выгон. Оказавшись возле жилья людоеда, он вошел туда. В руке он держал воробья.

— А что, — спросил он людоеда и показал ему воробья, — наверно, тебе никак не взлететь так высоко, как летает эта птичка?

— Нет, не взлететь, — ответил людоед.

— Я голоден, — сказал Жан.

— И я тоже. Что мы съготовим на завтрак?

— Давай, — сказал Жан, — сварим кашу.

Когда каша сварилась, они сели за стол. Жан заранее приладил к животу объемистый карман и потихоньку откладывал туда добрую долю, пока людоед уплетал кашу за обе щеки. Когда карман наполнился, Жан вспорол его ножом, и каша вывалилась на пол; потом он опять принялся за еду.

— Смотри-ка, — сказал людоед. — Я тоже хотел бы так облегчиться! Вспори и мне живот!

Жан не заставил дважды себя просить: он так ловко вспорол людоеду брюхо, что тот сразу испустил дух.

После этого Жан вернулся к своим поросятам и, обрезав им всем хвостики, продал поросят, а затем воткнул хвостики в тину, сплошь покрывавшую ближнее болото, и вернулся к хозяину.

— А где же поросята? — спросил тот.

— Они попали в болото.

— Как же так? Нужно их оттуда вытащить!

— Хозяин, туда никак не пройти.

Хозяин все-таки отправился посмотреть, как обстоит дело; но когда он ухватился за один хвостик, думая вытащить поросенка, хвостик остался у него в руке, сам он с размаху упал в грязь.

— Ты нас дотла разоришь, Жан, дотла разоришь!

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться.

Хозяйка сказала хозяину:

— Надо послать его стеречь гусей на выгоне.

Жан повел гусей на выгон. Вечером оказалась недостача, — двух или трех гусей он продал.

— Жан, — сказал хозяин, — я недосчитываюсь нескольких гусей.

— Хозяин, не я тому виной, их утащил какой-то зверь.

— Ты нас дотла разоришь, Жан, дотла разоришь!

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой наплет бока.

— Да я и не думаю сердиться.

— Диковишный у нас слуга, — сказала на другой день хозяйка, — он нас разорит. Пойду спрячусь в кустах и посмотрю, куда он деваает гусей.

Жан слышал эти слова; прежде чем пойти на выгон, он сказал хозяину:

— Я возьму с собой ваше ружье; если тот зверь опять придет, я его убью.

Завидя в кустах женщину, он выстрелил и убил ее наповал.

— Хозяин, — сказал он, — пересчитайте гусей, все целы; я убил того зверя, который их таскал.

— Ай! Что ты, негодник, сделал! Ты убил мою жену!

— Вот уж не знаю. Как бы то ни было, я убил крупного зверя. А вы, сдается мне, в самом деле сердитесь?

— Еще бы, как же мне не сердиться!

Тут Жан намял ему бока, а затем пошел к себе домой, и я тоже.

аз волк шел по лесу и наступил на улитку.

В те времена животные еще умели говорить как люди. Вот улитка ему и сказала:

— Какой ты злой, волк! Зачем топчешь ногами слабых? И чем гордишься? Захочу, так побегу быстрее тебя. Давай побьемся об заклад, что ты и твои приятели волки запыхаетесь, догнав меня.

— Это тебя-то не догнать, убогая?

— Да, меня, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра с восходом солнца, и посмотрим, кто из нас первый добежит до берега Гаронны.

— Хорошо, придем, убогая.

Волк продолжал путь. Не прошел он и двадцати шагов, как наступил на осиное гнездо.

— Какой ты злой, волк, зачем топчешь ногами слабых? Мы, осы, малы, но тебя не боимся. Хочешь, побьемся об заклад, что мы утопим и тебя и твоих приятелей волков?

— Это вы-то, мелюзга этакая?

— Да, мы, волк. Приходи сюда вместе со своими братьями завтра, когда взойдет солнце, и посмотрим, много ли нам понадобится времени, чтобы утопить вас в Гаронне.

— Хорошо, мелюзга, придем.

Волк тотчас же пошел предупредить своих. А улитка сказала осам:

— Подружки, оповестите весь ваш осиный народ. Мои улитки тоже все непременно соберутся на зов. Спрячьтесь в ветвях ив, что растут на берегу Гаронны. Мы пригоним вам волков, а вы в удобную минуту нападите на них и жальте, пока они не бросятся в воду.

— Хорошо, улитка, будет сделано.

И осы улетели, чтобы исполнить то, что обещали. А улитка разместила своих подружек на всем пути до берега Гаронны, через каждые пять шагов по улитке.

На другое утро, с восходом солнца, волки и улитка были уже на том месте, откуда решено было пачать бег.

— Ты здесь, улитка?

— Здесь, волки. Начнем.

Волки помчались галопом. На бегу они кричали:

— Где ты, улитка?

— Здесь, волки, — отвечали улитки, расставленные по дороге через каждые пять шагов.

Когда волки добежали до берега Гаронны, осы тучей вылетели из листвы ив и, напав на зверей, принялись больно жалить их, громко жужжа:

— Сильнее! Сильнее!

Бедные волки кинулись в реку и не смели высунуть из воды ничего, кроме кончика морды.

— В нос, в нос! — жужжали осы, налетая на волчьи носы и усердно работая жалами.

Волки все утонули, а улитки и осы, очень довольные, воротились в лес.

26. ПРЕКРАСНАЯ ЖАНЕТОН

Жил однажды французский король с королевой, и у них был сын, прекрасный как солнце. Каждое утро, чуть рассветет, юноша отправлялся на охоту, а с ним сто псарей и семьсот собак. И всегда он возвращался до заката.

Но однажды вечером скакун королевского сына вернулся один, — хозяин его отбился от своих слуг и заблудился в лесу. Ночь была темная, были волки.

Сын французского короля взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Ни зги не видать.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба, лег на землю и уснул с обнаженным мечом в руке. Когда он проснулся, солнце уже вставало и пели птички.

Целый день сын французского короля шел, блуждая по лесной чаще. Он пил из ручья, ел травы и дикие плоды. Потом настала темная ночь. Были волки.

Сын французского короля взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Ни зги не видать.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба, лег на землю и уснул с обнаженным мечом в руке. Когда он проснулся, солнце уже вставало и пели птички.

Целый день сын французского короля блуждал в чаще леса. Он пил из ручья, ел травы и дикие плоды. Потом настала темная ночь. Выли волки.

Сын французского короля опять взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Наконец с северной стороны, далеко-далеко, он заметил маленький огонек.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба и долго-долго шел к северу. За час до полуночи он постучал у двери замка, затерянного в лесной чаще.

— Тук-тук!

Девушка, прекрасная как солнце, открыла ему.

— Здравствуй, красавица! Я сын французского короля. Вот уже три дня и три ночи я плутаю в лесу, умирая от голода и жажды. Ноги мои меня больше не носят. Дай мне поесть, красавица, и приюти до утра.

— Сын французского короля, входи, ешь скорее и беги отсюда. Это замок моих родителей, замок Людоеда и Людоедки. Оба очень падки на человеческое мясо. Они сейчас гуляют в лесу, но вернуться, как только начнет бить полночь. Я не хочу, чтобы они тебя съели живьем. Сын французского короля, входи, ешь скорее и беги отсюда.

— Красавица, ноги мои меня больше не носят.

— Ну что ж, сын французского короля, входи, ешь скорее и прячься под ушат.

Сказано — сделано. Людоед и Людоедка вернулись, как только начало бить полночь. Это были великаны, высокие как башни и черные как сажа. Людоеды и людоедки ведь некрещеные.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, здесь пахнет крещеной плотью.

— Нет, отец! Да нет же, мать! Нет здесь никакой крещеной плоти. Поищите и увидите, что я вас не обманываю.

Людоед и Людоедка стали всюду искать и ничего не нашли.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, здесь пахнет крещеной плотью. Ложись-ка спать. Завтра мы лучше поищем. Если ты нам солгала, мы тебя съедим живьем.

Людоед и Людоедка легли спать. Но Прекрасная Жанетон не торопилась в постель. Из горсточки золы и ста-

кана собственной крови она слепила пирожок — пирожок, наделенный чудесной силой говорить за нее до рассвета.

Слепив пирожок, Прекрасная Жанетон взяла палку и семимильные сапоги Людоода и Людоодки. Потом подняла ушат тихонько-тихонько:

— Сын французского короля, скорей бежим отсюда. Здесь для нас готовится недоброе.

И они вдвоем умчались быстрее ветра.

Но Людоод и Людоодка не верили Прекрасной Жанетон и только притворялись, будто спят.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только чепчик сниму.

Людоод и Людоодка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только кофту сниму.

Людоод и Людоодка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только юбку сниму.

Людоод и Людоодка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только причешусь на ночь.

Людоод и Людоодка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только сниму башмаки.

Людоод и Людоодка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Но уже наступил рассвет. Пирожок, слепленный из золы и крови, потерял свою чудесную силу и больше не мог отвечать за Прекрасную Жанетон.

Тогда Людоодка вскочила с постели.

— У-гу-гу! Тысяча дьяволов! Десять тысяч дьяволов! Прекрасная Жанетон и крещеная плоть убежали с палкой и семимильными сапогами. Скорее, муженек, догоняй их! Через час ты должен их поймать. Мы съедем их живьем.

Людоод взял другую палку и стомильные сапоги и полетел беглецам вдогонку быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон и сын французского короля чуть было не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, канальи!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в птичек, поющих в кустах на дороге:

— Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!

Людоед остановился и стал их расспрашивать:

— У-гу-гу!

Птичка-невеличка, жду ответа —

Мальчика и девочки здесь нету?

— Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек, — спросила Людоедка, — поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только двух птичек, поющих в кустах на дороге. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу, дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей, муженек. Через час ты должен их поймать. Мы съедем их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон и сын французского короля чуть было не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, канальи!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в селезня и утку, плескавшихся и крикавших в канаве у дороги:

— Кря, кря, кря!

Людоед остановился и стал их расспрашивать:

— У-гу-гу!

Селезень и утка, жду ответа —

Мальчика и девочки здесь нету?

— Кря, кря, кря!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек? — спросила Людоедка. — Поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только селезня и уточку, плескавшихся и крякавших в канаве у дороги. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Кря, кря, кря!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу, дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей, муженек. Через час ты должен их поймать. Мы съедем их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон с сыном французского короля чуть не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, каналы!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в пастушку, прекрасную как солнце, пастушку Бернадетту, стерегущую свое стадо на дороге.

— Бэ, бэ, бэ!

Людоед остановился и стал расспрашивать ее и овец:

— У-гу-гу!

Солнышко, пастушка Бернадетта!

Белые овечки, жду ответа:

Мальчика и девочки здесь нету?

— Бэ, бэ, бэ!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек, — спросила Людоедка, — поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только пастушку, прекрасную как солнце, пастушку Бернадетту, стерегущую своих овец на дороге. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Бэ, бэ, бэ!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу! Дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей, муженек, через час ты должен их поймать. Мы съедем их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, но на этот раз Прекрасная Жанетон с сыном французского короля настолько его опередили, что он уже не мог их догнать.

Через неделю они прибыли в Лувр, ко двору французского короля.

— Здравствуйте, дорогие родители!

— Здравствуй, милый наш сын, мы оплакивали тебя, как мертвого.

— Дорогие родители, я попал к Людоеду и Людоедке, падким на крещеную плоть. Я пропал бы без этой красавицы, без Прекрасной Жанетон. Дорогие родители, я люблю ее так, что никакими словами не описать. Позвольте мне взять ее в жены, не то я отправлюсь на край света и никогда, никогда не вернусь.

— Милый сын наш, не отправишься ты на край света. Бери себе в жены Прекрасную Жанетон.

Сказано — сделано. И долго-долго сын французского короля с Прекрасной Жанетон жили счастливо и богато.

27. ПРИНЦЕССА МАРКАССА И ПТИЦА ДРЕДЕЙН

ил когда-то во Франции король, и было у этого короля три сына.

Старший и средний были и собой хороши, и сильны, и здоровы. А младший вырос щедродушным и хилым. По целым дням он сидел у очага, весь в золе и пепле. Его так и звали — Людуэн, что по-бретонски значит Замарашка.

Старый король был болен. У него перебивали все врачи королевства, но никто из них не знал лекарства от его болезни.

Один знахарь, которого также призвали к больному, сказал, что исцелить короля могло бы только прикосновение к птице Дредейн, которая сидит в золотой клетке.

— А где эта птица? — спросил король.

— В замке принцессы МаркаССы, далеко за Красным морем. Замок тот стоит за тремя высокими стенами, за тремя дворами, а дворы охраняются великанами ростом в семь футов и драконами. Драконы эти мечут пламя на семь миль вокруг.

— Кто же пойдет искать для меня чудо-птицу в таком замке? — сказал король со вздохом.

— Я пойду, отец, — вызвался старший сын.

Он взял с собой золота и серебра вволю, выбрал лучшего коня в дворцовых конюшнях и уехал, сказав отцу:

— Если я не вернусь через год и один день, знайте, что меня больше нет в живых.

Вот принц едет, едет и приезжает наконец в землю саксов.¹ Спрашивает, где тот замок, в котором находится птица Дредейн, но в ответ все только смеются и потешаются над ним.

Принц остановился в гостинице, где нашлись красивые девушки и веселые собутыльники, и стал с ними проматывать свои деньги.

Миновал год и один день, а он не вернулся домой. Тогда пришел к отцу средний сын и говорит:

— Отец, вот миновал уже год и один день, а моего старшего брата все нет как нет. Я поеду искать его и птицу Дредейн, потому что только она одна может вернуть вам здоровье.

И средний сын пустился в путь, взяв с собой много золота и серебра. Он попал в ту же гостиницу, встретил брата и зажил так же весело, как тот.

Прошел опять год и один день. Принцы не вернулись, а старому королю с каждым днем становилось хуже. Тогда Людуэн сказал отцу, что он хочет ехать на поиски братьев и птицы Дредейн.

— И ты тоже, сын мой! — воскликнул старый король. — Нет, оставайся дома, чтобы было кому закрыть мне глаза. Уж если братья твои потерпели неудачу, так тебе и подавно не достать птицы Дредейн.

Но Людуэн упорно стоял на своем. И отец согласился отпустить его. Он дал ему немного денег — гораздо меньше, чем старшим. Людуэн отправился в конюшню, оседлал верблюда, который делал семь миль в час, и пустился в путь.

Приезжает он в тот самый город, где застряли его братья, и спрашивает про замок, в котором находится птица Дредейн. Ему говорят, что здешние жители о таком замке никогда и не слыхивали, а знают о нем только два чужеземных принца, которые приехали сюда не так давно и ведут веселую жизнь. Людуэн пожелал их увидеть. Его привели в гостиницу, и он, узнав братьев,

¹ Землей саксов бретонцы в старину называли Англию.

очень обрадовался тому, что они живы. А братья отняли у него деньги и прогнали его.

Бедный Людуэн поехал дальше, глубоко опечаленный тем, что братья так обошлись с ним.

Верблюд его мчался быстро, и через короткое время он был уже очень далеко.

Ночь застигла Людуэна в дремучем лесу. Со всех сторон в темноте раздавался вой диких зверей. Принц забрался на дерево и заметил вдалеке огонек. Тогда он спустился вниз, пошел на этот огонек и скоро увидел убогую хижину из ветвей и сухой травы. На стук вышла сторбленная старушка, и он попросил, чтобы она пустила его почевать.

— Мне негде уложить тебя, сынок, — отвечала она. — У меня нет кровати.

— Ничего, бабушка, я лягу на камень у очага.

— Что же, входи, сынок, жалко оставлять тебя под открытым небом.

Людуэн привязал своего верблюда к столбу и вошел в хижину.

— Как тут у вас скверно пахнет! — сказал он, зажимая нос.

— Это мой бедный старик. Вот уже неделя, как он умер, а тело все еще лежит, оттого и пахнет.

— Да почему же вы его не хороните?

— Ах, сынок, у меня нет денег, а наш священник даром ничего не делает.

— Сколько же он требует за погребение?

— Экую. А у меня и су не найдется.

— Знаете что, бабушка, я не богат, но завтра утром я заплачу священнику, и мы похороним вашего мужа.

На другое утро он пошел к священнику и сказал ему:

— Вот вам экую, которое вы требовали за погребение мужа той бедной старухи, что живет в лесу. И похороните его немедленно.

Умершего похоронили. Только два человека провожали его на кладбище: старуха и Людуэн.

Сразу же после похорон Людуэн снова пустился в неведомый путь. Проезжая по широкой, голой равнине, он заметил, что за ним следом неотступно бежит белая лисица.

«Почему эта лисица бежит за мной все время?» — недоумевал он про себя.

Когда он доехал до края равнины, лисица вдруг, к его большому удивлению, заговорила человеческим голосом:

— Ты ищешь птицу Дредейн, принц?

— Да, тварь божья. Не знаешь ли ты чего-нибудь об этой птице?

— Знаю. Ты уже недалеко от нее. Видишь тот замок высоко на горе? Там находится птица Дредейн. Я расскажу тебе, что надо делать, чтобы ее достать. Замок стоит за тремя дворами, и каждый двор обнесен высокой стеной. Тебе придется пройти через все три двора. Первый кишит жабами, змеями и всякими ядовитыми гадами. Во втором — львы и тигры, в третьем — огнедышащие драконы и великаны, которые охраняют вход в замок. От одиннадцати часов до последнего удара часов в полночь все они лежат на земле вповалку, с высунутыми языками, и спят глубоким сном. Ты можешь смело пройти между ними и даже по их телам, — они не проснутся, пока не пробьет полночь. Проникнув в замок, ты уже легко пройдешь через три красивых зала (я не скажу тебе, что ты в них увидишь) и в четвертом найдешь птицу Дредейн в золотой клетке, подвешенной к потолку на трех золотых цепях. Птица тоже спит в этот час. Подле клетки, на стене, на золотом гвозде висит сабля. Ты возьмешь эту саблю, перерубишь три золотые цепи и унесешь птицу вместе с клеткой. Но помни, что все это ты должен сделать до полуночи. Если запоздаешь, ворота захлопнутся, и ты никогда не выйдешь из замка.

Людуэн поблагодарил лисицу за совет и, набравшись храбрости, направился к замку.

Он подъехал к замку в тот миг, когда пробило одиннадцать часов, и ворота первого двора были открыты. Войдя внутрь, он увидел, что двор так и кишит громадными змеями и другими отвратительными гадами. У Людуэна сердце упало, когда во втором дворе ему пришлось пробираться среди чудовищ, распространявших мерзкий, удушливый смрад. То же было и в третьем. Но, несмотря на все это, он в конце концов прошел в замок.

В первом зале не было ни единой живой души. Людуэн увидел на столе большой каравай белого хлеба и, почувствовав голод, отрезал изрядный ломоть и принялся есть. К его удивлению, хлеб ничуть не уменьшился, когда

от него отрезали кусок. Людуэн подумал: «Такой хлеб пригодится в дороге», и положил его к себе в сумку.

Затем входит он во второй зал и видит на столе кувшин с вином, а рядом — стакан. «Вот и чудесно!» — сказал он себе. Он выпил стакан, за ним другой, третий, а вино в кувшине ничуть не убывает! Он и кувшин сунул в сумку с хлебом и вошел в третий зал. Тут он рот разинул от восхищения: на пурпуровом ложе крепко спала принцесса, прекрасная как ясный день. Выпитое вино ударило ему в голову, он снял башмаки и, тихонько подойдя, обнял принцессу; но она даже не проснулась. Все-таки он не забыл того, что ему наказывала лисица, и пошел в четвертый зал.

Здесь, в золотой клетке, на трех золотых цепях подвешенной к потолку, спала птица Дредейн. А на стене висела сабля, и на клинке ее было написано: «Тот, кто мной владеет, может убить десять тысяч человек, если ударит острой стороной клинка, а если ударит тупой, то разрубит начисто все, что захочет разрубить». «Недурно!» — сказал Людуэн. Схватил саблю, и — раз, два, три! — тремя сильными ударами перерубил золотые цепи. Потом взял клетку с птицей, прихватил и саблю и бросился вон из замка. Он пробежал по телам драконов и великанов, а те всё спали, высунув языки. Часы начали бить полночь, когда он перешагнул через порог первого зала. «Пока все идет хорошо», — сказал себе Людуэн, вскочил на верблюда, который ожидал его у ворот, и вихрем помчался прочь.

С последним ударом часов принцесса, а за ней великаны, драконы и остальные гады проснулись и сразу узнали, что птицу кто-то похитил. Драконы стали изрыгать пламя, а великаны пустились в погоню за вором. Огонь из пастей драконов опалил шерсть на верблюде и волосы Людуэна. Но верблюд несся быстро за белой лисицей, которая все время бежала впереди и указывала им дорогу. И скоро они достигли границ царства чародея, жившего в золотом замке. Дальше он не имел никакой власти. Они были спасены! Здесь белая лисица исчезла, а Людуэн спокойно продолжал путь.

На краю широкой пустынной равнины, по которой он проезжал, Людуэн увидел у самой дороги постоялый двор и зашел туда поесть и отдохнуть. Он велел подать себе

все, что было там самого лучшего. Хлеб ему не понравился. Он позвал хозяина и сказал:

— Хлеб ваш никуда не годится.

— В наших краях лучшего нет, и сам король ест такой же.

Людуэн вынул из сумки каравай, который он унес из золотого замка, и сказал:

— А вот у меня есть хлеб получше!

Он отрезал ломоть и угостил хозяина.

— Ну-ка, отведайте моего и скажите, нравится ли он вам.

Хозяин попробовал, и хлеб так пришелся ему по вкусу, что он попросил еще кусок. Людуэн отрезал ему второй и показал, что хлеб не уменьшается.

— А что, будь у вас такой хлебец, вы бы скоро разбогатели, не правда ли? — сказал он.

— Это верно. Но где можно достать такой хлеб? — спросил хозяин.

— Нигде. Этот каравай — единственный во всем мире.

— Не продадите ли его мне? Я бы хорошо заплатил.

— А сколько вы дадите за него?

— Сто экю.

— Хорошо, давайте сто экю и берите хлеб, но с одним условием: если та, которой он принадлежит, — принцесса из золотого замка, — когда-нибудь придет сюда и потребует каравай обратно, вы ей вернете его.

Хозяин согласился, в уверенности, что никакая принцесса не потребует хлеб обратно.

Людуэн поехал дальше. На закате он остановился отдохнуть на другом постоялом дворе и продал хозяину за двести экю унесенный им из замка кувшин, в котором никогда не убавлялось вино.

Потом снова пустился в путь. Ехал, ехал, пока не приехал в страну саксов. Здесь он отправился разыскивать братьев в гостинице, где оставил их. Ему сообщили о них дурные вести. Промотав все деньги, оба принца стали ворами. Их схватили, и теперь они сидели в тюрьме, ожидая казни.

Но в это время король саксов вел войну с соседним императором, и ему некогда было вспомнить об узниках.

Людуэн решил пойти к королю и предложить ему свои услуги.

Привратник не хотел пускать его во дворец, но Людуэн показал ему саблю и прошел. Он добрался до покоев короля и ему тоже показал свою саблю, объяснив, какая в ней сила. Он обещал помочь королю одолеть врага, если тот отпустит его братьев на свободу.

Король согласился, и старших принцев выпустили из тюрьмы. Людуэн во главе королевского войска отправился в поход и благодаря своей сабле, один вид которой обращал в бегство самых храбрых солдат, одержал полную победу.

Так как братья Людуэна наделали кучу долгов и сильно задолжали хозяину гостиницы, Людуэну пришлось продать ему свою саблю, все с тем же условием — вернуть ее принцессе, если она этого потребует.

И три брата пустились в обратный путь, в родную Францию, увозя с собой птицу Дредейн в золотой клетке. Птицу нес Людуэн и ни на минуту не расставался с ней.

Но братья, завидуя его удаче, сговорились отделаться от него. Им хотелось самим привезти птицу отцу и уверить его, что это они ее достали.

Проезжая мимо глубокого колодца на краю дороги, они наклонились над его отверстием и закричали:

— Ах, какой там красивый цветок! Поди скорее сюда, Людуэн, погляди, ты, наверное, никогда не видел ничего подобного!

Людуэн поставил клетку на землю и тоже наклонился над отверстием колодца. Братья тотчас схватили его за ноги и бросили в воду. Потом умчались, забрав с собой птицу в клетке и верблюда.

Когда они воротились домой, король был уже совсем плох. Узнав, что сыновья привезли чудесную птицу, которая должна вернуть ему здоровье, он ободрился, и при дворе пошли пиры за пирами.

Однако птица была невесела, и всякий раз, когда ее вносили в комнату короля, она вырывалась, испускала пронзительные крики и не давала королю дотронуться до себя. Старый король слабел с каждым днем, так что жалко было на него глядеть.

Но вернемся теперь к Людуэну и посмотрим, что с ним случилось после того, как его бросили в воду.

К счастью, колодец был неглубокий, и белая лисица тотчас явилась на помощь. Она опустила в колодец свой хвост, который становился все длиннее и длиннее, пока

не коснулся воды, и лиса, приказав Людуэну крепко ухватиться за него, вытащила принца наверх. Потом сказала ему так:

— Принц, возвращайся к отцу, теперь ты доберешься домой без всяких приключений. Недалеко отсюда тебе встретится на дороге старый нищий. Отдай ему все деньги, сколько у тебя есть. Обменяйся с ним платьем и так, в лохмотьях, явись к отцу и попроси какой-нибудь работы, самой грязной. Об остальном не беспокойся, все кончится хорошо, и злые будут наказаны по заслугам. Помнишь, Людуэн, как ты раз ночевал в убогой хижине у бедной женщины, где лежало тело ее умершего мужа, потому что ей не на что было похоронить его? Ты тогда заплатил священнику за погребение.

— Как же, очень хорошо помню.

— Ну, так вот, я — душа этого бедняка, которому ты отдал последний долг, не пожалев своих скудных грошей. И я пришла в образе лисицы, чтобы отблагодарить тебя. А теперь прощай, в этом мире мы больше не увидимся.

И лисица исчезла.

Людуэн пустился в путь и скоро встретил старого нищего, о котором говорила белая лисица. Он отдал старику все свои деньги и одежду, взяв взамен его лохмотья. Переодевшись, он пошел дальше. Шел долго, но не терял мужества и наконец пришел ко дворцу отца. В это время его старший брат стоял у ворот и, услышав, что он просит работы, сказал:

— Пошлите его пасти свиней.

И Людуэн стал свинопасом. Через некоторое время его назначили конюхом, и он так усердно заботился о лошадях, что они разжирели, шерсть на них так и лоснилась, и они стали гораздо резвее. Король был очень доволен новым конюхом и часто хвалил его. Но братья узнали Людуэна и хотели во что бы то ни стало от него избавиться. Они посоветовали отцу, чтобы он поручил новому работнику носить корм птице Дредейн. Птица, с тех пор как ее привезли во дворец, стала такая злая, что кусала всех, кто к ней подходил. Но, увидев Людуэна, она неожиданно запела и от радости захлопала крыльями. Людуэн посадил ее на палец и пошел с нею в спальню короля. Как только король услышал пение, ему сразу стало лучше. Но, чтобы совсем выздороветь, ему нужно было увидеть принцессу Маркассу.

А принцесса, между тем, ровно через девять месяцев после того, как Людуэн посетил ее в Золотом Замке, родила сына, прелестного ребенка. Ребенок рос, и вот однажды он спросил у матери, кто его отец. Принцесса ответила, что сама этого не знает.

— Я пойду искать отца, — сказал ее сын, — и не вернусь, пока не найду его.

Он пустился в путь, и мать отправилась вместе с ним.

Дорогой они остановились на отдых на том самом постоялом дворе, где Людуэн оставил хлеб, который не уменьшался, сколько бы от него ни отрезали. Гостям подали этот хлеб. Принцесса тотчас поняла, что здесь проходил тот, кто побывал в ее замке.

— Отдайте мне этот хлеб, — сказала она хозяину.

— Я не отдам его ни за что на свете, — возразил тот, — если только его когда-нибудь не потребует у меня принцесса Золотого Замка.

— Я принцесса Золотого Замка, этот хлеб принадлежит мне, и я его у вас отберу.

И она положила хлеб в сумку. Впрочем, хозяин за то время, что хлеб оставался у него, уже успел нажать целое состояние.

Принцесса и ее сын опять пустились в путь и доехали до второго постоялого двора, где побывал когда-то Людуэн. Они и здесь остановились на отдых, увидели кувшин, в котором не убавлялось вино, и увезли его тоже.

Через некоторое время они прибыли в страну саксов и попали к трактирщику, у которого Людуэн оставил волшебную саблю. Они и ее взяли с собой.

— Приободришь, дитя мое, — сказала принцесса сыну. — Теперь мы скоро увидим твоего отца.

Они продолжали путь и наконец приехали во Францию, в Париж.

Принцесса остановилась перед дворцом и приказала доложить о себе королю. Велика была радость старого короля, когда он услышал эту новость. Несмотря на болезнь, он вышел во двор навстречу госте и подал ей руку, чтобы помочь выйти из золотой кареты.

— Нет, — промолвила принцесса Маркасса, — я не выйду из кареты, пока не придет встретить меня тот, кто похитил птицу Дредейн из моего замка.

— Это я! — сказал старший сын короля, выступив вперед.

— В таком случае скажите мне, как охраняется мой замок.

Но принц сказал только, что замок окружен высокой стеной, и принцесса возразила:

— Это не вы. Вы там не были. Уходите прочь.

— Это я! — сказал средний сын, подходя к карете.

— В таком случае скажите, как охраняется мой замок.

Но и этот принц мог сказать не больше, чем первый. Принцесса прогнала и его.

— Это не вы, уходите. Если ко мне не приведут того, кто увез из моего замка птицу Дредейн, я сейчас же уезжаю.

Тут подошел Людуэн в платье конюха и промолвил:

— Принцесса, это я увез птицу.

— Если так, расскажите, как охраняется мой замок?

— Замок ваш, принцесса, стоит за тремя высокими стенами, за тремя дворами. Первый двор полон змей и всяких других ядовитых гадов. Во втором — тигры и львы. В третьем — страшные великаны и драконы, они мечут пламя на семь миль вокруг.

— Ага, вам, я вижу, кое-что известно, — сказала принцесса. — Ну, а дальше?

— Все эти звери и чудовища, растянувшись на плитах, которыми вымощен двор, спят глубоким сном с одиннадцати часов до полуночи. Этим часом я и воспользовался, чтобы безопасно пройти среди них. В первом зале дворца я увидел чудесный хлеб, который не уменьшается, сколько от него ни отрезай. Во втором зале я нашел кувшин, в котором вина не убавляется, сколько ни пей из него. Я выпил стакан-другой и унес кувшин. В третьем зале я увидел принцессу, крепко спавшую на пурпуровом ложе.

— И что же вы сделали? — спросила принцесса.

— Я сперва глядел, глядел на нее разинув рот, потом вино ударило мне в голову, я осмелел, лег рядом с нею на кровать и целовал ее.

— Да, это похоже на правду, — сказала принцесса. — И вот ваш сын! — Она указала на своего мальчика. — Но продолжайте.

— Потом я вошел в четвертый зал, где птица Дредейн спала в золотой клетке, подвешенной к потолку на трех золотых цепях. На стене, на золотом гвозде висела сабля.

Я ее схватил, разрубил цепи и со всех ног бросился бежать, унося птицу, саблю, кувшин и хлеб.

— А где же все это? — спросила принцесса.

— Птица здесь. Хлеб, кувшин и саблю я оставил по дороге, там, где ночевал.

— Я их там нашла и взяла с собой. Но где же птица? Принесите птицу!

Людюэн пошел за птицей и принес ее в золотой клетке.

Увидев принцессу, птица Дредейн принялась от радости хлопать крыльями и запела так сладко и звонко, что эхо дворца подхватило песню, и все радовались, — не радовались только старшие братья.

Принцесса вынула птицу из клетки, посадила ее на палец и передала королю, приказав ему погладить птицу.

И птица, до тех пор такая дикая и злая, теперь позволила старому королю трогать и гладить себя, и он сразу выздоровел и помолодел.

Тогда принцесса перед всем двором рассказала о том, как Людюэн стал жертвой коварства своих братьев, и потребовала, чтобы с ними поступили так, как они того заслуживают.

Старый король пришел в страшную ярость и закричал:

— Разведите огонь в печи и бросьте их туда!

Так и сделали.

А Людюэн женился на принцессе Маркассе. Свадьбу праздновали пышно, пир был на славу, и говорят, что на этом пиру старый король на радостях слишком много пил и ел и умер от расстройства желудка.

После его смерти Людюэн стал королем Франции.

28. БРЕНБОРЬО И ЖАННА

днажды шел по деревне нищий, прося подаяния. Он постучался в дом, где жил человек по имени Бренборьо со своей женой Жанной. Дома была только жена, она ему и открыла дверь.

— Что вам нужно?

— Кусок хлеба, если на то ваша милость будет.

— А куда вы держите путь?

— Я иду в рай.

— О, это кстати, — сказала женщина, — не можете ли вы снести каравай хлеба и еще кое-какие припасы моей сестре, она уж очень давно в раю. Наверно, она там терпит пужду во всем. Если бы я могла также послать ей одежду, как было бы хорошо!

— Я охотно услужил бы вам, — ответил нищий, — да мне не под силу такая тяжелая ноша. Тут нужна лошадка.

— За этим дело не станет! — сказала женщина. — Возьмите нашу Финетту, а на обратном пути вы нам ее приведете. Сколько времени вам понадобится на дорогу? .

— Я вернусь через три дня.

Нищий взял кобылку и пошел своей дорогой, забрав платье и припасы.

Вскоре муж вернулся домой.

— А где же наша Финетта? — спросил он жену.

— Не беспокойся, — ответила жена, — здесь только что проходил один хороший человек; он направлялся в рай, вот я ему и дала нашу Финетту, чтобы он сvez моей сестре одежду и съестные припасы, — она, наверно, очень в этом пуждается. Я всего послала столько, что ей надолго хватит. Этот человек вернется через три дня.

Бренборьо был очень недоволен, однако подождал три дня, а потом, видя, что лошади все нет, велел жене собираться вместе с ним на поиски. И вот пошли они вдвоем по всей округе. Проходя мимо места, где была зарыта палая лошадь, Жанна увидела торчавшую из земли лошадиную ногу.

— Скорее поди сюда, — крикнула она мужу, — Финетта уже выбирается из рая!

То-то рассердился Бренборьо, разглядев женину находку!

ил когда-то король, у которого был сын. Однажды король сказал принцу:

— Сын мой, я отлучусь недели на две. Оставляю тебе все ключи замка, но вот в эту комнату я тебе запрещаю входить.

— Хорошо, отец, — ответил принц.

Как только отец отпирался в путь, принц мигом побегал в эту комнату и увидел прекрасный золотой бассейн. Он омочил в нем палец, и в тот же миг палец покрылся позолотой. Принц старался снять позолоту, но сколько он ни тер, ничего не помогало; он завязал палец тряпочкой.

В тот же вечер король вернулся.

— Ну что, сын мой, ты входил в ту комнату?

— Нет, отец.

— А что это у тебя с пальцем?

— Ничего, отец.

— Сын мой, что-то у тебя неладно!

— А это я повредил себе палец, когда резал для наших слуг хлеб к похлебке.

— Покажи-ка мне палец.

Волей-неволей пришлось принцу послушаться.

— Кому же мне доверять, — сказал король, — если я не могу довериться родному сыну?

Затем он сказал принцу:

— Я опять отлучусь на две недели. Вот тебе все мои ключи, но не входи в ту комнату, куда я тебе запретил ходить.

— Хорошо, отец. Будьте спокойны.

Как только отец уехал, принц кинулся к золотому фонтану; он омочил в нем платье и голову: в тот же миг его платье сплошь покрылось позолотой и волосы тоже. Затем он пошел в конюшню, где стояли два коня, Моро и Байяр.

— Моро, — сказал принц, — сколько лье ты делаешь за один шаг?

— Восемнадцать.

— А ты, Байяр?

— А я — пятнадцать, но я сметливее, чем Моро. Вы не прогадаете, если возьмете меня.

Принц вскочил на Байяра и понесся во весь опор.

В тот же вечер король вернулся в замок. Не видя своего сына, он побежал в конюшню.

— Где Байяр? — спросил он Моро.

— Байяр умчался с вашим сыном.

Король сел на Моро и бросился в погоню за принцем.

Спустя некоторое время Байяр сказал юноше:

— Ах, принц, мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам губка, киньте ее через плечо как можно выше и дальше.

Принц сделал так, как ему сказал конь, и на том месте, куда упала губка, тотчас вырос дремучий лес. Король верхом на Моро проехал лес.

— Ах, принц, — сказал Байяр, — мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам скребница, киньте ее через плечо как можно выше и дальше.

Принц кинул скребницу, и тотчас между ними и королем легла широкая река. Король верхом на Моро переплыл реку.

— Ах, принц, — сказал Байяр, — мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам камень, киньте его через плечо как можно выше и дальше.

Принц кинул камень, и позади них встала высокая гора, вся утыканная бритвами. Король хотел было проехать по ней, но Моро изранил себе ноги; добравшись до половины горы, они должны были повернуть назад.

Немного погодя повстречался принцу молодой батрак, который только что взял расчет у своего хозяина и шел домой.

— Слушай-ка, приятель, — сказал ему принц, — хочешь поменяться со мной платьем?

— Ах, — ответил парень, — вам охота посмеяться надо мной!

Все же он дал ему свое платье. Принц надел его, затем купил бычий пузырь и напялил его себе на голову. В таком виде он отправился в замок короля, который правил этой страной, и спросил, не нужен ли там поваренок. Ему ответили, что нужен. Так как он никогда не снимал пузыря с головы и остерегался показывать свои волосы, его в замке все звали Шелудивым.

У короля были три дочери: он собирался выдавать их замуж. Каждой принцессе велено было кинуть своему избраннику золотое яблоко. А потому все вельможи, какие

были при дворе, стали гуськом проходить перед ними, и обе старшие кинули свои золотые яблоки: одна — горбтому, другая — колченогому. Шелудивый вмешался в толпу вельмож, и самая младшая из королевских дочерей кинула ему свое яблоко: она видела, как он украдкой расчесывал свои золотые волосы, и знала, кто он такой.

Король сильно был разгневан выбором своих дочерей.

— Колченогий, горбатый, шелудивый, — воскликнул он. — Хороши зятя!

Спустя некоторое время король занемог. Для его исцеления надобно было достать три кувшина воды венгерской королевы. Колченогий и горбатый пустились в дорогу, чтобы раздобыть эту воду. Принц сказал жене:

— Поди спроси твоего отца, можно ли мне тоже отправиться на поиски.

— Здравствуйте, дорогой отец.

— Здравствуйте, госпожа Шелудивая.

— Шелудивый спрашивает, можно ли ему отправиться на поиски.

— Как ему угодно будет! Пусть возьмет коня о трех ногах, пусть едет и пусть не возвращается.

Она пошла обратно к мужу.

— Ну как? Что твой отец сказал?

— Друг мой, он сказал, чтобы ты взял коня о трех ногах и ехал. — Она не прибавила, что король пожелал, чтобы он не вернулся.

Принц сел на старого коня и поехал в тот лес, где оставил Байяра. Подле Байяра он нашел три кувшина с водой венгерской королевы; он их взял и снова сел на коня о трех ногах. Проезжая мимо постоялого двора, он увидел обоих своих шурьев — они там смеялись и пили вино.

— Что же это! — сказал он им. — Вы, значит, не поехали за водой венгерской королевы?

— Очень нам это нужно, — ответили они. — А разве ты ее нашел?

— Да.

— Не продашь ли ты нам все три кувшина?

— Вы их получите, если каждый из вас позволит мне сто раз уколоть его шилом в зад.

— Ну, ладно.

Колченогий и горбатый принесли королю три кувшина воды венгерской королевы.

— А не встречался ли вам Шелудивый? — спросил их король.

— Истинная правда, не встречался, ваше величество! — ответили они.

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Спустя немного времени случилась война. Шелудивый сказал жене:

— Пойди спроси своего отца, можно ли и мне отправиться в поход.

— Здравствуйте, дорогой отец.

— Здравствуйте, госпожа Шелудивая.

— Шелудивый спрашивает, можно ли ему отправиться в поход.

— Как ему будет угодно! Пусть возьмет коня о трех ногах, пусть едет и пусть не возвращается.

Она пошла обратно к мужу.

— Ну, как? Что твой отец сказал?

— Друг мой, он сказал, чтобы ты взял коня о трех ногах и ехал. — Она не прибавила, что король пожелал, чтобы он не вернулся.

Принц на коне о трех ногах поехал в лес. Добравшись туда, он надел золоченое свое платье, сел на Байяра и сразился с врагами. Он всех их победил. А сражался он с войсками того короля, который приходился ему отцом.

Колченогий и горбатый, издали смотревшие на битву, пошли к королю и сказали ему:

— Ах, ваше величество, если бы вы видели храбреца, который выиграл сражение!

— Какая досада, — сказал король, — что самая младшая моя дочь замужем! Я ее охотно отдал бы ему в жены. А не встречался ли вам Шелудивый?

— Истинная правда, не встречался, ваше величество!

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Опять случилась война. Принц послал жену спросить для него у короля позволения собраться в поход. Затем, доехав на коне о трех ногах до леса, он надел золоченое свое платье, сел на Байяра и, став еще прекраснее прежнего, вступил в бой. Он выиграл сражение, а колченогий и горбатый, издали смотревшие, твердили:

— Ну что за красавец! Что за храбрец!

— Ах, ваше величество, — сказали они королю, — если бы вы видели храбреца, который выиграл сражение!

— Какая досада, — сказал король, — что самая младшая моя дочь уже замужем! Я охотно отдал бы ее ему в жены. Не встречался ли вам Шелудивый?

— Истинная правда, не встречался, ваше величество!

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Надо было достать еще два кувшина воды венгерской королевы, чтобы король совершенно исцелился. Принц велел жене спросить у короля позволения отправиться за водой и на коне о трех ногах поехал в лес. Рядом с Байяром он нашел два кувшина, взял их и повернул назад. Проезжая мимо постоянного двора, он увидел своих шурьев — они смеялись и пили вино.

— Что же это! — сказал он им. — Разве вы не поехали за водой венгерской королевы?

— Очень нам это нужно, — ответили они ему. — А нет ли ее у тебя?

— Да, я везу с собой два кувшина.

— Не продашь ли их нам?

— Я вам их, так и быть, уступлю, если вы мне отдадите ваши золотые яблоки.

— За этим дело не станет! Вот они.

Принц взял золотые яблоки, а его шурья — воду венгерской королевы.

— Не встречался ли вам Шелудивый? — спросил их король.

— Истинная правда, не встречался, ваше величество, — ответили они.

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Спустя немного времени королю снова пришлось вести войну. Принц поехал в лес, как и раньше, на коне о трех ногах. Доехав до леса, он надел свое золоченое платье и в этом наряде, еще более прекрасный, чем прежде, сел на Байяра и умчался. Опять он выиграл битву. Когда он во весь опор поскакал назад, король, который на этот раз присутствовал при сражении, пустил ему стрелу в бедро, чтобы можно было потом его узнать.

Когда они возвратились в лес, Байяр сказал своему хозяину:

— Я — принц, такой же знатный, как вы; мне было велено сослужить пять служб другому принцу. Хотите пуститься со мной в путь? Я хочу вернуть себе мое королевство и все то, чем я владел.

Принц не захотел его сопровождать и верхом на коне о трех ногах вернулся в замок.

Король велел объявить повсюду, что тот, кто выиграл сражение, получит щедрую награду. Много людей приходило в замок, воткнув себе перед тем стрелу в бедро, но легко было распознать, что стрела эта не королевская.

Тем временем принц вернулся восвояси, и его жена послала за лекарем, чтобы тот вытащил стрелу. Король видел, как лекарь вошел к принцу. Присмотрев, что он там долго оставался, король сам пошел к зятю и узнал свою стрелу; он не мог понять, как это случилось. Принц сказал ему:

— Все сделал я. В первый раз я нашел три кувшина с водой венгерской королевы возле своего коня; я уступил их своим шурьям, договорившись, что взамен уколою каждого из них по сто раз шилом в зад. Потом за два кувшина они отдали мне свои золотые яблоки.

Тогда король потребовал к себе колченогого и горбатого.

— Ну-ка, — спросил он их, — где ваши золотые яблоки?

— У нас их уже нет.

Каждому дали хорошего пинка и прогнали прочь. С отцом принца заключили мир, и все зажили в счастье и довольстве.

30. ЗАМОК ДЬЯВОЛА

В давние времена жил один бедный крестьянин, который худо-ли, хорошо-ли, но вырастил троих детей, трех мальчиков.

Старшего звали Ришар, среднего — Пьер. А имя младшего сына было Жан. Все трое были храбрыми юношами и до смерти скупались в своей деревне. И вот однажды Ришар пришел к отцу и сказал ему:

— Отец мой, пора мне выбирать ремесло. Я все обдумал и решил, что лучше всего для меня будет стать воином. Позвольте мне покинуть вас и наняться в солдаты.

— Ришар, я всегда надеялся, что тебе будет по душе крестьянская жизнь. Но раз ты хочешь сделаться солдатом — что ж, я тебя не удерживаю. К тому же, твои братья останутся здесь и будут помогать мне. Возьми десять эю, они пригодятся тебе в пути. Прощай, и да благословит тебя бог! Помни мой завет — всегда будь честным человеком.

Ришар бережно спрятал в карман десять эю, обнял отца и братьев и отправился нажиматься в солдаты.

Через три месяца Пьер, который очень тревожился, не получая вестей от брата, решил отыскать его и тоже нажиться в солдаты.

Он стал просить отца, чтобы тот отпустил его.

— Боже мой, — сказал крестьянин, — ты тоже хочешь уехать! А я-то думал, что ты заменишь меня в хозяйстве! Значит, ты покинешь нас с Жаном? Подумай хорошенько, а потом решай.

— Отец мой, все и так решено. Я уже думал об этом, но мне слишком хочется испробовать солдатское ремесло.

— Что же, не стану тебе перечить. Иди, и да хранит тебя бог!

Отец вложил десять новеньких су в руку Пьеру, и тот ушел.

Через три года Жан, единственный сын, который остался жить с отцом, пришел к нему и тоже попросил отпустить его в армию.

— Ну, это уж чересчур! Ты, значит, тоже потерял голову, как твои братья? Ты ведь знаешь, как давно они ушли из деревни, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Оставайся дома и паши землю.

— Отец мой, я немало думал об этом, но искушение слишком уж сильно. Мне хочется испытать солдатское житье и поскорее отыскать Ришара и Пьера.

— Не стану огорчать тебя. У меня еще осталось десять лиаров,¹ возьми их и отправляйся.

Жан обнял отца и ушел.

Он шел все прямо и прямо, пока не пришел в город, а оттуда в полк. Можете себе представить удивление и радость Ришара и Пьера, когда они увидели своего брата Жана!

¹ Ли ар — старинная французская медная монета.

Через полгода случилось так, что Ришар выпил лишнее и оскорбил своего командира. Военный суд приговорил его к смертной казни.

Ришар пришел к братьям и сказал им:

— Меня только что приговорили к смертной казни и через два часа повесят. Мне позволили прийти к вам проститься, а так как я знаю способ незаметно улизнуть из города, то следуйте за мной, — у нас хватит времени, чтобы скрыться.

— Хорошо, бежим, — решили братья.

Они взяли сабли, выбрались из города и зашагали куда глаза глядят. Два дня шли они без отдыха, пока не пришли к какому-то перекрестку. Перед ними лежали три дороги. Братья не знали, по какой пойти, и тогда Ришар, как самый старший, сказал:

— Пойдемте в разные стороны. Кто первый найдет жилище, где можно будет остановиться, созовет остальных свистом. Ну, а теперь — в путь, каждый по своей дороге.

И они разошлись по трем дорогам. Жан первый заметил на равнине одинокую мельницу. Он сразу же громко свистнул, как было условлено, и, когда братья подошли, постучался в дом к мельнику.

— Кто там? — спросил чей-то голос изнутри.

— Мы трое бедных, сбившихся с пути странников и хотим чего-нибудь поесть и получить кров на ночь.

— Поесть? Еще чего захотели! Ступайте-ка своей дорогой!

— Но мы не знаем здешних мест, мы чужеземцы.

— А мне какое дело! Идите мимо замка дьявола и придете в город. Но боже вас упаси заходить в замок. Дьявол убивает всех путников, которые осмеливаются войти к нему.

— Что ж, будь здоров, мельник!

Трое братьев направились к замку дьявола и скоро дошли до него. Двери сами собой раскрылись перед ними. В одной из комнат, богато убранной, был словно нарочно накрыт стол на три прибора.

«Лучшего и желать нечего», — подумали братья и уселись за стол, уставленный вкусной едой. Сами понимают, что они поели с большим аппетитом, после чего решили лечь спать.

Они вошли в спальню, где было всего две кровати: на них легли Ришар и Пьер, а Жан закрыл дверь на засов и стал на страже, охраняя братьев.

Около полуночи раздался такой грохот, что, казалось, задрожал весь замок, — это пришел дьявол. Он попытался открыть дверь, надеясь застать спящих братьев врасплох.

— Эй, — крикнул ему часовой, — сюда нельзя входить без моего позволения!

— Говорят тебе, пусти меня.

— Нет, не пущу.

— Если ты откроешь дверь, я подарю тебе скатерть-самобранку, у которой ты в любое время сможешь требовать столько еды, сколько тебе захочется.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни моих братьев.

— Клянусь! — прорычал дьявол.

Солдат открыл дверь, и злой дух вошел в комнату, где спали Ришар и Пьер. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и улетел через трубу.

Следующей ночью, пока братья спали, на часах стоял Пьер.

Настала полночь. Дьявол снова пришел и увидел, что дверь заперта.

— Открой мне! — крикнул он.

— А что ты мне дашь, если я открою?

— Подарю тебе палку.

— На что мне палка?

— Она даст тебе столько золота, сколько ты пожелаешь.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни братьев.

— Клянусь!

Пьер открыл дверь. Дьявол снова попрыгал по комнате, как накануне, и скрылся.

На следующую ночь стоять на страже должен был Ришар.

Около полуночи пришел дьявол, постучал в дверь и попросил, чтобы его пустили в комнату. Ришар отказал дьяволу.

Но дьяволу очень хотелось войти, и он сказал:

— Открой мне дверь в последний раз, и я дам тебе плащ, который сделает тебя невидимкой и в одно мгновение перенесет туда, куда ты пожелаешь.

— Поклянись, что ты не причинишь вреда ни мне, ни моим братьям.

— Клянусь!

После этого дьявол вошел в комнату, отдал скатерть, палку и плащ-невидимку, вволю напрыгался и снова улетел через трубу.

На следующий день Ришар, Пьер и Жан ушли из замка, унося с собою подарки дьявола.

Не успели они дойти до леса, как раздался страшный треск, земля задрожала, и на их глазах замок дьявола рухнул.

Спустя некоторое время Ришар предложил братьям испытать палку, плащ и скатерть, чтобы проверить, не обманул ли их дьявол.

Он взял скатерть, разостлал ее на траве и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай нам поскорее вкусный завтрак.

И тотчас на скатерти появилась вкусная еда. Когда братья сытно поели и попили, Жан взял палочку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни наши карманы золотом.

Монет оказалось так много, что пришлось высыпать часть на землю, иначе братья не могли сдвинуться с места.

Потом все трое завернулись в плащ и сказали:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во Францию, в город Париж.

И сразу же они очутились в Париже. Братья зашли в гостиницу, выпили, а затем отправились в город.

На всех улицах слышались звуки труб и барабанов: то офицеры французского короля объявляли, что король отдаст руку своей дочери и в придачу половину королевства тому, кто сумеет за один час приготовить роскошный пир для пятисот чужеземных послов, только что прибывших во дворец.

— Вот это нам и нужно, — сказал Ришар. — Я захвачу с собой скатерть-самобранку и пойду к королю.

Он вернулся в гостиницу, взял скатерть дьявола и побежал в королевский дворец. Стража не хотела его пропускать, но когда он сказал, что ему нужно поговорить с королем, его провели к нему.

— Чего ты хочешь? — спросил у него король.

— Я случайно слышал, что объявляли на улицах ваши офицеры, и я приготавливаю вам этот обед; только сперва еще раз обещайте отдать мне руку вашей дочери и половину королевства.

— Обещаю, но как ты это сделаешь?

— Это уж мое дело. Покажите мне, где будет пир.

Король привел его в пиршественный зал, и Ришар там заперся.

Он взял скатерть, разостлал ее на полу и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай мне сейчас же самый лучший обед на пятьсот человек.

Не успел он сказать это, как все было готово к приему послов. Король очень удивился и сказал солдату:

— Свои обещания ты исполнил, теперь я должен исполнить свои. Сейчас я позову мою дочь. Свадьбу устроим завтра, когда уснут послы английского короля.

Пришла принцесса и увела Ришара к себе. Когда они поднимались по лестнице, королевская дочь стала выспрашивать, как это Ришару удалось так быстро все устроить.

— Мне это было нетрудно. У меня есть скатерть, которая, как только я пожелаю, подает мне и еду и питье.

И Ришар показал скатерть принцессе, которая тотчас схватила ее. Он хотел отнять скатерть, но королевская дочь закричала:

— Помогите! Помогите! Убивают!

Прибежала стража, Ришара увели в темницу и заперли его там.

Братья, видя, что Ришар не возвращается, решили, что он умер.

Спустя немного времени офицеры короля снова объявили по городу Парижу, что их повелитель отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто добудет золото для уплаты выкупа за королевского сына, попавшего в плен к прусскому королю.

Жан взял волшебную палочку и пошел в королевский дворец. Его привели в огромный зал, где лежало множество мешков, которые нужно было наполнить золотом, чтобы собрать выкуп.

Жан взял свою палку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни все мешки луидорами и пистоллями.¹

¹ Пистоль — старинная французская золотая монета.

Палочка, как всегда, исполнила его приказание.

Король повел Жана к своей дочери и тут же объявил ему, что завтра он может на ней жениться.

Принцесса сказала жениху, как раньше говорила Ришару:

— Пойдемте со мной, я покажу вам мои покои. Вот увидите, вы будете довольны.

— Хорошо, — ответил ничего не подозревавший Жан.

Потом королевской дочери захотелось увидеть волшебную палочку. Не успел Жан показать палку, как принцесса выхватила ее у него из рук.

— Отдайте мне палочку, не то я выброшу вас в окно! — закричал Жан.

— На помощь! На помощь! Стража! — позвала принцесса.

Прежде чем солдат успел опомниться, его схватили, связали по рукам и ногам и бросили в башню, где уже томился Ришар.

Пьер остался один. В третий раз по городу объявили, что король отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто в короткий срок перенесет его к одному королю, жившему далеко-далеко от Франции.

Пьер, видя, что братья не возвращаются, отправился во дворец, но решил быть все время начеку.

Он сперва внимательно осмотрел все вокруг дворца, потом подошел к дверям. Его провели к королю.

Пьер накинул на себя и на него плащ, который когда-то получил в замке дьявола, и сказал:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во дворец короля, владеющего двенадцатью огненными конями.

И сразу же они очутились в этом дворце.

Побывав в гостях у хозяина и поговорив с ним немного, король захотел вернуться домой. Пьер взял короля под руку, накинул плащ, и в тот же вечер они вернулись во Францию, в город Париж.

Теперь Пьеру оставалось только сказать королю:

— Что ж, отдадите вы мне в жены вашу дочь?

Король ответил ему:

— Она сейчас придет к тебе. Через час можешь на ней жениться. Я распорядюсь насчет свадьбы, а ты пока посмотри вместе с моей дочерью дворец.

Пришла принцесса и увела Пьера к себе. И сразу же она схватила плащ-невидимку.

Когда Пьер попробовал его отнять, она позвала стражу. Но Пьер проворно выпрыгнул через окно во двор и спрятался в сарае.

Его проищкали целый день, но так и не нашли.

Когда настал вечер, Пьер вышел из своего убежища и пробрался в королевский сад. Увидев на одном дереве прекрасные груши, он влез на него и стал рвать плоды. При этом он заметил, что на дереве росли груши двух сортов — большие и маленькие. Он набрал и тех и других, набил ими карманы и спустился на землю.

Но каково было его удивление, когда, съев большую грушу, он заметил, что нос его внезапно удлинился на шесть футов! Однако он продолжал свой ужин и съел несколько маленьких груш. Тогда его нос снова укоротился. Сообразив, что эти груши могут ему пригодиться, он не стал их больше есть и пошел из сада. Какие-то каменщики возводили стену; они спросили Пьера, почему он выходит из дворца в такой поздний час, но он ответил, что был у короля, и они его пропустили.

На следующий день во дворце был большой праздник: справляли свадьбу одной придворной дамы. Услышав об этом, Пьер переоделся так, что его нельзя было узнать, и отправился во дворец, прихватив с собою большие груши. Их подали к столу на сладкое. Гостям очень понравились прекрасные плоды, и вскоре все груши были съедены. Сразу же носы гостей удлинились на шесть футов.

А так как королевская дочь съела две груши, то ее нос удлинился на целых два туаза.¹

Позвали врача. Он сказал, что эти наросты надо срезать. Но одна старуха умерла, когда ей резали нос, и потом уже никто не решался на это дело.

Тогда явился Пьер и предложил вылечить принцессу, если только король согласится вернуть ему обоих братьев, скатерть-самобранку, волшебную палочку и плащ-невидимку.

Кроме того, он потребовал себе в жены королевскую дочь и половину Франции. Король с радостью на все согласился.

Пьер вылечил принцессу и всех гостей: он тут же накормил их маленькими грушами. В тот же день он женился на принцессе и с тех пор счастливо жил вместе со

¹ Туаз — старинная французская мера длины (около 2 м).

своим отцом, братьями и многочисленными детьми, которые потом у него родились.

А что стало с палкой, плащом и скатертью из замка дьявола, мне неизвестно. Если когда-нибудь я узнаю об этом, то я вам расскажу.

31. ДВА СТАРЫХ СОЛДАТА

или однажды два солдата, каждому из них уже перевалило за шестьдесят. Получив отставку, они решили вернуться к себе на родину. Дорогой они стали советоваться друг с другом: «Как нам теперь заработать себе на пропитание? Обучаться ремеслу нам уж поздно, а если мы станем просить милостыню, нам скажут, что мы еще можем работать, и ничего не будут нам подавать». Тогда один из них сказал:

— Кинем жребий, кому из нас надобно дать выколоть себе глаза, и будем вместе нищенствовать.

Второй солдат признал, что это удачная мысль.

Жребий выпал тому, у кого эта мысль явилась. Его приятель выколбл ему глаза, а сам стал поводырем; так они шли от одного дома к другому, прося милостыню. Им щедро подавали, но слепому от этого проку было мало: поводырь оставлял себе все лакомые куски, а ему доставались одни только кости да черствые корки.

— Увы, — говорил несчастный, — разве мало того, что я слеп? Зачем еще обижать меня?

— Если ты будешь плакаться, — отвечал ему второй солдат, — я тебя брошу.

Но бедный слепец не мог удержаться от жалоб. И в конце концов поводырь покинул его в лесу.

Слепой долго блуждал по лесу, потом остановился у одного дерева.

«Что со мной будет? — подумал он. — Скоро ночь, дикие звери меня растерзают». Чтобы укрыться от них, он взобрался на дерево.

Часов в одиннадцать, а то и в полночь, пришли туда четыре зверя: лиса, кабан, волк и косуля.

— Я что-то знаю, — заявила лиса, — но никому не скажу.

— Я тоже что-то знаю, — сказал волк.

— И я, — сказала косуля.

— Как бы не так, — заявил кабан, — что ты можешь знать с такими маленькими рожками?

— Э, — ответила косуля, — да в моей маленькой голове и маленьких рожках ума хоть отбавляй.

— Так вот, — молвил кабан, — пусть каждый скажет, что он знает.

Лиса начала:

— Неподдалеку отсюда протекает речка, вода которой возвращает зрение слепым. На моем веку мне уже несколько раз случалось слепнуть на один глаз, — стоило мне только помыться этой водой, и я исцелялась.

— Я эту речку знаю, — сказал волк, — я даже больше о ней знаю, чем ты. Королевская дочь очень больна; се обещают отдать в жены тому, кто сумеет ее исцелить. Стоит только дать ей попить воды из той речки, и она выздоровеет.

Косуля в свой черед сказала:

— В городе Лионе не хватает воды; пятнадцать тысяч франков обещано тому, кто сумеет этой беде помочь. А вот если разрыть землю у дерева свободы, там забьет источник, и воды будет вдосталь.

— Что до меня, — сказал кабан, — то я ничего не знаю.

На этом звери разошлись.

— Ах, — сказал себе слепой, — вот бы мне найти эту речку!

Он слез с дерева и побрел ощульку. Наконец он вышел к речке, промыл водой глаза и кое-что увидел; еще раз промыл и стал видеть совсем хорошо.

Тогда солдат поспешил к лионскому мэру и сказал, что, если тот хочет получить воду в изобилии, ему нужно только велеть разрыть землю у дерева свободы. И правда! Едва разрыли землю, там открылся источник, и город стал получать сколько угодно воды. Солдату выдали обещанные пятнадцать тысяч франков, он отправился к королю и сказал ему:

— Ваше величество, я узнал, что ваша дочь очень больна, но я знаю средство, которое ее исцелит. — И солдат рассказал о той воде.

Король тотчас послал своих слуг на речку. Принцессу стали поить этой водой, купать в ней, и больная исцелилась.

Король сказал солдату:

— Хоть ты, пожалуй, и в летах, все же я выдам мою дочь за тебя, а если ты предпочитаешь, я дам тебе денег.

Солдат предпочел жениться на принцессе: он знал, что за дочерью король даст и денег в приданое. Тотчас сыграли свадьбу.

Однажды, когда солдат гулял в своем саду, он увидел человека в отрепьях, просившего милостыню. Солдат тотчас узнал в нем своего приятеля. Он подошел к нищему и спросил:

— А не доводилось ли тебе когда-то побираться вдвоем? Где твой товарищ?

— Он умер, — ответил нищий.

— Скажи мне правду — тебе не придется об этом жалеть. Что с ним случилось?

— Я его бросил.

— Почему?

— Он всегда жаловался, а между тем все лакомые куски доставались ему: когда нам подавали хлеб, я ему уступал мякиш, потому что у него уже не было зубов, а сам грыз корки; я отдавал ему говядину, а сам глодал кости.

— Это ложь: ты делал как раз наоборот. Мог бы ты узнать своего товарища?

— Не знаю.

— Так вот! Этот товарищ — я.

— Да разве вы не король?

— Разумеется, но я и твой бывший товарищ. Войди, я тебе все расскажу.

Когда нищий узнал, что случилось со слепым, он ему сказал:

— Мне тоже охота попытать судьбу! Сведи меня к тому дереву: может быть, звери еще раз туда придут.

— Охотно, — ответил бывший его товарищ. — Я отплачу тебе добром за зло.

Он довел нищего до дерева, и нищий взобрался на него.

Часов в одиннадцать, а то и в полночь, четыре зверя снова сошлись у дерева. Лиса сказала:

— То, что мы говорили в ту ночь, стало известным: королевская дочь исцелилась, а в городе Лионе стало водосталь воды. Кто же выдал нашу тайну?

— Это не я, — сказал волк.

— Не я, — заявила косуля.

— Я уверена, что это кабан, — продолжала лиса. — Ему нечего было сказать, и он разболтал то, что мы говорили.

— Неправда, — ответил кабан.

— Берегись, — сказала лиса, — мы все трое с тобой рассчитаемся.

— Я вас не боюсь, — сказал кабан и выставил клыки, — только попробуйте меня тронуть!

Вдруг, посмотрев вверх, они увидели на дереве ничего.

— Эге, — разом воскликнули они. — Там какой-то человек нас подслушивает!

Они принялись подкапывать дерево, свалили его и растерзали нищего.

32. БАРБОВЕР ЗЕЛЕНАЯ БОРОДА, ИЛИ СКАЗКА О ПРИНЦЕ, КОТОРЫЙ ПРОИГРАЛ СВОЮ ГОЛОВУ

Вот вам сказка, где нет вранья,
А если есть, так слова два.

ил когда-то во Франции король, у которого был только один сын, по имени Шарль. Брат этого короля был королем Англии, и у него тоже был один-единственный сын.

Раз Шарль сказал отцу:

— Отец, вы бы написали моему дяде, английскому королю, чтобы он отпустил двоюродного брата погостить у нас при дворе. Я хочу с ним познакомиться — ведь мы еще никогда не видели друг друга.

Король французский написал брату, королю английскому, чтобы он отпустил сына в Париж погостить.

И принц английский, которого звали Генри, приехал в Париж со своим воспитателем.

Молодые принцы скоро очень подружились и стали неразлучны.

Раз они охотились вместе в большом лесу в окрестностях Парижа, и с ними было только двое слуг. Шарль увлекся преследованием дикого кабана. Его спутники отстали, он потерял их из виду и заблудился.

Наступил вечер, и после долгого блуждания по лесу Шарлю пришлось искать приюта на постоялом дворе, на который он в конце концов набрел.

Час был поздний, принц успел проголодаться и без зазрения совести съел все, что нашлось у хозяев. В доме оказался еще гость, прибывший незадолго до Шарля, и оба ужинали за одним столом. Они разговорились, но ни один из них не назвал себя.

По окончании ужина незнакомец предложил принцу сыграть в карты. Шарль согласился, и ему так не везло, что он проиграл все деньги до последнего су, а потом и коня.

— Я больше не играю, — сказал он наконец.

— Давайте еще раз, — предложил его партнер.

— У меня больше ничего нет, на что же вы будете со мной играть?

— Ставьте свою голову против моей.

— Ну что ж, согласен. — И он подумал: «Должен же я выиграть хоть раз».

Карты были розданы. Увы! Принц опять проиграл.

— Через год и один день, — сказал незнакомец, — приходите ко мне в замок расплатиться. Если не придете, я сумею вас найти, где бы вы ни были.

— Но как ваше имя и где вы живете?

— Меня зовут Барбовер Зеленая Борода. А замок, в котором я живу, вам придется поискать и найти непременно, не то я сам вас разыщу.

На другое утро, с восходом солнца, принцу указали дорогу, и он вернулся домой унылый и задумчивый. Убитого кабана он оставил хозяину гостиницы в уплату за ночлег, так как у него не было ни гроша. Дома он застал всех в безутешном горе. Но когда его увидели, печаль и слезы сменились живейшей радостью.

Однако с этого дня прежняя веселость и беззаботность не возвращались к принцу. Ничто его больше не тешило, он казался больным и таял на глазах. Врачи не знали лекарства от его недуга, родители принца и весь двор были очень встревожены тем, что он так долго не поправляется.

Так прошло месяцев десять, и наконец Шарль сказал отцу:

— Отец, мне нужно отправиться в путешествие, и довольно опасное. Не знаю, вернусь ли я, так что на всякий случай простимся.

И он уехал, несмотря на все уговоры и слезы отца, даже не сказав, куда и зачем он едет. Он ехал наугад, не зная, какую выбрать дорогу. Ехал несколько дней и сам не заметил, как очутился в том самом лесу, где заблудился во время охоты. Здесь его застигла ночь, и он постучался в убогую хижину, заметив свет в окошке. Ему открыл старик с белой бородой.

— Здравствуйте, отец отшельник, — промолвил принц.

— Здравствуй, сын мой. Чего ты ищешь в лесу?

— Мне нужно понасть в замок Барбовера, а я не знаю, где он и какой дорогой туда ехать.

— Я знаю, где находится этот замок. Но спешить тебе незачем. Поживи у меня несколько дней, а когда придет время, я расскажу тебе, как его найти.

Восемь дней провел принц у отшельника, а на девятый старец сказал ему:

— Сын мой, пришло время тебе сдержать слово и ехать к Барбоверу. Слушай меня внимательно. Исполни точно все, что я скажу, и тогда тебе удастся вынутаться из беды. Вот тебе шарик, который будет сам катиться перед тобой. Ты только следуй за ним, и он приведет тебя к подножию горы, а на вершине той горы стоит замок Барбовера. Докатившись до этого места, шарик вернется ко мне. Гора у подножия окружена зарослями терновника и колючей ежевики, такими густыми и сплошными, что тебе сквозь них не пройти. Вот возьми эти ножницы — ты ими простижешь себе дорогу. Когда они будут тебе больше не нужны, ты только скажи: «Ножницы, вернитесь домой», и они сами вернутся ко мне. А ты поднимись на гору. Когда дойдешь до вершины, увидишь широкую равнину, покрытую зарослями душистых цветов. Посреди этой равнины есть пруд, вода в нем прозрачная, светлая, дно выложено серебром. У пруда стоят три красивые золотые скамейки. Спрячься за лавровым кустом и жди, пока появятся три красавицы принцессы. Они сядут на золотые скамейки, разденутся и войдут в воду. Эти девушки — летуницы. Ты живо прыгни на спину самой младшей, она поднимется с тобой на воздух и отнесет тебя в замок своего отца, Барбовера. Делай все так, как я тебе сказал, и тогда ты вернешься домой. А не послушаешься меня — так не видать тебе больше родного дома.

Шарль поблагодарил старого отшельника, обещал запомнить все его наставления и пустился в путь за шариком, который катился перед ним.

Вот приехал он к подножию горы, отпустил шарик. Тот покатился назад к отшельнику. Потом принц простриг себе ножницами проход сквозь терновник и ежевику, и ножницы, подобно шарiku, возвратились к старцу.

А принц стал взбираться на гору. Добрался до вершины — и видит сад, полный чудных ароматных цветов и деревьев, которые гнутся под тяжестью плодов. Нашел он и пруд, выложенный серебром, и три золотые скамейки у самой воды.

День был прекрасный, в ясном небе сияло солнце. Принц спрятался за лавровый куст и скоро увидел, что сверху спускаются на широких крыльях три большие птицы. Только они коснулись земли, как оперение с них спало, и птицы превратились в трех девушек дивной красоты. Они сели на золотые скамейки, посидели с минуту, потом вошли в воду. Шарль мигом выскочил из своего убежища, подбежал к самой младшей и прыгнул ей на плечи. Она испустила крик, вышла из воды и, накинув свое оперение, поднялась на воздух вместе с Шарлем. Другие две девушки последовали за ней. Они прилетели в отцовский замок, висевший между небом и землей. Барбовер узнал принца и сказал:

— А, это ты, сын французского короля? Пришел уплатить долг?

— Да, — отвечал принц. — Срок наступил, не так ли?

— И хорошо, что ты пришел, потому что, если бы мне пришлось самому искать тебя, ты бы пожалел об этом. Ступай за мной.

— Подожди до завтра, отец, — сказала Барбоверу младшая из дочерей.

— Ну хорошо, подождем до завтра, раз уж он пришел сам.

Младшую дочь Барбовера звали Куантик. Шарль рассказал ей, зачем он сюда пришел, и Куантик обещала помочь ему. Когда он после ужина ушел к себе в комнату, она пришла туда вслед за ним и сказала:

— Принц, мне вас жаль. Впрочем, если мой отец согласился отложить расплату до завтра, значит есть еще надежда на спасение. Завтра утром он скажет, каким испытаниям хочет вас подвергнуть. Чего бы он от вас

ни потребовал, не падайте духом, я вам помогу. Не удивляйтесь, если я буду говорить с вами сурово и даже иной раз ударю. Помните, что это делается для вашего же блага.

На другой день Барбовер сказал своей меньшей дочери:

— Эй, Куантик, приготовь-ка завтрак этому молодому человеку, ему пора браться за работу.

— Я? — возразила Куантик. — На то у нас в доме есть слуги, отец мой!

— Нет, ты сама приготовишь ему завтрак. Я так хочу.

И Куантик приготовила завтрак, притворяясь, будто делает это против воли.

Когда Шарль поел, ему вручили деревянный топор и велели до захода солнца начисто вырубить большой лес.

С топором на плече принц отправился в лес, но когда увидел, какая ему предстоит задача, сел под деревом и заплакал, твердя: «Пронал я теперь!»

В полдень Барбовер приказал Куантик отнести принцу обед. Она пришла в лес и застала Шарля на том же месте под деревом: он все еще сидел и плакал.

— Это так-то вы думаете довести дело до конца? — спросила она.

— К чему и пробовать? — возразил принц. — Лучше бы меня убили сразу, чем так издеваться надо мной.

— Давайте топор, я вам сейчас покажу, как надо рубить деревья.

Она взяла у него деревянный топор, ударила им по стволу ближайшего дерева; дерево упало на соседнее, второе повалилось на третье, третье на четвертое, — и часу не прошло, как весь лес лежал на земле.

— Вот и окончен сегодняшний урок, — промолвила Куантик. — Положитесь на меня, принц, не надо так легко падать духом.

И она ушла.

С заходом солнца Шарль тоже возвратился во дворец. Он шел, насвистывая, с топором на плече.

— Ну что, урок выполнен? — спросил Барбовер, ожидавший его на пороге.

— Выполнен, — отвечал Шарль спокойно.

— Ты вырубил весь лес?

— Я вырубил весь лес. Ни одного дерева не осталось.

— Ты меня разорил! Такой прекрасный лес!

— Я сделал только то, что вы приказали.

«Что все это значит?» — удивился про себя Барбовер.

На другое утро он привел Шарля к подножию высокой горы, дал ему деревянный заступ и велел к вечеру срыть гору до основания, так, чтобы на этом месте осталась только гладкая равнина.

Оставшись один, принц сел под деревом, разжег свою трубку и принялся курить, поглядывая на гору и с беспокойством спрашивая себя, придет ли Куантик и сегодня к нему на помощь.

В полдень Куантик опять принесла ему обед.

— Вы думаете, что таким образом сроее гору? — спросила она.

— Но вы же сами знаете, — возразил Шарль, — что мне ни за что этого не сделать, хотя бы я трудился целый век.

Куантик взяла деревянный заступ, ударила им по горе и промолвила:

— Гора, исчезни!

И гора исчезла, а на ее месте раскинулась гладкая широкая равнина.

На закате принц вернулся в замок, беззаботно насвистывая.

— Урок выполнен? — спросил Барбовер.

— Выполнен.

— Не может быть!

— Поднимитесь на башню замка и посмотрите сами.

Барбовер взошел на башню и с удивлением увидел, что гора исчезла.

«Что это значит? — подумал он про себя. — Ну, да ничего. Завтра я придумаю для него задачу, с которой он не справится так легко».

Шарль поужинал и пошел наверх, в свою комнату. Туда тайком пришла Куантик и сказала ему:

— До сих пор мы с тобой выпутывались довольно легко. Завтра это будет труднее. Но как бы то ни было, ты меня слушайся во всем и положишься на меня.

Наутро Барбовер объявил Шарлю, что он должен разыскать и доставить на берег большой якорь корабля, на котором плавал еще дед Барбовера. Этот якорь вот уже больше ста лет лежит на дне моря.

Принц выслушивал теперь все, что бы ему ни прика-

зали, не пугаясь больше так, как прежде. Он отправился на берег моря и, усевшись на скале, преспокойно закурил трубку.

В полдень опять пришла Куантик и сказала:

— Теперь ты должен отрезать мне голову и бросить ее в море. Сделай ямку в песке и собери в нее всю кровь, которая вытечет из моего тела. Смотри только, не усни. Если уснешь, тогда нам с тобой конец, ничто нас не спасет. Вот тебе нож: режь спокойно, пусть рука твоя не дрогнет.

Шарль взял нож, который подала ему Куантик, и, не дрогнув, перерезал шею дочери волшебника. Голову он бросил в море, а кровь из раны собрал в ямку, которую выкопал в песке.

Ему вдруг ужасно захотелось спать, и он уже было поддался этому желанию, но голова Куантик вынырнула из воды. За ней плыл якорь.

— Ты чуть не уснул, бедный друг, — сказала она. — Скорее возьми мою голову и приставь ее к телу, она сама прирастет.

Шарль поднял голову, посадил на место, и в тот же миг перед ним очутилась Куантик, такая же, как прежде.

— Теперь скорее пойдем домой, — сказала она, — потому что я очень ослабела от потери крови. Счастье, что тебе больше нечего бояться моего отца, нашим испытаниям конец. Завтра он предложит тебе выбрать в жены любую из нас трех. Ты скажи, что хочешь меня, Куантик. Тогда сестры закричат: «Нет, отец, мы не согласны! Мы все три обратимся в мышей, и пусть нас положат в мешок, а принц сунет туда руку, и какую он вытащит, ту и получит в жены». — «Ну что же, пусть будет так», — скажет отец. Когда ты сунешь руку в мешок, две мышки тотчас метнутся к тебе. Но ты не вытаскивай ни одной из них, потому что это будут мои сестры. Я же притаюсь на дне мешка, и тебе легко будет узнать меня.

Они вернулись в замок, и Куантик легла в постель. Когда Барбовер увидел, что Шарль и из этого испытания вышел с честью, он сказал:

— Ну, принц, нет тебе равного на свете, и я хочу взять тебя в зятя. У меня три дочери, которую ты выберешь?

— Куантик, — ответил Шарль не задумываясь.

— Нет, не так принц должен выбирать! — тотчас закричали обе старшие. — Мы все три обратимся в мышей,

и пусть нас положат в мешок. Которую принц вытащит, та и достанется ему в жены.

— Хорошо, сделаем так, чтобы вам не было обидно, — сказал Барбовер.

И вот трех принцесс положили в мешок. Шарль сунул в него руку, и тотчас две мышки кинулись к нему. Но он их оттолкнул и стал шарить на дне мешка, ища третью, которая сидела тихонько, не шевелясь. Ее он вытащил и показал Барбоверу:

— Я хочу вот эту!

И мышка вмиг превратилась в прекрасную девушку. Это была Куантик.

Их поженили, и в честь этого в замке устроили пир на славу.

Ночью, когда новобрачные вошли к себе в спальню, чтобы лечь, Куантик нарочно швырнула подсвечник на приготовленное для них ложе. В тот же миг ложе провалилось в раскрывшуюся под ним пропасть, упало на колесо, утыканное острыми, как бритва, ножами, и разлетелось на мелкие кусочки. Это сестры Куантик, такие же чародейки, как она, приготовили новобрачным западню, но они ее счастливо избежали.

Шарль и его жена отправились в Париж в красивой золотой колеснице, которая неслась по воздуху. Пролетая над лесом, где жил старый отшельник, они спустились вниз и провели у него целый день. Отшельник окрестил молодую волшебницу.

Прибыв в Париж, они застали старого короля тяжело больным, близким к смерти. Но когда король увидел сына, которого он считал навеки погибшим, и его красавицу жену, к нему тотчас возвратилось здоровье.

И пошли у них пышные праздники да пиры, на которых не были забыты и бедняки, — не то что в наше время!

или когда-то король и королева. Король ушел в поход, оставив королеву на сносях.

Мать короля не любила невестку и не знала, что и придумать, лишь бы только ей повредить. Пока король был в отсутствии, королева родила близнецов, мальчика и девочку. Старая королева тотчас написала королю, что его супруга родила щенка и котенка. Он ответил, что обоих — щенка и котенка — следует положить в ларец и бросить в море. Так и сделали — обоих детей положили в ларец и кинули его в волны.

Немного времени спустя один купец, торговавший разными товарами, странствовал со своей женой по этим краям и увидел ларец, который плыл по воде.

— Ах, какой красивый ларец! — сказала жена купца. — Мне хотелось бы узнать, что там внутри: наверно, что-нибудь очень ценное.

Купец вытащил ларец из воды и дал его жене. Та сначала не решалась даже притронуться к нему; наконец она открыла его и нашла в нем прехорошенького мальчика и премиленькую девочку. Купец и его жена приютили их и стали растить вместе со своими двумя детьми. Каждый день под подушкой у мальчика появлялось пятьдесят экю, и каждый день у его сестры на груди оказывалась сияющая золотая звезда.

Однажды, когда мальчик был в школе вместе с родным сыном купца, он сказал ему:

— Братец, я забыл взять с собой хлеб, отломи мне кусочек от своего.

— Ты мне не брат, — ответил ему сын купца, — ты всего-навсего приемный: тебя нашли в ларце в море, никто не знает, откуда ты взялся.

Бедный малыш сильно опечалился.

— Раз я не твой брат, — сказал он, — я пойду искать моего отца.

Он сообщил о своем намерении приемным родителям. Они очень его любили, быть может отчасти из-за тех пятидесяти экю, и всячески старались его удержать, но все их уговоры были тщетны. Мальчик взял сестру за руку и сказал ей:

— Сестрица, пойдем искать нашего отца.

И они вдвоем пустились в путь.

Вскоре они набрали на большой замок, вошли туда и спросили, не нужны ли там судомойка и младший конюх. А владелец этого замка был их родной отец. Старая королева их не узнала, но все же заподозрила что-то неладное. Она косо на них посмотрела и сказала:

— Хороши слуги! Пусть их выгонят вон!

Однако их взяли на службу. Они неплохо делали свое дело, но старая королева непрестанно твердила:

— Эти ребята никуда не годятся, надо их прогнать.

Однажды она сказала королю:

— Мальчик похвалялся, что добудет воду, которая танцует.

Король тотчас потребовал мальчика к себе.

— Послушай-ка, — сказал он ему, — мне надобно с тобой поговорить.

— Что вам угодно, ваше величество?

— Ты похвалялся, что можешь добыть воду, которая танцует.

— Я, ваше величество? Да как бы я мог добыть такую воду? Я даже не знаю, где ее искать.

— Все равно, хвалился ты этим или нет, если не достанешь эту воду завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

— Будь что будет, — сказал мальчик и отправился в путь.

Дорогой он повстречал старую фею: она его спросила:

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Старая королева только о том и думает, как бы меня извести; она потребовала, чтобы я добыл воду, которая танцует, а я даже не знаю, что это такое.

— А что ты мне дашь, — сказала фея, — если я тебя выручу?

— У меня пятьдесят эку, я с радостью отдам их вам.

— Ладно. Ты войдешь в зеленую рощу; там ты найдешь воду, которая танцует, и воду, которая не танцует; набери в пузырек той, что танцует, и мигом уходи.

Мальчик нашел ту воду, которая ему была надобна, и принес ее королю.

— А она в самом деле танцует? — спросил король.

— Я видел, как она танцует, но не знаю, будет ли она дальше танцевать.

— Если она танцевала, она и впредь будет танцевать. Пусть ее уберут пока.

На другой день старая королева сказала королю:

— Мальчик похвалялся, что добудет розу, которая поет.

Король потребовал к себе мальчика и сказал ему:

— Ты похвалялся, что добудешь розу, которая поет.

— Я, ваше величество? Да как бы я мог добыть такую розу? Я о ней и не слыхивал.

— Все равно, хвалился ты или нет, если не достанешь ее завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

Мальчик отправился в путь и дорогой опять повстречал старую фею.

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Король хочет, чтобы я принес ему розу, которая поет, а я не знаю, где мне ее искать.

— Что ты мне дашь, если я тебя выручу?

— То же, что я вам дал в первый раз, — пятьдесят экю.

— Ладно! Ты войдешь в прекрасный сад; там ты увидишь розы, которые поют, и розы, которые не поют; мигом сорви ту, что поет, и тотчас отправляйся назад, да не мешкай в пути.

Мальчик последовал совету феи и принес королю розу.

— Эта роза не поет, — сказала старая королева.

— Потом увидим! — ответил король.

Немного времени спустя старая королева сказала королю:

— Девочка похвалялась, что добудет птицу, которая вещает правду.

Король потребовал к себе девочку и сказал:

— Ты похвалялась, что добудешь птицу, которая вещает правду.

— Нет, ваше величество, я этим не хвалилась. Разве я могу добыть эту птицу?

— Хвалилась ты или нет, если не доставишь ее завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

Пришлось девочке отправиться в путь. Ей также повстречалась фея.

— Куда ты, королевская дочь, держишь путь?

— Я не королевская дочь — я бедная судомойка. Мать короля задумала нас извести, она послала меня за птицей, которая вещает правду, а я не знаю, где мне ее найти.

— А что ты дашь, если я тебя выручу?

— Я дам вам золотую звезду; если этого мало, дам две.

— Ладно! Сделай так, как я тебе скажу. Ты в полночь пойдешь в зеленую рощу, там увидишь множество птиц; они все наперебой будут говорить: «Это я!» Одна только скажет: «Это не я!» Ее-то ты и возьми и уходи как можно скорее, иначе ты превратишься в соляной столбик.

Когда девочка вошла в рощу, все птицы привялись кричать:

— Это я! Это я!

Одна только сказала:

— Это не я!

Но девочка забыла совет феи и превратилась в соляной столбик.

Брат, видя, что она не возвращается в замок, отпросился пойти ее искать. Он снова встретил старую фею.

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Моя сестра пошла за птицей, которая вещает правду, и не вернулась.

— Ты найдешь сестру с птицей вместе, — сказала фея. — Что ты мне дашь, если я тебя выручу?

— Пятьдесят экю, как всегда.

— Так вот. В полночь ты пойдешь в зеленую рощу, но не делай так, как твоя сестра: она не послушалась моего совета и превратилась в соляной столбик. Ты увидишь множество птиц, они все наперебой будут говорить: «Это я!» Схвати мигом ту, что скажет: «Это не я!» Пусть она прикоснется клювом к голове твоей сестры, и та оживет.

Мальчик сделал в точности так, как ему посоветовала фея: он взял птицу и заставил ее прикоснуться клювом к голове сестры. Сестра тотчас ожила, и они вместе вернулись в замок. Птицу, которая вещает правду, посадили в клетку, а воду, которая танцует, и розу, которая поет, поставили на стол.

Много народу приходило смотреть на эти диковинки. Король сказал:

— Надо устроить большой пир и пригласить на него всех наших друзей. Тогда мы увидим, то ли принесли дети, что я им велел добыть.

На зов короля явилось множество знатных вельмож. Старая королева ворчала:

— Подумаешь, какие чудеса, — вода, роза и птица, которая вещает правду!

— Потерпи немного, — сказал король, — мы увидим, на что они годны.

Во время пира вода начала танцевать, роза принялась петь, но птица ни слова не говорила.

— Что ж ты, — сказал король, — покажи свое уменье.

— Если я заговорю, — молвила птица, — кое-кому из тех, кто здесь пирует, станет стыдно.

— Все равно, говори! — сказал король.

— Разве не правда, — сказала птица, — что однажды, когда вы были в походе, ваша мать написала вам, будто королева родила щенка и котенка? Разве не правда, что вы велели бросить их в море?

Видя, что король готов рассердиться, птица прибавила:

— То, что я говорю, правда, суцая правда. Этот щенок и этот котенок здесь: это ваши дети, сын ваш и дочь ваша.

Король разгневался, узнав, что его так обманули, и велел бросить старую королеву в кипящее масло. С тех пор он жил счастливо и ему везло во всех его делах благодаря птице, которая вещала правду.

34. ДОЧЬ ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

Жил когда-то в Испании король, у которого умерла жена. Он очень любил королеву и так был опечален утратой, что поклялся больше не вступать в брак, если только не найдется девушка, которая во всем походила бы на умершую и которой свадебный наряд королевы пришелся бы совершенно впору. А королева была красоты и стройности необычайной, и поэтому король был убежден, что будет вдовствовать до конца своих дней.

У короля была восемнадцатилетняя дочь, столь же прекрасная собой, как и ее мать, и очень на нее похожая. Однажды, чтобы потешить себя, она примерила свадебный наряд своей матери, — и что же? Оказалось, что он ей как нельзя более к лицу и пришелся в самый раз, словно на нее был сшит. Случайно в то время к ней зашел король. Он тотчас бросился обнимать принцессу, восклицая:

— Жена моя! Жена моя! Я вновь нашел свою жену!

Принцесса решила, что отец шутит, и рассмеялась, но он и не думал шутить. Некоторые люди утверждают, будто горе, причиненное ему кончиною супруги, омрачило его рассудок. Как бы то ни было, на другой день он сказал принцессе, что намерен на ней жениться, и целую неделю преследовал ее своими домогательствами, не давая ей ни минуты покоя. Бедная девушка была в полном смятении.

Она отправилась за советом к одной старухе, которая жила в соседнем лесу в убогой хижине. Старуха сказала ей:

— Не печальтесь, дитя мое: я дам вам совет и устрою так, что ваш отец излечится от нелепой своей страсти. Скажите ему, что он должен достать для вас платье звездного цвета.

Принцесса пошла домой и, когда отец снова начал говорить ей о своей любви, объявила ему:

— Сперва достаньте мне платье звездного цвета, а потом увидим.

Король разослал сначала по всей столице, а затем и по всему королевству гонцов к суконщикам и купцам, торговавшим шелками, и приказал доставить самые роскошные и прекрасные ткани, какие они только найдут, по любой цене. В конце концов ткань звездного цвета разыскали. Ее немедленно доставили принцессе. Тут принцесса растерялась больше прежнего.

Она снова пошла к старухе и сказала ей:

— Увы, ткань звездного цвета мне на платье уже сумели разыскать!

— Ну что ж, — ответила старуха, — теперь объявите вашему отцу, что вы желаете иметь в придачу еще и платье лунного цвета. Такую ткань ему трудно будет найти, а за это время он, быть может, образумится.

На следующий день, когда король опять стал говорить о своей любви, принцесса сказала ему:

— Теперь, отец мой, я желаю иметь платье лунного цвета.

— Вы его получите, дочь моя, — отвечал король, — чего бы это мне ни стоило.

И он снова разослал гонцов во все стороны.

Искали-искали и через две недели раздобыли и эту ткань, но до чего ж она была дорога! Король заплатил уйму денег и, сияя от радости, принес ткань дочери.

Тут принцесса совсем растерялась и, как только стемнело, снова украдкой пошла за советом к старухе, жившей в лесу.

— Увы, — сказала принцесса, — платье лунного цвета он тоже сумел раздобыть!

— В самом деле? И как только это ему удастся! Ну, да это не важно. Теперь требуйте платье солнечного цвета, посмотрим, как он выпутается на этот раз.

Снова во все стороны, не только по всему королевству, но и за его пределы, были разосланы гонцы, которым велено было отыскать ткань солнечного цвета. Прошел месяц, второй, третий, — гонцы все не возвращались. Король начал не на шутку тревожиться. В конце концов, однако, и эту диковинную ткань раздобыли, и король, не помня себя от радости, побежал с ней к принцессе, восклицая:

— Вот она! И эта ткань найдена! Теперь мы немедля сыграем свадьбу!

— Хорошо, отец мой, — спокойно ответила принцесса, — вы достали для меня все, о чем я вас просила, я обязана сдержать свое слово.

Но как только стемнело, она снова крадучись вышла из дворца, отправилась в лес, к той старухе, и сказала ей:

— Увы, я погибла! Даже платье солнечного цвета он сумел для меня раздобыть!

— Как это он умудрился его сыскать? — воскликнула старуха в изумлении. — Теперь, бедное мое дитя, вам придется покинуть дом вашего отца. Уложите в маленький сундучок все три платья — звездного, лунного и солнечного цвета, а также и подвенечный наряд вашей матушки, и ночью уходите из дому. Сундучок возьмите с собой, а сами оденьтесь очень скромно, как одеваются дочери ремесленников, и наймитесь в служанки на ферму где-нибудь в деревне.

Принцесса последовала советам старухи и покинула отцовский дворец, захватив с собой сундучок, куда она положила все три великолепных платья и подвенечный наряд своей матери.

Узнав наутро, что принцесса исчезла, король плакал как ребенок и послал во все концы воинов разыскивать беглянку. Отряд всадников уже было настиг ее, но она спряталась под пролетом моста, и всадники промчались, не заметив ее. Вскоре они вторично проехали мимо нее, возвращаясь восвояси, и принцесса услышала, как они говорили между собой:

— К чему нам продолжать поиски? Принцесса и в самом деле гораздо умнее своего отца.

Тогда она покинула свое убежище и пошла дальше. На закате солнца, к вечеру, она очутилась у старого замка и попросила, чтобы ей позволили переночевать. Она была так истомлена, что над ней сжалились и впустили. Замок принадлежал богатой вдове, у которой был один-единственный сын.

На другое утро принцесса спросила, не возьмут ли ее в услужение. Ее наняли пасти свиней. Она весь день проводила со своими свиньями в лесу, недалеко от замка.

Как-то раз ясным солнечным утром она вынула из сундучка, с которым никогда не расставалась, платье звездного цвета и нарядилась в него. Молодой владелец замка в ту пору охотился в лесу, заметил ее издали и направился к ней. Но принцесса сразу его заметила, мигом сняла с себя платье и убрала его в сундучок, который спрятала в кустах.

Подойдя поближе и увидя перед собой вместо прекрасной принцессы, которую он рассчитывал найти, замарашку, пасшую свиней, молодой сеньер, сильно разочарованный, с досадой махнул рукой и, ни слова не сказав, вернулся в замок.

На следующий день принцесса надела платье лунного цвета. Молодой сеньер снова ее увидел и поспешил к ней. Но она и на этот раз успела снять платье и убрать его в сундучок, который спрятала в кустах, а обманувшийся в своих ожиданиях сеньер снова увидел перед собой замарашку, пасшую свиней.

— Не повстречалась ли вам только что в этих местах прекрасная принцесса? — спросил он ее.

— Нет, ваша светлость, — ответила она, — я никого не видала.

И опять юноша в великом огорчении повернул назад, говоря себе:

«Тут что-то неладно, с этой замарашкой, которая пахнет свиней. Она, наверно, не та, за кого себя выдает. Нужно за ней последить».

На следующий день принцесса надела платье солнечного цвета. Так прекрасна была она в нем, что птички от радости порхали и щебетали в ветвях над ее головой, и даже поросята хрюкали в восторге: «Ох, ох...»

А молодой сеньер притаился у большого пня и подсматривал за пастушкой; он вскочил и опрометью кинулся к ней, но споткнулся и упал в скрытую под вереском и густой травой яму.

Девушка и на этот раз успела снять платье и убрать его в сундучок, который поспешно спрятала в кустах. И сеньер снова увидел перед собой замарашку, пахшую свиней. Но теперь-то он уже догадался, кто она на самом деле, и по пути в замок стал размышлять о том, каким бы способом узнать всю правду.

Мать сеньера хотела его женить; в замке ожидали прибытия трех знатных молодых девиц, которые должны были провести там несколько дней. Накануне их приезда сеньер раньше, чем обыкновенно, взял свое ружье и отправился на охоту, чтобы, как он объяснял, настрелять дичи для гостей. На самом деле он отправился на ферму, расположенную у опушки леса, и попросил у хозяйки разрешения провести четыре ночи и четыре дня на плохонькой кровати, стоявшей под лестницей в закутке, куда никогда не проникал свет.

— Господи Иисусе! — воскликнула фермерша. — Да ведь там вам будет очень неудобно! В моей спальне хорошая постель с периной, лучше я вас там помещу.

— Нет, нет, — ответил сеньер, — именно под лестницей я хочу поселиться. Завтра утром вы пойдете в замок, скажете, что приютили у себя больную нищенку, и попросите для нее немного крепкого бульону. Если вас спросят, не видали ли вы меня, вы скажете, что нет.

И сеньер улегся на кровать под лестницей, а хозяйка фермы на другой день отправилась в замок и сказала его владелице:

— Я пришла, госпожа, попросить у вас немного крепкого бульону для нищенки, которую я приютила прошлой ночью, — она сильно расхворалась.

— Разумеется, я вам дам бульону; приходите за ним каждый день, пока больная будет у вас на ферме. А скажите, не видали ли вы вчера моего сына?

— Мы видим его почти каждый день, госпожа, когда он едет на охоту или с охоты, но вчера мы его не видали.

— Вчера утром он, как всегда, отправился на охоту и не возвратился, это меня тревожит. Если он вам встретится, скажите ему, что девицы, которых мы ожидали, уже приехали, пусть он скорее возвращается в замок.

Получив бульон, хозяйка фермы отправилась домой в сопровождении одной из трех девиц: ей захотелось навестить больную.

— Где эта несчастная? — спросила девица, войдя в дом.

— Здесь, вот на этой кровати, под лестницей.

— Боже! Как здесь темно! Принесите свечу, чтобы я могла на нее взглянуть.

— Увы, ей так худо, что она не выносит света.

Девица ощупью приблизилась к кровати и спросила:

— Как вы себя чувствуете, бедняжка?

— Плохо, очень плохо, — ответил чей-то слабый, едва слышный голос. — Увы, я, наверно, умру, но более всего я мучаюсь, когда думаю о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Пусть это вас не тревожит; у меня тоже был ребенок от садовника моего отца, и никто никогда и не догадался об этом.

Она положила на кровать золотой и ушла.

На следующий день хозяйка опять пошла за бульоном в замок. В этот раз она вернулась в сопровождении второй девицы, которой тоже захотелось навестить больную.

— Как ваше здоровье, бедняжка? — спросила она.

— Плохо, очень плохо! — ответил чей-то слабый голос. — Увы, я, наверно, умру; и больше всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Это пустяки! Нашли чем себя изводить! У меня тоже было двое детей, хоть я и не замужем; оба они умерли, и никто никогда и не догадался об этом.

Она положила на кровать два золотых и ушла.

«Не мешает все это намотать себе на ус», — подумал молодой сеньер.

На третий день, когда хозяйка опять пошла в замок за бульоном для мнимой больной, она вернулась в сопровождении третьей девицы.

— Как ваше здоровье, бедняжка? — спросила она, подобно тем другим.

— Плохо, очень плохо! Наверно, я умру; и более всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Эка важность! Стоит себя изводить из-за такой безделицы! У меня было трое детей, все трое умерли, и никто никогда и не догадался об этом.

Положив на кровать три золотых, она ушла.

«Я вам все это припомню! И ведь каждая из них прочит меня в мужья себе!» — подумал молодой сеньер.

Поутру он сказал хозяйке:

— Подите в последний раз в замок за бульоном и попросите, чтобы вам дали еще и корзинку салата и чтобы девушка, которая пасет свиней, донесла вам ее до фермы.

Хозяйка в четвертый уже раз отправилась в замок и вернулась оттуда вместе с девушкой, пасшей свиней. Эта девушка тоже попросила позволения зайти к больной.

— Как вы себя чувствуете, бедняжка? — спросила она.

— Плохо, очень плохо! Наверно, я умру! И более всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня был ребеночек, которого я уморила.

— Вы замужем?

— Увы, нет!

— Боже! Что вы говорите! Я, дочь испанского короля, переделалась крестьянкой, покинула дворец моего отца и пошла пасти свиней, только чтобы избегнуть греха! Но господь добр и милостив, молитесь ему от всего сердца, я тоже буду молиться за вас, и он вас простит.

С этими словами она ушла.

«Теперь я узнал то, что мне нужно было знать», — сказал себе молодой сеньер.

Он вскочил с кровати и в самом веселом расположении духа отправился восвояси. Дорогой он застрелил куропатку и принес ее в замок. Когда он пришел домой, мать бросилась ему на шею и расцеловала его; все три девицы последовали ее примеру. Он велел зажарить куропатку и

сказал матери, что хочет отужинать у себя в комнате в обществе тех трех девиц.

Когда подали куропатку, он разделил ее на шесть кусков: одной из девиц он положил на тарелку один кусок, другой — два, третьей — три.

«Это означает, — подумала третья, — что он меня отличил перед всеми и возьмет меня в жены!»

После ужина он сказал им:

— Теперь, сударыни, надо поплясать!

— Охотно, — ответили девицы, — но у нас всего один кавалер и ни одного музыканта.

— Вот музыкант, под чью скрипку вы будете плясать, жестокие, бессердечные матери! — ответил им принц, снимая со стены висевший на гвоздике хлыст.

Он размахнулся и принялся хлестать девиц что было мочи. Они давай кричать, вопить, плакать.

— Простите нас! Смилуйтесь! Помилосердствуйте! — кричали они.

— Сжалиться над вами? Разве вы пожалели родных своих детей? Вы погубили одного, вы — двоих, а вы — троих!

— Это неправда! — закричали они.

— Как так — неправда? Да ведь вы же сами признались мне в этом! Знайте — это я прикинулся большой нищенкой, которой вы разболтали вашу тайну там, на ферме. Живо убирайтесь домой, к вашим родителям, и чтобы я вас никогда больше не видел!

Негодяйки ушли, сгорая от стыда и обливаясь слезами.

Тогда молодой сеньер велел позвать ту девушку, что пасла свиней.

— Сударыня, — сказал он, — теперь вы должны сказать мне всю правду и открыть мне, кто вы такая: я знаю теперь, что вы не та, за кого себя выдаете.

— Кто я? — ответила девушка. — Бедная сирота, у которой нет никого, кто бы ее защитил, и которая сочла за счастье, что вы ее взяли сюда пасти свиней.

— К чему притворяться долее? Вы дочь испанского короля, и я знаю, почему вы покинули дворец вашего отца.

— Кто вам сказал это?

— Вы сами.

— Я? Но когда и где?

— Там, на ферме, — ведь это я прикинулся той пищепкой, что лежала в темноте под лестницей.

— Боже мой! Неужели это правда?

— Сущая правда, как и то, что я женюсь на вас и ни на ком другом.

Тотчас послали письмо испанскому королю. Он немедленно прибыл: сыграли свадьбу; много по этому случаю было пышных празднеств и блестящих пиров.

Я сам там был, я вёртел крутил; но вот какая случилась беда: макал я палец во все соусы; верзила повар там проходил и тотчас пребольно меня избил, пихнул меня так, что сюда я попал и вам эту славную сказку сказал.

35. ПРИНЦЕССА ТРОЙОЛЬ

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

ил-был некогда благородный юноша; родители его умерли, и он остался на попечении мачехи. Как это обычно бывает, она не любила пасынка, и мальчику приходилось трудно. Когда ему минуло пятнадцать лет, он ушел от нее и отправился искать счастья. Звали его Фанш. «Будь что будет, — думал он, — хуже, чем у мачехи, нигде не может быть».

И пошел он, как говорится, куда глаза глядят.

Он шел все прямо и прямо, останавливался у крестьян, когда его застигала ночь, иногда даже спал под открытым небом. Но о доме своей мачехи он совсем не жалел.

Однажды на закате солнца он увидел перед собой прекрасный замок. Ворота во двор были открыты, и он вошел. Там не было ни души. Он увидел еще одну открытую дверь, вошел и очутился в кухне. Опять ни души. Но спустя минуту в кухню заглянула коза. Она сделала Фаншу знак следовать за нею. Он послушался, и она привела его в прекрасный сад. Там коза сказала Фаншу:

— Если хотите остаться здесь, у вас будет все, чего вы пожелаете, но вам придется провести три ночи в комнате, которую я вам укажу.

— Что за странный замок, где козы разговаривают как люди! — удивился юноша.

— Я не всегда была такой, какой вы меня сейчас видите, — ответила коза. — Меня держат здесь злые чары. Все мои родные тоже околдованы, но иначе, чем я. Если вы будете точно исполнять все, что я вам скажу, вы нас всех освободите и не раскаетесь в этом.

— Скажите, что нужно сделать, чтобы освободить вас, и, если смогу, я это сделаю.

— Вам придется провести в одной из комнат три ночи подряд и при этом не промолвить ни единого слова, не проронить ни единой жалобы, что бы вам ни пришлось увидеть или услышать и что бы с вами ни делали.

— Хорошо, попытаюсь.

Когда настал вечер, Фаншу подали ужин в богато убранной комнате. Но, к великому своему удивлению, он видел только две руки, которые ставили блюда, а самого человека не было видно. Когда Фанш вволю поел и попил, одна из рук взяла подсвечник с зажженной свечой и поманила его за собой. Он пошел за рукой, а она светила ему и привела в комнату, где стояла кровать. Рука поставила свечу на стол и тут же исчезла.

Фанш был не из трусливых, но все это показалось ему очень странным.

Он лег и сразу уснул. Около полуночи его разбудил сильный шум в комнате.

— Давайте играть в шары, — говорили чьи-то голоса.

— Нет, лучше придумаем новую игру, — отвечали им другие.

Фанш смотрел во все глаза, но никого не видел.

— Знаете что, — сказал один голос, — займемся сперва тем, кто лежит в постели.

— А разве там кто-нибудь есть?

— Ну да, смотрите.

Они вытащили бедного Фанша из постели и стали перебрасываться им, точно мячом. Но как они ни старались, Фанш не произносил ни слова и все время притворялся спящим.

— Что ж, он так и не проснется? — спросил кто-то.

— Погоди немного, — ответил другой, — уж я его разбужу.

И он с такой силой пвырнул Фанша об стену, что тот расплющился, как печеное яблоко. Потом невидимки громко засмеялись и ушли.

Сейчас же в комнату вошла коза, которую Фанш уже видел в замке. Но на этот раз у нее была голова прекрасной девушки.

— Бедняжка, — сказала она, — как они тебя мучили!

Она стала натирать Фанша какой-то мазью, и жизнь постепенно возвратилась в его тело, пока он не ожил совсем и не почувствовал себя таким здоровым, как никогда.

— На этот раз все обошлось хорошо, — сказала девушка-коза, — но следующей ночью испытание будет еще более тяжким. Что бы с вами ни случилось, по-прежнему храните полное молчание, и вы будете вознаграждены.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Фанш.

Коза ушла.

Фанш хорошо позавтракал и пообедал, и по-прежнему ему прислуживали одни руки без тела. Целый день он гулял по замку и саду, никого не встречая, а после ужина та же рука взяла подсвечник и провела его в ту же комнату. На этот раз Фанш спрятался под матрац.

«Может быть, они не найдут меня здесь», — думал он.

Около полуночи раздался такой же оглушительный шум, как и накануне.

— Здесь пахнет человеком, — сказал чей-то голос.

— Но откуда же? — ответил другой. — Ты сам видишь, что на кровати никого нет. Играй и перестань болтать о человеке!

И они начали играть в карты. Внезапно первый голос опять закричал:

— Говорю вам, братцы, здесь пахнет человеком!

Он поднял матрац и нашел Фанша.

— Что я вам говорил? Ты, значит, еще жив, червяк! Погоди, мы с тобой разделаемся.

И они разорвали его на куски; потом с громким смехом ушли.

Сейчас же в комнату снова вошла коза, но на этот раз она была девушкой по пояс.

— Бедняжка, — сказала она, — в каком виде я нахожу тебя!

Она приложила куски один к другому и стала натирать их мазью.

Понемногу куски срослись, тело приняло прежний вид, и скоро Фанш снова стал живым и здоровым.

— Третья ночь будет самой ужасной, — сказала тогда девушка-коза. — Но вооружитесь терпением и, если вы проведете ее так же мужественно, как первые две, ваши мучения окончатся, а с ними окончатся и мучения всех, кто еще томится здесь.

— Не думаю, чтобы со мной могло случиться что-нибудь хуже смерти, а я уже два раза умирал, — ответил Фанш.

И вот на третью ночь он после ужина снова пошел в ту же комнату, но на этот раз спрятался под кровать.

Около полуночи пришли невидимки и начали играть в карты.

— Здесь опять пахнет человеком! — вдруг сказал чей-то голос. — Неужели этот червяк все еще жив?

Они разрыли постель, но никого не нашли; тогда они заглянули под кровать.

— Вот он, вот он!

И они за ноги вытащили его из-под кровати. Потом стали совещаться:

— На этот раз с ним лужно покончить. Что нам с ним сделать?

— Давайте изжарим его и съедим.

— Давайте, давайте! — закричали все разом.

Они развели большой огонь в камине, догола раздели бедного Фанша, подвесили его над огнем, а когда он хорошенько поджарился, сели и съели его.

Окончив пир, они ушли, и тотчас же в комнату вошла красавица-принцесса в богатом наряде. Козы на этот раз уже и в помине не было.

— Увы, — сказала она, — боюсь, что они не оставили от него ни кусочка.

И она стала искать повсюду, и на столе, и на полу. Наконец, после долгих поисков, ей удалось найти кусочек черепа.

— Слава богу, — воскликнула она, — не все еще потеряно!

Она принялась натирать кусочек черепа своей мазью. Она терла и терла, и кусочек становился все больше и больше, покрывался мясом, потом на своих местах выросли руки и ноги, и, наконец, появилось все тело, такое живое и здоровое, как никогда.

— Как я рада! — воскликнула принцесса. — Теперь у великанов-невидимок больше нет власти ни надо мной,

ни над моими родными, и все, что здесь есть, принадлежит вам, Фанш, даже я сама.

Сразу же отовсюду стали собираться люди всех званий и отличий, — принцы, принцессы, герцоги, бароны, престолюдины, все, кого злые чары держали в этом замке. Они выходили из всех углов и благодарили своего освободителя, а потом разъезжались кто куда, каждый к себе на родину.

— Теперь пора и нам, — сказал Фанш принцессе, — поедем к вашему отцу.

— Нет, — ответила она, — нам еще нужно прожить здесь три дня; каждое утро вам придется голодать: есть и пить вам можно будет только после полудня. Если до этого часа вы что-нибудь съедите или выпьете, вы тотчас же уснете и больше не увидите меня. Каждый полдень я буду приходить к вам, и тогда вы сможете поесть и попить. Ждите меня в лесу, на камне у источника, и как только пробьет полдень, я буду тут как тут. Но помните, что до этого часа вам нельзя ни есть, ни пить.

Сказав это, она исчезла.

На следующий день, задолго до полудня, Фанш со своим слугой уже ждали принцессу на камне у источника. Фанш еще ничего не ел и не пил и страшно проголодался. Пока он сидел и ждал, к нему подошла маленькая старушонка с корзинкой слив в руках.

— Добрый день, юный рыцарь, — сказала она Фаншу.

— Добрый день и вам, бабушка.

— Возьмите у меня слив.

— Спасибо, я не люблю их.

— Отведайте хотя бы одну, она вам ничего не будет стоить; посмотрите, какая она хорошая.

Фанш взял сливу. Но едва он надкусил ее, как сразу же уснул. В эту минуту пробило полдень, и появилась принцесса.

— Увы, он спит, — сказала она, увидев Фанша.

— Да, — ответил слуга. — Какая-то старушка дала моему господину сливу, и не успел он поднести ее ко рту, как уснул.

— Что ж... отдайте ему этот платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

Она отдала слуге белый платок и улетела. В тот же миг проснулся Фанш и мельком успел увидеть ее. Она была вся белая, словно ангел.

«Я уснул, — подумал он. — Завтра буду осмотрительней».

На следующий день, когда он снова сидел со своим слугой на камне у источника, к нему подошла та же старушонка с корзиной винных ягод в руках.

— Возьмите у меня винную ягоду, прекрасный рыцарь: смотрите, какие они хорошие.

Фанш и на этот раз взял у старухи винную ягоду. Он съел ее и сразу же уснул.

Как только пробило полдень, у источника появилась принцесса.

— Увы, он опять спит, — печально сказала она.

— Да, — ответил слуга, — снова пришла старушка, дала моему господину винную ягоду, и только он съел ее, как сразу же уснул.

— Отдайте ему этот серый платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

И, застав, принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел увидеть летящую к небу принцессу. На этот раз она была уже в сером платье.

— Боже мой, — сказал он, — я опять уснул. Что это меня так клонит в сон?

— Я думаю, господин, — ответил слуга, — что это от плодов, которые дает вам старуха.

— Ну, этого не может быть. Буду завтра осмотрительней и ни за что не усну.

Слуга отдал Фаншу второй, серый, платок, как раньше отдал белый.

На следующее утро, когда они снова ждали у источника, к ним подошла старушонка, у которой на этот раз в руках была корзина с прекрасными апельсинами.

— Возьмите у меня апельсин, прекрасный рыцарь, — сказала она Фаншу. — Смотрите, какие они хорошие.

Слуге очень хотелось посоветовать Фаншу отказаться, но он не посмел. Фанш взял апельсин, съел его и вновь уснул.

Когда пробило полдень, появилась принцесса. Увидев, что Фанш спит, она горестно воскликнула:

— Несчастный, он снова уснул!

— Во всем виновата старушка, — ответил ей слуга. — Она опять пришла и дала моему господину апельсин, он взял апельсин да съел и сразу же после этого уснул.

— Отдайте ему третий платок, когда он проснется, и скажите, что я простилась с ним навсегда, потому что, увы, больше я его не увижу.

И с жалобным стоном принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел заметить подол ее платья и кончик ноги. Но, к его ужасу, на этот раз принцесса была вся в черном. Черным был и третий платок, который она дала слуге для Фанша.

— Увы, я опять уснул! — воскликнул Фанш в отчаянии.

— На ваше несчастье, мой бедный господин. Перед тем, как улететь, принцесса дала мне для вас третий платок и велела передать, что она простилась с вами навеки и что больше вы ее не увидите.

Велико было горе Фанша, когда он услышал это. Он рвал на себе волосы и, рыдая, кричал:

— Нет, я увижу ее снова, я день и ночь буду ходить и искать ее, пока не разыщу!

И он тут же пустился в дорогу, взяв с собою из еды только один белый хлебец.

Когда настал вечер, он сел на траву у края дороги немного отдохнуть и поесть. Как раз в эту минуту мимо проходила какая-то старушка:

— Приятного аппетита, сынок, — сказала она Фаншу.

— Спасибо, бабушка. Не хотите ли и вы закусить? Я охотно поделюсь с вами.

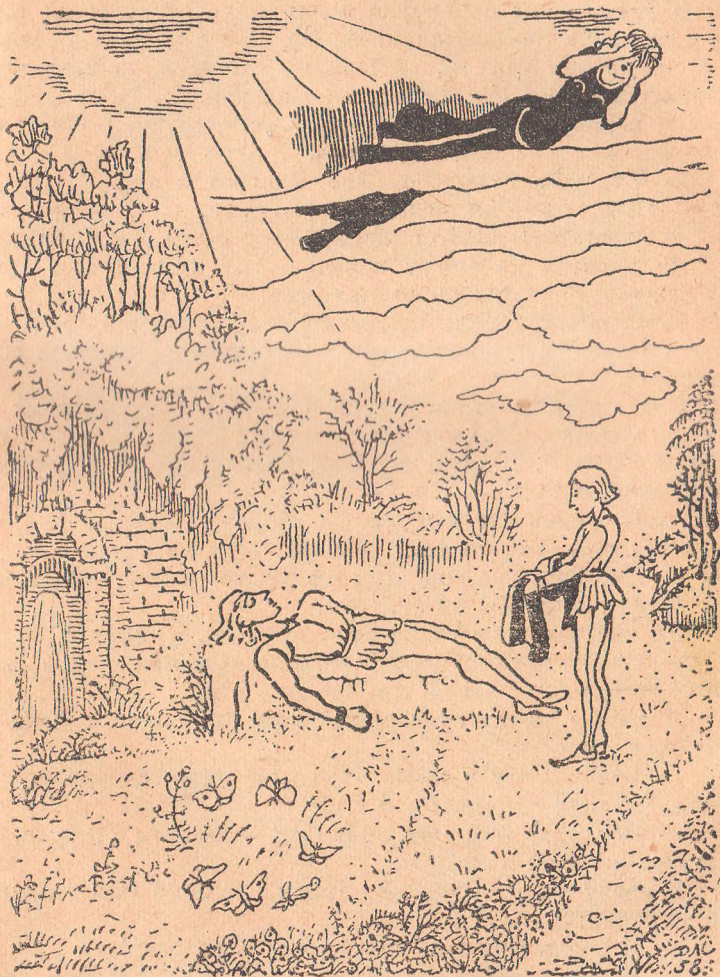
— Благослови тебя господь, сынок. Я живу в этих краях уже много сотен лет, и никогда еще никто не предлагал мне хлеба.

Старушка охотно поделилась с ним его скромный ужин, потом сказала Фаншу:

— Чтобы отблагодарить тебя, сынок, я дам тебе скатерть, которая сослужит тебе хорошую службу. Когда захочешь есть или пить, расстели ее на земле или на столе, смотря по тому, где ты в это время будешь, и на ней сразу появится столько еды, сколько ты пожелаешь. Вот тебе еще белая палочка в подарок: стоит ударить ею об землю — и она перенесет тебя за сто лье от места, где ты находишься.

— Да благословит вас господь, бабушка, — ответил ей Фанш, принимая из рук старушки скатерть-самобранку и волшебную палочку.

После этого старушка исчезла.

«А правду ли она мне сказала?» — подумал Фанш.

Он ударил палочкой об землю и сразу же очутился за сто лье от места, где находился. Перед ним была маленькая лачужка, крытая тростником и папоротником. Невдалеке крестьянин пахал землю, и Фанш предложил ему обменяться с ним одеждой. Крестьянин с радостью согласился, потому что на нем были какие-то лохмотья, а Фанш был одет как принц. Переодевшись, Фанш постучался в дверь лачуги. Ему открыла старуха, у которой изо рта торчали зубы в локоть длиной.

— Что тебе нужно, сынок? — спросила она.

— Пустите меня на почлег, бабушка.

— Плохое ты место выбрал себе. У меня три сына, которые терпеть не могут людей, — как только они вернутся, они обязательно съедят тебя.

— Спрячьте меня куда-нибудь, бабушка. Я помогу вам по хозяйству и постараюсь сговориться с вашими сыновьями.

Она спрятала его в старый сундук, который стоял у нее в подвале. Потом старуха начала стряпать обед для своих сыновей. В трех дырявых бочках вместо кастрюль она сварила суп.

— Не знаю, что им дать на второе, — сказала она. — У меня есть только три барашка, а этого мало.

— Ну, бабушка, об этом не беспокойтесь, — ответил ей Фанш, вылезая из сундука.

Он расстелил на столе свою скатерть и сказал:

— Скатерть-самобранка, добрая служанка, подай мне трех жареных быков и три бочонка вина.

И сейчас же на скатерти появились жареные быки и бочонки с вином.

Спустя минуту в трубе что-то загудело, словно ухала сова, которой холодно: у-у-у-у!

— Вот идет мой младший сын, — сказала старуха. — Скорее прячься в сундук.

И сразу же по трубе спустился младший сын старухи и закричал:

— Я очень голоден, мать, я очень голоден!

— Хорошо, садись поближе к очагу, дожидайся братьев и не шуми так.

Он уселся на табуретке возле очага, но тотчас же закричал:

— Здесь пахнет человеком, мать, я хочу его съесть!

— Что ж, ты, может, съешь своего двоюродного брата, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку? Не видишь ты жаркого, что ли?

Затем старуха велела Фаншу вылезть из сундука, и он очень скоро подружился со своим двоюродным братом.

Спустя немного времени в трубе опять что-то загудело и завывло. Второй сын старухи, второй ветер, спустился по трубе и, увидя Фанша, закричал:

— Человек! Я его сейчас съем!

— Хотела бы я посмотреть, как ты его съешь! — сказала старуха. — Он твой двоюродный брат, пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку. Садись к очагу да веди себя хорошо, не то берегись моей палки.

Ветер сел на табуретку у очага, напротив брата, и больше не сказал ни слова.

Через минуту снова послышался оглушительный шум. Вокруг лачуги трещали и разлетались в щепки деревья. Фаншу стало страшно.

— Вот и мой старший сын идет, — сказала старуха.

Третий ветер спустился по трубе и разметал весь огонь в очаге. Он кричал:

— Я голоден, мать, я очень голоден!

— Успокойся, замолчи, — ужин готов.

Тут он заметил Фанша, крикнул: «Человек!» — и хотел было уже броситься на него и проглотить, но старуха схватила молоденький ствол вяза, который она заранее принесла из сада, и начала изо всех сил колотить сына.

— Ты что же, хочешь съесть своего двоюродного брата, сына моей сестры, милого мальчика, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по быку и по бочонку вина? И ты думаешь, что я тебе это позволю?

Она, не жалея, лупила его, а ветер кричал:

— Потихе, потихе, мать, не бейте так сильно, я не трону нашего двоюродного брата, раз он принес каждому из нас по быку и бочонку вина.

Тогда старуха перестала его колотить, и все сели за стол. Но они были так прожорливы, особенно старший ветер, что Фаншу пришлось три раза звать на помощь свою скатерть. Наконец, когда ветры насытились, — а случилось это не скоро, — они все сели возле очага и повели разговор как старые друзья.

— Куда ты направляешься, братец? — спросил у Фанша младший ветер.

— Я ищу принцессу Тройоль. Не знаешь ли ты, где она живет?

— Нет, не знаю, я даже никогда не слышал о ней.

— А ты, братец? — спросил Фанш у среднего ветра.

— Я о ней слышал, но не знаю, где она живет.

— А ты, старший братец? — спросил Фанш у старшего ветра.

— Я знаю, потому что я только сейчас оттуда вернулся и завтра полечу туда снова.

— Возьми меня с собою.

— Возьму, если только ты сможешь угнаться за мной. Ну, а теперь пора спать, завтра нам предстоит долгий путь.

На следующее утро ветры умчались кто куда.

— Следуй за мной, если можешь, — сказал старший ветер Фаншу.

И он полетел. У-у-у-у! Фью-фьють! А Фанш за ним вдогонку. И ну ударить об землю белой палочкой, которая при каждом ударе переносила его на сто лье. Когда старший ветер оглянулся, чтобы посмотреть, где остался Фанш, он, к своему великому удивлению, увидел, что тот следует за ним по пятам. Они долетели до берега моря.

— Я не смогу лететь дальше, если ты не посадишь меня к себе на спину, — сказал тогда Фанш старшему ветру.

— Я охотно возьму тебя на спину, если ты станешь кормить меня всякий раз, как я проголодаюсь.

— Ладно, будешь есть до отвала.

Фанш сел на спину старшему ветру, и они полетели. Каждую минуту ветер просил есть. Но у Фанша была скатерть-самобранка, и он не скупился на угощение. Они летели, летели, у-у-у-у, фью-фьють! Наконец показался замок принцессы Тройоль. Ветер опустил Фанша во дворе. Фанш достал три платка принцессы, белый, серый и черный, привязал их к своей палке, а потом вбил ее на самой середине двора. Вскоре мимо Фанша прошла принцесса под руку с владельцем замка. Они шли в церковь венчаться. Принцесса увидела Фанша, узнала платки и сказала своей служанке:

— Пойдите и спросите того человека, сколько он хочет за один платок.

Служанка тут же подошла к Фаншу.

— Моя госпожа спрашивает, сколько вы хотите за один платок.

— Скажите вашей госпоже, что у нее не хватает денег, чтобы купить этот платок.

Служанка вернулась к своей госпоже.

— Что он вам сказал?

— Он сказал мне, что у вас не хватает денег, чтобы купить этот платок.

Услышав такой ответ, принцесса притворилась, будто у нее болит голова, и свадьбу отложили до следующего дня.

Наутро она отправила служанку к Фаншу узнать, сколько он хочет за два платка.

— Скажите вашей госпоже, — снова ответил Фанш, — что у нее не хватает денег даже на один платок.

Служанка вернулась с этим ответом к своей госпоже.

— Тогда пойдите к нему и скажите, чтобы он пришел поговорить со мной.

Служанка пошла к Фаншу и сказала ему:

— Моя госпожа просит вас зайти к ней, ей нужно поговорить с вами.

— Скажите вашей госпоже, что если ей нужно поговорить со мной, пусть она сама ко мне и приходит.

Тогда принцесса пошла к Фаншу сама.

— Пойдемте со мной на минутку в мою комнату, — сказала она ему.

Фанш пошел за ней в ее комнату, и там они бросились друг другу в объятия, плача от радости.

Затем принцесса велела служанке пойти к владельцу замка и сказать ему, что она все еще нездорова и просит его отложить свадьбу до следующего дня.

Однако она добавила при этом, что раз уж все гости съехались, свадебный пир можно устроить тотчас же.

Так и было сделано. Пир вышел на славу. Под конец все до того развеселились, что начали рассказывать забавные истории. Стали просить и принцессу рассказать что-нибудь. Тогда она поднялась с места и сказала:

— У меня была маленькая шкатулка с красивым золотым ключиком. Я потеряла его и велела сделать новый. Но потом я нашла старый ключ. И вот теперь я не знаю,

что делать, и спрашиваю вас, какой ключ предпочесть — старый или новый?

— Я бы предпочел старый, — ответил владелец замка.

— Вот и я так думаю, — сказала принцесса. — Сейчас покажу вам мой старый ключ.

Она встала из-за стола, вышла в соседнюю комнату и сейчас же вернулась об руку с Фаншем, который был одет как принц. Потом она обратилась к хозяину и ко всем гостям:

— Вот он, я выбрала его с самого начала, и супругом моим будет он и никто другой.

На следующий день они отпраздновали свадьбу, и в их честь был устроен такой пир, какого я и во сне не видывал, и они остались жить в этом прекрасном замке, потому что владелец его сразу же как сквозь землю провалился, и никто никогда не узнал, что с ним случилось.

36. ДВА ГОРБУНА И ГНОМЫ

или-были два горбуна, два товарища, Нонник и Габик.

Занимались они портняжеством и каждое утро отправлялись искать работу по окрестным фермам и замкам: один — в одну сторону, другой — в другую.

Однажды вечером Нонник возвращался с работы один, и когда он проходил по пустынной местности Пенанроку, недалеко от городка Плуара, он услышал тоненькие голоса. Они напевали:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

«Кто же это тут поет?» — подумал он, и тихонько подкрался поближе. Была чудесная лунная ночь, и он увидел ночных плясунов — гномов; они кружились в хороводе, держась за руки, и пели. Один из них начинал:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

А другие хором подхватывали:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

И так без конца. Нонник часто слышал о ночных плясунах, но никогда не видал их. Он спрятался за скалу и стал наблюдать. Но его заметили и потащили прямо в круг. И гномы стали плясать и кружиться вокруг него, припевая:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

Они сказали горбуну:

— Пляши и пой с нами вместе!

Нонник был не из робкого десятка, — он вступил в хоровод и стал плясать и петь вместе с ними:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

Однако, подметив, что они все время повторяли только эти слова и ничего больше, он спросил:

— А дальше что? Больно уж коротка ваша песенка.

— Это все, — ответили гномы.

— Как так все? Почему вы не продолжаете: и четверг тоже день, да и пятница — день...

— Верно, — согласились они, — это очень мило.

И они запели, притоптывая и прыгая от радости:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

И четверг тоже день,
да и пятница — день...

Тут они закружились, словно бесноватые!

Когда Нонник изнемог от усталости и хотел уйти, гномы стали между собой совещаться:

— Что мы дадим Ноннику за то, что он помог нам сочинить такую хорошую песенку?

— Что угодно: серебра и золота вдоволь, а если он захочет, мы избавим его от горба.

— О, — воскликнул Нонник, — если вы избавите меня от этого груза, который я уже так давно ношу на себе, заберите себе и золото и серебро!

— Хорошо, снимем ему горб!

И они натерли ему спину чудодейственной мазью, от которой горб исчез, как по волшебству, и он вернулся домой налегке — стройный, прямой, словом, очень красивый.

Назавтра, когда его горбатый собрат увидел его, то был очень удивлен и даже не сразу его узнал.

— Как! — воскликнул он, осматривая Нонника со всех сторон. — А где же твой горб?

— Исчез, как видишь.

— Но как же это случилось?

Тогда Нонник все ему рассказал.

— Ах, я тоже пойду повидать ночных плясунов в Пенанроку, и сегодня же вечером, не откладывая!

Так он и сделал.

Когда он появился среди скал, гномы уже плясали там, напевая:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

затягивал один голос, а другие хором подхватывали:

И четверг тоже день,
да и пятница — день...

Как они кружились, прыгали и скакали!..

Габик подошел к ним, и гномы закричали:

— Идем плясать с нами!

И вот он уже вступил в хоровод и давай плясать и петь, как они:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...
И четверг тоже день,
да и пятница — день...

— А дальше? — спросил он.
— Это все. Разве ты знаешь дальше?
— Еще бы!
— Ну, говори скорей, говори же!..
А Габик в ответ:

И суббота — день
и воскресенье!

— Ну, это плохо! Это не в рифму! Он нам испортил песенку, такую хорошую песенку! Надо его за это проучить. Что мы с ним сделаем? — закричали гномы все разом, суетясь и снуя вокруг Габика, точно муравьи в муравейнике.

— Надо прибавить горб Нонника к его горбу! — посоветовал кто-то.

— Вот это верно — прибавим горб Нонника к его горбу.

Сказано — сделано. И несчастный Габик вернулся домой пристыженный, сгибаясь от непосильной тяжести. И пришлось ему всю жизнь вместе с собственным горбом носить горб своего товарища!

37. ЗОЛОТОЙ ДРАГУН

или когда-то в замке Ламот граф и графиня, безмерно богатые и столь же щедрые. У этих добрых людей был только один сын, прекрасный как солнце, надежный как золото, сильный и смелый как Самсон. И вот наступил день, когда молодой граф поцеловал отца и мать и вскочил на своего могучего крылатого коня.

— Прощайте, отец мой, прощайте, мать моя. Сегодня мне минуло двадцать лет. Я еду на войну служить королю Франции.

— Прощай, дружок. Храни тебя господь и пресвятая дева Мария!

Крылатый конь молнией взвился под облака.

Три года служил французскому королю молодой граф. Он командовал на войне полком Золотых Драгун, а когда мир был заключен, отправился разыскивать короля в его Лувре.

— Здравствуйте, король Франции.

— Здравствуй, Золотой Драгун. Что скажешь?

— Король Франции, мир заключен. Я хочу возвратиться к отцу и матери в замок Ламот. Если я вам опять понадобится, позовите меня. Я не заставлю себя ждать.

— Золотой Драгун, поезжай домой в замок Ламот. Возвращайся к родителям и передай им от меня поклон.

— Спасибо, король Франции. Я сделаю так, как вы сказали.

Золотой Драгун вышел из Лувра и вскочил на своего могучего коня-летуна, который молнией понесся сквозь тучи.

К полуночи всадник при свете луны увидел вдали замок Ламот.

Золотой Драгун натянул поводья, и крылатый конь, как орел, стал медленно кружить над мостом через ручей Лоз, между Лектуром и замком Ламот.

— Вот обрадуются мои добрые отец и мать, когда я разбужу их!

В эту минуту Золотой Драгун услышал внизу стоны:

— О боже мой! Боже мой!

У дороги одна-одинешенька сидела девушка в белом платье и плакала горячими слезами.

— Красавица, что вы делаете здесь одна у дороги и отчего плачете горячими слезами?

— Золотой Драгун, я недаром плачу горячими слезами. Меня против моей воли обещали отдать в жены Духу Ночи. Оттого я бежала из отцовского замка. Но от захода до восхода солнца Дух Ночи имеет большую власть на земле. И он еще до рассвета заберет меня.

Золотой Драгун сошел с коня.

— Красавица, не плачьте так. Я три года служил королю Франции на войне и ни разу не встречал человека сильнее и смелее меня. Мы сейчас поедем в замок моего отца. Там вас никто не тронет. Красавица, я берусь избавить вас от брака с Духом Ночи. Подождите меня здесь и ничего не бойтесь. Я только напою коня в ручье Лоз.

— Золотой Драгун, я буду ждать вас.

Золотой Драгун спустился к ручью и напоил своего крылатого коня. Когда конь и всадник снова поднялись над дорогой, девушки там больше не было.

— Матерь божья! Дух Ночи похитил у меня красавицу. Матерь божья, где же она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, мой добрый конь, я люблю тебя. Не одну службу сослужил ты мне и не раз в войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если ты любишь меня, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбуду. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и заснул. Конь стоял над ним, как часовой. А в ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой:

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш!

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши.

А на верхушке дуба совы и филины все болтали:

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш! Дух Ночи поймал свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в домике среди Рамьерского леса, около Волчьего Ключа. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Крылатый конь разбудил своего господина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя красавица и Дух Ночи.

Могучий конь взмахнул крыльями и мигом перенес своего господина в Рамьерский лес, к домику у Волчьего Ключа.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без страха и колебаний постучал в дверь.

«Тук! Тук!»

Никто не отозвался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб дверь.

— Здравствуй, Дух Ночи. Сейчас же отдай мне мою невесту.

— Золотой Драгун, она тебе не достанется. Хочешь, сразимся с тобой?

Дух Ночи схватился за саблю, и они вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. И все же ты не можешь меня убить. Мне суждено жить до дня Страшного суда, потом умереть и не воскреснуть. Слушай. Посади девушку на своего коня, сам садись впереди и уезжай с ней. До рассвета я имею власть мучить вас обоих. Если

ты вымолвишь хоть одно слово или обернешься к своей милой, я унесу ее, и не видать тебе ее никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил красавицу позади себя, и могучий конь молнией полетел над землей. Но Дух Ночи уселся за спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс ее.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

— Не бойтесь, красавица. Держитесь обеими руками за перевязь моей сабли.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

Золотой Драгун обернулся.

— Матерь божья! Дух Ночи унес мою милую. Матерь божья, где она?

Тут заговорил опять крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, могучий мой конь, люблю. Не одну службу сослужил ты мне, не раз на войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если любишь меня, поклянись спасением своей души, что никогда ты не променяешь меня ни на какого другого коня. Клянись, что никогда не продашь меня ни за золото, ни за серебро.

— Крылатый мой конь, клянусь тебе в этом своей душой.

— Золотой Драгун, теперь, когда ты поклялся, сойди на землю. Ложись под этот дуб и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я не разбужу тебя. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и переговаривались между собой, так как ночь еще не миновала.

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш!

Крылатый конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и наострил уши.

На вершине дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали, так как ночь еще не прошла.

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи опять унес свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в башне, в башне из золота и серебра, на вершине утеса, среди большого-большого моря. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Тут конь разбудил своего хозяина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

На другой день, с первым ударом часов, возвещавших полночь, Золотой Драгун был у ворот башни из золота и серебра, стоявшей на вершине скалы посреди далекого моря.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без колебаний и страха постучал в ворота:

«Тук! Тук!»

Никто не отзывался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб ворота.

— Здравствуй, Дух Ночи. Отдай мне сейчас же мою невесту.

— Золотой Драгун, не видать тебе твоей невесты! Давай померяемся силами!

Дух Ночи вынул саблю, и они вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но убить меня ты не можешь. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку на коня позади себя и уезжай с ней. Пока не рассветет, я имею власть мучить вас. Если ты скажешь хоть единое слово, если обернешься к твоей милой, я унесу ее, и ты не найдешь ее больше никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил девушку на коня позади себя, и могучий конь молнией полетел среди туч. А Дух Ночи уселся за спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но она ни разу не вскрикнула.

Дух Ночи понял, что теряет даром время. Он схватился за саблю, чтобы нанести Золотому Драгуну удар в спину.

— Золотой Драгун, — закричала девушка, — Золотой Драгун, берегись!

Золотой Драгун обернулся.

— Мать божья! Дух Ночи опять унес мою милую! Мать божья, где она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Люблю, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне.

Я поклялся тебе, что никогда не променяю тебя на другого коня. Я поклялся своей душой, что никогда не продам тебя ни за серебро, ни за золото.

— Золотой Драгун, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбудю. Тогда ты узнаешь, где твоя милая и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой:

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит ночью. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши.

На верхушке дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали, так как ночь еще не прошла:

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи опять утащил свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи держит свою невесту в плену, далеко, очень далеко, на самом дальнем краю звезды, что посреди созвездия Трех Дев.¹ Он держит ее взаперти в башне из железа и стали. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш!

Тут крылатый конь разбудил Золотого Драгуна.

— Золотой Драгун, довольно спать. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

С восходом солнца Золотой Драгун сошел с коня у ворот постоялого двора в Бордо.

Тогда конь заговорил:

— Золотой Драгун, любишь ли ты меня?

— Да, я люблю тебя, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне. Я поклялся, что никогда не променяю тебя на другого коня и не продам ни за золото, ни за серебро.

— Золотой Драгун, поклянись же мне, что до самой моей смерти, сколько бы я ни ел, у меня всегда будет вдоль отрубей и овса.

— Мой могучий конь, клянусь тебе в том своей душой.

— Хорошо. Теперь, Золотой Драгун, прикажи конюхам принести для меня семь мешков овса и держать наготове столько воды, сколько мне потребуется. Через час мы с тобой пустимся в далекий путь. А пока я буду набивать себе брюхо, ты сбегай в город, купи у сапожника

¹ Так гасконцы называют созвездие Ориона.

фунт смолы, у ювелира — золотую иглу и мчись во весь дух обратно.

Сказано — сделано. И вот через час крылатый конь молнией взвился под облака.

Когда пробило полночь, Золотой Драгун был уже на самом дальнем краю звезды в созвездии Трех Дев. Он очутился у ворот башни из железа и стали.

Тогда он вытащил саблю и постучал без колебаний и страха:

«Тук! Тук!»

Никто не отзывался.

Сильным ударом ноги Золотой Драгун вышиб ворота.

— Здравствуй, Дух Ночи. Верни мне мою милую.

— Золотой Драгун, она не будет твоей. Сразимся!

Оба схватились за сабли и вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но тебе меня не убить. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку за собой, и уезжайте на твоём коне. До рассвета мне дана власть мучить вас. Скажи только слово или обернись к твоей милой — и я унесу ее, и тебе больше никогда не видать ее!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Тут заговорил крылатый конь:

— Золотой Драгун, передай девушке фунт смолы и золотую иглу.

— Мой могучий конь, я сделал это.

— Хорошо. Красавица, возьми смолу и замажь хорошенько уши Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь!

— Хорошо. А теперь, красавица, вырви волосок из моего хвоста. Вдень его в иглу и зашей рот Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь!

— Хорошо. Скорее в путь. Теперь пускай приходит Дух Ночи!

Золотой Драгун посадил девушку у себя за спиной, и могучий конь полетел под облаками как молния. Дух Ночи уселся позади бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но девушка не кричала.

Тогда Дух Ночи понял, что теряет напрасно время, и вытащил саблю, чтобы ударить Золотого Драгуна в спину. Но девушка и тут не вскрикнула.

Дух Ночи увидел, что теряет даром время, и призвал на помощь всех чертей ада.

— Золотой Драгун, — закричала девушка, — Золотой Драгун, берегись!

Она могла кричать сколько душе угодно. У Золотого Драгуна уши были замазаны смолой, рот зашит. Так до восхода солнца он, не оборачиваясь, боролся с Духом Ночи и всеми чертями ада. Но с первым лучом зари злые духи исчезли, рассеялись как туман, а могучий конь остановился у ворот замка Ламот. Девушка мигом вынула смолу из ушей своего милого и разрежала волос, которым был зашит его рот. Золотой Драгун взял ее за руку и повел к родителям.

— Здравствуйте, отец и мать. Вот та, которую я хочу взять в жены. Если вы скажете «пет», я уеду в Святую землю и постригусь в монахи. Вы не увидите меня больше никогда, никогда.

— Дружок, мы не хотим, чтобы ты стал монахом и уехал в Святую землю. Женись на твоей невесте и живите счастливо вместе с нами.

Их обвенчали в то же утро, и они жили долго и счастливо.

Золотой Драгун не забыл клятвы, которую дал своему могучему коню: никогда он не соглашался променять его на другого или продать за золото и серебро. И до самой смерти было у коня всегда вволю и отрубей, и сена, и овса.

38. СКАЗКА ПРО ТРИНАДЦАТЬ МУХ

ил некогда в Муне-дю-Ур ткач — бездельник, каких мало. Никто никогда не слышал, чтобы его станок стучал. И все-таки этот ткач не имел себе равных и успевал наткать к сроку столько тонкого и красивого полотна, сколько ему заказывали.

Никогда он не перекапывал своего сада. Никогда не обрабатывал земли. Никогда не ухаживал за виноградником. И все-таки каждый год урожай у него бывал в тринадцать раз больше, чем у его соседей.

Жена ткача диву давалась, как это у него получается. Днем и ночью она выспрашивала его, следила за ним. Но

и через семь лет после свадьбы она знала не больше, чем в первый день.

Однажды утром, в день святого Мартина, ткач, проснувшись, сказал жене:

— Жена, мне нужно сходить в Лектур на ярмарку. Постереги дом, пока я не вернусь.

— Будь спокоен, муженек, уж я постерегу на совесть.

Ткач ушел. А жена потихоньку отправилась за ним следом, прячась за деревья и изгороди. Когда ткач дошел до рощицы, он вынул что-то из кармана, положил под куст можжевельника, а сам пошел дальше. Не прошло и пяти минут, как жена нашла спрятанную вещь, — это был орех величиной с индюшачье яйцо, и в нем кто-то жужжал:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Жена схватила находку и бегом вернулась домой. Все время она слышала:

— Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Наконец жена открыла орех. И тотчас же из него вылетели тринадцать мух и закружились по комнате:

— Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу!

Тогда жена, перепугавшись, приказала:

— Мухи, вернитесь в орех.

Тринадцать мух сразу же вернулись в орех. Но они продолжали жужжать:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Потеряв терпение, жена отнесла орех под тот куст можжевельника, куда спрятал его ткач. Вечером, когда вернулся муж, жена за ужином сказала ему:

— Муженек, теперь-то я знаю работников, которые все за тебя делают: это тринадцать мух, и сидят они у тебя в орехе величиной с индюшачье яйцо.

— Жена, ты отгадала. Ну, раз ты знаешь моих работников, приказывай им все, что вздумается. Они будут тебя слушаться, как слушаются меня.

С этого дня жене ткача оставалось только сидеть сложа руки, открывать орех да приказывать. Какова бы ни была работа, тринадцать мух исполняли ее в одну минуту.

Потом они возвращались в орех, который хозяйка прятала у себя под подушкой, и жужжали:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу!
Ж-ж-ж, открой орех!

От постоянного этого жужжания жена ткача часто выходила из себя. Со злости она давала тринадцати мухам самые трудные поручения. Но какова бы ни была работа, они делали ее в одну минуту.

Потом они сразу возвращались в орех, который хозяйка прятала у себя под подушкой, и начинали жужжать.

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу!
Ж-ж-ж, открой орех!

Однажды жена ткача не выдержала. Она открыла орех и крикнула:

— Мухи, вот вам шесть сит, шесть решет и дырявая бочка. Летите к реке Жер и принесите сюда всю воду.

В одну минуту река Жер пересохла до дна, а весь Муне-дю-Ур покрылся водой, и тотчас же тринадцать мух вернулись в орех, который их хозяйка прятала у себя под подушкой, и зажуужжали:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу!
Ж-ж-ж, открой орех!

— Муженек, — закричала жена, позеленев от злости, — эти мухи вгонят меня в гроб! Убери ты их!

— Будь по-твоему, жена. Мухи, летите прочь!

— Ж-ж-ж, заплати за работу! Ж-ж-ж, мы улетим!
Ж-ж-ж, заплати за работу! Ж-ж-ж, мы улетим!

— Мухи, вон летят тринадцать воронов, тринадцать воронов летят над лесом Рамье. Возьмите их себе в награду за труды.

Тринадцать мух улетели, прихватив с собой тринадцать воронов, и ткач с женой больше никогда, никогда их не видали.

39. ЖЕНИХ - ЖАБА

ил однажды старик, который остался вдовцом с тремя дочерьми. Как-то раз одна из дочек говорит ему:

— Отец, не принесешь ли ты мне кувшин воды из колодца? В доме нет ни капли воды, а мне нужно сварить суп.

— Хорошо, дочка, — ответил старик.

Он взял кувшин и пошел к колодцу. Когда он нагнулся

над водой, чтобы наполнить кувшин, ему в лицо прыгнула жаба и так крепко вцепилась, что никакими силами нельзя было ее оторвать.

— Ты не оторвешь меня от своего лица, — сказала жаба, — пока не дашь мне в жены одну из твоих дочерей!

Старик оставил кувшин у колодца и прибежал домой.

— О боже! Что с тобой стряслось, отец? — закричали дочки, увидев его.

— Горе мне, бедные мои дети! Мерзкая тварь прыгнула мне в лицо, когда я набирал воду в колодце. Теперь это чудовище говорит, что не отстанет, пока одна из вас не согласится взять его себе в мужья.

— Господи! Что ты такое говоришь, отец! — ответила старшая дочка. — Взять в мужья жабу! Да на нее даже смотреть противно!

И она отвернулась и вышла из дому. Так же поступила и вторая дочь.

— Что же делать, несчастный мой отец, — сказала тогда самая младшая, — я согласна взять жабу в мужья: не вынести моему сердцу, чтобы ты оставался в таком виде!

И жаба сейчас же свалилась на землю. Свадьбу назначили на другой день.

Когда невеста вошла в церковь со своей жабой, кюре очень удивился и сказал, что ни за что не станет венчать христианку с жабой. Но наконец согласился, потому что отец невесты все ему рассказал и посулил много денег.

Затем жених увез свою жену в замок, — у него, оказывается, был прекрасный замок. Когда настало время ложиться спать, он повел жену в спальню, сбросил там с себя жабью кожу, и перед невестой предстал прекрасный молодой принц. Пока солнце светило на небе, он был жабой, когда наступала ночь — становился принцем.

Обе сестры новобрачной часто приходили к ней в гости и очень дивились, видя ее такой веселой, — она всегда смеялась и пела.

«Тут что-то кроется, — думали они. — Надо за ней последить и узнать, в чем дело».

Однажды ночью они тихонько подкрались к двери ее спальни и стали подсматривать в замочную скважину. Ну и удивились же они, увидев вместо жабы прекрасного молодого принца!

— Смотри-ка, смотри! Какой прекрасный принц!.. Если бы я знала тогда... — твердила каждая.

И они услышали, как принц говорил жене:

— Завтра я должен уехать и оставляю дома свою жабью кожу. Смотри же хорошенько, чтобы с ней ничего не случилось. Ведь я должен еще год и один день проходить в этой личине.

«Вот оно что!» — подумали обе сестры, подслушивавшие у дверей.

На другое утро принц уехал, как он и говорил, а обе его свояченицы пришли в гости к своей сестре.

— Ох, какие у тебя тут красивые вещи! Как ты должна быть счастлива со своим жабенышем! — говорили они ей.

— Правда, дорогие сестры, я очень счастлива с ним.

— Куда он уехал?

— В долгий путь.

— У тебя такие прекрасные волосы, хочешь, сестричка, я причешу их?

— Пожалуйста, милая сестра.

Пока чесали ей волосы золотым гребнем, она заснула, а сестры вытащили у нее ключи из кармана, достали жабью кожу из шкафа, где она была заперта, бросили в огонь и ушли.

Молодая женщина проснулась и очень удивилась, увидев, что она одна в доме. Тотчас же вслед за этим вернулся ее муж, весь красный от гнева.

— Ах ты, проклятая! — крикнул он. — Ты сделала то, что я тебе запретил, ты сожгла мою жабью кожу, на мою беду, да и на свою! Теперь я уеду, и ты меня никогда больше не увидишь!

Бедная женщина заплакала и сказала:

— Я последую за тобой, куда бы ты ни пошел.

— Нет, не следуй за мной, оставайся здесь.

И он бросился прочь. А она ну бежать за ним следом!

— Говорят тебе, оставайся!

— Не останусь, я пойду за тобой!

А он все бежал. Но как он ни бежал, она следовала за ним по пятам. Тогда он бросил золотой шарик. Жена подняла шарик, положила его в карман и продолжала бежать.

— Возвращайся домой, возвращайся домой! — кричал он ей.

— Никогда я не вернусь без тебя!

Тогда он бросил еще один золотой шарик. Она подняла

его, как и первый, и положила в карман. Потом третий шарик. Но так как она все время преследовала его по пятам, он страшно разгневался и ударил ее прямо в лицо. Брызнула кровь, и три капли, поавшие на его рубашку, оставили на ней три пятна.

Тут бедная женщина начала отставать. Скоро она потеряла из виду беглеца, но все-таки крикнула ему вслед:

— Пусть эти три пятна не исчезнут до тех пор, пока я не приду их смыть!

И она, несмотря ни на что, все бежала и бежала за ним. Вскоре она попала в густой лес, пошла по тропинке меж деревьев и увидела двух огромных львов, сидевших по обеим сторонам дорожки. Она страшно испугалась.

«Горе мне! — думала она. — Здесь расстанусь я с жизнью, ведь меня, конечно, загрызут эти львы! Но все равно, будь что будет!»

И она пошла дальше. Когда она проходила мимо львов, то удивилась, увидев, что они легли у ее ног и лизут ее руки. И она приласкала их, положила им руки на головы и стала их гладить. Затем двинулась дальше.

Потом она увидела зайца, сидевшего у тропинки, и, когда она проходила мимо него, заяц сказал ей:

— Садись ко мне на спину, я выведу тебя из леса.

Она влезла на спину зайца, и вскоре он вывел ее из леса.

— Теперь, — сказал ей заяц на прощанье, — ты находишься около замка, где живет тот, кого ты ищешь.

И в самом деле, вскоре она дошла до большой аллеи, обсаженной старыми дубами, и неподалеку она увидела прачек, стиравших белье на пруду.

Она подошла к ним и услышала, как одна из них говорила:

— Ах, вот прямо заколдованная рубашка! Уже два года при каждой стирке я пытаюсь смыть с нее три кровавых пятна, и сколько я ни стараюсь, ничего не могу сделать!

Услышав эти слова, путница подошла к прачке, которая так говорила, и сказала ей:

— Прошу вас, доверьте мне на минуту эту рубашку. Я думаю, мне удастся смыть эти три кровавых пятна.

Ей дали рубашку. Она плюнула на три кровавых пятна, опустила рубашку в воду, потерла немного, и тотчас же все три пятна исчезли,

— Великое тебе спасибо, — сказала ей прачка. — Наш господин собирается жениться, он будет счастлив, узнав, что кровавые пятна сошли, — ведь это его лучшая рубашка.

— Я бы хотела найти работу в замке вашего господина.

— На днях ушла пастушка, и на ее место еще никого не взяли. Идем со мной, я похлопочу за тебя.

Ее взяли в замок стеречь овец. Каждый день водила она свое стадо в густой лес, окружавший замок, и часто видела своего мужа, гулявшего там с молодой принцессой, которая должна была стать его женой. У пастушки сердце билось сильнее, когда она видела его, но она не смела слова сказать.

У нее все еще сохранились три золотых шарика, и часто, чтобы развлечься, она забавлялась, играя ими. Однажды молодая принцесса увидела золотые шарики и сказала своей служанке:

— Смотри-ка! Какие красивые золотые шарики у этой девушки! Пойди к ней и попроси ее продать мне один шарик.

Служанка пошла к пастушке и сказала ей:

— Пастушка, ну и красивые же у тебя золотые шарики! Не продашь ли ты мне один для принцессы, моей госпожи?

— Не продам я своих шариков, это единственное мое развлечение в одиночестве.

— Ну, не будь же глупа! Посмотри, как истрепалось твое платье, — продай один шарик моей госпоже, и она хорошо тебе заплатит, так что ты сможешь чисто одеться.

— Не хочу я ни золота, ни серебра.

— Так чего же ты хочешь?

— Проспать одну ночь с вашим господином!

— Как, бесстыдница, смеешь ты так говорить!

— А иначе я не уступлю своих шариков ни за что на свете.

Служанка вернулась к своей госпоже.

— Ну, что ответила тебе пастушка?

— Что она мне ответила? Я не смею вам это повторить.

— Говори же скорей!

— Она, бесстыдница, сказала, что уступит один из своих шариков, только если вы разрешите ей провести ночь с вашим женихом.

— Еще чего захотела! Ну, все равно! Будь что будет, я хочу иметь такой шарик. За ужином я налью сонного зелья в вино своего жениха, он ее даже не увидит. Скажи ей, что я согласна на ее условие, и принеси мне золотой шарик.

Вечером, когда вставали из-за стола, господину так сильно захотелось спать, что он должен был сейчас же лечь в постель. Вскоре к нему впустили пастушку. Но напрасно она называла его самыми нежными именами, напрасно целовала и трясла изо всей силы, — ничто не могло его пробудить.

— Горе мне! — воскликнула несчастная женщина, рыдая. — Значит, напрасны были все мои старания, все испытанные мною муки! А ведь я вышла за тебя, когда ты был жабой и никто не хотел смотреть на тебя! Целых два года в жару и в самый жестокий холод, в дождь, снег и бурю разыскивала я тебя повсюду, не теряя мужества. А теперь, когда я нашла тебя наконец, ты не слышишь меня и спишь как убитый! До чего же я несчастна!

И она плакала и рыдала. Но увы! Никто ее не слышал.

А утром она снова погнала своих овец в лес, грустная и печальная. В полдень принцесса, как и накануне, пошла гулять со своей служанкой. Увидев ее, пастушка стала играть двумя золотыми шариками, которые у нее еще остались. Принцессе захотелось иметь и второй шарик, для перемены, и она опять сказала своей служанке:

— Иди к пастушке и купи у нее еще один золотой шарик.

Служанка послушалась, и в конце концов торг был заключен на тех же условиях, что и вчера: провести ночь с владельцем замка в его спальне.

Принцесса, как и накануне, подлила жениху во время ужина сонного зелья в вино, и он, встав из-за стола, сразу же лег и заснул как убитый. Вскоре к нему опять ввели пастушку, и она снова стала плакать и причитать. Слуга, случайно проходивший мимо спальни, услышал плач и остановился, чтобы узнать, в чем дело. Он очень удивился тому, что услышал, и утром, войдя к своему господину, сказал:

— Господин, тут в вашем замке творится многое, о чем вы не знаете и что следовало бы вам узнать.

— Что ж такое, говори скорей!

— Несколько дней тому назад в замок пришла бедная женщина, с виду несчастная и измученная; ее из жалости

взяли на место той пастушки, что недавно ушла. Однажды принцесса, гуляя в лесу со своей служанкой, увидела, как пастушка играет золотыми шариками. Она тотчас же пожелала иметь эти шарики и послала служанку, чтобы та откупила их у пастушки любой ценой. Пастушка не хотела ни золота, ни серебра, но потребовала за каждый шарик право провести с вами ночь в вашей спальне. Она уже отдала два и провела у вас две ночи. А вы ничего не заметили. Жалость берет слушать ее вопли и причитания! Я даже думаю, не рехнулась ли она, так как она говорит очень страшные вещи, — например, будто она стала вашей женой в то время, как вы были жабой, и что она уже целых два года ходит по свету, разыскивая вас...

— Неужели все это правда?

— Да, мой господин, правда; и если вы до сих пор об этом ничего не знали, так это потому, что во время ужина принцесса подливает вам сонного зелья в вино, и вы, встав из-за стола, сейчас же ложитесь в постель и спите непробудным сном до утра.

— Вот как! Надо мне быть настороже, и тогда вы скоро увидите, что дела здесь пойдут по-иному.

А тем временем все слуги замка, прослышав, что пастушка проводит ночи с господином, стали ее презирать и ненавидеть, и кухарка давала ей теперь только черствые корки, как собаке.

Назавтра она опять погнала в лес своих овечек, и принцесса купила у нее третий золотой шарик за ту же цену, что и первые два: за право провести ночь с господином в его спальне.

Когда пришел час вечерней трапезы, господин на этот раз был настороже. Он заметил, что, пока он говорил со своим соседом, принцесса опять подлила ему сонного зелья в стакан. Он сделал вид, что ничего не заметил, но вместо того, чтобы пить вино, потихоньку вылил его под стол.

Встав из-за стола, он притворился сонным, как и раньше, и сейчас же пошел в свою спальню. Пастушка вскоре тоже пришла туда. На этот раз он не спал и, как только увидел ее, бросился ее обнимать, и они вместе плакали от счастья и радости, что нашли друг друга.

— Возвращайся теперь к себе, бедная моя жена, — сказал он потом, — а завтра ты увидишь, что дела здесь пойдут совсем по-иному.

На другой день в замке был большой пир, на котором должны были объявить день свадьбы. Были там короли, королевы, принцы, принцессы и много других знатных господ. Под конец пира будущий зять встал и говорит старику хозяину:

— Тесть мой, хотел бы я спросить у вас совета вот в каком деле: была у меня красивая шкатулка с красивым золотым ключиком; я потерял ключик от моей шкатулки и заказал себе новый. Но вот я нашел свой старый ключик, так что теперь у меня два ключика вместо одного. Каким же, по-вашему, тесть мой, должен я отпирать свою шкатулку?

— Всегда надо предпочитать то, что постарше, — ответил будущий тесть.

Тогда принц вошел в комнату рядом с залой и вернулся оттуда, держа за руку пастушку, одетую просто, но мило, и сказал, представляя ее всем:

— Ну вот, это мой первый ключик, то есть моя первая жена, которую я наконец отыскал; это моя жена, и я люблю ее по-прежнему; кроме нее у меня никогда не будет никакой другой!

И они вернулись в свою страну и жили там счастливо вместе до конца своих дней.

Вот и сказка о женихе-жабе. Как она вам понравилась?

40. НОЧЬ ЧЕТЫРЕХ НЕНАСТИЙ

Жила некогда одна вдова, и была она черна, как смола, и стара, как придорожный камень. И чем больше она старилась, тем моложе и красивее считала себя. У этой старухи был один-единственный слуга, по имени Буртумье. Они жили посреди лесов в огромном замке, где гнездились летучие мыши и совы. У старухи в подземелье стояло семь бочонков, наполненных золотыми испанскими монетами, и каждое утро она просушивала свои сокровища на солнышке.

Однажды утром, когда она, по обыкновению, раскладывала на траве свое золото, мимо проезжал прекрасный рыцарь на черном коне.

— Здравствуйте, госпожа! Что это вы делаете?

— Прекрасный рыцарь, я сушу на солнце свое вдовье наследство.

— Госпожа, наследство прекрасное, но хозяйка его еще лучше. Хотите выйти за меня замуж?

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Проезжай своей дорогой и возвращайся за мной в ночь четырех ненастий.

Через год в полночь прекрасный рыцарь постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь, ветер вырывает с корнем деревья.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь, ветер вырывает с корнем деревья, идет частый град, и каждая градина величиной с кулак.

— Прекрасный рыцарь, это ночь четырех ненастий. Скорее, скорее; пришло время справлять нашу свадьбу!

DAL
58.

Эй, Буртумье, поспеши! Выведи и оседлай свою белую кобылу.

— Эй, Буртумье, седлай, седлай,
Осла моего скорее седлай!

Через час старуха в подвенечном наряде, Буртумье и прекрасный рыцарь вскачь неслись по лесу. Дождь лил как из ведра, буря завывала словно зверь, ветер вырывал с корнем деревья, шел частый град, и каждая градина была величиной с кулак.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

— Хорошо, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, какая прекрасная погода!

— Да, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, видишь ты эти огни в лесу?

— Да, госпожа, нас преследуют волки. Их глаза сверкают в непроглядной тьме.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Нет, Буртумье! Это прекрасный рыцарь велел осветить дорогу в мою честь. Как он богат! Как он любит меня!

— Да, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, слышишь ты завывание в лесу?

— Да, госпожа, это волки воют от голода. Они угрожают нам.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Нет, Буртумье! Это прекрасный рыцарь устроил в мою честь праздник. Как он богат! Как он любит меня!

Тут волки набросились на старуху и на ее осла. Буртумье схватился за меч, но прекрасный рыцарь остановил его:

— Буртумье, пусть эти звери вволю наедятся. Ты не пожалеешь об этом!

Когда волки насытились и ушли, прекрасный рыцарь сказал:

— Буртумье, слезь с коня и посмотри, что осталось от старухи и ее осла.

— Прекрасный рыцарь, от старухи осталась золотая нога, от осла остались четыре золотые подковы с алмазными гвоздями.

— Буртумье, возьми их себе. Забирай все — и скорее в путь!

Они оба вернулись в замок старухи и жили там богато и счастливо.

41. СИНЯЯ БОРОДА

Жил-был когда-то человек ростом в шесть футов, с синей бородой по пояс. Его так и звали Синей Бородой. Этот человек был богат как море, но никогда не подавал милостыни беднякам. В церковь он и ногой не ступал. Говорили, что Синяя Борода был женат семь раз, но никто не знал, куда девались его семь жен.

В конце концов худая молва о Синей Бороде дошла до самого короля Франции. И король тотчас послал множество солдат и велел им схватить этого человека. С ними отправился главный судья в красной мантии, чтобы его допросить. Семь лет искали они его по лесам и горам, но Синяя Борода прятался от них неизвестно где.

Солдаты и главный судья в красной мантии возвратились к королю, и тогда Синяя Борода опять появился. Он стал еще свирее, еще страшнее прежнего. Дошло до того, что ни один человек не осмеливался подойти к его замку ближе чем на семь миль.

Однажды утром Синяя Борода ехал полем на своем могучем черном коне, а за ним бежали его псы —

три дога, огромные и сильные как быки. В это время мимо шла одна-одинешенька молодая и красивая девушка.

Тут злодей, не говоря ни слова, схватил ее за пояс, поднял и, посадив на лошадь, увез к себе в замок.

— Я хочу, чтобы ты была моей женой. Ты больше не выйдешь из моего замка.

И девушке поневоле пришлось стать женой Синей Бороды. С тех пор она жила пленницей в замке, терпя муки смертные, выплакивая глаза. Каждое утро, на заре, Синяя Борода садился на коня и уезжал со своими тремя псами, огромными и сильными как быки. Домой он возвращался только к ужину. А жена его целыми днями не отходила от окна. Она глядела вдаль, на родные поля, и грустила.

Порою к ней подсаживалась пастушка, кроткая как ангел и такая красивая, что красота ее радовала сердце.

— Госпожа, — говорила она, — я знаю, о чем вы думаете. Вы не доверяете слугам и служанкам в замке, — и вы правы. Но я не такова, как они, я вас не предаю. Госпожа, расскажите мне о своем горе.

Госпожа все молчала. Но вот однажды она заговорила:

— Пастушка, прекрасная пастушка, если ты меня выдашь, господь бог и пресвятая дева покарают тебя. Слушай. Я расскажу тебе о моем горе. Пастушка, днем и ночью я думаю о моем бедном отце, о моей бедной матери. Я думаю о моих двух братьях, которые вот уже семь лет в чужом краю служат королю Франции. Пастушка, прекрасная пастушка, если ты выдашь меня, господь бог и пресвятая дева тебя покарают.

— Госпожа, я вас не выдаю. Слушайте. У меня есть говорящая птица-сойка, она делает все, что я ей прикажу. Если хотите, она слетает к вашим двум братьям, которые вот уже семь лет на чужбине служат королю Франции, и все им расскажет.

— Спасибо, пастушка. Подождем удобного случая.

С того дня молодая жена Синей Бороды и пригожая пастушка очень подружились. Но они больше никогда не разговаривали, опасаясь, как бы их не выдали продажные слуги.

Однажды Синяя Борода сказал жене:

— Завтра утром, на заре, я уезжаю в далекое путешествие. Вот тебе семь ключей. Шесть больших открывают двери и шкафы в замке. Ты можешь пользоваться этими ключами сколько хочешь. А седьмой, самый

маленький ключик, открывает дверь вон в тот чулан. Туда и тебе запрещаю входить. Если ослушаешься, я узнаю об этом, и тогда тебе несдобровать.

На другое утро, чуть свет, Синяя Борода ускакал галопом на своем черном коне, а за ним бежали три его дога, огромные и сильные как быки.

Целых три месяца жена Синей Бороды не нарушала приказа мужа. Она открывала только комнаты и шкафы замка шестью большими ключами, но сто раз в день думала: «А хотелось бы знать, что там, в том чулане».

Так не могло продолжаться долго.

— А, будь что будет! — сказала она в один прекрасный день. — Погляжу я, что там такое! Синяя Борода ничего не узнает.

Сказано — сделано. Она кликнула пригожую пастушку, достала ключик и отперла закрытую дверь.

Пресвятая дева! Восемь железных крюков! На семи из них висят семь мертвых женщин!

Жена Синей Бороды пыталась запереть дверь. Но при этом ключик упал на пол. Пригожая пастушка его подпала. И — горе! — маленький ключик был замаран кровью.

Заперев дверь, пригожая пастушка и ее госпожа до самого захода солнца стирали с ключика кровавое пятно. Они терли его уксусом, хвощом и солью, смывали горячей водой. Ничто не помогало. Чем больше бедняжки скребли пятно, тем краснее оно становилось и тем заметнее выступало на железе.

Наконец ключик заговорил человеческим голосом:

— Трите, женщины. Трите, сколько хотите. Пятно на мне никогда не сотрется. А через семь дней возвратится Синяя Борода.

Тогда пригожая пастушка сказала своей госпоже:

— Госпожа, наступило время послать мою говорящую сойку. Га! Га! Га!

На ее зов сойка влетела в окно.

— Га! Га! Га! Пригожая пастушка, чего ты хочешь от меня?

— Сойка, лети в чужие края. Лети туда, где стоит войско короля Франции. Там скажи двум братьям моей госпожи: «Скорее, скорее, скачите на помощь к вашей сестре, пленнице в замке Синей Бороды».

Черной ночью говорящая птица понеслась быстрее ветра и с восходом солнца исполнила то, что ей приказали.

Семь дней спустя Синяя Борода воротился в свой замок на том же черном коне и с тремя псами, громадными и сильными как быки.

— Жена, подай мои семь ключей!

Бедняжка принесла ему шесть больших ключей от комнат и шкафов замка.

— Негодница, здесь не все ключи! Где самый маленький? Подай его сюда!

Вся дрожь, несчастная протянула ему ключик, замаранный кровью.

— Негодница, ты заглядывала в чулан! Через час ты будешь висеть мертвой на восьмом крюке!

Синяя Борода сошел во двор замка, чтобы наточить на камне свой длинный нож.

Точа нож, он приговаривал:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

А жена и пригожая пастушка слышали это и дрожали от страха.

— Пастушка, милая пастушка, поднимись скорее на самую верхушку башни!

Пастушка сделала то, что велела ей госпожа. А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой длинный нож:

— Точись, точись, нож. Ты пройдешь сквозь горло моей жены.

— Пастушка, милая пастушка, что ты видишь с высокой башни?

— Госпожа, с высокой башни мне видно, как светит солнце. Я вижу море. Я вижу горы и долины.

Госпожа поднялась по лестнице на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что видишь ты с высокой башни?

— Госпожа, с высокой башни я вижу там, вдали, ваших двух братьев на конях. Они скачут во весь опор.

Тогда госпожа поднялась еще на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что ты видишь теперь с высокой башни?

— Госпожа, ваши братья уже в миле отсюда. Спасайте свою жизнь.

Во дворе Синяя Борода кончил точить на камне свой нож.

— Сходи вниз, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Но его жена взошла еще на семь ступенек.

— Друг мой, дай мне время помолиться! Пастушка, пастушка, что видишь ты с высокой башни?

— Госпожа, ваши братья уже совсем близко, совсем близко. Спасайте свою жизнь, если можете.

Тогда жена Синей Бороды поднялась на самую верхушку башни. Ее два брата сходили с лошадей перед воротами замка.

А во дворе Синяя Борода кричал:

— Сходи, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Синяя Борода поднялся на башню, размахивая своим остро отточенным ножом.

— Смелее, братья! На помощь!

Синяя Борода выпустил жену и свистнул своих трех псов, больших и сильных как быки.

Оба брата с саблями наголо вбегали уже на площадку башни.

Битый час люди и животные сражались на башне. И наконец Синяя Борода упал мертвым рядом со своими тремя догами, большими и сильными как быки.

— Сестрица, этот злодей и его псы больше никому не опасны. Уйдем отсюда.

Старший брат посадил с собой на лошадь сестру, а младший — пригожую пастушку. На закате они приехали в замок родителей.

— Здравствуйте, отец. Здравствуйте, мать. Вы меня оплакивали как мертвую, и я лежала бы теперь мертвая в замке Синей Бороды, если бы не дружба вот этой прекрасной пастушки.

Все обнимались, радуясь свиданию. За ужином младший брат сказал:

— Выслушайте меня, отец. Выслушайте, мать. Я влюблен в прекрасную пастушку. Если вы не позволите мне взять ее в жены, я завтра отправляюсь на войну, и вы меня больше не увидите никогда.

— Сын, делай так, как ты хочешь. Твоя прекрасная пастушка получит в приданое замок Синей Бороды.

ил когда-то король. У этого короля была птица, такая красивая и прелестная, что другой такой на свете не сыскать. Король в ней души не чаял.

Однажды, когда он кормил ее, дверь забыли закрыть, и птица улетела. Король позвал своих сыновей, — а их было у него двое, — и сказал им:

— Тот из вас, кто через год найдет эту птицу, получит половину моего королевства.

Братья вместе отправились в путь; дойдя до перекрестка, они расстались. Вскоре старшему повстречалась старуха — то была фея.

— Куда ты держишь путь? — спросила она его.

— Иду куда надо, не твое это дело.

Старуха перешла на ту дорогу, по которой шел младший.

— Куда ты, прекрасный юноша, держишь путь?

— Иду искать птицу, которую упустил мой отец.

— Вот тебе свисток. Поди с ним в Арденнский лес; ты свистнешь разок и скажешь: «Я пришел за птицей моего отца». Все птицы наперебой закричат: «Это я! Это я!» Только одна скажет: «Это не я!» Ее-то и возьми.

Принц поблагодарил старуху, положил свисток в карман и отправился в Арденнский лес. Там он свистнул разок и сказал:

— Я пришел за птицей моего отца.

Все птицы наперебой закричали:

— Это я! Это я! Это я!

Только одна сказала:

— Это не я.

Принц схватил ее и пошел обратно в замок своего отца.

Вскоре ему повстречался брат, который тотчас его спросил:

— Ты нашел птицу?

— Да, нашел.

— Отдай ее мне!

— Нет!

— Тогда я тебя убью!

— Убей, если хочешь.

Брат убил принца, вырыл яму и там закопал убитого, а сам вместе с птицей вернулся в замок. Король очень обрадовался, что птица нашлась, велел устроить большой пир и созвал на него много народу.

Тем временем шел по лесу пастух; его собака принялась скрести землю там, где был зарыт молодой принц. Пастух пошел следом за собакой и заметил, что там, где она скребет, что-то торчит из земли. Сначала ему показалось, будто это палец, но, присмотревшись, он увидел, что это свисток. Пастух взял его и приложил к губам, а свисток вдруг заговорил:

Свисти, пастух, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Местный мэр, живший по соседству с пастухом, прослышал о свистке и купил его. Придя по приглашению на королевский пир, он взялся за свисток, и гости вдруг услышали слова:

Свисти-ка, мэр, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Тогда король в свою очередь взял свисток, и тот опять сказал:

Свисти, отец, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Старший сын короля смекнул, что речь идет о нем. Он хотел было бежать, но его нагнали, вернули и заставили свистеть. А свисток твердил:

Свисти, палач, не щадя сил,
Ведь это ты меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Король тотчас велел сжечь сына живьем на костре. Затем он спросил пастуха, может ли тот указать место, где нашел свисток. Пастух сказал, что точно не помнит,

по попытается найти дорогу, а его собака — та напрямик направилась к тому месту. Как только тело вырыли из земли, юноша вскочил на ноги.

Король на радостях велел устроить пышное празднество. Я там побывал и снова домой попал.

43. ЭУЭН КОНГАР

ил когда-то в одной деревне бедный вдовец с сыном. Звали его Эуэн Конгар. Все его богатство состояло из клочка земли, на котором он работал сам, двух коров да лошади. Сына звали, как и отца, Эуэном, ему шел десятый год, и был он мальчик бойкий и смышленный.

Вот он раз и говорит отцу:

— Отец, пошли меня в школу учиться.

— Как я тебя пошлю, сынок? Сам знаешь, я беден и платить за учење не могу.

— А ты продай одну корову.

Отец продал на ярмарке одну корову и на вырученные деньги послал сына в школу.

Мальчик учился хорошо, учителя были им очень довольны. Но через год пришлось Эуэну продать и вторую корову, потом лошадь, чтобы было чем платить за сына.

За три года тот многому научился в школе и хоть и был еще молод, а стал настоящим ученым. Он заказал себе одежду, с одной стороны черную, а с другой белую, и пошел искать счастья по свету. Дорогой встретился ему какой-то хорошо одетый господин и спрашивает:

— Куда это ты идешь, мальчик?

— Искать работы, ваша светлость.

— Читать умеешь?

— Да, умею и читать и писать.

— Нет, в таком случае ты мне не подойдешь.

И господин проехал мимо.

Эуэн вывернул свое платье наизнанку, пробежал полями и, выйдя на дорогу немного подалее, пошел навстречу тому же путнику.

— Куда это ты идешь, мальчик? — спросил тот, не узнав Конгара.

— Ищу службы, ваша светлость.

— Читать умеешь?

— Нет, ни читать, ни писать не умею. Мой отец беден и не мог посылать меня в школу.

— Хорошо, садись на лошадь позади меня.

Конгар сел на лошадь позади незнакомца, и они скоро приехали к красивому замку, окруженному высокими стенами. Никто не вышел к ним навстречу, когда они во дворе сходили с лошади, и чародей — новый хозяин Конгара был чародей — сам отвел лошадь на конюшню. Потом, вернувшись, сказал Эуэну:

— Ты не увидишь в замке ни мужчин, ни женщин — никого, кроме меня. Но не беспокойся, у тебя ни в чем не будет недостатка. И если постараешься точно выполнить все, что я велю, то будешь получать пятьсот экю в год.

— А что мне придется делать, хозяин?

— У меня здесь пятьдесят клеток, в каждой клетке по птице, а на конюшне десять лошадей, и тебе надо будет ходить за птицами и лошадьми так, чтобы я был доволен.

— Буду стараться, хозяин.

Хозяин показал ему клетки с птицами и лошадьми, затем сказал:

— Я уезжаю и вернусь не раньше чем через год и один день.

Чародей уехал, а Конгар, оставшись один в замке, усердно заботился о птицах и лошадях. Четыре раза в день в столовой кто-то накрывал на стол, хотя нигде не видно было ни единой живой души. Окончив работу, Эуэн пил и ел вволю, а потом прогуливался по замку и саду.

Однажды, бродя по комнатам и дивясь их богатому убранству, он увидел принцессу ослепительной красоты. Она сказала ему так:

— Я — одна из лошадей, за которыми ты присматриваешь в конюшне замка, третья налево от входа, серая в яблоках. Я дочь испанского короля, и меня волшебством превратили в лошадь. В таком виде я должна оставаться до тех пор, пока не найду себе освободителя. Многие уже пытались это сделать, но чародей всех превратил в лошадей или птиц, тех самых, которые оставлены на твое попечение. Если чародей будет доволен твоей работой, он в награду позволит тебе выбрать одну из лошадей, что

стоят у него на конюшне, и ты уедешь па ней к отцу. Выбери меня, и ты не пожалеешь об этом. Запомни же: серая в яблоках кобыла, третья налево от входа. Немало принцев и других знатных людей пытались провести чародея, и все поплатились за это: их кожа висит на крюках в дальней комнате замка. Берегись, чтобы и с тобой не случилось того же.

Принцесса дала Конгару прочитать книги чародея, и он узнал из них тайны волшебства.

Прошел год и один день. Хозяин замка приехал домой. Он был так доволен усердием Конгара, что предложил ему остаться еще на год и обещал удвоить жалованье.

— Нет, — сказал Конгар, — я хочу вернуться к отцу.

— Но подумай все же — отсюда до твоей деревни двенадцать тысяч миль!

— Все равно, я хочу ехать к отцу.

— Ну, хорошо, вот тебе пятьсот эку, твое жалованье. И, кроме того, можешь выбрать себе на конюшне любого коня и ехать на нем к отцу.

Они отправились на конюшню. Конгар сделал вид, будто выбирает, потом указал на серую в яблоках кобылу:

— Я возьму вон ту маленькую лошадку.

— Как, эту клячу? Видно, что ты ничего не смыслишь в лошадях. Да ты погляди, какие красавицы стоят рядом с нею.

— Нет, мне эта маленькая лошадка нравится, и другой я не хочу.

— Будь ты проклят! Бери ее, но ты все равно из моих рук не уйдешь.

Конгар вывел из конюшни серую лошадь и ускакал на ней.

Когда они выехали из владений чародея, лошадь приняла свой прежний образ — превратилась в красавицу принцессу.

— Возвратись к отцу, — сказала она своему спасителю, — а я вернусь к моему, в Испанию. И через год и один день ты также будь там, при дворе испанского короля.

Сказав это, она скрылась.

Конгар решительно зашагал в сторону родной деревни. Когда он был уже недалеко от нее, он встретил знакомого нищего, который его не узнал. Конгар спросил у него:

— Не знаете ли вы, дедушка, Эуэна Конгара?

— Как мне его не знать, он мой сосед, — отвечал нищий.

— Значит, он жив? А как его дела?

— Жив-то он жив, а вот дела его совсем плохи, ему не лучше, чем мне. Он отдал последние гроши на учење сына, а тот его бросил и неизвестно куда девался.

Конгар дал нищему монету в двадцать су и пошел дальше. Скоро он пришел к хижине отца и бросился обнимать старика, который сидел у порога на камне.

— Здравствуй, отец, вот я и вернулся домой!

— Не потешайтесь надо мной, — возразил старый Конгар, не узнавая сына.

— Я теперь богат, отец, мы с тобой заживем на славу. Смотри!

Он бросил на стол пятьсот эю — все красивыми золотыми монетами. Потом отправился в ближайшее местечко закупать провизию, привез белый хлеб, говядину, свиное сало, сосиски, сидр и даже вино, и, созвав соседей, они устроили настоящий пир. Это повторялось каждый день, пока не истрачены были все пятьсот эю. Когда от них осталась только одна монета в шесть франков, старик сказал сыну:

— Вот мы опять без денег, сынок, опять такие же нищие, как были.

— Не беспокойся, отец. Ты отказывал себе во всем, чтобы посылать меня в школу, и теперь ты увидишь, что учење пошло мне впрок. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

И в самом деле, недаром Эуэн прочитал книги чародея и по ним изучил тайны его искусства.

— Вот что, отец, завтра утром ты пойдешь на ярмарку в Ланьон продавать быка.

— А где я его возьму, этого быка? У меня давно нет ни быка, ни коровы, ни теленка.

— Откуда бы он ни взялся, а завтра ты, встав поутру, найдешь у двери отличного быка. Отведи его на базар в Ланьон, спроси за него две сотни эю; не уступай ни гроша, тебе заплатят эту цену. Смотри только, не отдавай веревки.

— Веревку всегда отдают вместе с быком, — заметил старик.

— А я тебе говорю — не отдавай веревки, иначе ты навлечешь на меня большую беду. Слышишь, отец? Принеси веревку обратно домой.

— Ладно, принесу, но у нас так не водится.

На другое утро старик действительно увидел у дверей хижины великолепного быка с новенькой веревкой на шее. Он тотчас повел быка в Ланьон, забыв даже посмотреть, где сын. А этот бык и был его сын, который, прочитав книги чародея, умел теперь превращаться в любое животное.

Как только быка увидели на ярмарке, все барышники и мясники, сколько их было на площади, стали торговать его у старика.

— Эй, отец, сколько за быка?

— Двести экю без веревки.

— Вот заломил цену! Скажи сто пятьдесят, и мы ударим по рукам и разошьем бутылочку.

— Не уступлю ни гроша.

— Ну, что ж, бык останется у тебя, только и всего.

Барышники и мясники подходили, щупали быка, торговались, но, так как Конгар требовал двести экю и ни гроша меньше, покупатели уходили к другим.

К концу дня, когда солнце уже заходило, к старику подошел незнакомый покупатель с огненно-рыжими волосами и беспокойными зоркими глазами. Он осмотрел быка и спросил:

— Сколько за быка, старик?

— Двести экю без веревки.

— Цена не малая. Но бык мне нравится, мне такого и нужно. Получай свои две сотни. А веревку мне оставь, чтобы я мог его увести.

— Нет. Я же вам сказал, что веревку не отдам.

— Но веревку всегда отдают покупателю — не знаешь, что ли, старый дурак?

— Я сказал, что веревки не отдам. Если не согласны, так и не надо: ваши деньги останутся при вас, а мой бык при мне.

— Черт с тобой и с твоей веревкой, можешь на ней повеситься!

И покупатель ушел.

Быка купил мясник из Морле, увел его домой и поставил в хлев, чтобы на другой день зарезать. Но наутро бык исчез из хлева, а Эуэн Конгар вернулся домой к отцу.

Пока у них были деньги, отец и сын жили, ни в чем себе не отказывая, не забывая и друзей. Когда от двух-

сот экю осталась только одна монета в шесть франков, Эузи сказал отцу:

— Отец, завтра утром ты пойдешь на базар в Бре продавать лошадь.

— А где мы ее возьмем, эту лошадь?

— Об этом не беспокойся. Она явится оттуда же, откуда явился бык, и завтра утром ты ее найдешь у дверей. Проси за нее триста экю, ни гроша меньше. Но уздечку не отдавай. Принеси ее домой. Если отдашь, ты дорого за это заплатишься, да и я тоже.

— Хорошо, — сказал старый Конгар, — принесу уздечку, раз ты этого хочешь. Да только так у нас не водится, чтобы лошадь без уздечки продавать.

На другое утро старый Конгар отправился на базар в Бре верхом на прекрасном коне, которым он весьма гордился.

Немало барышников из Корнуайля и Трегьера подходили к Конгару и пытались купить коня. Но старик требовал триста экю и ничего не уступал, а покупатели считали, что это слишком дорого, и уходили, хотя лошадь всем очень нравилась.

К вечеру опять пришел тот незнакомый барышник, что в прошлый раз торговал быка, и спросил:

— Сколько за коня, старик?

— Триста экю без уздечки.

— Это дорого, но лошадь мне нравится, и я заплачу, не торгуясь. Только уздечку ты мне отдай. Сам знаешь, так всегда делается.

— Нет, уздечка мне самому нужна. Не хотите, так и коня не продам.

— Да ты не знаешь, что ли, старый дурень, что уздечку всегда продают вместе с лошадью?

— Пускай себе другие делают, как хотят, а я не продам, вот и все.

— Ну и не надо, черт тебя побери вместе с твоим конем и уздечкой!

И незнакомец ушел, сильно рассерженный.

Немного позднее лошадь была продана одному барышнику из Нормандии. Он отвел ее в Генгам и поставил на ночь в конюшню вместе с другими лошадьми, собираясь утром отправиться восвояси.

Но на другое утро лошадь пропала, и ее новый хозяин напрасно недоумевал, что с ней могло случиться.

А лошадью этой был Эуэн Конгар, который умел превращаться в животных. Он принял опять свой человеческий образ и вернулся домой.

Когда были истрачены и триста экю, вырученные за коня, Конгар превратился в осла. С вечера он наказал отцу, чтобы тот повел осла продавать на ярмарку в Бре, спросил за него двести экю и ни за что не отдавал недоуздка.

Тот же самый никому не известный барышник пришел покупать осла.

— Сколько за осла, старик?

— Двести экю.

— Двести экю — это дороговато за такого ослика. Но я торговаться не люблю, получай две сотни и давай мне осла.

Он тотчас же сел на осла.

— Пойдите! — закричал Конгар. — Недоуздук оставьте мне.

— Поздно хватился, старик! — отвечал тот насмешливо.

Он ударил осла палкой и ускакал галопом.

По пути он остановился у кузницы и сказал кузнецу:

— Скорее, кузнец, сделай четыре подковы весом в пять пудов каждая и подкуй моего осла.

— Шутить вздумали? — сказал кузнец.

— Делай то, что тебе сказано, я хорошо заплачу.

Пока кузнец ковал подковы, осел стоял на улице: его привязали к кольцу, вделанному в стену кузницы. Вокруг осла собрались дети и стали дергать его за уши, чтобы послушать, как он ревет.

— Отвяжите меня, — сказал осел.

— Этот осел умеет говорить! — закричал кто-то из детей.

— А что он сказал? — спросил другой.

— Он просит отвязать его.

— Да, дети, отвяжите меня, и тогда увидите забавную штуку, — повторил осел.

Они послушались. И в тот же миг осел превратился в зайца и давай бог ноги!

Услыхав крики детей, чародей вышел из кузницы.

— Где мой осел?!

— Он превратился в зайца и убежал.

— В какую сторону?

— Вон туда, через поле, — отвечали дети.

Чародей мигом превратился в собаку и погнался за зайцем.

Тот, услыша за собой погоню, превратился в голубя и взвился кверху. Чародей тут же стал ястребом и понесся за ним. Так они долетели до столицы Испании. Ястреб уже настигал голубя, но тот превратился в золотое кольцо и прыгнул прямо на палец принцессы, дочери испанского короля, которая в это время сидела у окна.

Тогда чародей принял свой человеческий образ и явился во дворец, выдавая себя за врача и говоря, что хочет исцелить старого короля, — король уже давно хворал, и его не могли вылечить все врачи королевства.

Чародей нашел нужное лекарство, исцелил короля, и король в благодарность за услугу обещал дать ему все, чего бы он ни попросил.

— Мне не нужно ничего, — отвечал мнимый врач, — кроме того золотого кольца, которое носит на пальце ваша дочь.

— Так мало? Если вам нужно золото, я вам отсыплю вволю.

— Нет, мне не нужно ничего, кроме кольца вашей дочери.

— Хорошо, завтра утром вы его получите.

Принцесса легла спать, не сняв кольца, и очень удивилась и испугалась, увидев вдруг подле себя мужчину. Это был Конгар. Боясь, что она закричит, он поспешил ее успокоить:

— Принцесса, я тот, кто спас вас от чародея и только что был золотым кольцом на вашем пальце. Чародей все время упорно меня преследует. Он возвратил здоровье вашему отцу и в награду требует кольцо, которое вы носите на пальце. Обещайте королю исполнить это требование, но с тем условием, что вы сами наденете кольцо на палец врачу. А когда будете надевать, уроните кольцо на пол. Об остальном не заботьтесь, все будет хорошо, если вы сделаете так, как я прошу.

Принцесса обещала поступить так, как сказал Конгар.

На другое утро старый король позвал дочь и, указывая на чародея, переодетого врачом, сказал:

— Дочь моя, этот человек исцелил меня, тогда как все врачи королевства ничем не могли мне помочь. И в награду за такую великую услугу он просит только

золотое кольцо, которое ты носишь на пальце. Ты, конечно, ему не откажешь.

— Нет, отец мой, не откажу, — промолвила принцесса. — И я сама надену ему на палец это кольцо.

Она сняла кольцо, и когда врач поспешил протянуть ей палец, она, словно от неловкости или волнения, уронила кольцо на пол.

В тот же миг кольцо превратилось в горошину, а чародей — в петуха.

Только петух собрался проглотить горошину, как она превратилась в лисицу и перегрызла петуху горло. Так окончилась борьба, в которой Эуэн Конгар победил своего учителя.

Тогда принцесса представила отцу своего спасителя, рассказала о всех его испытаниях и приключениях. И Конгар женился на дочери короля испанского. По этому случаю при дворе было много пышных празднеств и богатых пиров, на которые пригласили и старика Конгара, — он в ту пору был еще жив.

44. КОШЕНАР И ТЮРКЕН

 или-были два брата. Они были сироты и ходили в своем краю из дома в дом за подающим. Старшего звали Кошенаром, а младшего — Тюркеном. Они никогда не разлучались, и куда шел один, туда вместе с ним шел и другой. Исполнилось им лет по двенадцати, но они все еще ничего не делали, а только просили милостыню. Тут люди стали смотреть на них не так уж жалостливо, говорили, что им пора начать трудиться и самим зарабатывать свой хлеб. Заметив это, братья ушли из деревни. Однажды Кошенар, который был посмышленей Тюркена, но зато отличался дурными наклонностями, сказал брату:

— Я знаю, что нужно было бы сделать, чтобы нам повсюду оказывали хороший прием, чтобы на фермах нам охотно давали пищу и кров и много грошей на ярмарках и в монастырях.

— А что именно? — с любопытством спросил Тюркен.

— Если бы один из нас был слеп, а другой был бы

его поводырем и ходил бы с ним из дома в дом, из одного святого места в другое, то мы ни в чем не терпели бы нужды.

— Так-то так, но мы ведь оба зрячие.

— Конечно, но нет ничего легче, как стать слепым.

— Каким образом?

— Каким образом? Да попросту выколоть глаза одному из нас.

— Это нехорошо, Кошенар; бог дал нам хорошие глаза, и мы не должны по своей воле лишать себя зрения, да к тому же это, должно быть, очень больно, когда выкалывают глаза!

— Вот пустяки! Это дело одной минуты!.. Зато подумай только, как нам будет хорошо! Никто не пройдет мимо нас, не подавши нам хотя бы одного су, и мы сможем купить себе орехов, груш, яблок, ножи, новые сапоги... одним словом, все, что нам захочется.

Кошенар нарисовал такую соблазнительную картину счастья, ожидающего слепца, что бедный Тюркен, который не отличался большим умом, согласился, и братья решили тянуть жребий, чтобы узнать, кому из них надо выколоть глаза. Кошенар держал в кулаке соломинки и устроил так, что судьба присудила Тюркену быть слепым. Потом жестокосердный брат вытащил из изгороди шип терновника и выколол ему оба глаза. Несчастный Тюркен сильно страдал и громко кричал от боли. Его всюду жалели, где бы он ни появлялся, и с этого дня на обоих братьев посыпались самые разнообразные даяния: одежда, белый хлеб, мясо и деньги. Кошенар все забирал себе, сам ел белый хлеб и мясо, а черный хлеб и картофель отдавал Тюркену.

Они ходили по ярмаркам, по святым местам, и деньги падали дождем в деревянную мисочку несчастного слепого. Кошенар все забирал себе. Когда он накопил много денег, он решил отделяться от брата. Он завел его в густой лес и уверил, что они заблудились. Когда наступила ночь, он сказал:

— Ляжем сюда, на мох под дубом, и подождем рассвета.

Тюркен, ничего не подозревая, растянулся у подножия дерева и тотчас заснул. Как только он захрапел, Кошенар тихонько ушел, безжалостно оставив брата на произвол судьбы, без хлеба и денег. Несчастный слепой проснулся

утром и стал звать Кошенара. Но Кошенар не откликнулся на его зов, и Тюркен подумал, что тот спит. Тогда он стал звать его все громче и громче, кричал, шарил вокруг дерева, но брата нигде не было.

«Не может быть, чтобы он так и бросил меня, — подумал Тюркен. — Он, конечно, придет; надо подождать».

Он долго ждал, до самого вечера, и время от времени громко звал Кошенара; но никто не откликнулся, и Кошенар не пришел. Тогда Тюркен понял, что его покинули, и горько заплакал.

Наступила ночь, он был голоден, а еды у него не было. Он впал в полное отчаяние и подумал: «Либо я умру с голоду у подножия этого дерева, либо меня съедят дикие звери, которые подытятся в этом лесу! Ах, Кошенар, Кошенар, что я тебе сделал, за что ты так поступил со мной?.. Мне остается только одно: вскарабкаться на это дерево и броситься с него вниз, чтобы сломать себе шею и не достаться живьем волкам, которые воют вокруг!..»

Он влез на дерево, и в ту минуту, как он собирался броситься вниз, он услышал под деревом львиный рев. Вскоре прибежал и вепрь и захрюкал: «ох, ох!» Затем до слуха Тюркена донесся вой, и через некоторое время появился волк.

— Где это ты пропал, волк? Ты изрядно опоздал, — спросил его лев.

— Я был в городе Люксембурге, где и люди и животные умирают от жажды, — ответил волк. — Ну и поживился же я там, можете не сомневаться в этом! Взгляните-ка на мое брюхо! Вот поэтому-то я и опоздал немного.

— Я знаю, каким образом можно достать воду в городе Люксембурге, — сказал лев, — и знаю также такое средство, которое исцеляет все болезни и всякие увечья, какие бы они ни были.

— Что же нужно сделать для этого? — спросил волк.

Нечего говорить, что Тюркен, сидя на дереве, внимательно прислушивался к беседе зверей.

— Ну, слушайте, что нужно сделать, чтобы иметь воду в Люксембурге, — ответил лев. — Нужно взять кусок корня того самого дерева, под которым мы теперь стоим, с этим куском корня отправиться в Люксембург и ударить им три раза о скалу, которая находится посреди города, приговаривая при этом: «Воды! Воды! Воды!» Тотчас же из этой скалы забьет родник чистой и свежей воды, столь

обильный, что воды хватит ца весь город — и людям и животным.

— А какое это средство, которое излечивает все недуги и все увечья? — спросил волк.

— А вот я вам расскажу, — сказал лев. — Нужно взять кусочек коры этого дерева, натереть им рану или большую часть тела, и сейчас же все как рукой снимет. Если, например, человек или зверь ничего не видит, так стоит только приложить кору к глазам, и он сразу будет видеть так же хорошо, как мы с вами. Я только что вернулся из Испании. Дочь короля этой страны после причастия почувствовала себя нехорошо и на возвратном пути ее стошнило во дворе королевского дворца, так что святая облатка упала на землю. Тотчас из норы выскочила жаба, проглотила облатку и скрылась под камнем в глубине бассейна, который находится в дальнем углу двора. Принцесса сразу же стала пухнуть, и теперь кожа у нее до такой степени натянута, что вот-вот лопнет. К тому же принцесса испытывает сильные страдания, и ни один врач не может распознать ее болезнь. Сам король в отчаянии обещает отдать свою дочь за того, кто ее вылечит, кто бы он ни был.

— И вы думаете, что кора этого дерева исцелит ее? — спросил волк.

— Одной коры недостаточно, чтобы исцелить ее, — возразил лев. — Вот что надо сделать, чтобы достигнуть полного успеха: надо вытащить жабу из бассейна, куда она скрылась, и приготовить для королевской дочери питье из жабьей крови, смешанной с вином; затем дать ей съесть жабье мясо, поджаренное на масле. На свете нет другого средства, которое могло бы вернуть ей здоровье, но ни один врач, будь он даже самый ученый, не отважится на лечение, о котором я говорю.

После этого все трое — лев, волк и вепрь — удалились. Это были дьяволы, принявшие облик зверей, чтобы им легче было обдѣлывать свои делишки.

Понятно, что Тюркен не упустил ни единого слова из того, что было сказано, ибо, хотя он был слеп, но глух не был, и воскликнул:

— Не так уж плохо живется на свете!

В это время взошло солнце. Тюркен спустился с дерева, срезал ножом кусочек коры с этого дуба и потер

им глаза. О счастье! Зрение сейчас же вернулось к нему, как будто бедняга никогда и не был слеп. Он увидел сияющее солнце, бросился на колени и от всего сердца возблагодарил бога. Он срезал большой кусок коры и положил его в карман, чтобы исцелять больных, которые встретятся на его пути; тем же ножом он разрыхлил землю и, найдя тонкий корешок этого дерева, отрезал его и взял с собою, чтобы добыть воду для жителей города Люксембурга. Затем он отправился в путь.

Одежда его была в лохмотьях, и так как у него не было денег, то ему приходилось просить милостыню, чтобы как-нибудь прожить. После многих злоключений он прибыл в Люксембург и прямо направился к кюре, чтобы попроситься к нему на почлег.

— Откуда ты? — спросил его кюре.

— Из Франции, — был ответ.

— Ну, так и возвращайся во Францию, — у меня нет для тебя хлеба.

И кюре захлопнул дверь перед самым его носом.

Тогда он отправился к мэру города, но и тот принял его не лучше, чем кюре. Префект вытолкнул его так же, как кюре и мэр.

«Как странно, — подумал Тюркен, — я пришел сюда для того, чтобы спасти этих людей, которым угрожает смерть от жажды, а они не хотят приютить меня и дать мне кусок хлеба, в котором в моей стране не отказывают даже нищему, посланному богом! Но, быть может, бедные люди обойдутся со мной ласковее; до сих пор я обращался только к богатым».

Навстречу ему по улице шла бедно одетая девушка, которая горько плакала. Он подошел к ней и спросил:

— О чем ты так плачешь, девушка?

— Увы, на то есть причины, — ответила она, — мой отец, мать и два брата умерли от жажды!

— Ну, а я, наверно, умру не от жажды, а с голоду, потому что в этом городе никто не хочет мне дать куска хлеба.

— Пойдем ко мне, я отломлю тебе кусочек от краюхи, которая у меня осталась, и постараюсь устроить тебя получше.

— Да благословит тебя бог и да пошлет тебе счастье.

Он пошел с девушкой до самого ее дома, и она дала Тюркену кусок черного, заплесневевшего хлеба, который он съел с большой жадностью.

— Я не могу тебе дать ни воды, ни молока, ни вина, ни сидра, — сказала она. — Я, наверно, сама скоро умру от жажды, как мой отец, моя мать и братья.

— Возьми кувшин для воды и иди со мной, — сказал ей тогда Тюркен.

И они вместе направились к скале, которая находилась посреди города. Тюркен три раза ударил корешком о скалу, приговаривая: «Воды! Воды! Воды!» И сейчас же из скалы забил родник. Воды было много, она была чиста и прозрачна. Девушка наполнила кувшин и пошла домой в сопровождении Тюркена. Очень скоро распространилась весть, что какой-то чужеземец, нищий, которого никто не знал, исторг из скалы источник чистой и прозрачной воды. Народ сбегался отовсюду с кувшинами и разными сосудами, и во всей округе люди с криками радости пили воду.

Когда жажда была утолена, стали разыскивать незнакомца, которому весь город обязан был спасением.

Наконец его нашли в лачуге у бедной девушки.

Кюре, префект, мэр и все начальствующие лица города посетили его и выразили желание торжественно повести его по улицам города, с музыкой впереди шествия. Но он сказал им:

— Нет, вы мне отказали в куске хлеба, когда я стучался в двери ваших домов, и если б не эта бедная девушка, которая поделила со мной то немногое, что имела, я бы, наверно, умер с голоду. Поэтому я останусь у нее, в благодарность за услугу, которую она мне оказала.

Начальствующие лица и богатые граждане Люксембурга опасались, что Тюркен, который с такой легкостью доставил им чудесный источник, может так же легко убрать его, и они на коленях просили у него прощения и складывали к его ногам мешки с золотом и серебром. Но он отшвырнул ногой их золото и серебро. Ему предложили великолепный замок и просили его остаться навсегда в городе Люксембурге, но он ответил им такими словами:

— Теперь я не могу остаться с вами, потому что я должен отправиться в путешествие, которое никак нельзя отсрочить. На обратном пути я заеду к вам и тогда, быть

может, навсегда останусь жить в вашем городе. Впрочем, бояться вам нечего: родник не иссякнет в мое отсутствие.

Ему подарили великолепную золотую карету, запряженную прекрасными лошадьми, и он отправился в Испанию. Прибывши в столицу этого государства, он остановился в лучшей гостинице, и там его приняли как принца. После ужина он позвал хозяина гостиницы, чтобы потолковать с ним и осведомиться о новостях в этом государстве.

— Что нового в вашем городе? — спросил он хозяина гостиницы.

— Здесь только и разговору, что о болезни королевской дочери, прекрасной принцессы, которую все очень любят.

— Чем же она больна?

— А вот этого никто не знает, и лучшие врачи не могут понять ее болезни. Бедная принцесса вся горит и так распухла, что вот-вот лопнет кожа. Она очень страдает. Некоторые утверждают, что она одержима бесом, и, по видимому, так оно и есть.

— Как же это ни один врач не может ей помочь?

— Я вам уже сказал, что они не могут понять ее болезни; к ней съехались врачи со всех концов государства и даже из чужих краев, а ей с каждым днем все хуже и хуже. Вот уже шесть месяцев, как она больна, и если бедной девушке не станет лучше, она, несомненно, скоро умрет.

— Так вот, слушайте: я врач из королевства Франции, я знаю прекрасное средство от опухолей, какова бы ни была их причина, и я с уверенностью заявляю, что вылечу вашу принцессу.

— О, если это действительно так, то ваше будущее обеспечено, потому что король любит свою дочь больше всего на свете; он страшно убивается и за ее исцеление готов отдать все свои сокровища.

— Пойдите и скажите ему, что у вас проездом остановился врач из Франции; он знает верное средство от опухолей, которое всегда оказывает свое действие.

Хозяин гостиницы побежал во дворец, чтобы сообщить королю эту радостную весть.

— Пусть сейчас же явится сюда! — воскликнул безутешный отец. — Ему ни в чем не будет отказа, если только он спасет мою дорогую дочь.

Тюркен тотчас же отправился во дворец, и его ввели в комнату принцессы. Она была так плоха, что на нее жалко было смотреть. На губах ее выступила пена, она кричала и билась как одержимая.

— Ну что, доктор, — обратился к нему король, — что вы скажете о положении моей дочери?

— Положение тяжелое, но я отвечаю за нее, мой повелитель; доверьтесь мне и позвольте сделать то, что нужно.

— Если вы ее вылечите, я вас награжу так, как еще никогда не награждали ни одного врача.

— Пожалуйста, оставьте меня одного на несколько минут: у вас во дворе и в вашем саду мне нужно нарвать трав, необходимых для приготовления лекарства, которое спасет вашу дочь.

Тюркен прошел во двор замка и, делая вид, что собирает травы вокруг бассейна, схватил жабу, которая пряталась под камнем. Она была огромных размеров и весила восемнадцать с половиною фунтов. Он завернул ее в полу своей куртки, отправился с ней в сад и принес оттуда целую охапку всевозможных трав и цветов. Затем он попросил, чтобы его оставили на некоторое время одного в кухне, так как он должен приготовить лекарство. Прежде всего он выпустил из жабы кровь и собрал ее в особый сосуд. Кровь он смешал со стаканом старого красного вина, подогрел эту смесь и поднес принцессе со словами:

— Выпейте, принцесса, здесь ваше здоровье!

Принцесса отпила глоток, затем оттолкнула сосуд и воскликнула:

— Боже, какое оно противное!

Но минутой спустя она почувствовала, что ей стало лучше, и так как врач настаивал, чтобы она выпила еще, то она не возражала больше и залпом проглотила все до последней капли.

— Ах, как мне помогает это питье! — сказала она.

И действительно, она перестала кричать и корчиться, совсем успокоилась и тихо уснула.

А Тюркен снова пошел в кухню, чтобы приготовить другое лекарство, которым он должен был закончить лечение. Он разрубил жабу на мелкие кусочки, приготовил из них месиво и зажарил его, а вечером, когда принцесса проснулась, он заставил ее съесть третью часть жабьего мяса; другую треть она съела в полдень следующего дня,

а последнюю — к заходу солнца. После этого она совсем выздоровела. Ее счастью и радости не было границ: она пела, танцевала, обнимала своего спасителя и не хотела с ним разлучаться, да и старый король не отставал от своей дочки.

Тюркена засыпали подарками и не хотели его отпустить. Принцесса в него влюбилась, а старый король решил отречься от престола в пользу своего будущего зятя. Тюркена так уговаривали, что в конце концов он обещал жениться на принцессе. Однако он попросил, чтобы сначала его отпустили на несколько дней на родину: ему, дескать, надо устроить некоторые дела и рассказать о своей удаче отцу и матери, которых он непременно захватит с собой на обратном пути. Король и принцесса боялись, что он не вернется, и захотели сопровождать его. Тогда он убежал ночью, переодевшись нищим, и направился в Люксембург, куда обещал вернуться.

Теперь у него не было недостатка в деньгах. Поэтому, перейдя границу Испании, он в первом попавшемся городке сбросил с себя нищенскую одежду и превратился в богатого вельможу. Он без помех прибыл в Люксембург и остановился в лучшей гостинице. После ужина, беседуя с хозяином гостиницы, он осведомился у него о городских новостях.

— В городе только и разговору, что о замке из золота и серебра, выстроенном жителями Люксембурга, — да и действительно, он представляет собою чудо из чудес, — ответил хозяин гостиницы.

— Для кого же выстроен этот замок? — спросил Тюркен.

— Для того, кого жители Люксембурга считают своим спасителем, для человека, который дал нам в изобилии воду в тот миг, когда всем нам грозила смерть от жажды.

— Вот как! А кто же этот человек? Поселился ли он уже в своем замке?

— Нет, он еще не живет там, потому что он отправился путешествовать, и никто не знает куда; но его ждут со дня на день. Ах, если бы вы видели этот замок! Говорю вам: чудо из чудес. Стены сделаны из серебра, окна и двери из чистого золота, а в саду устроен фонтан и пруд, дно которого выложено серебряными плитами...

— И вы не знаете имени человека, которому предназначается такой великолепный замок?

— Нет, никто не знает его имени; он пришел в наш город только для того, чтобы спасти нас, а затем отправился в другую страну, чтобы и там совершить добрые дела, но он обещал скоро вернуться. Мы надеемся удержать его у нас, а для этого, как только он возвратится, женим его на дочери нашего префекта. Эта девица, несомненно, самое прелестное создание, какое существует под звездным небом.

— Вот как? — улыбаясь, сказал Тюркен, и отправился спать, так как время было позднее.

На другое утро он пошел гулять по городу. Он обрадовался, что родник, который он исторг из скалы, струился по-прежнему, чист и прозрачен. Затем он отправился к бедной сиротке, которая приютила его, в то время как начальствующие лица и богатые граждане так грубо его оттолкнули. В прекрасно одетом вельможе, который стоял перед ней, она не узнала умиравшего от голода, покрытого лохмотьями нищего, с которым разделила свой черный хлеб и свое убогое жилище. Она жила вместе с сестрой; жили они бедно, но честно, добывая себе пропитание шитьем.

— Вы знаете меня? — спросил ее Тюркен.

Она подняла на него глаза и ответила:

— Нет, сударь, я не имею чести вас знать.

— Посмотрите-ка хорошенько.

Она снова посмотрела и сказала:

— Мне кажется, я вас никогда не видела.

— Разве вы не помните, что вы разделили однажды ваш хлеб и ваш кров с несчастным нищим, который умер бы с голоду без вашей помощи?

— Мне, сударь, не раз случалось делить свой хлеб с нищими.

— Тот, о котором я вам говорю, исторг родник чистой и прозрачной воды из скалы, которая находится посреди вашего города, и тем спас жителей Люксембурга, иначе они умерли бы от жажды!

— Ах, боже мой, да неужели же это вы?

Она посмотрела ему прямо в лицо и прибавила:

— Да, да, теперь я вас узнаю! Как я рада вас видеть! И как рады будут жители нашего города, когда узнают, что вы вернулись!

И она ему рассказала то, что он уже знал от хозяина гостиницы, — о прекрасном замке и о предполагаемой женьитьбе его на дочери префекта.

Вскоре все узнали о приезде спасителя Люксембурга, и весь город пришел в движение. Префект, мэр, кюре и все начальствующие лица торжественно явились к нему в гостиницу, впереди шли музыканты. Префект произнес прекрасную речь и, передавая Тюркену ключи от замка, выстроенного для него благодарными жителями Люксембурга, предложил ему немедленно принять замок в свое владение. «Моя жена и дочь, столь же любезная, как и прекрасная, — добавил он, — обе ждут вас там, чтобы оказать вам должные почести».

Тюркен поблагодарил жителей Люксембурга за радужный прием и ответил префекту, что, раньше чем вступить во владение замком, он хотел бы обзавестись подругой, которая будет жить там вместе с ним, и что он намерен остановить свой выбор на одной из обитательниц Люксембурга. Поэтому он просит оповестить всех юных жительниц Люксембурга в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, чтобы на следующий день они собрались на главной площади города, у источника близ скалы, и там он выберет себе жену.

Так как они считали, что Тюркен может взять в жены только девушку из самой лучшей и самой богатой семьи и что он выберет, без сомнения, дочь префекта, они пригласили только дочерей самых важных граждан города. На другой день в назначенный час все эти девушки явились в указанное место, разряженные в пух и прах, одна прекраснее другой, и каждая была вполне уверена в своей победе.

Дочь префекта шла впереди всех, блистая драгоценностями, нарядная как принцесса. Их всех выстроили в ряд вокруг площади, и Тюркен медленно проходил мимо них, как генерал, делающий смотр войскам. Он разглядывал всех, одну за другой, и не останавливался ни перед кем, что весьма не понравилось многим отцам и матерям, а в особенности префекту и его жене. Затем он сказал префекту, который следовал за ним:

— Не все девушки вашего города присутствуют здесь: пусть мне завтра покажут других.

На следующий день ему показали дочерей богатых граждан и купцов. Он произвел смотр и этим и, дойдя до последней, снова сказал префекту:

— Я не вижу здесь той, которая должна быть моей женой; надо мне показать остальных.

На третий день созвали молодых работниц всяких профессий, служанок и даже нищенок. Он не успел сделать и нескольких шагов, как заметил ту девушку, которая приютила его; он подошел к ней, взял за руку, вывел из рядов и, представляя жителям Люксембурга, сказал:

— Вот та, которую я выбрал в жены! Она меня хорошо приняла, когда меня все оттолкнули; она оказала мне гостеприимство и поделила со мной свой хлеб, и сегодня я хочу отблагодарить ее за это.

Велико было изумление граждан, а равным образом и разочарование некоторых отцов и матерей.

Свадьба была сыграна тотчас же, великолепная свадьба, и Тюркен поселился в замке с женой и свояченицей.

Прошло месяцев шесть, и Тюркен устроил большую охоту, на которую пригласил много народу. Охота происходила в том самом лесу, где он был покинут Кошенаром. Он сразу узнал дерево, на которое взобрался с намерением броситься вниз и сломать себе шею. Под этим деревом он теперь увидел несчастного бедняка в лохмотьях, тело которого было покрыто язвами. Видно было, что он давно уже ничего не ел и ему грозила голодная смерть. Тюркен сейчас же сошел с лошади, чтобы его исцелить, так как средство было тут же, под руками.

— У вас плохой вид, бедняга, — сказал он ему с состраданием.

— Вы правы, сударь, но это мне по заслугам.

— Как так?

— Ах, это все так печально!.. У меня был брат, и когда мы были молоды, мы оба ходили по домам и просили милостыню, потому что мы осиротели рано, а родители нам ничего не оставили. Так мы жили подаванием добрых людей, пока однажды мне не пришла в голову мысль, что если бы один из нас был слепец, то мы бы вызывали больше сострадания в людях и нам бы жилось гораздо лучше. И я выколол оба глаза моему несчастному брату, и после этого мы перешли в другие места. Действительно, с этого времени я ни в чем не терпел недостатка, ни в еде, ни в одежде, ни в деньгах. Когда, таким образом, у меня составилась кругленькая сумма, я пришел сюда с братом, сделал вид, что заблудился, и сказал ему, что придется заночевать в лесу. Мы легли под этим деревом, и, когда брат крепко уснул, я убежал, оставив его на произвол судьбы, одного, без хлеба и денег. Я не знаю,

что стало с моим бедным братом: его, наверно, растерзали дикие звери. Но за то бог наказал меня. Я без ума сорил деньгами, и к тому же не хотел работать, вот и впал, как видите, в самую ужасную нужду. Я жестоко наказан, но признаю, что заслужил это. Вот я и пришел умереть под тем самым деревом, где оставил Тюркена.

Тюркен, тронутый до слез, воскликнул:

— Я твой брат! Неужели ты не узнаешь меня, Кошенар? — И он с волиением обнял его. — Успокойся, мой бедный брат; я от всего сердца прощаю тебя. Сначала я исцелил тебя, а затем мы отправимся в мой замок, и пока ты жив, ты ни в чем не будешь терпеть нужды, ибо мне повезло, и теперь я богат.

Он кинжалом сделал надрез на стволе дерева, снял кусок коры и положил ее в кармап.

Охота кончилась, и Кошенару подали лошадь, но так как он не мог держаться в седле, то брат посадил его за собой на свою лошадь, и они вместе направились в замок.

Все были изумлены и не могли понять, что это все означает. Когда они приехали в замок, Тюркен, несмотря на ужасный и отталкивающий вид Кошенара, привел его к своей жене и свояченице и сказал:

— Вот я вам представляю своего брата Кошенара.

Они вскрикнули от ужаса и отвернулись. Затем, обращаясь к свояченице, он спросил ее:

— Вы бы сделали мне большое удовольствие, свояченица, если бы согласились выйти замуж за моего брата Кошенара.

Свояченица сделала гримасу, но тем не менее ответила:

— Я охотно выйду за него замуж, зятюшка, — и для того, чтобы угодить вам, и потому, что он ваш брат.

Тогда Тюркен повел Кошенара в сад, на берег пруда, вымыл его и патер корой дерева; язвы исчезли, и он стал красивым мужчиной. Затем Тюркен дал ему свое платье, которое оказалось совсем впору, а потом снова привел его к свояченице и сказал:

— Вот ваш жених!

Увидя перед собой такого красавца, она уже не делала гримас!

Свадьбу сыграли сейчас же, не откладывая. Свадьба была роскошная, с пиршествами и играми, и оба брата с женами зажили в замке в мире и согласии.

Только одно мучило Кошенара и не давало ему покоя:

каким образом его брат стал зрячим и каким образом он так разбогател?

Однажды он обратился к нему с вопросом:

— Мне очень хотелось бы знать, как к тебе вернулось зрение и каким образом ты так разбогател!

— Пустяки, мой брат, не тревожься и не думай больше об этом.

Несколько раз Кошенар обращался к нему с тем же вопросом, и каждый раз Тюркен выказывал недовольство и давал все тот же ответ. Но однажды, после особенно настоятельных просьб, он сказал:

— Хорошо, если ты так настаиваешь, то я скажу тебе... а между тем я чувствую, что для тебя было бы лучше никогда не знать этого.

И он рассказал ему, как, задумав покончить с собой, взобрался на дерево, под которым собрались трое зверей — лев, волк и вепрь, и от них узнал два секрета, которые положили начало его богатству. Самих секретов он, однако же, не открыл.

Кошенар завидовал Тюркену. Он лишился сна и, мечтая иметь свой собственный замок, в котором он был бы полным хозяином, решил провести ночь на том дереве в лесу, чтобы тоже узнать какой-нибудь секрет. Он ничего не сказал ни жене, ни брату и ушел под вечер тайком.

Придя в лес, он без труда отыскал дерево и взобрался на него. Около полуночи он услышал рев, и вскоре появился лев. Минуту спустя он услышал вой, и вслед за львом появился волк. Затем он услышал шаги какого-то животного, которое пробиралось через кустарник, все время похрюкивая: «Ох, ох!» Это был вепрь. Когда все трое животных, — а это были дьяволы, — собрались у ствола дерева, лев сказал:

— Ну-ка, что нового, товарищи? Хорошо ли у вас прошел день?

— Что касается меня, то я не могу жаловаться, — ответил волк. — Но надо быть осторожнее и не говорить так безрассудно. Вы хорошо знаете, как нам досталось за дело с жителями Люксембурга, которые умирали от жажды, и за историю с дочерью испанского короля, и, вероятно, еще не забыли великого гнева нашего господина Вельзевула, когда он убедился, что от нас ускользнули жертвы, которые он уже считал своими. Надо посмотреть сначала, не скрывается ли кто-нибудь в кустах или где-нибудь поблизости.

И они обыскали кусты и никого не нашли. Но волк поднял кверху морду и увидел Кошенара, который скрывался среди листвы.

— А, вот он где, хитрец! — воскликнул он. — На этот раз он от нас не уйдет!

— Но как же его достать? — спросил вепрь.

— Нужно подрывать дерево, — сказал лев.

И они втроем принялись за работу. Они рыли землю и отбрасывали ее в сторону: вепрь действовал рылом, а двое других когтями, и таким образом они подрывали у дерева корни, и оно свалилось. Тогда все трое бросились на несчастного Кошенара и растерзали его.

Так как он не вернулся к ночи в замок и никому не сказал, куда ушел, в замке стали беспокоиться. Его искали повсюду, но нигде не находили.

Тогда у Тюркена явилось предчувствие, что с братом случилась беда. «Несчастный, наверно, отправился в лес, чтобы провести ночь на дереве», — подумал он.

Он побежал в лес и когда увидел упавшее дерево, землю, разрытую когтями животных, и разбросанные вокруг кости, — сразу понял, в чем дело. У него было доброе сердце, и он искренне оплакивал своего брата.

45. ДЕЛЕЖ

аз орел сказал ястребу и сороке:

— Давайте охотиться вместе.

И вот орел, ястреб и сорока отправились на охоту. До захода солнца они набили триста штук всякой дичи.

— А теперь давайте делить добычу, — сказал орел. — Сорока, раздели все поровну между нами тремя.

— Нет, орел, где уж мне! Дели сам, или пусть этим займется ястреб.

— Что ж, я с удовольствием, — сказал ястреб.

Он разложил всю дичь на три кучи, настолько одинаковые, что было все равно, какую взять.

— Ястреб, — спросил орел, — где же моя часть?

— Орел, бери любую из трех.

— Ястреб, ты глуп. Я тебя научу, как надо делить!

И одним ударом клюва орел убил ястреба. Потом сказал сороке:

— А теперь, сорока, давай делить добычу между нами двумя. Раздели-ка все поровну на две части.

— Нет, орел, разделим на три части. Одна тебе за то, что у тебя такой клюв, а другие две — тоже тебе, за то, что у тебя такие когти.

— Сорока, никто не умеет делить лучше тебя. А себе за труды возьми вот эту маленькую тощую синицу, жесткую как дерево.

46. СКАЗКА ПРО ДЯДЮШКУ ЗЛОСЧАСТЬЕ И ЕГО СОБАКУ НИЩЕТУ

Авным-давно на перекрестке двух дорог жил бедный кузнец. День за днем он кос-как перебивался на те несколько су, которые зарабатывал, подковывая лошадей, мулов и ослов у проезжих господ. Он так бедствовал, что его даже и звали — дядюшка Злосчастье. Собаке, делившей с кузнецом все невзгоды, дали кличку Нищета. Как и подобает всем несчастным, они жили душа в душу и везде появлялись вместе: или Нищета бежала вслед за Злосчастьем, или дядюшка Злосчастье шел вслед за Нищетой.

Так они жили-поживали, пока однажды на рассвете в их дверь не постучались господь бог и святой Петр. Нищета залаяла, дядюшка Злосчастье проснулся и, ворча, открыл дверь ранним путникам.

Святой Петр сказал:

— Дядюшка Злосчастье, вот стоит мой хозяин. Он хочет, чтобы ты подковал его осла. Долгое это дело?

— Вы пришли в ранний час, господа мои, но это не беда. С виду вы хоть и бедняки, но люди честные, и я рад вам услужить. Я быстро справлюсь.

Дядюшка Злосчастье раздул огонь, подбросил углей и в каких-нибудь полчаса подковал осла.

— Вот и готово, господа мои.

— Хорошо, — сказал господь бог, — сколько тебе заплатить?

— Не обижайтесь, но ведь я уже сказал, что, судя по всему, вы люди нищие; поэтому я с вас ничего не возьму.

— Ничего? Это слишком мало.

— Нет уж, я приму только ваше благословение.

— В таком случае, я вознагражу тебя иначе. Я — господь бог, а мой слуга — святой Петр. Я исполню три твоих желания. Скажи мне, чего ты хочешь.

Дядюшка Злосчастье почесал сперва в затылке, потом за ухом, раздумывая, чего бы ему попросить у господя бога.

— Попроси, чтобы он оставил тебе местечко в раю, — подсказал святой Петр.

— Погоди... погоди... Вот что: я хочу, чтобы тот, кто сядет в это кресло, не мог встать с него без моего позволения.

— Нетрудная просьба. Согласен. Назови второе твое желание.

— Проси место в раю, — шепнул святой Петр.

Дядюшка Злосчастье снова почесал в затылке и за ухом.

— Второе мое желание такое: я хочу, чтобы тот, кто заберется на это дерево, не мог слезть с него без моего позволения.

— Также легко исполнить. Согласен. Твое последнее желание?

— Не забудь же о рае, болван! — воскликнул святой привратник рая.

Но кузнец, не обращая на него внимания, продолжал:

— А вот мое последнее желание: я хочу, чтобы то, что попадет в этот кошелек, не могло выйти из него без моего позволения.

— Немного же тебе нужно для счастья. Я исполню все твои просьбы. Употребь мои дары разумно, и до свидания.

— До свидания, до свидания, господин бог.

— Ты еще раскаешься, остолоп несчастный, — пробормотал святой Петр.

Господь бог взобрался на осла, святой Петр взялся за повод, и они удалились.

С этого дня проезжие люди словно нарочно почти перестали появляться на перекрестке, и скоро дядюшка Злосчастье увидел, что ему и его собаке Ницете, от которой остались только кожа да кости, не миновать голодной смерти.

Дьявол пронюхал про это, и вот однажды он поступился к кузнецу.

— Дядюшка Злосчастье, я знаю, что ты уже три дня ничего не ел, и кошелек с деньгами пришелся бы тебе очень кстати. Могу предложить тебе десять тысяч экю, но с одним условием.

— Чтобы я за них отдал тебе душу?

— Правильно. Чтобы ты через десять лет отдал мне душу, если к этому времени у тебя не будет денег для расплаты со мной.

— Что ж, решено. Где деньги?

— Вот они. А ты клянешься?

— Клянусь, — сказал дядюшка Злосчастье, у которого было кое-что на уме.

Дьявол, очень довольный, вытащил из кармана десять тысяч экю и отдал их кузнецу.

— Ха-ха-ха! — смеялся, уходя, дьявол.

— Ха-ха-ха! — смеялся дядюшка Злосчастье.

Десять лет жил он в свое удовольствие, вкусно ел, много пил, угощал друзей, коротко говоря — чаще заглядывал в кабаки, чем в церковь. Никогда еще Нищета не сла так сытно.

Ровно через десять лет дьявол явился на перекресток двух дорог, чтобы забрать дядюшку Злосчастье в ад. К великому удивлению злого духа, кузнец был очень весел и вприпрыжку бегал вокруг кузницы, а за ним носилась Нищета и лаяла как сумасшедшая.

— Ну и ну! Дядюшка Злосчастье, ты как будто веселишься всюду?

— А почему бы мне не веселиться?

— Значит, у тебя есть десять тысяч экю для меня?

— Десять тысяч экю? Вы шутите, господин дьявол! У меня и сотни не наберется. Но раз вы пришли за мной, я готов идти с вами хоть в преисподнюю. Присядайте-ка сюда в кресло, а я тотчас соберусь.

Дьявол сел в кресло. Не прошло и минуты, как кузнец сказал:

— Ну, идемте же, господин дьявол. Я готов.

Дьявол попробовал встать, но не смог. Как он ни старался, у него ничего не выходило.

Дядюшка Злосчастье, не торопясь, выбрал железную палку потолка и принялся изо всех сил молотить

по голове, по плечам, по спине бедного дьявола, который так выл, кричал и ругался, что дом дрожал.

Под конец, видя, что с проклятого кресла ему не встать, злой дух стал просить кузнеца отпустить его.

— А ты освободишь меня от долга? Разорвешь договор?

— Да, да, только, пожалуйста, отпусти меня!

— Поклянись.

— Клянусь.

— Тогда можешь встать.

Весь в синяках, дьявол удрал через печную трубу, издавая страшные стоны.

Через год дьявол узнал, что у кузнеца опять нет денег. Он снова явился и дал ему двадцать тысяч экую на тех же условиях, что и в прошлый раз, твердо решив не садиться в кресло, когда наступит срок платежа.

Дядюшка Злосчастье принялся за прежние развлечения и ровню через десять лет увидел у себя дьявола с десятью дьяволятами.

— Ну как, дядюшка Злосчастье? Готов ты идти со мной?

— Да что поделаешь, идемте, я готов! Вот только чуть не забыл: у меня на этом дереве много вкусных орехов, я хотел бы прихватить их с собою в ад.

— За этим дело не станет, — сказал злой дух. — Мы наберем их тебе, — так оно будет быстрее.

И в одну минуту дьявол с дьяволятами взобрались на дерево. Набрав орехов, они хотели спуститься, но не смогли. Дядюшка Злосчастье сбегал в кузницу и вернулся с длинным, острым-преострым железным прутом. Он так колот дьявола и дьяволят, что их вопли могли бы разбудить мертвеца.

— Смилуйся, смилуйся! — выли они.

А дядюшка Злосчастье продолжал их колоть.

— Смилуйся! — взмолился наконец дьявол. — Я согласен отказаться от долга и оставить тебя в покое, только позволь нам вернуться в ад.

— Клянешься в этом?

— Клянусь.

И дядюшка Злосчастье отпустил дьявола и дьяволят.

Не прошло и года, как дьявол снова вернулся и предложил кузнецу тридцать тысяч экую, все на тех же условиях. Тот взял деньги и был доволен не меньше самого дьявола, который решил, что теперь-то он поймал кузнеца.

Через десять лет дьявол пришел за ним. Дядюшка Злосчастье поджидал его, сидя на пороге дома и покуривая трубку. Увидев злого духа, он начал смеяться.

— Здравствуй, дядюшка Злосчастье. Над чем ты так смеешься и что это у тебя за кошелек в руках?

— Здравствуй, дьявол! Я потому смеядся, что вспомнил одного старого болтуна, который недавно сказал мне, будто ты можешь сделаться таким маленьким, что даже в кошельке поместишься.

— Вот уж, действительно, трудное дело! Открой кошелек и увидишь.

И дьявол сразу съезжился. Кузнец схватил его и сунул в кошелек.

— Видишь, — сказал дьявол, — каким маленьким я могу стать, если захочу.

— Очень хорошо. А вылезть из моего кошелька ты можешь?

Дьявол попробовал, но не смог. Тогда он понял, что еще раз попался в ловушку к кузнецу.

— Ну, а теперь, господни дьявол, держись. Я прочту тебя.

Кузнец положил кошелек на наковальню, и удары молота, словно град, посыпались на бедного дьявола, который кричал и выл, как полоумный.

— Смилуйся, смилуйся, я больше никогда не приду! Клянусь тебе в этом! У меня все кости переломаны. Отпусти, отпусти меня!

Устав бить, дядюшка Злосчастье позволил дьяволу вылезти из кошелька и до конца своей жизни больше не видел его.

Умер он очень старым. В тот же день издохла его собака, и вот Злосчастье с Нищетой друг за дружкой побрели по дороге, которая вела в рай.

Они дошли до красивого дворца. Дядюшка Злосчастье понял, что это и есть рай, и постучался.

— Кто там? — спросил изнутри чей-то голос. Дверь приоткрылась, и высунулась голова святого Петра.

— А, это ты, Злосчастье? Проходи-ка дальше. Ты не хотел просить о рае, как я тебе советовал, тем хуже для тебя.

Как ни просил, как ни умолял дядюшка Злосчастье, дверь захлопнулась.

— Пойдем, Нищета, может, нам больше посчастливится в том большом кирпичном доме, который виден отсюда.

Ницета побежала вперед, дядюшка Злосчастье пошел за нею.

Подошли к двери чистилища,

«Тук, тук, тук».

Дверь открыл ангел.

— Кто ты такой?

— Я дядюшка Злосчастье и хотел бы получить здесь местечко.

— А в раю ты уже был?

— Я только что оттуда, но святой Петр не захотел меня принять.

— погоди минутку. Я посмотрю, записано ли в моей большой книге твое имя.

Ангел листал, листал книгу, но ничего не нашел.

— Бедный дядюшка Злосчастье, придется тебе просить место в аду. По этой дороге первый поворот налево.

Дверь захлопнулась, и дядюшка Злосчастье уныло побрел к дверям ада.

Открыл сам дьявол. Узнав дядюшку Злосчастье, он закричал:

— А, это снова ты? Проваливай-ка отсюда поскорее! Чего доброго, ты и здесь возьмешься за свои шуточки, а мне они не по вкусу. Скатертью дорога!

Изгнанный из рая, чистилища и ада, дядюшка Злосчастье вернулся на землю и живет там по сей день.

Многие встречали дядюшку Злосчастье с его собакой Ницетой, и многим он еще повстречается.

47. СКАЗКА ПРО МАЛЬЧИКА С САПОЖОК

или когда-то на свете муж и жена. Они были женаты уже пятнадцать лет, но детей у них не было. Муж и жена постоянно твердили:

— Боже, дай нам сына, мы ничего больше не просим, только одного сына, хотя бы он был не выше сапога.

И в конце концов бог дал им то, чего они просили. Через пятнадцать лет и девять месяцев жена родила мальчика длиною в пол-аршина, и он ни на вершок не вырос больше. Поэтому родители называли его Сапожок.

Пришло время Сапожку зарабатывать кусок хлеба. Но было мальчика умнее и проворней его, но ни один хозяин не хотел брать в работники такого коротышку. Наконец Сапожка нанял пасти коров один фермер, злой как черт и скупой как ростовщик. Черствый хлеб да постный суп, вместо постели — солома, частые побои и ни гроша жалованья — вот что получал за работу бедный пастушок.

Но он все же был полон надежд и думал про себя:

«Терпение! После дождика выглянет солнце».

Раз Сапожок стерег коров, лежа под ивой на берегу реки Жер. На другом берегу реки он увидел старуху ростом вдвое меньше его самого, черную как сажа, древнюю как дорога.

— Пастух, == крикнула старушонка, == пооди сюда и перенеси меня через реку.

— Охотно, бабушка.

Сапожок разделся. К счастью, дело было осенью, после жатвы. Река так обмелела, что даже коротышке пастуху вода была по пояс.

— Ну, вот вы и на этом берегу, бабушка.

— Спасибо, пастух. Долг платежом красен — вот тебе дудка, не расставайся с ней ни днем, ни ночью. Стоит тебе только приложить ее к губам, и все, кто услышит ее, люди и звери, запляшут против воли и будут плясать до тех пор, пока ты не перестанешь играть.

— Спасибо, бабушка.

Старушонка ушла, а Сапожок приложил к губам дудку и заиграл. В тот же миг быки, коровы, телята пустились в пляс и скакали до тех пор, пока пастух не перестал играть.

Вскоре проходил мимо мировой судья, человек горячий и злой как сто чертей в аду. Когда он поравнялся с зарослями терновника и колючей ежевики, пастух снял шапку.

— Здравствуйте, господин мировой судья.

Судья прошел мимо и ничего не ответил, даже не догнул до шляпы.

— Господин судья, я с вами вежливо здороваюсь. Вы могли бы ответить тем же.

Судья взмахнул палкой.

Тогда Сапожок поднес к губам свою дудочку. И в тот же миг судье волей-неволей пришлось пуститься в пляс. Он танцевал, танцевал в густой чаще черного терновника

и ежевики, рвавших его платье и тело, танцевал до тех пор, пока крошка пастух не перестал дуть в свою дудку.

Сапожок со стадом вернулся на мызу. В этот день хозяин и его семья пировали на славу: к обеду был суп с капустой, гусиные лапки, жареная индейка, сыр и доброе вино.

— Хозяин, не дадите ли вы и мне попробовать этих вкусных вещей?

— Ишь какой лакомка! Проваливай! Для тебя и заплесневелые корки слишком хороши. Убирайся прочь, не то я тебе задам трепку!

Тогда Сапожок заиграл на дудочке. Тотчас хозяин и его семья против воли пустились в пляс. Они плясали, плясали среди опрокинутых скамей и стульев, среди разбитых тарелок, блюд и бутылок, которые в кровь ранили им ноги. Плясали да плясали, пока малыш не перестал играть.

После этого Сапожок воротился к родителям, а мировой судья и фермер подали на него в суд.

И вот три дня спустя пастуха приговорили к повешению.

Когда судьи в красных мантиях, священник, палач и его помощники вели Сапожка на виселицу, он поглядывал на мирового судью и фермера, стоявших в толке, и помирал со смеху.

Палач надел петлю на шею Сапожка.

Но Сапожок поднес к губам свою дудочку. И тотчас же судьи в красных мантиях, священник, палач, его помощники — все против воли пустились в пляс. Они скакали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, когда падали на землю. Они плясали, пока коротышке пастуху не заблагорассудилось прекратить игру.

— Ну, что, добрые люди, вы все-таки хотите меня повесить?

— Нет, Сапожок, ступай себе, куда хочешь. Тебя никто не тронет.

— Добрые люди, мне этого мало. Я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были сейчас же повешены!

— Сапожок, это не в нашей власти.

Тогда Сапожок взялся за дудку, и судьям в красном, священнику, палачу, его помощникам опять пришлось пуститься в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, падали на землю и чуть не переломали себе руки и ноги.

Плясали до тех пор, пока Сапожок не перестал играть.

— Добрые люди, я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были повешены без всякой жалости. Ну, как, это все еще не в вашей власти?

— Хорошо, Сапожок, мы согласны. Палач, делай свое дело.

Палач и его помощники вздернули на виселицу судью и фермера.

— А теперь, добрые люди, за то, что вы меня так обидели, отсчитайте мне по тысяче пистолей каждый.

— Сапожок, это нам не по карману.

Тогда Сапожок поднес к губам дудку. И судьи, священник, палач, его помощники — все пустились в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, как падали обратно на землю. Плясали, пока малыш не перестал играть.

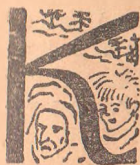
— Добрые люди, за нанесенную мне обиду отсчитайте мне по сто пистолей каждый. А это вам по карману?

— Да, Сапожок. Но у нас нет при себе денег.

— Так пошлите кого-нибудь за ними. А не то смотрите, как бы дудка не заиграла опять!

Сказано — сделано. После этого Сапожок, нагруженный золотом, воротился к отцу с матерью, и они жили долго и счастливо.

48. СЫН ДЬЯВОЛА

Когда-то один богатч отправился на ярмарку. Дорогой ему повстречался красиво одетый господин. Это был сам дьявол.

— Что-то вы печальны, — сказал дьявол богатчу.

— О чем мне печалиться? — ответил богатч. — Ведь у меня есть все, что мне нужно.

— Это верно, но если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее.

— И это правда, — сказал богатч.

— Так вот, — продолжал дьявол, — ровно через девять месяцев, день в день, у вас родится двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне.

— Обещаю, — сказал богатч.

Спустя девять месяцев, день в день, жена богатча

родила двух мальчиков, Жана и Жака. В скором времени дьявол пришел и забрал одного из них — Жака. Он увел его к себе и вырастил словно собственнoго сына. Мальчик стал большим и сильным, в тринадцать лет у него была борода как у сапера.

Дьявол держал прядильню. Как-то раз он сказал Жаку: — Мне нужно уйти, в мое отсутствие ты присмотришь за пряжами. Гляди хорошенько, чтобы они исправно работали.

— Хорошо, отец.

Присматривая за пряжами, Жак решил заодно побриться. Занимаясь этим делом, он увидел в зеркальце, что одна из пряж за его спиной строит ему рожи. Он дал ей подзатыльник, и тотчас все пряжи, — а было их двадцать пять, — разом испустили дух.

Вскоре дьявол вернулся домой.

— Где пряжи? — спросил он. — Исправно ли работали?

— Они все улеглись — подите поглядите.

Дьявол попробовал было их растолкать; убедившись, что они мертвы, он стал корить сына.

— Не вздумай учинить это в другой раз, — сказал он ему.

— Хорошо, отец, больше не буду.

Дьявол привел двадцать пять женщин взамен тех, которые умерли, и потом сказал сыну:

— Мне надо отлучиться; смотри, чтобы пряжи не теряли времени даром.

— Хорошо, отец.

Пока дьявола не было дома, одна из пряж снова чем-то досадила парню. Он отпустил ей затрепину, и все двадцать пять женщин разом упали мертвыми.

Когда после этого Жак вышел погулять в сад, он увидел красивую даму в белом. Она подозвала его и сказала:

— Дружок, ты в недобром доме.

— Как, — воскликнул парень, — неужели дом моего отца недобрый?

— Ты не у отца живешь, — продолжала дама, — а у дьявола. Настоящий твой отец — один богач, он живет далеко отсюда. Однажды, когда он шел на ярмарку, навстречу ему попался дьявол, который сказал ему, что он о чем-то печалится. Твой отец ответил, что ему не о чем печалиться, но дьявол все не унимался и сказал: «Если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее.

Так вот, через девять месяцев, день в день, у вас родятся двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне». Твой отец согласился и дьявол забрал тебя к себе. А теперь, дружок, постарайся уйти отсюда как можно скорее. Но прежде поищи у дьявола под подушкой. Там ты найдешь старые черные штаны, захвати их с собой. Чем больше денег ты вынешь из кармана этих штанов, тем больше денег там останется.

Жак сказал даме, что последует ее совету, и вернулся в дом.

А дьявол по возвращении увидел, что все женщины опять мертвы. Он сильно разгневался.

— Если ты еще раз поделаешь это, — сказал он, — и тебя выгоню из дому.

А Жаку только того и нужно было. Поэтому, как только дьявол снова поручил ему присмотреть за пряжами, он одним махом умертвил их всех. На этот раз дьявол его прогнал.

Жак забрал черные штаны и напрямик пошел к своим родителям. Сначала его там не узнали, но он все-таки походил на своего брата, и с ним вскоре стали обращаться как с родным сыном. Однако отцу не пришлось долго радоваться, что у него в доме объявился такой силач.

Родители Жака, хотя и были богаты, все же сами ходили за плугом; поэтому брат однажды взял его с собой в поле. Пока они пахали, одна из лошадей заупрямилась.

— Хлестни-ка ее кнутом, — крикнул Жан.

Жак так хватил лошадь кнутом, что раскроил ее надвое. Жан побежал домой рассказать отцу, что случилось.

— Ничего не поделаешь! — сказал отец. — Оставь его в покое, не то он всех нас убьет.

Скоро силач вернулся домой. Плуг он нес на плечах, а в каждом кармане у него было по пол-лошади: он кнутовищем вспахал все поле.

— Отец, — сказал он, — я хлестнул лошадь кнутом, а она развалилась пополам.

— Ничего, сынок, купим другую.

Немного времени спустя в соседней деревне справляли праздник. Брат предложил пойти туда. Жак согласился. Жан шел впереди со своей невестой, а Жак позади. Они дошли до площади, где крестьяне танцевали. Жак, ни слова не говоря, смотрел на танцующих, пока кому-то из них не вздумалось потехи ради подставить ему ножку.

— Берегись, — сказал шутнику Жан, — он одним щелчком может тебя уложить на месте.

— Не боюсь я ни тебя, ни твоего брата, — ответил тот и повторил свою шутку.

Тогда силач велел брату и его невесте отойти в сторону, поближе к музыкантам, а сам так ударил озорника, что все танцующие разом упали мертвыми. Жан опрометью убежал, забыв о невесте, а Жак отвел девушку к ее родителям. Дойдя до их дома, он спросил ее:

— Вы здесь живете?

— Да, — ответила девушка.

— Вот и хорошо! Ступайте домой.

Он ее оставил и пошел восвояси.

Дома Жан уже рассказал все, что произошло.

— Придут жандармы, — говорил он, — нашу семью ославят по всей округе.

А силач, придя домой, запер все двери на крюки и засовы и сказал родителям:

— Если жандармы придут за мной, скажите, что меня нет дома.

И в самом деле, около часу ночи пришли двадцать пять жандармов; им открыли гумно и всех их впустили туда. Как только силач их увидел, он взял вилы и хватил ими того, кто шел впереди всех, — двадцать четыре жандарма тотчас упали мертвыми, а двадцать пятый убежал со всех ног, чтобы известить начальство. Однако дело на том и остановилось.

На другой день вербовщики с барабанным боем прошли по деревне: они объявили, что все записавшиеся в солдаты будут получать щедрую плату. Жак сказал родителям:

— Мне охота пойти служить.

— Сынок, — молвил отец, — мы достаточно богаты, чтобы тебя прокормить, не нужно тебе это.

— Отец, — сказал сын, — я сам вижу, что и впредь буду вам причинять одни только неприятности; уж лучше я уйду из дому. — И вот он ушел и поступил на военную службу.

Как-то раз полковник дал Жаку и еще двум солдатам записку, по которой нужно было получить говядину, — они должны были принести по пятнадцать фунтов каждый. Все трое пошли к мяснику, и тот отпустил им говядину.

— Как, — сказал Жак, — это все? Да я один съел бы эту порцию. Живо зарежьте нам трех быков!

— На это, дружище, нужны деньги.

Тогда Жак сунул руку в карман черных штанов, а так как считать он не умел, то стал полными пригоршнями кидать деньги на прилавок. Мясник собрал деньги и зарезал трех быков.

— Теперь, — сказал силач товарищам, — мы понесем каждый по быку.

При этих словах солдаты переглянулись.

— Если вам это трудно, — сказал силач, — я и без вас обойдусь. — Он попросил у мясника веревку, обвязал ею всех трех быков и взвалил их себе на плечи. На улице все прохожие останавливались и смотрели на него с изумлением. Полковник тоже не верил своим глазам. На другой день Жака послали за вином, он принес три бочонка сразу: обвязал их веревкой и взвалил себе на спину.

Все это пришлось не по вкусу полковнику, — он рад был бы избавиться от такого силача солдата. Чтобы отбить у него охоту к военной службе, он послал его в чистое поле караулить пушку, такую тяжелую, что тридцать лошадей не в силах были сдвинуть ее с места, и велел ему всю ночь напролет стоять на часах. Парню это занятие скоро прискучило, он лег на землю и заснул. Через час он проснулся, взвалил пушку себе на спину и отнес ее во двор дома, где жил полковник. Двор был мощный. Когда он поставил пушку наземь, она пробила мостовую. Юноша закричал:

— Полковник, вот ваша пушка! Теперь вам уж нечего бояться, что ее украдут.

Жака записали в солдаты на восемь лет; но он был простак и думал, что ему нужно прослужить только восемь дней. Когда восемь дней миновали, он пошел к полковнику и спросил, не кончился ли уже срок его службы.

— Да, почтенный, — сказал полковник, — ты уже отслужил свой срок.

Получив такой ответ, Жак распроцался с полком и пошел наниматься к одному крестьянину. Дома была только хозяйка; юноша спросил ее, не нужен ли им работник. Она ответила:

— Муж как раз ушел искать работника, подожди, пока он придет.

Немного погодя крестьянин вернулся; ему никого не удалось найти, и парень сказал, что готов остаться у них в услужении: жалованья ему, мол, не нужно, а пусть, когда он отслужит год, хозяева дадут ему столько зерна, сколько он в силах будет взвалить себе на спину. Крестьянин посоветовался с женой.

— Спору нет, — говорили они между собой, — парень рослый, дюжий, но больше пятнадцати буассо ему ведь никак не унести.

Ударили по рукам. Крестьянин показал ему свои поля и велел их вспахать. В плуг были запряжены две тощие лошаденки. Боясь, как бы даже легкий удар кнута не рассек их пополам, силач расстелил на землю свою куртку, положил на нее обеих лошадей, а сам впрягся в плуг. Жена крестьянина выглянула в окно и сказала мужу:

— Погляди-ка, новый работник сам на себе пашет. Нам не под силу будет его оплатить: все наше зерно уйдет на то, чтобы с ним рассчитаться. Как бы только от него отделаться!

Жак кончил пахать, сунул в каждый карман по лошади и вернулся домой. Хозяин и хозяйка притворились, будто очень ему рады.

— Почему ты не пришел обедать? — спросили они его.

— Я хотел сначала кончить работу, — отвечал парень. — Все ваши поля распаханы.

— Ладно, — сказал крестьянин, — остаток дня можешь отдыхать.

Силач сел ужинать; он охотно съел бы один все, что подали на стол, но ему пришлось довольствоваться своей долей.

На другой день хозяин, решив его погубить, велел ему свезти зерно на одну мельницу, откуда никогда еще никто не возвращался. Жак отправился в путь, весело посвистывая. Придя на мельницу, он увидел двенадцать дьяволов, которые пустились наутек, как только он приблизился.

— Ладно, — сказал он, — придется, видно, мне самому молотить зерно.

Он стал звать дьяволов, но чем громче он их звал, тем быстрее они бежали. Он принялся сам молотить зерно, а когда справился с этим делом, велел хозяйской лошади, которую привел с собой, воротиться восвояси. Увидя

лошадь одну, без работника, хозяйка обрадовалась было: она подумала, что парень уже не появится больше. Но он вскоре вернулся, волоча за собой мельницу и мельничный ручей. Притащив их к хозяйскому дому, он сказал:

— Теперь мне будет удобнее, не придется так далеко ходить на помол.

— Господи боже, — сказали хозяин и хозяйка, — какой ты силач!

Они делали вид, что очень довольны, а на самом деле очень досадовали.

Как-то раз хозяин сказал Жаку:

— Мне нужны камни — сходи за ними вон туда, в каменоломню.

Силач взял кирку и все нужное для обтески камня и спустился в каменоломню, а была она глубиной в добрых сто футов; никто не отваживался туда спускаться, потому что со стен все время обваливались увесистые камни. Он принялся откалывать огромные глыбы и со всего размаху кидал их через плечо, да так далеко, что они падали на дома и пробивали крыши. Вскоре прибежал хозяин и стал кричать:

— Довольно! Довольно! Поостерегись! Ведь глыбы, которые ты кидаешь, разрушают дома.

— Ну, вот еще, — сказал простак, — эти-то камешки!

Не зная, что ему делать, крестьянин послал Жака с письмом к своему брату, служившему тюремщиком, и велел ему дожждаться ответа. Прочтя письмо, тюремщик заковал Жака в цепи и запер его в тюрьму, а тот не сопротивлялся, думая, что таков в этом краю обычай и что здесь-то люди и ждут ответа.

Но наконец ему прискучило ждать: он разорвал цепи, потянулся хорошенько и так ударил в дверь ногой, что дверь взлетела на крышу. После этого он пошел к тюремщику и спросил:

— Ну как? Где же ответ?

— Верно, — сказал тюремщик, — я было совсем запятовал. Подожди минутку.

Тюремщик написал брату, чтобы тот отделался от силача как сумеет, а сам он за это не берется. Жак положил письмо в карман и отправился в путь, но, спохватившись, забрал с собой тюрьму с тюремщиком вместе и поставил ее возле хозяйского дома.

— Теперь, — сказал хозяину парень, — вы сможете часто видаться с братом. — И прибавил: — А не отслужил ли я уже год?

— Так оно и есть, — ответил хозяин, — год как раз кончился.

— Тогда дайте мне зерна, сколько я себе выговорил.

При этих словах муж и жена начали плакать и причитать.

— Вовек, — говорили они, — нам не раздобыть столько зерна, сколько тебе пужно, собери мы все запасы, какие есть в деревне.

Силач сначала прикинулся, что требует уплаты, но наконец сказал, что не хочет их обидеть, и, пошарив в кармане черных штанов, даже дал им денег.

Уйдя от крестьянина, он пошел куда глаза глядят и дошел до берега моря; там он сел на первый попавшийся корабль. Но один из матросов, узнав, что у него есть штаны, в карманах которых не переводятся деньги, зарезал его, когда он спал, и похитил штаны. Матроса я нынче видал, он в этих самых штанах гулял.

49. СКАЗКА О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХ-БАРАШКАХ И ИХ СЕСТРЕ

или когда-то девять братьев и их сестра — круглые сироты. Они были богаты и жили в старом замке посреди леса. Когда сеньер, их отец, умер, то сестра, по имени Левенес, самая старшая из всех, взяла хозяйство в свои руки. Братья обо всем с ней советовались и слушались ее, как если бы она была им матерью. Они часто отправлялись на охоту в соседний лес, где водилось много всякой дичи.

Однажды, преследуя косулю, они вдруг очутились у шалаша, сделанного из веток и комьев земли. Они этого шалаша раньше не видали. Им очень захотелось узнать, кто там живет, поэтому они вошли туда, под предлогом, будто их мучит жажда и они охотно попили бы водицы. В шалаше они увидели старуху, у которой зубы были такие же длинные, как руки, а язык девять раз обвивался вокруг туловища.

Они ужасно перепугались и хотели было убежать, но старуха сказала им:

— Чего вы хотите, детки? Подойдите поближе, не надо меня бояться: я очень люблю детей, особенно когда они такие милые и умненькие, как вы.

— Нам хочется пить, бабушка; не дадите ли вы нам водицы? — сказал самый старший, которого звали Гульвен.

— Хорошо, детки, я угощу вас чистой студеной водой, и ее нынче утром принесла со своего родника. Да подойдите же, не бойтесь, милые мои крошки.

Старуха дала им воды в деревянной мисочке, и пока они пили, она их ласкала, перебирая длинными своими руками их золотистые кудрявые волосы; когда же дети стали собираться в путь, она им сказала:

— Теперь, дети мои, надо расплатиться за ту маленькую услугу, которую я вам оказала.

— У нас нет при себе денег, бабушка, — ответили дети, — но мы попросим сестру дать нам сколько нужно и завтра принесем их вам.

— О, я в деньгах не нуждаюсь, детки, я хочу только, чтобы один из вас — хотя бы самый старший, остальные очень уж малы — женился на мне.

И, обратясь к Гульвену, старуха спросила:

— Хочешь взять меня в жены, Гульвен?

Бедный мальчик не знал, что ответить на такой странный вопрос.

— Да отвечай же! Хочешь, чтобы я была милой твоей жепушкой? — еще раз спросила страшная старуха, целуя его.

— Не знаю, — отвечал Гульвен, совсем опешив. — Я спрошу сестру.

— Хорошо! Завтра утром я сама приду в замок за ответом.

Несчастные дети вернулись домой опечаленные, дрожа от испуга, и рассказали сестре все, что с ними случилось.

— Неужели, сестрица, мне надо жениться на этой страшной старухе? — плача, спросил Гульвен.

— Нет, братец, ты на ней не женишься, — ответила Левенес. — Я знаю, нам всем придется немало от нее пострадать, но мы вытерпим все, что бы ни случилось, и не оставим тебя.

На другой день волшебница, как она и обещала накануне, пришла в замок. Она нашла Левенес со всеми братьями в саду.

— Вы, наверно, знаете, зачем я пришла? — сказала старуха.

— Да, братец мне все рассказал, — ответила девушка.

— И вы согласны, чтобы я стала вашей невесткой?

— Нет, это невозможно.

— Как так невозможно? Да разве вы не знаете, кто я и какова моя власть?

— Я знаю, что вы можете причинить мне и моим братьям много зла, но вы никогда не заставите меня согласиться на то, о чем вы просите.

— Подумайте хорошенько и поскорее, пока не поздно, откажитесь от вашего безрассудного решения, не то горе вам! — в ярости вскричала волшебница, и глаза у нее запылали словно раскаленные уголья.

Девять братьев задрожали от ужаса, но Левенес спокойно и твердо ответила на угрозы старухи:

— Я обо всем подумала. И как я сказала, так оно и останется.

Тогда старуха, разъярившись, протянула к замку палочку, которую держала в руках, произнесла заклинание, и замок со страшным гулом рухнул. От него камня на камне не осталось. Потом старуха направила волшебную палочку на девятерых братьев, которые в ужасе пытались спрятаться за сестру, произнесла свое заклинание, и все девять братьев тотчас превратились в белых барашков. После этого она сказала Левенес:

— А теперь можешь пасти своих барашков на пустоши и смотри никому не проговоришь о том, что эти барашки твои братья, не то с тобой случится то же, что с ними.

Затем старуха ушла, злобно хохоча.

Прекрасные сады, окружавшие замок, и дремучий лес по соседству с ним в один миг превратились в обширную, унылую, бесплодную пустошь.

Оставшись одна-одинешенька с девятью своими белыми барашками, бедняжка Левенес пасла их, ни на минуту не сводя с них глаз. Она разыскивала для них на пустоши пучки сочной травы, которую они ели из ее рук, играла с ними, ласкала их, расчесывала им шерсть, разговаривала с ними, словно они могли понять ее речь. Ба-

рашки и в самом деле как будто ее понимали. Один из них выдавался ростом среди других — то был Гульвен, самый старший из братьев.

Левенес построила из камней, комьев земли, мха и сухой травы убежище наподобие шалаша, куда она по ночам и в ненастье забиралась со своими барашками; в хорошую погоду она бегала и резвилась на солнце вместе с ними, пела им песни или читала вслух молитвы, а они внимательно слушали, расположившись вокруг нее. У Левенес был прекрасный голос, чистый и звонкий.

Как-то раз молодой сеньер, охотившийся в том краю, с изумлением услышал в этой безлюдной местности чудесное пение.

Он остановился, прислушался и пошел в ту сторону, откуда доносилось пение; вскоре он увидел перед собой красивую девушку с девятью белыми барашками, которые, видно, очень ее любили. Он стал ее расспрашивать и так сильно был поражен ее кротостью, умом и красотой, что захотел увезти ее в свой замок и барашков с нею вместе. Она отказалась. Но молодой сеньер уже ни о ком, кроме прекрасной пастушки, не помышлял, и каждый день под предлогом охоты являлся на унылую пустошь, чтобы видеть девушку и беседовать с ней. В конце концов он увез ее в свой замок, и они обвенчались; по этому случаю были устроены пышные празднества и блестящие пиры.

Барашков поместили в прилегавшем к замку саду, и Левенес проводила почти весь день, играя с ними, лаская, украшая их гирляндами цветов; а они, казалось, были ей благодарны за ее заботу о них. Муж Левенес дивился их понятливости и не раз спрашивал себя, действительно ли это обыкновенные барашки.

Левенес забеременела. Одна из ее прислужниц была возлюбленной работавшего в замке садовника. Она в ту пору тоже была беременна, но ее госпожа ничего не знала об этом; не знала она и того, что прислужница — дочь той самой старухи, которая превратила братьев Левенес в барашков.

Однажды, когда Левенес, желая заглянуть в глубь колодца, перевесилась через закраину, прислужница схватила ее за ноги и столкнула в колодец. Потом она побежала в спальню своей госпожи, легла в ее постель,

спустила занавески на окнах и полог кровати и сделала вид, будто занемогла и вот-вот родит.

Сеньера в ту пору не было дома. Вернувшись в замок и не найдя своей супруги в саду среди ее барашков, он поспешил к ней в спальню.

— Что с вами, сокровище мое? — спросил он, думая, что в постели лежит его жена.

— Я очень больна, — ответила злодейка.

Но когда сеньер захотел раздвинуть полог, она сказала:

— Прошу вас, оставьте полог, как он есть, свет для меня пестершим.

— Почему вы здесь одна? Где ваша прислужница?

— Не знаю. Я целый день не видала ее.

Сеньер пошел разыскивать прислужницу. Не найдя ее ни в замке, ни в саду, он вернулся к жене и сказал:

— Не знаю, куда ваша прислужница могла деться, я нигде ее не нахожу. Вам что-нибудь нужно? Быть может, вам хочется есть?

— О да! Я очень голодна!

— Что вам дать покушать?

— Я хочу кусочек мяса того большого белого барашка, что пасется в саду.

— Какое удивительное желание! Ведь вы так любили ваших барашков, а того, большого, сильнее всех!

— Только это может облегчить мои жестокие страдания! Но смотрите не ошибитесь. Мне нужно мясо только большого белого барашка, и больше никакого.

Сеньер спустился в сад, велел садовнику изловить большого белого барашка, немедленно его зарезать и зажарить на вертеле.

Садовник, бывший заодно с прислужницей, тотчас погнался за белым барашком. Но барашек, жалобно бляя, так проворно бегал вокруг колодца, что его никак не поймать было.

Сеньер подошел к колодцу, чтобы помочь садовнику, и немало удивился, услышав горестные вздохи и стоны, откуда доносившиеся.

Сеньер перевесился через закраину колодца и спросил:

— Кто там? Неужели в колодце кто-то есть?

И хорошо знакомый ему голос жалобно ответил:

— Да, здесь я, ваша супруга Левенес.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, сеньер поскорее спустил в колодец бадью и вытащил свою супругу. Бедняжка Левенес так сильно напугалась, что тотчас решилась от бремени сыном, прекрасным как ясный день.

— Надо сию же минуту окрестить дитя, — сказала она своему супругу. — Мне безразлично, кто будет крестной матерью, но я хочу, чтобы крестным отцом был мой большой белый барашек.

— Как, вы хотите, чтобы крестным отцом вашего сына был баран?

— Повторяю вам, я так хочу; послушайте меня и ни о чем не тревожьтесь.

Чтобы не огорчить молодую мать и не повредить ее здоровью, супруг Левенес хотя и с неохотой, но согласился на то, чтобы крестным отцом его ребенка был большой белый барашек.

Отправились в церковь. Впереди всех, рядом с отцом поворожденного и крестной матерью, молодой, прекрасной принцессой, гордо выступал белый барашек. За ним шли все его восемь братьев.

К великому изумлению жителей деревни весь этот кортеж вступил в церковь. Сеньер передал ребенка священнику. Тот взглянул на крестную мать, а затем, не видя рядом с ней никого, спросил:

— А где же крестный отец?

— Вот он, — ответил сеньер, указывая на белого барашка.

— Как? Крестным отцом будет барашек?

— Да, барашек. Но пусть это вас не смущает: крестите, не бойтесь ничего.

Священник не стал прекословить — и приготовился окрестить ребенка. Барашек поднялся на задние ноги, затем с помощью кумы осторожно взял ребенка передними, и все обошлось как нельзя лучше.

А как только кортеж вышел из церкви, белый барашек и все его братья превратились в прекрасных юношей. Ведь белый барашек был не кто иной, как Гульвен, старший из братьев. Он рассказал, как старая волшебница в отместку за то, что он отказался на ней жениться, обратила его самого и его братьев в барашков. Его сестра, мать новорожденного, которая своими глазами видела это превращение, не могла и слова проронить о нем, потому что тогда и с ней приключилось бы то же самое;

но теперь злые чары рассеялись, волшебница была уже не властна над девятью братьями.

Затем Гульвен рассказал, как старухина дочь, прислужница Левенес, хотела погубить свою госпожу.

Кортеж вернулся в замок, и сеньер решил всех наградить по заслугам. Он велел разыскать старую волшебницу в дремучем лесу, где она жила. Ее привели в замок, и она, ее дочь и садовник были наказаны лютой казнью: всех их четвертовали, а их трупы сожгли на костре.

А Гульвен и Левенес зажили мирно и счастливо; у каждого из них, говорят, было множество детей.

50. КАК ОСЕЛ ПРОГЛОТИЛ ЛУНУ

а север от монтастриюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье.

Раз вечером, часов в шесть, — а дело было в мертвом месяце,¹ — взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменялся и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал прочь от пруда, крича:

— Господи помилуй! Господи помилуй! Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастриюка,

— Чего ты так раскричался?

— Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

Монтастриюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завонили:

— Его осел проглотил луну! Его осел проглотил луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

— Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

— Осел! Это ты проглотил луну?

¹ Мертвым месяцем гасконцы называют декабрь.

Осел поднял хвост и заорал.

— Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы теперь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь и темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

— Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен. Через десять минут осла повесили на дереве.

Но тут один из судей спохватился:

— Друзья, — сказал он, — мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умиловить, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того, в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано — сделано. Двенадцать молодых монтастриюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи — курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча словно бешеные. Монтастриюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастриюк. В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастриюкские судьи вздохнули с облегчением.

— Рамьерские волки оказали нам громадную услугу, — говорили они. — Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами повесили эту скотину. Ну, а что касается луны, которую осел проглотил, — она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе,

ьеро, Жанно и Клодо были братья, сыновья бедной вдовы. Став взрослыми, они увидели, что дома им делать нечего, и решили искать счастья на чужбине.

Они все вместе отправились в путь и, дойдя до перекрестка, распрощались со словами: «Через год встретимся здесь снова».

Идя своим путем, Клодо дошел до деревни и остановился возле булочной.

— Эй, приятель, — сказал ему булочник, — сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да, — ответил Клодо, — только мне нечем платить за учење.

— Это неважно, — сказал булочник. — Поступай ко мне работать, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Жанно — тот проходил мимо слесарной мастерской и остановился у двери.

— Дружище, — сказал ему слесарь, — сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да, — ответил Жанно, — только у меня нет денег на учење.

— Это неважно, — сказал слесарь. — Поступай ко мне, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Пьеро — тот повстречал шайку воров. Они закричали:

— Кошелек или жизнь!

— Эге-ге! — сказал Пьеро. — Да ведь я сам того же требую!

— А если так, — сказали ему воры, — не хочешь ли войти с нами в компанию?

— Охотно! — ответил Пьеро.

Воры немедленно подвергли его испытанию.

— Сейчас, — сказали они ему, — по дороге проедет карета, а в ней знатный господин, ты крикнешь ему: «Кошелек или жизнь!»

Пьеро спрятался у самой дороги; когда карета поравнялась с ним, он выскочил и закричал:

— Кошелек или жизнь!

Знатный господин поспешно кинул ему кошелек. Карета умчалась. Пьеро подобрал кошелек.

«Но ведь, — сказал он себе, — они не деньги велели мне взять, а кошелек».

Рассудив так, он отдал своим товарищам пустой кошелек.

— Больше мы тебя не пошлем воровать, — сказали они, — ты будешь для нас стряпать.

Спустя год воры, достаточно награбив, разделили между собой добычу; на долю Пьеро пришелся увесистый мешок золота. Он пошел на перекресток, где условился встретиться с братьями. Жанно и Клодо уже ждали его там. Вот они отправились все втроем к старухе матери. Как только они пришли, она их спросила:

— Ну как, детки? Что вы делали с того времени, как ушли из дому?

— Я стал булочником, — сказал Клодо.

— А я слесарем, — сказал Жанно.

— А я угольщиком, — сказал Пьеро.

— А что, хорош твой уголь? — спросила мать.

— Послушайте, матушка, — молвил Пьеро, — я вам что-то скажу, но смотрите — никому об этом не рассказывайте. Я не угольщик, я вор. Но только помните: никому не проговоритесь!

— Нет, нет, Пьеро, будь спокоен.

Зашла соседка.

— Что ж, Марион, — сказала она старухе (а та была женщина болтливая, вроде меня), — вот ваши сыновья и вернулись домой все трое. Что они теперь делают?

— Клодо стал булочником, — ответила старуха, — Жанно слесарем, а Пьеро... тот...

— Вам, видно, никак не вспомнить, Марион, кем же стал ваш Пьеро?

— Он стал вором; только смотрите никому не проговоритесь об этом.

Но соседка так усердно болтала о диковинной новости, что слух вскоре дошел до сеньера. Он потребовал к себе Марион и сказал ей:

— Чем занимается ваш Пьеро?

— Ваша светлость, он угольщик.

— Я слышал, его уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, не лучше, чем у других.

Сеньер потребовал к себе Пьеро.

— Здравствуй, Пьеро. Чем ты теперь занимаешься?

— Я угольщик, ваша светлость.

— Говорят, твой уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, такой же, как у других.

— Между нами говоря, Пьеро, ты вор, — сказал сеньер. — Я хочу испытать твое умение: приказываю тебе украсть коня, который стоит у меня на конюшне под охраной двенадцати моих слуг. Если завтра к девяти часам утра ты этого не выполнишь, я велю тебя повесить.

— Ваша светлость, мне никак этого не сделать!

— Если не сделаешь, я тебя повешу.

Пьеро надел монашескую рясу и отправился на конюшню.

— Здравствуйте, добрые люди. Я пришел скоротать с вами вечер и помочь вам захватить мошенника, который собирается увести у вас коня. У меня есть для вас угощение.

Он напоил их отваром мака, от которого все они вскоре заснули мертвым сном. Тогда он обернул паклей копыта коня, чтобы они не стучали по камням, сел на него и умчался.

На другое утро сеньер пришел на конюшню. Не найдя там коня, он схватил хлыст и давай стегать своих слуг.

— Пьеро, — сказал сеньер, — ты ловкий вор. Теперь ты должен украсть шестерых волов, которых поведут на ярмарку двенадцать моих слуг.

— Ваша светлость, мне этого никак не сделать!

— Сумел же ты выкрасть коня из конюшни, теперь выкрадешь волов, или я прикажу тебя повесить.

Когда слуги сеньера повели волов по большой дороге на ярмарку, Пьеро забежал вперед, стал на голову и принялся дрыгать ногами и махать руками.

— Вот занятно! — сказал один из слуг. — Подойдем поближе, посмотрим!

— Нет, — ответил другой, — сеньер наказал нам хорошенько смотреть за волами.

Пьеро опять забежал вперед и снова начал проделывать те же штуки.

— Ах, — сказал один из слуг, — до чего занятно! Пойдем скорей, посмотрим; шестеро из нас пойдут, а шестеро останутся стеречь волов.

— Да что уж, — сказали остальные, — пойдем все вместе, ведь это в двух шагах.

Увидя, что волы остались без присмотра, Пьеро кружным путем добежал до них и увел всех.

— Пьеро, — сказал сеньер, — ты ловкий вор. Теперь вот какое дельце надо обделать: есть у меня дядюшка

священник, он всегда служит мессу в полночь; его надо уморить, а наследством я поделюсь с тобой.

— Ваша светлость, этого мне никак не сделать!

— Ведь сумел же ты украсть моего коня и шестерых полов; сделай все так, как я тебе велел, или я тебя повою.

Пьеро купил раков, положил их на тарелку, поставил ее на аналой, а сам спрятался. Когда старик священник пришел служить мессу, Пьеро крикнул ему из алтаря:

— Заплатите сначала вашей служанке Маргарите, потом суньте голову в мешок, который лежит у алтаря, и вы попадете прямо в рай. Разве вы не видите ангелов, которые протягивают вам руки?

Священник сунул голову в мешок. Пьеро тотчас схватил его и стал таскать вверх и вниз по лестнице, которая вела на колокольню.

— Ах, — говорил бедняга священник, — сколько мытарств нужно претерпеть, чтобы попасть в рай!

Когда старик уже еле дышал, Пьеро отнес его в курятник. Утром служанка священника Маргарита пришла туда задать птице корм.

— Цып-цып-цып!

— Да что это, Маргарита, — сказал бедняга священник, — ты, значит, тоже в раю?

— Хорош рай, нечего сказать, — ответила Маргарита, — да это же ваш курятник!

Священника уложили в постель. Через каких-нибудь три дня он умер, а сеньер поделился наследством с Пьеро.

52. КОРОЛЬ АНГЛИИ И ЕГО КРЕСТНИК

ил когда-то в Англии король, который до страсти любил охоту. В его землях для него не хватало дичи, и он отправился во Францию, где она водилась в изобилии.

Однажды он увидел на ветке прекрасную птицу неизвестной ему породы и потихоньку подкрался к ней. Но в ту минуту, когда он было схватил ее, птица вспорхнула и, перелетая с дерева на дерево, села на сучок яблони в саду постоянного двора. Король

хотел во что бы то ни стало поймать птицу, он вошел в сад, но его старания пропали даром — птица опять от него ускользнула и исчезла.

Проблуждав целый день по лесам и долам, король вечером пришел в деревушку, где ему пришлось заночевать. Он постучался в хижину к одному бедняку, который его принял так хорошо, как только мог. Бедняк рассказал, что его жена только что родила мальчика, но они не нашли для него крестного отца, потому что были бедны. По их просьбе король согласился быть крестным отцом ребенка и назвал его Эженом. Прежде чем уйти, король вынул из своего кошелька запечатанную бумагу, которую вручил родителям, сказав, чтобы они отдали ее сыну, как только ему исполнится семнадцать лет.

Когда ребенку минуло шесть лет, он сказал отцу:

— Ты часто рассказываешь мне о моей крестной матери, почему ты никогда не говоришь о моем крестном отце?

— Дитя мое, — молвил отец, — твой крестный — самый знатный человек, это король Англии. Он оставил тебе запечатанную бумагу, которую я должен тебе отдать, когда тебе исполнится семнадцать лет.

Мальчик стал ходить в школу, и учителю были присланы неизвестно откуда деньги на его обучение.

Наконец настал день, когда Эжену минуло семнадцать лет. Он встал рано утром и сказал отцу:

— Мне надо пойти к крестному.

Отец дал ему коня и тридцать шесть лиаров, и юноша попрощался с родителями; но прежде чем отправиться в путь, он зашел к своей крестной матери, которая понимала в колдовстве.

— Дружок, — сказала она ему, — если ты встретишь колченогого или горбатого, поверни назад.

Юноша обещал крестной выполнить ее совет и пустился в путь. Неподалеку от деревни ему повстречался колченогий. Он повернул коня. На следующий день ему повстречался горбун. Он опять вернулся.

«Завтра, — сказал он себе, — мне, быть может, повстрелится».

На третий день ему навстречу попался другой горбун. То был его школьный товарищ, по имени Адольф.

«На этот раз, — сказал себе Эжен, — я не ворочусь».

— Куда ты держишь путь? — спросил его горбун.

— Я направляюсь к своему крестному отцу, королю Англии.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Ладно.

Они вместе продолжали путь и, когда стемнело, завернули на постоянный двор. Эжен сказал конюху, что отправится дальше в четыре часа утра. А горбун немного погодя велел оседлать коня к трем часам и, как только пробило три, сел на него и ускакал.

Эжен сильно изумился, проснувшись и не найдя своего коня.

— Где же мой конь? — спросил он слугу.

— Ваш товарищ, — ответил слуга, — приходил от вас и сказал, чтобы коня оседлали к трем часам. Вот уже час, как он ускакал.

Эжен немедленно пустился в погоню за горбуном и настиг его в лесу, возле креста. Горбун остановился и сказал с угрозой:

— Если тебе дорога жизнь, поклянись перед этим крестом никому не говорить, что ты королевский крестник, разве что через три дня после твоей смерти.

Эжен поклялся, они продолжали путь и прибыли во дворец английского короля.

Король, принявший горбуна за своего крестника, встретил его с распростертыми объятиями. Его спутника он также встретил весьма ласково.

— Кто этот юноша? — спросил он горбуна.

— Это, крестный, — сказал горбун, — мой школьный товарищ, которого я взял с собой.

— Ты хорошо сделал, сынок, — сказал король. — Но я не смогу сдержать свое слово. Ты знаешь, я обещал отдать тебе в жены мою дочь, когда ты вырастешь, но ее у меня похитили. Вот уже одиннадцать лет, как по моему приказу ее разыскивают повсюду, на суше и на море, и все не могут найти.

Обоих юношей поселили во дворце, и Эжена все стали звать Адольфом. Вельможи и придворные дамы полюбили его, так как он был статен собой и умен, а горбуна все ненавидели. Только один король, все еще считавший его своим крестником, ласково с ним обращался. Но он также выказывал доброе расположение к его спутнику, а это злило горбуна.

Однажды горбун пришел к королю и сказал ему:

— Крестный, Адольф хвалится, что добудет у великана его мула.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто достанешь у великана его мула.

— Я, ваше величество? Да как я мог этим хвалиться? Я даже не знаю, где искать этого мула.

— Все равно! Если ты мне его не приведешь, тебя живьем сожгут на костре.

Прихватив с собой кое-какую еду, Адольф грустный отправился в путь. Пройдя некоторое расстояние, он повстречал старуху, которая попросила у него кусочек хлеба.

— Берите все, если хотите, — сказал Адольф, — мне не до еды.

— Ты грустен, дружок, — сказала ему старуха, — я знаю причину твоей печали: тебе велено достать мула у великана. Так вот, великан живет по ту сторону моря; у него есть дрозд, который поет так громко, что слышно от одного берега до другого. Как только ты услышишь его пение, — но смотри, не раньше, — переправляйся через море. А когда увидишь великана, говори с ним смело.

Юноша вскоре дошел до морского берега, но пения дрозда не было слышно. Он дождался, пока птица запела, и переправился через море. Великан тотчас появился и сказал ему:

— Что тебе здесь надо, тень от моих усов, ниль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим мулом.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Подай мне его.

— Так и быть, я его отдам тебе, но с условием, что когда-нибудь ты мне его вернешь.

Адольф взял мула, который пробегал сто миль за один миг, и вернулся во дворец.

Король был очень доволен, что снова видит Адольфа, и дал ему слово впредь его не обижать. Но вскоре горбун, прослышав о дрозде, пришел к королю и сказал:

— Крестный, Адольф хвалился, что может отнять у великана его дрозда, который так хорошо поет и чье пение так далеко разносится.

Король потребовал Адольфа к себе:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь достать у великана его дрозда.

— Я, ваше величество? Я этим не хвалился, да и как я мог бы его поймать?

— Все равно! Если ты мне его не принесешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф снова пошел на берег моря. Услышав пение дрозда, он тотчас переправился через море и поймал птицу.

— Что тебе здесь надо, — спросил его великан, — тень от моих усов, пыль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим дроздом.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Отдай его мне.

— Так и быть, я тебе его отдам, но с условием, что ты когда-нибудь мне его вернешь.

Когда Адольф возвратился во дворец, все придворные дамы пришли в восторг от пения дрозда, а король дал юноше слово впредь его не обижать.

Немного времени спустя горбун сказал королю:

— У великана есть большой фонарь, который освещает землю на сто лье вокруг. Адольф хвалился, что достанет этот фонарь и принесет сюда.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь добыть у великана его фонарь.

— Я, ваше величество? Как бы я мог это сделать?

— Все равно! Если ты мне не принесешь фонарь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф пустился в путь и вскоре дошел до морского берега. Дрозда, возвещавшего ему, когда можно перейти на ту сторону, уже не было там; однако он отважился на переправу и, достигнув другого берега, напрямик пошел к великану.

— Что тебе здесь надо, — спросил его великан, — тень от моих усов, пыль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим фонарем.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Отдай мне его.

— Так и быть, я тебе его дам, но с условием, что когда-нибудь ты мне его вернешь.

Юноша поблагодарил великана и пошел обратно. Неподалеку от королевского дворца он остановился, дождался наступления ночи и затем продолжал путь, высоко держа фонарь, освещавший все вокруг.

Обрадованный король еще раз дал Адольфу слово впредь его не обижать.

На некоторое время Адольфа оставили в покое, как вдруг горбун говорит королю:

— Адольф хвалился, что он знает, где ваша дочь, и что он мог бы разыскать ее и привезти домой.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, будто ты хвалился, что знаешь, где моя дочь, и можешь мне ее доставить.

— Ах, ваше величество, ведь по вашему приказу ее искали повсюду, на суше и на море, и не смогли нигде ее найти. Как же вы хотите, чтобы я, безвестный пришелец, справился с таким делом?

— Все равно! Если ты ее не привезешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф, очень опечаленный, отправился в путь. Ему повстречалась та самая старуха, которую он уже видал. Она ему сказала:

— Король хочет, чтобы ты нашел его дочь? Пойди опять к великану.

Адольф переправился через море и, придя к великану, спросил его, не знает ли он, где королевская дочь.

— Знаю, — ответил великан. — Она в замке королевы с серебряными ногами, но, чтобы ее освободить, надо немало потрудиться. Прежде всего попроси короля вернуть мне мула, дрозда и фонарь. Затем надо построить корабль в триста туазов длины, такой же ширины и в сто пятьдесят туазов вышины, на том корабле надо сделать комнату, а в той комнате — ткацкий стан. А самое главное — весь корабль должен быть построен без железа и меди; пусть король делает как знает.

Адольф передал королю то, что сказал великан. Тот час созвали мастеров и велели им построить корабль в триста туазов длины, такой же ширины и в сто пятьдесят туазов вышины, на этом корабле сделать комнату, а в той комнате — ткацкий стан, и нигде ни кусочка железа или меди. Корабль построили за двое суток. Но горбун подкупил одного из мастеров, и тот вставил в корабль железную скрепу.

Адольф явился с кораблем к великану. Тот сказал:

— Корабль крепили железом.

— Нет, — ответил Адольф, — железа здесь нет.

— Вот в этом месте есть железо, — сказал великан. — Верни корабль королю, пусть он позовет мастера с молотком и долотом, и вы увидите, что я прав.

Как только мастер приставил долото к указанному месту и стукнул по нему молотком, долото сломалось. Железную скрепу тотчас вынули, и когда Адольф снова явился с кораблем, великану уже не к чему было придраться.

— Теперь, — сказал великан, — надо погрузить на этот корабль триста караваев хлеба, триста фунтов говядины, триста мешков проса, триста фунтов льна, да еще поместить туда триста девиц.

Король велел разыскать их в городе Лондоне и окрестных местах. Когда триста дев были найдены, их посадили на корабль, погрузили также хлеб, говядину и все прочее, и тогда Адольф снова явился к великану. Тот оттолкнул корабль от берега, и корабль тотчас вынесло более чем на двести лье в море. Адольф стоял за рулем, под палубой триста дев пряли, а великан ткал.

Вдруг вдали показалась гора — черная-пречерная.

— Ах, — сказал Адольф, — вот мы и приехали!

— Нет, — сказал великан, — это королевство рыб. Скажи им, что ты французский принц и держишь путь в далекие края, иначе они тебя не пропустят.

— Ты зачем сюда явился? — спросили рыбы юношу.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Тогда Адольф стал крошить им хлеб в воду; рыбы все разом набросились на корм, и корабль тем временем прошел.

Не успел он далеко отплыть, как рыбий король сказал своим подданным:

— Мы поступили очень неучтиво — не поблагодарили принца за то, что он помог нам в великой нашей нужде. Догоните его и воротите! — Рыбы привели корабль обратно, и король сказал юноше:

— Дарю вам собственную мою косточку. Когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Ну как? — спросил Адольфа великан. — Что тебе дал рыбий король?

— Он дал мне собственную свою косточку. А на что мне рыба косточка?

— Положи ее в карман, она тебе пригодится.

Спустя недолгое время перед ними встала вторая гора, еще чернее первой.

— Не здесь ли нам нужно причалить? — спросил Адольф.

— Нет, — ответил великан, — это муравьиное королевство.

Муравьи с ранцами на спинах, в полной амуниции, занимались воинскими упражнениями. Они хором спросили Адольфа:

— Ты зачем сюда явился?

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф кинул им пригоршню проса. Муравьи все разом набросились на корм, а корабль тем временем прошел.

— Мы поступили очень неучтиво, — сказал немного погодя муравьиный король, — что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите!

Когда Адольфа вернули, король сказал ему:

— Принц, вот уже целых семь лет, как мы терпели лютую нужду, — вы нас хоть на некоторое время избавили от нее. Дарю вам собственную свою лапку; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Что тебе дал муравьиный король? — спросил великан.

— Он дал мне собственную свою лапку. А на что мне муравьиная лапка?

— Положи ее в карман, она тебе пригодится.

Спустя некоторое время встала перед ними третья гора, еще выше тех двух и еще чернее.

— Теперь мы уж, верно, у цели? — спросил Адольф.

— Нет, — ответил великан, — это крысиное королевство.

— Ты зачем сюда явился? — спросили крысы.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф бросил им хлеба, и крысы дали кораблю пройти.

— Мы очень неучтиво поступили, — сказал крысиный король, — что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите!

Когда юноша вернулся, крысиный король сказал:

— Мы очень вам благодарны за то, что вы нам помогли в великой нашей нужде. Дарю вам волосок из собственных моих усов; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Ну как? — спросил великан. — Что тебе дал крысиный король?

— Он дал мне волосок из собственных своих усов. А на что мне крысиный волосок?

— Положи его в карман, он тебе пригодится.

Корабль продолжал путь и скоро приблизился к третьей высокой горе.

— Не здесь ли нам нужно причалить? — спросил юноша.

— Нет, — ответил великан, — это королевство воронов.

— Ты зачем сюда явился? — спросили вороны.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф кинул им мяса, и вороны пропустили корабль.

— Мы поступили очень неучтиво, — сказал немного погодя король воронов, — мы не поблагодарили доброго принца. Догоните его и воротите!

Юношу привели к королю, а тот ему сказал:

— Вы сделали для нас доброе дело, мы очень вам благодарны за это. Дарю вам собственное мое перышко; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Что тебе дал король воронов? — спросил великан.

— Он дал мне собственное свое перышко. А на что мне воронье перышко?

— Положи его в карман, оно тебе пригодится.

Спустя немного времени Адольф увидел гору, гораздо выше и чернее всех тех, что ранее ему встречались.

— На этот раз, — сказал он, — мы, наверно, у цели?

— Нет, — ответил великан, — это королевство великанов.

— Ты зачем сюда явился? — закричали великаны.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф стал бросать им хлеб большими кусками. Великаны подбирали их и с жадностью уплетали. Корабль тем временем прошел.

— Мы очень неучтиво поступили, — сказал король великанов, — что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите.

Когда юноша вернулся, король сказал ему:

— Мы вам очень благодарны за то, что вы нам помогли; мы уж готовы были слопать друг друга. Дарю вам волос из собственной моей бороды; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

«Вот от них, — сказал себе Адольф, — мне проку будет больше, чем от всех других, ведь они большие и сильные».

— Ну как? — спросил великан. — Что тебе дал король великанов?

— Он дал мне волос из собственной своей бороды. Что мне с ним делать?

— Положи его в карман, он тебе пригодится.

— Теперь, — продолжал великан, — мы попадем в страну королевы с серебряными ногами. Ты пойдешь прямо в замок; вход в него охраняет принцесса, дочь английского короля, — она превращена в львицу, ее глаза, ноздри и пасть извергают пламя. В замке тридцать шесть комнат; сначала войди в ту, что налево, затем — в ту, что направо, и так пройди по всем комнатам.

Прибыв в страну королевы с серебряными ногами, Адольф отправился в замок. Когда он перешагнул порог, львица не только не кинулась на него, но даже стала лизать ему руки, — она почувяла, что это ее избавитель.

По совету великана юноша переходил из комнаты в комнату, пока наконец не попал в последнюю, где сидела королева с серебряными ногами.

— Ты зачем сюда явился? — спросила его старая королева.

— Я пришел за принцессой.

— По-настоящему ты заслуживаешь, чтобы я, в наказание за твою дерзость, тоже превратила тебя в животное. Знай, чтобы освободить принцессу, надо немало потрудиться. Прежде всего принеси мне триста фунтов льна, который пряли триста девственниц.

Адольф принес ей триста фунтов пряжи и привел триста девственниц, которые ее пряли.

— Хорошо, — сказала королева. — Теперь, видишь ту высокую гору? Ее надо сровнять с землей и на том месте разбить красивый сад, украшенный цветами и обсаженный деревьями; на тех деревьях должны быть плоды, крупные и зрелые, а сроку тебе на все это дается двое суток.

Адольф пошел за советом к великану. Тот призвал на помощь всех жителей великаньего королевства, муравьиного королевства, крысиного королевства да еще вороньего королевства. Великаны в мгновение ока сровняли гору с землей, а обломки бросили в море. Затем крысы и муравьи принялись рыть и разрыхлять землю, вороны полетели в сады дальних стран за цветами и деревьями, и все было готово еще до указанного королевой срока. Адольф пошел к старой королеве и сказал, чтобы она посмотрела сад. Ей не к чему было придраться, однако она все-таки ворчала сквозь зубы.

— Это не все, — наконец сказала она юноше, — еще мне надо живой и мертвой воды.

Адольф опять обратился к великану. Но на этот раз великан не смог дать ему доброго совета: он был не такой ученый, как старая королева.

— Быть может, — сказал он, — вороны скажут нам что-нибудь дельное.

Протрубили сбор. Вороны собрались, но никто из них не знал, как взяться за дело. Немного погодя хватились, что на сбор не явилось двое старых вояк — Ля Шик и Ля Раме. За ними послали. Ля Раме был пьян; он заявил, что не знает, где найти живую и мертвую воду, и что ему до этого нет никакого дела. Его посадили в тюрьму.

Немного погодя явился Ля Шик — тот был еще пьянее. Его спросили, где найти живую и мертвую воду; он ответил, что ему это известно, но что сначала пусть освободят его приятеля. Адольф велел выпустить Ля Раме, затем дал пятьсот франков его приятелю, чтобы тот

выпил за его здоровье, и Ля Шик повел его в подвал, в одном конце которого текла живая вода, а в другом — мертвая.

Ля Шик посоветовал выставить у входа в подвал чашовых, потому что старая королева намеревалась послать голубей, чтобы те разбили склянки, в которые можно было набрать воды. И действительно, голуби прилетели, но вороны были посильнее их и не дали им приблизиться. Тут великан сказал юноше:

— Сначала ты подашь королеве живую воду и потребуешь от нее, чтобы она вернула принцессе ее природное обличье. А потом ты брызнешь старухе в лицо мертвой водой, и она умрет.

Когда Адольф явился, королева спросила его.

— Ну как? Принес ты живую и мертвую воду?

— Да, — ответил Адольф, — вот живая вода.

— Ладно. А где мертвая?

— Сначала верните принцессе ее природное обличье, тогда я дам и мертвую воду.

Королева сделала так, как он хотел, и львица превратилась в прекрасную девушку. Она бросилась Адольфу на шею и стала благодарить его за избавление.

— А теперь, — сказала старая королева, — подай мне мертвую воду.

Адольф брызнул ей этой водой в лицо, и она упала мертвой.

Затем юноша отправился с принцессой в обратный путь, в Англию, и послал гонца к королю, чтобы известить его об их прибытии.

Велика была радость во дворце. Все придворные дамы вышли навстречу принцессе, чтобы приветствовать ее; она их всех расцеловала. Затесавшийся среди них горбун тоже подошел и хотел было ее поцеловать, но принцесса сказала:

— Ступай прочь, уж очень ты безобразен!

В этот же вечер за ужином король сказал принцессе:

— Дочь моя, я обещал своему крестнику дать тебя ему в жены: я думаю, ты не заставишь меня нарушить слово.

— Дорогой отец, — сказала принцесса, — дайте мне неделю сроку, чтобы я могла как следует помолиться.

Король согласился.

Спустя неделю принцесса сказала королю, что она уронила в море перстень, который ей подарила королева с серебряными ногами, и что прежде всего нужно достать его со дна морского.

Горбун, завидуя предпочтению, которое принцесса оказывала Адольфу, пошел к королю и сказал:

— Крестный, Адольф хвалится, будто может достать со дна морского перстень принцессы.

Король тотчас потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь достать со дна морского перстень принцессы.

— Нет, ваше величество; да я и не сумел бы его достать.

— Все равно! Если ты не принесешь этот перстень, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф ушел сильно опечаленный и отправился к великану, которому рассказал про свою горе.

— Я уж было зарекся тебе помогать, — сказал великан. — Но я все-таки не хочу покинуть тебя в беде. Сейчас позову рыб.

Протрубили сбор. Рыб явилось великое множество, но ни одна из них не знала, где находится перстень.

Немного погодя хватились, что на сбор не явилось двое старых вояк — Ля Шик и Ля Раме. За ними послали. Ля Раме был пьян; он сказал, что не знает, где перстень, и что ему до этого нет никакого дела; его посадили в тюрьму. Немного погодя явился Ля Шик — тот был еще пьянее. Он сказал, что перстень у него в ранце, но что сперва пусть освободят его приятеля. Когда Ля Раме был выпущен, Ля Шик вручил юноше перстень. Адольф дал ему сто франков, чтобы он вышил за его здоровье, а сам побежал с перстнем к королю.

— Я думаю, дочь моя, — сказал король, — ты должна быть довольна: завтра тебя повенчают.

— Я еще не решила, как мне быть, — мне хотелось бы, чтобы сначала сюда перенесли замок королевы с серебряными ногами.

Король тотчас велел заложить фундамент, а горбун, все более и более завидовавший Адольфу, сказал королю:

— Крестный, Адольф хвалился, что знает способ, как перенести сюда замок королевы с серебряными ногами, и притом без единой трещины, хотя бы даже с булабочку.

Король потребовал к себе Адольфа.

— Эжен сказал, будто ты хвалился, что можешь перенести сюда замок королевы с серебряными ногами, и притом без единой трещины, хотя бы даже с булавочку.

— Нет, ваше величество, я этим не хвалился; да и как бы я мог это сделать?

— Все равно! Если ты этого не сделаешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф, сильно огорченный, снова пошел к великану; тот ему сказал:

— Первым делом попроси короля выстроить для тебя большой корабль.

Когда корабль был готов, Адольф отправился на нем в путь, вместе с великаном. Тот созвал всех жителей великаньего королевства, муравьиного королевства и крысиного королевства. Муравьи и крысы сняли замок с фундамента, четверо великанов приподняли его и перенесли на корабль; затем созвали всех до единого жителей рыбьего королевства, чтобы те поддерживали судно.

Когда Адольф вернулся, при дворе английского короля все обрадовались. Замок же поставили на тот фундамент, который был заложен против королевского дворца. Тогда король сказал дочери:

— Теперь я надеюсь, что ты выйдешь замуж за Эжена.

— Отец мой, — сказала принцесса, — повремените хотеть немного; я еще не решила, как мне быть.

Так как принцесса не скрывала от горбуна, что ей противно на него глядеть, то он все более и более завидовал Адольфу. Однажды он сказал юноше:

— Пойдем охотиться в оленью рощу.

— С удовольствием, — ответил Адольф.

Когда они вошли в рощу, горбун выстрелил из ружья Адольфу в спину и убил его на месте, потом вырыл яму и закопал тело. Король, видя, что Адольф не возвращается, спросил горбуна, куда он девался.

— Знать не знаю, — ответил горбун. — Должно быть, пошел бродить по свету — наверно, ему наскучило жить здесь в довольстве и покое.

Принцесса была в отчаянье, но вида не показала отцу, а только попросила у него позволения отправиться на охоту в оленью рощу.

Король, опасаясь, как бы с ней не стряслась какая-нибудь беда, хотел, чтобы ее сопровождало сорок егерей, но принцесса упросила отпустить ее одну.

Войдя в рощу, она увидела воронов, круживших вокруг ямы. Она подошла поближе и, узнав бедного Адольфа, уже наполовину съеденного воронами, припалась стонать и плакать. Наконец она вспомнила, что при ней склянка живой воды; она этой водой растерла труп, и юноша воскрес, полный сил и здоровья. А было это как раз на третий день после его смерти.

Принцесса вместе с Адольфом вернулась во дворец. Она спрятала его в одной из комнат и пошла к королю.

— Отец мой, — сказала она, — вы рады были бы видеть Адольфа?

— Дочь моя, — ответил король, — что ты говоришь? Адольф отправился на край света, он не может так скоро вернуться.

— Хорошо, — продолжала принцесса, — велите запечатать во дворце все двери, поставьте стражу и следуйте за мной.

Когда король вошел в покои принцессы, она привела к нему юношу, и тот сказал:

— Ваше величество, Адольф не настоящее мое имя, я Эжен, ваш крестник!

Затем он вынул из-за пазухи грамоту, которую король вручил его родителям, и подал ее королю со словами:

— Вы узнаете это письмо?

Когда король узнал все, что произошло, он велел сжечь горбуна на костре, а Эжен женился на принцессе.

Я стоял на карауле у двери принцессы, соскучился и ушел.

горных пещерах и в глубине земли живет племя маленьких человечков, которых называют карликами или гномами.

Гномы ростом не выше фута. У них длинные волосы и длинные бороды, они ходят в мохнатых колпачках, красных костюмах и серебряных башмаках, вооружены саблями и копьями. Эти человечки не христиане. Они будут жить до конца мира, а тогда умрут, но уже не воскреснут в день Страшного суда.

Гномы — народ не злой и даже оказывают людям услуги. Но если вы хотите увидеть, как они багровеют от гнева, вам стоит только закричать по-гусиному: «Га! Га! Га!» Гусей гномы не любят, потому что гуси, как только завидят гнома, начинают изо всей силы щипать его. Если же хотите увидеть гномов веселыми как зяблики, скажите только: «Сегодня будут деньги».

В старые времена гномы иногда показывались людям. Теперь о них что-то не слышно. Может быть, они покинули нашу страну. А может быть, не решаются выходить днем из страха перед злыми людьми и гусями, которые их обижают.

Гномы пьют и едят, как мы. Сейчас расскажу вам, как они добывают себе все, что им нужно.

Земля дает нам в каждом месяце года что-нибудь новое: в июне — сено, в июле — хлеб, в сентябре — виноград и кукурузу. Дает и разные плоды, которые рождаются каждый в свое время, и скот, крупный и мелкий. Все это для нас, христиан. Эти дары земли мы можем видеть и трогать, когда вздумается.

Но есть и другие урожаи, другие плоды и другой скот, крупный и мелкий. Этих даров земли христианам не приходится ни видеть, ни касаться: земля родит их для маленьких человечков в один только вечер, в новогодний сочельник, от заката солнца до полуночи. И до восхода солнца все это должно быть собрано и сложено под землей.

Поэтому в течение семи часов гномам приходится работать не покладая рук. У них остается еще ровно час на то, чтобы вынести и проветрить при свете дня свое золото — груды луидоров и испанских золотых, которые они хранят внутри скал. Если это желтое золото не выносить

па свет раз в год, оно портится и становится красным. Тогда гномы им уже не дорожат и выбрасывают его вон.

Я вам рассказываю только то, что знаю, — это так же верно, как то, что мы все умрем. Наконец, я легко могу вам доказать, что говорю правду. Вот послушайте.

Жил когда-то в Сент-Ави один ткач, обремененный большой семьей и бедный как церковная крыса. Настоящее его имя было Ключе. Но когда он потом разбогател, люди из зависти дали ему кличку Навозное золото. Мой дед (упокой, господи, его душу!) часто рассказывал мне, как этот ткач стал богачом. И вы сейчас услышите его историю.

Ключе охотился за кроликами. Никто не мог с ним сравниться в умение ловить их во всякое время года силками, или охотиться на них с хорьком, или подстрелить из засады даже в самые темные ночи.

На своем веку он погубил больше тысячи этих зверьков, а его жена и дочь носили их продавать на базар и на ярмарки в Лектуру и Астафор.

Знатные господа и богатые горожане, которые любят охотиться на кроликов, злились на Ключе. Они обзывали его мошенником, браконьером и натравливали на него жандармов. Но Ключе только смеялся над этим, потому что лектурские судьи благодаря ему частенько едали вкусное кроличье рагу, которое недорого им обходилось. И, конечно, эти господа не склонны были судить такого услужливого человека, как Ключе.

Раз зимним вечером, под Новый год, Ключе поужинал, как всегда, супом в кругу своей семьи. Поев, он сказал жене:

— Вот что, женушка! Завтра день новогодних подарков. Я хочу подарить несколько кроликов начальству в Лектуре. Уложи детей и ложись сама. А я пойду на охоту.

Ключе взял свое ружье, мешок и вышел. На дворе морозило, и на черном безлунном небе сверкали звезды.

Только что наш ткач притаился в засаде между Жерских скал, как услышал, что кто-то кричит у него под ногами:

— Эй, вы, лентяи, поторапливайтесь! Ровно в полночь все должно быть готово!

— Знаем, знаем, повелитель! Ведь нам дана только одна эта ночь под Новый год!

Ключе понял, что это гномы готовятся к своей работе, и остался в засаде: ему хотелось услышать и увидеть, что будет.

У входа в пещеру появился самый старший гном с кнутом в руке, посмотрел на небо и закричал:

— Полночь! Живее, лентяи! Поторапливайтесь! До восхода солнца нужно снести под землю все наши запасы на целый год.

— Будет сделано, повелитель! Ведь у нас только одна ночь в году.

Из пещеры под щелкаше кнута старшего гнома высыпало несметное множество маленьких человечков с косами, серпами, цепами, с садовыми ножами и корзинками для сбора винограда, с коромыслами, палками-погонялками, — словом, всем, что нужно для сбора урожая и для того, чтобы согнать скот в одно место.

Когда человечки убежали, их повелитель окликнул ткача:

— Ключе, хочешь заработать монету в шесть ливров?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Так вот, Ключе, помоги моим людям.

Через час некоторые гномы уже воротились.

Одни везли тележки величиной с полтыквы, нагруженные сеном, виноградом, кукурузой, разными фруктами. Другие гнали перед собой быков и коров величиной с собаку, стада овец, которые были не больше ласки.

Ключе немало потрудился, помогая гномам, которые теперь уже сотнями сходились со всех сторон. А повелитель гномов все время щелкал кнутом и покрикивал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! Все запасы должны быть под землей до восхода солнца!

— Мы торопимся, хозяин. Мы знаем, что у нас есть только одна ночь под Новый год.

К восходу солнца все запасы гномов были уже под землей.

Тогда повелитель гномов сказал ткачу:

— Ключе, вот твои шесть ливров. Ты их честно заработал. Хочешь заработать еще экую?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Ну, так помогай моим людям!

Маленькие человечки уже выходили из глубины пещеры, сгибаясь под тяжестью мешков, полных желтого

золота, луидоров, испанских золотых. А их повелитель все щелкал бичом и кричал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! У нас остается ровно час на то, чтобы проветрить желтое золото. Если это золото раз в год не вынести на дневной свет, оно портится, становится красным, и его приходится выбрасывать вон.

— Мы же работаем, хозяин, работаем изо всех сил.

Ключе немало потрудился, высыпая золото из мешков, вороша его, чтобы все оно проветрилось и увидело дневной свет.

Как только прошел час, гномы подхватили свои мешки с золотом и поскорее унесли их в глубь пещеры.

А их повелитель, щелкнув кнутом, сказал:

— Ну, Ключе, получай второе экю. Ты его честно заработал! Но мои люди ничего не стоят! Из-за их ротозейства десять пудов желтого золота вот уже больше года не видели дневного света. Оно перележало, испортилось и стало красным. Эй, вы, бездельники! Выбросьте вон эту гадость, чтобы она не валялась у нас под землей.

Гномы послушались. Они выбросили из пещеры десять пудов красного золота. Потом скрылись вместе со своим повелителем в глубине пещеры.

Ключе взял один луидор и один испанский золотой, а остальное золото зарыл и пошел домой.

— Ну что, муженек, удачная сегодня была охота?

— Удачная, женушка.

— Покажи, что принес.

— Нет, не сейчас. Мне нужно уйти по делам.

Даже не поев, Ключе отправился в город Ажен и вошел в лавку золотых дел мастера.

— Здравствуй, хозяин! Погляди-ка на это красное золото! Вот луидор и испанский золотой. Что, они так же ценятся, как желтое золото?

— Да, мой друг. Если хочешь, я их тебе обменяю на экю.

Сосчитав деньги, Ключе тотчас, не поев, не попив, отправился в Сент-Ави. Когда он пришел домой, он уже едва был в силах сказать:

— Скорее, жена, скорее давай суп. И хлеба, и вина! Я умираю от голода и жажды.

Поужинав, ткач лег спать и храпел пятнадцать часов кряду. Но следующей ночью он, ничего никому

не говоря, отправился к Жерским скалам и воротился с тремя пудами красного золота. Еще два раза ходил он ночью туда и забрал остальное. Когда все золото было принесено, Ключе позвал жену.

— Смотри! Что, разве не прав я был, сказав тебе, что охота под Новый год была удачна? Теперь мы богаты. Уедем отсюда и заживем на славу!

Сказано — сделано. Ключе и его семья покинули Сент-Ави и уехали далеко-далеко, дальше Муассака, в землю Кверси. На свои десять пудов золота Ключе купил там большой лес, водяную мельницу с четырьмя жерновами, двадцать мыз и великолепный замок, где он жил долго и счастливо с женой и детьми. Он был хороший человек, всегда готовый услужить соседу, и никто щедрее его не помогал беднякам. Но это не мешало людям завидовать ему. Оттого и дали ему кличку Навозное золото.

54. ПРИНЦЕССА ДАНГОБЕР

ил однажды король, звали его король Дангобер. Была у него златокудрая дочь, такая красавица, что из всех стран приезжали к ней свататься женихи. Но она оставалась равнодушна к их ухаживаниям, и многие из них, потеряв надежду ей понравиться, лишили себя жизни.

Один из женихов оказался волшебником. Он превратил принцессу в скорпиона и отнес в свой замок, висевший на золотых цепях между небом и морем. Этот замок находился в ста милях от Северного полюса, его стены были выложены серебряными шестифранковиками, а углы отделаны чистым золотом. Подступы к замку зорко охранялись.

Король Дангобер, который нежно любил свою дочь и очень горевал после ее исчезновения, велел повсюду огласить: тот, кто сумеет освободить принцессу, получит ее в жены и наследует королевскую корону.

По его указу самые искусные плотники страны построили корабль, чтобы отвезти к заколдованному замку смельчаков, которые попытались бы освободить принцессу. Явилось много народу из разных мест и разного за-

ния: моряки и пахари, принцы, угольщики, генерал и даже один тряпичник.

В тот момент, когда корабль снимался с якоря, король сказал стоявшим на борту:

— У замка четыре двери, и через все четыре нужно пройти, чтобы увидеть принцессу, превращенную в скорпиона. Первая дверь — железная и охраняется крылатым змеем, вторая — рыкающим львом, у третьей двери стоит чудовище о семи головах, последнюю дверь день и ночь стережет великан. Вы видите теперь сами, что взялись за трудное дело, и если хотите благополучно закончить его, не действуйте наобум.

Корабль ушел в море, унося с собой искателей приключений. Они были очень веселы в пути, потому что на судне было всего вдоволь, были даже три железные лодки с веслами из чистого серебра, — в этих лодках должны были причалить к замку те, кто будет освобождать принцессу.

Погода стояла хорошая, дул попутный ветер. Путешественники плыли и плыли, но нигде не видели замка, висящего в воздухе. Добравшись наконец до Северного полюса, капитан сошел на берег и узнал от местных жителей, что слишком далеко заехал. Судно повернуло и ушло на поиски дальше.

Прошло дня три, и угольщик, вместе с другими внимательно глядевший по сторонам, вызвал капитана.

— Капитан, — сказал он, — я сам хорошенько не знаю, что там вдали сверкает так, что глазам больно смотреть? Как вы думаете — это замок, который мы ищем, или просто блестящее облако?

Матросы взобрались на рей, а капитан взял подзорную трубу и увидел замок, висящий на золотых цепях между небом и морем. Корабль направился к замку и через час бросил якорь на расстоянии пушечного выстрела от него. Спустили одну из железных лодок с серебряными веслами, несколько человек сели в нее и проехали под сверкающим зданием, не заметив вначале никакой железной двери. Наконец угольщик разглядел ее и первый взобрался наверх попытать счастья.

Он увидал крылатого змея, который, словно быстрая чайка, кружил над замком. Искатели приключений попробовали было бросать ему рыбу и мясо, рассчитывая

убить его в то время, как он будет хватать пищу. Но змей к ней даже не притронулся и неотступно охранял дверь.

На другой день поставили перед ним бочку водки, в которой плавали куски хлеба, и он их отведал. На следующий день принесли вторую бочку. В течение двух дней крылатый змей пил до отвала, но пьяный он стал еще злее и, наверное, сожрал бы всех моряков, если бы они ради безопасности не прикрылись железной решеткой. Наконец змей уснул, и угольщик с помощью двух моряков убил его копьём.

Первая дверь была свободна.

Вторую дверь сторожил рыкающий лев, у которого из поздрей вырывалось пламя. Ему стали бросать куски мяса, смоченные водкой, и он с жадностью проглотил их. Но чем больше он ел, тем злее и страшнее становился, так что в первый день искатели приключений напрасно пытались к нему подступиться. На следующий день в лодку сели капитан, два матроса, принц и тряпичник. Они притащили льву быка и барана, вымоченных в наливке. Он проглотил все и наконец уснул. Прикрываясь железной решеткой, словно щитом, смельчаки тяжело ранили льва, но никак не могли его прикончить, и он, разъярившись еще больше и рыча от боли, в течение пяти дней не отходил от двери. Сквозь его рыканье допелось из замка пение сирены.

На пятый день капитану удалось убить его ударом копья.

Тогда они подошли к третьей двери. Ее охраняло чудовище о семи головах. Оно скрывалось в глубине темной пещеры, но, когда выходило на свет, нагоняло своим страшным видом такой ужас, что все опрометью бросались бежать.

Наконец искатели приключений собрались с духом и, прикрываясь железной решеткой, пробили дверь. Чудовище страшно рычало, но один из моряков ударил его в грудь, а угольщик топором отрубил ему голову.

В этот день чудовище лишилось трех голов и забилося в глубь своей пещеры. Так как храбрецы в темноте не могли его разглядеть, они должны были вернуться на корабль.

На следующий день они снова подошли к замку, и, как только зверь показался, капитан отрубил одну за другой еще две головы.

— Ну вот, — сказал угольщик, — теперь у него осталось всего две головы! Их отсеку я, потому что я отрубил первую голову.

— Нет, — возразил капитан, — прикончить его должен я.

Он отрубил зверю еще одну голову и приказал своим спутникам убрать решетку и выпустить на волю чудище, оставшееся с одной головой; он хотел убить его без посторонней помощи. Но когда капитан приблизился, чудище схватило его поперек туловища и перегрызло пополам. Прикрывшись железной решеткой, искатели приключений снова набросились на зверя, и наконец упала его последняя голова. После этого они вернулись на корабль, очень опечаленные гибелью своего капитана.

Осталось освободить только четвертую дверь, которую охранял великан. Тряпичник сказал спутникам:

— Поступайте по моему указу и не мешайте мне, я помогу вам прикончить великана.

По совету тряпичника спутники посадили его в мешок с тряпьем и бросили мешок к ногам сторожившего дверь великана. Великан, думая, что в этом мешке грязное белье, не обратил на него никакого внимания и стал обороняться от нападающих. Им пришлось плохо, потому что свирепый сторож разметал всех. Но когда он пытался вырвать у нападающих решетчатую дверь, служившую им щитом, тряпичник прорезал ножом дыру в мешке и выстрелом из пистолета убил великана наповал.

Потом тряпичник проворно выскочил из мешка, открыл четвертую дверь и, пройдя длинный ряд покоев, вошел в комнату, где на столе лежал огромный скорпион. Едва тряпичник дотронулся до него рукой, как скорпион превратился в прекрасную девушку с золотистыми волосами до самых пят.

И сирена была тут же и пела таким приятным голосом, что все с восхищением ее слушали. Вместе с ней принцесса села в лодку к своим освободителям и вошла на борт корабля. Помощник капитана принял на себя командование, а замок, висевший между небом и морем, привязали толстыми канатами к корме, и корабль поплыл к Северному полюсу, где с нетерпением поджидал конца опасного предприятия король Дангобер. Увидев, что с дочери сняты чары, он очень обрадовался, и когда ему рассказали, как все произошло, он сказал принцессе:

— Заслужил твою руку тряпичник. Я, конечно, предпочел бы иметь зятем принца, но, по справедливости, должен сдержать свое слово.

Тряпичнику было приятно и лестно стать зятем короля, он понравился и принцессе, которая теперь была неразлучна с сиреной.

Сыграли знатную свадьбу, пригласили на нее всех помещиков и тех, кто совершил путешествие на корабле.

Король передал тряпичнику свою корону и все свои владения. Однако не было в замке нового короля ничего лучше сирены. Думаю, что она живет и поет там и поныне.

55. СКАЗКА О ЛОВКОМ ПАСТУШКЕ

У одного короля была дочь, которая не умела говорить. Ей было уже больше двадцати лет, и она никогда еще не сказала ни одного слова. И король обещал отдать ее в жены тому, кто заставит ее заговорить. Знатные господа со всех концов земли собирались к его двору, и пытались заставить девушку говорить. Но напрасно.

Раз одна дама прогуливалась по лесу и встретила пастушка со стадом быков и коров. Она поздоровалась с мальчиком:

— Здравствуй, милый!

И спрашивает его:

— Мальчик, слышал ли ты тут новости?

— Эх, госпожа, что я мог здесь узнать? Целый день я в лесочке пасу свой скот, никого тут не вижу, никаких новостей не слышу!

— Ах, ты не слышал никаких новостей? Разве ты не знаешь, что дочь короля не сказала в жизни ни слова?

— Как же, госпожа, об этом я часто слышал.

— Ну, так вот: надо, чтобы ты пошел туда. Ты должен ее увидеть, может быть ты заставишь ее заговорить.

— Что вы, госпожа, где мне! Этим знатым господам, которые куда учнее меня, и то не удается заставить ее заговорить! Нет, куда там!

— Все равно! Надо, чтобы ты туда пошел.

— Ох, госпожа! Не могу же я все-таки оставить свою скотинку одну!

— Уж будь спокоен, можешь туда пойти, и твоя скотинка с места не сдвинется, ни одна корова не заблудится. Вот тебе попугай и палочка. К чему только ни приронется твоя палочка, то от тебя не уйдет.

Ну, тут мой молодец решился. Взял да и отправился в путь со своей палочкой и попугаем. Когда он отошел далеко-далеко, его застигла ночь. Было совсем темно. Он нашел наконец гостиницу, потребовал комнату для себя и своего попугая. И ему с попугаем дали комнату.

А попугай был такой красивый-красивый, так забавлял служанку, что ей очень захотелось взять его себе. «Ночью, — думала она, — мальчик, верно, крепко спит». И она пошла к нему в комнату взять попугая. Но как только она дотронулась рукой до попугая:

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Так служанка и прилипла к попугаю. Вот она и попала на месте с руками, протянутыми к попугаю.

Утром слуга встает, ищет служанку, зовет-зовет — никто не отвечает. Нет нигде служанки! Никто не знает, куда она девалась. Он и решил заглянуть в комнату пастушка. И застиг там служанку с руками, прилипшими к попугаю.

— А ну-ка, бесстыдница, ты что тут делаешь? Да еще с этим молодчиком! Разве здесь твое место? Ты зачем сюда пришла?

Ведь она была совсем голая, служанка-то: не успела одеться, так спешила украсть попугая.

Слуга и решил ей задать потасовку.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, они оба и попались, — рука слуги прилипла к заду служанки.

А тут уже и хозяин встал. И нет ни слуги, ни служанки. Он их звать, кликать повсюду. Никого не найти! Решил он пойти в комнату к пастушку. И находит обоих слуг у изголовья мальчишки.

— Ну-ка, что вы тут делаете, озорники? Сколько времени я вас ищу! Что вы тут проделываете в комнате этого молодого человека?

И как даст ногой пинка в зад слуге!

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяин попался, — прилипла его нога к задку слуги!

Тут встает наконец хозяйка, зовет мужа, ищет его повсюду. Нигде его не видно. И решает она тоже пойти в комнату пастушка. И видит, что все прилипли к мальчишкиному попугаю.

— Что вы тут делаете все, что вы тут вытворяете? Сколько времени я вас ищу, и хоть бы кто-нибудь отыскался! Что вы тут делаете?

И хватает мужа за руку и тянет его.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяйка попалась, — прилипла к мужу.

Но уже становилось поздно. Мальчик встал и отправился в путь, чтобы поспеть к королю. По дороге он проходил мимо маленького домика. А в домике жили две женщины. Одна из них мела двор, другая приготавлила сыр.

Женщина, которая мела двор, прибежала с метлой и говорит:

— Вот так штука! Это что значит? Что это за озорники бегают тут совсем голые, куда это годится?

И бежит со своей метлой да как размахнется.

Вот и женщина с метлой попалась и кричит, зовет на помощь! Вот и товарка ее бежит за ней и даже сыр не успела положить на место. И хватает свою товарку за рукав.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Женщина с сыром в руке прилипла к своей товарке, а пастушок продолжает путь со всей этой свитой.

Приходит ко двору короля. Узнает у привратника, не здесь ли живет дочь короля, которая не говорит ни слова. Отвечают, что здесь и что, как ни старались и чего только ни делали, не могли заставить ее заговорить.

Пастушок просит, чтобы его пустили ко двору короля. Не успел он войти, как дочь короля показалась в окне.

— Ах, бог мой, — сказала она, — вот умора! Никогда не видела я ничего забавней!

И она начала говорить, как будто всю жизнь только и делала, что говорила! Тут все вышли — знатные господа и царедворцы, сбежался народ со всех сторон и стал дивиться.

— Ну, господин король, помните, что вы обещали отдать свою дочь тому, кто заставит ее заговорить!

Тут все знатные господа стали переглядываться:

— О господин король, неужели вы отдадите свою дочь за какого-то несчастного пастушонка?

Но король, прежде чем отдать дочь пастушку, потребовал у него еще кое-что — он приказал ему стеречь сотню кроликов в своем королевском парке, да так, чтобы ни один не убежал.

Вот мальчик и стал в тупик. И пошел немного прогуляться. И встретил ту же даму.

— Что ж, мальчик, ты как будто заставил заговорить дочь короля? Ну, значит, ты получишь ее в жены.

— Да, госпожа! Но король теперь требует от меня другого: у него сто кроликов, и он велит мне стеречь их в королевском парке.

— Ну, это не так уж трудно, мой мальчик! Вот тебе свистулька, и всякий раз, как твои кролики будут разбегаться в разные стороны, тебе стоит только засвистеть, и все они вернуться, не беспокойся.

Ну, что ж! Пастушок вернулся к королю и говорит: «Выпускайте своих кроликов!» А кролики и давай разбегаться кто куда. Прыгают вовсю. Он увел их в парк.

А знатные господа стали между собой совещаться:

— Надо раздобыть у него хоть одного кролика, чтобы к вечеру он не всех пригнал домой.

Тогда рыцарь, больше всех домогавшийся дочери короля, сказал:

— Я к нему пойду сам и куплю у него кролика.

И он отправился искать мальчика, подошел к нему и говорит:

— Ах, мальчик, какие у тебя красивые кролики! Продай-ка мне одного.

— Что вы, господин! Я их не продаю, они не продажные.

— А почему бы тебе не продать?

— Продать я вам его не продам. Но если уж вам так хочется кролика, вы можете его заслужить.

— Как же я его могу у тебя заслужить?

— Господин, если вы согласитесь, чтобы я три раза ткнул вас шилом в зад, вы получите одного из моих кроликов.

— Ох, мальчик, ты не захочешь три раза ткнуть меня шилом в зад! Ох, право же, ты не захочешь так поступить!

— Ну что ж, господин, вы не получите кролика.

И вот рыцарь согласился, чтобы мальчик три раза ткнул его шилом в зад. Но когда пастух в первый раз воткнул ему шило только наполовину, он закричал:

— Ой-ой-ой!

Второй раз шило вонзилось поглубже.

— Ой-ой-ой! Ах ты, негодник! Да мне же больно!

В третий раз пастух всадил ему шило по самую рукоятку, и рыцарь закричал и упал на землю.

— Ах ты, негодник! Я умираю, ой-ой-ой!

Через минуту боль затихла.

— Ну, милый мой, давай-ка мне кролика, я его честно заслужил!

Пастух поймал кролика, и рыцарь взял его под мышку.

Рыцарь ушел, весь сияя, и хоть ему тяжело достался этот кролик, он говорил себе:

«Ну, теперь ясно, что сегодня вечером пастух недо считается одного».

Но вот, когда он отошел уже далеко, раздался свист, кролик вырвался у него из рук и вернулся к своему стаду.

А рыцарь пришел назад совсем растерянный и все твердил:

— Я уже нес сюда кролика, но вдруг он вырвался и убежал!

— Ах, — сказала принцесса, — он от вас ускользнул! Бог мой! Ну что ж, я сама туда пойду.

И надела передник из грубого холста:

— Отсюда-то он не убежит!

Вот пошла она в парк искать маленького пастуха и, увидев его, крикнула:

— Здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, принцесса!

— Ну и красивые у тебя кролики, мальчик!

— Что и говорить, принцесса!

— Не продашь ли мне одного?

— Ну нет, принцесса, я их не продаю, но их можно у меня заслужить!

— Как же их у тебя заслужить?

— Если вы согласитесь, чтобы я вас три раза поцеловал здесь, в парке, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах, негодник, ты хочешь меня поцеловать? Ты?

— Ну что ж, принцесса! Если вы не хотите, то и не получите моих кроликов.

И вот принцесса позволила себя поцеловать три раза, только чтобы получить хоть одного кролика.

Пастушок поймал кролика и протянул ей; она положила его в свой передник, зажала крепче. О, она была уверена, что держит его крепко, и сжимала его все сильнее и сильнее в своем переднике!

Когда она была уже далеко, раздался свист. Кролик разорвал передник и вернулся к своему стаду.

Вот нашу принцессу и провели, как раньше рыцаря. И вернулась она совсем растерянная и все твердила:

— Да ведь я так крепко держала его! Смотрите, он разорвал мне передник!

Тут и отец ее, король, увидел это и закричал:

— Экая напасть! Бог мой, вы не можете удержать кролика! Кролика не можете удержать! Я сам отправлюсь за ним на моем коне. И так прикручу его к седлу, что у него пропадет охота убежать.

И поскакал король в парк к пастушку, поравнялся с ним:

— Ну, здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, господин король!

— Ну и красивые же у тебя кролики! Ну и кролики! Не продашь ли ты мне одного?

— О нет, господин король, я не продаю их, но их можно у меня заслужить.

— Как же их у тебя заслужить?

— Господин король, если вы соизволите трижды поцеловать вашего коня под хвост, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах ты, негодник! Ты хочешь, чтобы я трижды поцеловал своего коня под хвост? Ах, негодник!

— Ну что ж, господин король! Вы не получите кролика!

И вот его величество король решается трижды поцеловать своего коня под хвост.

Тогда пастушок поймал кролика и отдал королю, а тот привязал его к своему седлу, вертел его, крутил и так

зажал, что у кролика чуть кишки не вылезли. И сказал, вскочив на коня:

— Этот-то от меня не уйдет!

Когда он отъехал уже далеко, пастушок как засвистит в свистульку! Кролик разорвал ремни, вырвался и вернулся к своему стаду.

А его величество король возвратился в свой дворец вне себя от досады:

— Ах, он и от меня убежал! Он разорвал все ремни, вырвался и удрал. Все равно, этого недосчитаются сегодня вечером: у него уже кишки вылезали.

Вот и вечер наступил, и маленький пастух пригнал своих кроликов. Когда он предстал перед королем, придворные принялись считать и пересчитывать кроликов, смотреть, все ли целы. А кролики все как один, тут как тут, ничего не скажешь!

Вот стали придворные между собой переглядываться.

— Ах, господин король, неужели вы отдадите свою дочь какому-то несчастному пастушонку? Не может этого быть! Не можете вы на это решиться. Потребуйте с него раньше, чтобы он наполнил три мешка правдой доверху.

Как тут быть? Пастушок очень был озадачен этим приказом. И пошел он прогуляться и встретил свою даму.

— Ну, как дела, мальчик? Небось всех кроликов пригнал домой?

— О да, госпожа!

— Ну как, отдает тебе теперь король свою дочь?

— О нет, госпожа! Он хочет, чтобы сначала я наполнил три мешка правдой доверху.

— Так что ж, мой мальчик, это ты можешь сделать. Это нетрудно. Стоит тебе только попросить три мешка, а правды на них найдется на все три доверху.

Тогда пастушок предстал перед лицом короля и всех его приближенных.

— Ну как же? Берешься ты наполнить три мешка правдой доверху?

— Да, государь, дайте мне три мешка!

Он потребовал три мешка, три простых мешка. Два положил около себя, а третий держал открытым.

— Вот смотрите, тут стоит господин; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. Я ответил ему, что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И он позволил мне трижды ткнуть его шилом

в зад, только чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мой мешок, — вот один уже полон.

Вот смотрите, тут стоит принцесса; она пришла ко мне в парк купить одного из моих кроликов. И я ответил ей, что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И она позволила мне три раза поцеловать себя в парке, чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мешок, — вот уже и два полны!

Ну, тут пастушок поглядел на его величество короля.

— А вот его величество король; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. И я сказал ему, что не продаю их, но их можно у меня заслужить. Он три раза поцеловал...

— Ох, молчи! Ты получишь принцессу. Замолчи, замолчи же! Ты ее получишь.

И пастушок взял в жены дочь короля.

56. КАК ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛИ

Однажды Люцифер вышел из ада и отправился заключать сделки с работниками.

Сначала он пришел к мельнику по прозвищу Пьер Пройдоха, у которого была ветряная мельница. Черт условился с мельником, что тот будет каждый день поставлять ему тысячу мер муки, а если выдастся день, когда он не справится с работой, черт вправе в конце года забрать его в ад. Черт в свою очередь обязался заботиться, чтобы мельница не ломалась. И он обязался поставлять ветер, который вертел бы ее крылья.

Когда сделка была заключена, черт решил, что ему не хватит тысячи мер в день, и обратился к Пьеру Простофиле, у которого была водяная мельница.

Мельники принялись молоть, и несколько дней дело спорилось. Но вскоре черт стал упрекать Пьера Пройдоху, что у него мука получается хуже, чем у соседа на водяной мельнице.

— Это не моя вина, — ответил мельник. — У Пьера Простофили больше порядка на мельнице, чем у меня.

После этого Люцифер заключил сделку с пекарем, который должен был получать муку с обеих мельниц и вы-

пекать хлеб. Печь у булочника была большая-пребольшая, футов сто в обхвате. Ему самому приходилось только сажать хлеба, потому что в помощники Люцифер послал туда своих чертенят.

После этого черт зашел к сапожнику и сказал ему, чтоб тот поставлял ему ежедневно сто пар сапог.

— Как же, по-вашему, я могу это сделать? — спросил сапожник.

— Я помогу тебе и хорошо заплачу. Какая твоя цена?

— Десять тысяч франков.

— Ладно, — сказал черт. — Но если ты не будешь работать как следует, я через год заберу тебя в ад.

Сапожник взялся за работу и в первый же день смастерил сто пар сапог. Но на следующий день он запьянствовал, и черт отколотил его, выругав за дурное поведение.

— Вы лучше помогите мне немного, — сказал сапожник, — и мы скоро наверстаем упущенное время.

— Я занят, — огрызнулся черт, — мне еще нужно найти себе портного.

Портной должен был каждый день поставлять двадцать пять курток и двадцать пять пар штанов.

— Но то, что вы требуете, мне не под силу! — воскликнул портной.

— Будет под силу, если я захочу, и в помощниках у тебя тоже недостатка не будет. Но если работа будет плохо сделана, придется тебе через год отправляться в ад. Какую плату ты хочешь?

— Двадцать тысяч франков.

— Согласен, — ответил черт.

Портной старался изо всех сил, но работа не спорилась так, как ему хотелось, и он вспомнил обещание черта дать ему помощников.

По его требованию Люцифер послал ему сотню чертенят, и стоило им только взглянуть на сукно, как штаны уже были готовы.

— Теперь, — сказал черт после сделки с портным, — я должен обратиться к кузнецу. Мне требуются подковы для моих лошадей и замки для моих комнат.

Он отправился к кузнецу. Кузнец пользовался незавидной славой и сидел без работы; звали его Пьер Сквернослов,

— Пьер Сквернослов, — сказал черт, — если хочешь взять у меня заказ, я достану тебе железа, угля и все, что тебе потребуется.

— Это будет кстати, — ответил кузнец, — потому что в кузнице у меня совсем пусто.

— Ты в накладе не останешься, — сказал черт, — но за это ты обязан смастерить в день сто подков и сто замков. Уж я дам тебе такую споровку!

— Хорошо, только вы должны мне прислать подмастерьев раздуть горы.

— Согласен. Какую же ты просишь плату?

— Пятьдесят тысяч франков.

— Пятьдесят тысяч франков! Да ты, видно, смеешься надо мной!

— Ну что ж, если вы считаете, что это много, столкнемся на двадцати пяти тысячах.

Пьер Сквернослов взялся за работу и каждый день выполнял заказ.

Заключив со всеми сделки, черт отправился поглядеть, как справляются его работники.

Он встретил Пьера Пройдоху у дверей ветряной мельницы.

— Ну что, как дела?

— Не совсем так, как мне бы хотелось. Пока вы где-то расхаживаете, у меня то ветер не дует, то жернова отказывают. Мне одному не под силу ни поднять их, ни насечь.

— Я помогу тебе, — сказал черт.

— Подлезайте под жернов и насекайте, а я буду держать, чтобы он не упал.

Черт взял молоток и залез под жернов. Увидев, что черт весь ушел в работу, Пьер Пройдоха выпустил из рук жернов и закричал:

— Мне не удержать его, не удержать!

Он быстро пустил мельницу в ход, а черт, чувствуя, что его вот-вот раздавит, стал отчаянно кричать. Он умолял Пьера Пройдоху освободить его и обещал скрепить кровью обязательство не забирать мельника через год в ад.

Затем Люцифер отправился на водяную мельницу к Пьеру Простофиле, который был человек бесхитростный. Все у него шло хорошо, и черт похвалил его, пообещав

отвести ему у себя в аду самую лучшую водяную мельницу.

— Да вы мне ее сейчас дайте, — сказал Пьер Простофиля.

— Значит, ты хочешь, чтоб я тебя сейчас забрал в ад?

— Ну да, — ответил тот, — я охотно соглашусь.

Черт унес бедного мельника в ад и отправился к булочнику.

— Там, наверху, хлеба недостает, и частенько он бывает плохо выпечен.

— Уж я старался как мог, но мне не хватает помощников.

— Может быть, твоя печь не в порядке?

— А кто его знает? Теперь идет выпечка хлеба — приходите завтра, посмотрите, не нужно ли там что-нибудь исправить.

«Я постараюсь перехитрить его, — подумал булочник, — но как это сделать? На огне его не сожжешь. Раздобуду-ка я себе чан святой воды и поставлю его около печки, как будто там обыкновенная ключевая вода, потом достану себе старую епитрахиль».

На другой день черт пришел страшно злой и стал кричать, что хлеб выпечен еще хуже, чем раньше. Булочник, открыв заслонку, предложил черту влезть самому в печь и осмотреть ее.

Люцифер влез туда, и булочник окропил святой водой печь и закрыл камнем заслонку, чтобы черт не вышел. Бедный Люцифер кричал так, как будто с него кожу сдирают:

— Вынь меня из печи, я сторю!

— Распишись, что отказываешься от всех прав на меня.

— Не могу расписаться, я ничего не вижу.

Булочник открыл заслонку, и когда черт высунулся, обмотал его епитрахилью и не снимал ее до тех пор, пока черт по всем правилам не подписал бумагу.

Тогда Люцифер отправился к сапожнику.

— Ты плохой мастер, — сказал он ему. — У меня наверху не хватает сапог, да и те, что ты сшил, никуда не годятся.

— Уж лучше сделать невозможно! Станьте-ка между этими двумя кожами и посмотрите, как я их прочно сшиваю.

Люцифер, ничего не подозревая, стал между двумя кожами, а сапожник сшил их вместе, да так крепко, что черт даже руками не мог шевельнуть.

— Отпусти меня, друг мой! — взмолился черт. — Никогда ни одному сапожнику не бывать в аду! Это так же верно, как то, что меня зовут Люцифер.

— Ты до тех пор останешься между этими кожами, пока не откажешься от всяких прав на меня.

Черт не согласился и бегал в таком виде в течение двух дней, напрасно пытаюсь сбросить с себя кожи. Пришлось ему волей-неволей обратиться опять к сапожнику:

— Спори с меня эти кожи, любезный друг, прошу тебя.

— Откажись от меня или останешься в таком виде навсегда.

Люцифер подписал бумагу и отправился к портному.

— Как идет работа?

— Старался изо всех сил.

— Это верно, — сказал черт, — не могу на тебя пожаловаться. А не починишь ли ты мне штаны, они совсем порвались?

Портной очень хорошо починил штаны, и черт ему сказал:

— Теперь шей мне костюм, только без швов.

— Без швов? Такой костюм я не могу тебешить, но если желаешь, я выкрою его на тебе из этой штуки сукна.

Он накинул на черта сукно.

— Только стой прямо.

— А ты не режь так близко от тела, — заметил черт.

Портной взял большие ножницы и сверху донизу разрезал сукно, прихватывая кожу с мясом. Люцифер испускал душераздирающие вопли, особенно когда жена и дети портного стали кропить его святой водой.

— Ах, — воскликнул черт, — я нашел на земле только одного честного человека — Пьера Простофилю!

— Подпиши бумагу, что обещаешь от меня отказаться.

— Ни за что!

— А ну-ка, полейте его как следует.

— Подпишу, подпишу! — заорал черт.

Затем он пошел к кузнецу.

— Работаешь?

— Да, сколько могу.

— Это верно, у меня наверху уже почти у всех есть подковы и замки. Ты хороший кузнец, и напрасно тебя люди оговаривали.

— Ваши сапоги, — сказал кузнец, — уже поизносились; если желаете, могу вам выковать каблуки, и сапожки станут как новые.

— Ты хорошо придумал, только мне хотелось бы иметь каблуки стальные.

— Это можно сделать.

— Подкуй меня, я щедро тебя вознагражу.

Кузнец выковал гвозди, острые как шило и длиной по крайней мере в полметра, потом сказал черту:

— Теперь придется мне привязать вас. Вы ведь знаете, что нельзя подковать непривязанную лошадь.

Кузнец прикрутил черта к двери двумя железными цепями, и пока он держал черта за ногу, один из подмастерьев накалил подковы. Когда они были готовы, кузнец взял одну из них, опустил в святую воду и приложил черту к ноге. Тот закричал благим матом.

— Подожди, — крикнул ему кузнец, — уж я тебя подкую!

И, ударя изо всех сил молотком, он вогнал ему гвозди в ногу по самое колено.

— Пусти, пусти! — кричал черт. — Все люди плуты, и самый худший из них — это ты!

— Нет, нужно подковать тебя на обе ноги, я ничего не люблю делать наполовину.

Он подковал черту другую ногу. Люцифер кричал что было мочи, а кузнец кропил его святой водой, приговаривая:

— Когда подковывают лошадь, нужно поливать железом!

Черт снова расписался, что отказывается от всех прав на кузнеца, а потом, рассерженный и обиженный, ушел, хромя, из кузницы.

Вот булочник умер и, подойдя к воротам рая, постучался. Святой Петр открыл ему и сказал:

— Ступай своей дорогой, тут тебе делать нечего.

«Вот оно что! — подумал булочник. — Поджарил я когда-то черта, теперь он меня взгреет!»

Подойдя к дверям ада, булочник сказал привратнику:

— Мне как будто сюда полагается войти?

— А как вас зовут?

— Пьер Дюфур.

— Я уже слышал о вас от моего хозяина, — сказал привратник. — Люцифер, — крикнул он черту, — тут Пьер Дюфур просит ему дать у нас местечко.

— Гони его в шею. Он небось думает, что я не помню, как он меня в своей печи поджаривал.

«Наконец-то я с ним развязался, — подумал булочник. — Но пужно мне все-таки найти какое-нибудь пристанище».

Он отправился в чистилище и встретил святого Ива, который сказал ему:

— Что вам надо, друг мой?

— Не найдется ли у вашей милости для меня местечка?

— А что у вас за ремесло?

— Я булочник.

— Странно, что вы не можете найти себе места.

— Не могу, — святой Петр захлопнул ворота перед самым моим носом, а черт выставил меня из ада за то, что я малость поджарил его когда-то в печи.

— Входите, мой друг, постараемся найти вам какой-нибудь уголок. Булочники обычно не пользуются плохой славой!

Спустя некоторое время умер Пьер Пройдоха.

Он подошел к воротам рая, и святой Петр сказал ему:

— Что тебе здесь нужно?

— Чтоб вы открыли мне ворота рая.

— А чем ты занимался?

— Был мельником.

— Друг ты мой, никогда еще ни один мельник не переступал порога рая, — все они воры и плуты.

«Вот я и влонался, — подумал Пьер Пройдоха, — придется мне пойти к тому, кого я чуть не раздавил между жерновами».

Проходя мимо чистилища, он на всякий случай постучался туда.

— Нельзя ли мне сюда войти? — спросил он.

— А не были ли вы, случайно, мельником?

— Был.

— Мельники в чистилище не допускаются, ступайте в ад.

— В ад! Не хотелось бы мне идти в это место. Ведь я чуть было не смолот черта. Пристройте меня у вас в каком ни на есть уголке!

— Никак не могу, — ответил святой Ив.

Когда мельник подошел к дверям ада, привратник спросил его:

— Что тебе здесь нужно?

— Хочу войти.

— А как тебя звать?

— Пьер Пройдоха.

— Вот оно что! Так это ты Пьер Пройдоха? Не ты ли так хорошо обработал нашего хозяина?

— Да, я.

— Ступай тогда за мной.

Пьер Пройдоха уныло поплелся вслед за привратником. Увидев его, черт закричал:

— Ты, видимо, не прочь меня и сегодня молотить?

Мельник ничего не ответил.

— Выбрось его сию минуту отсюда, — сказал Люцифер привратнику. — У меня таких молодцов, как он, достаточно.

Пьер Пройдоха, не говоря ни слова, убрался восвояси. Он и сейчас муку мелет.

Сапожник после смерти тоже направился к вратам ада, но святой Петр сказал ему, что имени его нет в списках, а когда он подошел к чистилищу, святой Ив тоже предложил ему убраться подальше. Тогда сапожник подошел к двери ада и попросил там местечка.

— А как тебя звать?

— Вы все равно моего имени не знаете. Я был сапожником у вашего хозяина.

— Так это ты его так хорошо зашил? Ну, непоздоровится же тебе за это!

— Я так и думал, — ответил сапожник.

— Ступай за мной.

Сапожник с понурым видом потащился вслед за привратником; он считал, что теперь-то он попался.

Увидав его, черт закричал:

— Выбрось его поскорее отсюда! Не будь я Люцифер, если пуцу в ад хоть одного сапожника!

Сапожник поспешно ушел, не ожидая, чтобы привратник проводил его до ворот.

Умер, в свою очередь, и кузнец. Он сразу направился к воротам рая.

— Что тебе нужно? — спросил святой Петр.

— Хочу в рай.

— А ты его заслужил, что туда просишься!

— Кто его знает!

— Проваливай, здесь нет для тебя места.

У ворот чистилища святой Ив отказался впустить его, так как святой Петр не выдал ему нужных бумаг.

«На этот раз я здорово влопался, — подумал кузнец. — Я подковал черта, он, в свою очередь, подкует меня».

Кузнец поплелся прочь такими мелкими шагками, что добирался больше недели, а подойдя к аду, стал бродить вокруг да около, не решаясь войти.

— Что тебе надо? — спросил привратник.

— Я пришел узнать, не нужен ли вашему хозяину кузнец.

— А как тебя звать?

— Пьер Сквернослов.

— А, ему давно охота повидать тебя.

Привратник привел кузнеца к чёрту.

— Вот, — сказал он, — Пьер Сквернослов спрашивает, не требуется ли вам кузнец.

— Ага! — воскликнул Люцифер. — Не бойся, теперь я позабочусь о тебе. У меня до сих пор на ногах подковы, которые ты мне прибил, никто не может снять их.

— Если вы меня отпустите, я сниму их.

— А ты можешь это сделать?

— Да, так же легко, как приделал.

Кузнец приказал раздуть огонь и расковал черта, и тот помиловал его.

Из всех работников Люцифер забрал себе только Пьера Простофилю, который попался из-за своей простоты.

Дыл когда-то человек, зеленый как трава и с одним только глазом во лбу. Этот зеленый человек жил в старом домишке, на краю Рамберского леса, с тремя дочерьми: старшая была хороша как день, вторая еще краше, а самая младшая, которой исполнилось только десять лет, прекраснее их обеих.

Однажды зимним вечером зеленый человек сидел у открытого окна. Ночь наступала, и от реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья, и на подоконник села птица величиной с быка, черная как уголь.

— Кра! Кра! Кра! Я — король воронов.

— Король воронов, чего ты от меня хочешь?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу взять в жены одну из твоих дочерей.

— Король воронов, подожди меня здесь.

И зеленый человек пошел к своим трем дочерям.

— Слушайте, дочки. Прилетел король воронов. Он хочет в жены одну из вас.

— Отец, — сказала старшая, — вот уже скоро год, как я обручена с сыном испанского короля, который приезжал в Лектур в день святого Мартина покупать мулов на ярмарке. И вчера мой жених прислал весть через одного паломника, что он скоро приедет и увезет меня в свое королевство. Вы видите, отец, — я не могу стать женой короля воронов.

— Отец, — промолвила вторая дочь, — а я обручена вот уже год с сыном короля Морских Островов. И вчера мой милый прислал мне весть с одним матросом из Бордо, что он скоро приедет и увезет меня к себе. Вы видите, отец, что я не могу стать женой короля воронов.

Тут зеленый человек поглядел на свою третью дочь. Но она была такая молоденькая, что ему стало ее жалко, и он подумал:

«Будь я проклят навеки, как те, что умирают без покаяния, если отдам это дитя в жены королю воронов».

И зеленый человек, ничего не спросив у своей меньшей дочери, вернулся к королю воронов, который все еще сидел на подоконнике.

— Король воронов, ни одна из моих дочерей не хочет тебя.

Король воронов страшно рассердился. Сильным ударом клюва выколол он зеленому человеку его единственный глаз, который помещался у него как раз посредине лба. Потом улетел в туман.

Зеленый человек завопил, как будто в него бес вселился. На крики прибежали три дочери.

— Отец, что с вами? Кто вам выколол глаз?

— Его выклевал король воронов за то, что вы все отказались выйти за него замуж.

— Отец, — промолвила меньшая дочь. — Не пристало мне спорить с вами! Но я не отказывалась выйти замуж за короля воронов.

— Хорошо. Отведи меня в постель, и пусть никто не входит ко мне в комнату, пока я не позову.

Третья дочь сделала как приказал отец.

На другой день к вечеру зеленый человек позвал младшую дочь и сказал ей:

— Отведи меня в ту комнату, где я сидел вчера, когда король воронов выклевал мне глаз. Открой окошко и оставь меня одного.

Младшая дочь сделала так, как приказал отец. А зеленый человек сел к окну. Наступала ночь, и с реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья. И птица величиной с быка, черная как уголь, села на подоконник.

— Кра! Кра! Кра! Я король воронов.

— Король воронов, чего тебе надо?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу в жены одну из твоих дочерей.

— Король воронов, ты получишь мою меньшую дочь.

Тогда король воронов вернул глаз зеленому человеку и прокаркал:

— Кра! Кра! Кра! Скажи моей невесте, чтобы она была готова завтра утром на заре и надела белое платье и брачный венец.

На рассвете небо почернело от воронов, которые налетели за ночь. Перед домом зеленого человека они поставили алтарь, чтобы можно было совершить брачный обряд. У подножия алтаря стоял король воронов, весь закутанный в большое покрывало, белое как снег. Когда все было готово и зажгли венчальные свечи, неизвестно

откуда появился священник в полном облачении и с ним служка, чтобы совершить брачный обряд. После венчания священник и служка исчезли так же, как появились. А король воронов все скрывался под белым как снег покрывалом.

— Кра! Кра! Кра! Отведите мою жену к отцу.

Новобрачную отвели в дом отца. Тогда король воронов появился из-под своего покрывала, белого как снег.

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, пусть дочь останется у тебя до полудня. А в полдень вороны по моему приказу унесут ее в мое царство.

И он улетел к северу.

В полдень жена ворона стояла уже на пороге отцовского дома.

— Прощайте, отец мой! Прощайте, сестры! Я покидаю родную страну и наш дом. Меня увезут на чужбину, и я не вернусь никогда, никогда!

Вороны подняли свою королеву и унесли ее на крыльях по воздуху в царство холода, в царство льда, где нет ни деревьев, ни травы. До захода солнца они пролетели три тысячи миль. Королеву опустили на землю перед главными воротами замка.

— Спасибо вам, вороны. Я не забуду вашей верной службы. Теперь поужинайте и ложитесь спать. Вам пора отдохнуть.

Вороны улетели, а королева вошла в замок. Он был в семь раз больше, чем церковь святого Жерве в Лектуре. Повсюду горели свечи, в каминах пылал огонь, такой жаркий, как в печах, в которых обжигают кирпич. Но нигде не видно было ни души.

Королева долго бродила по замку и наконец пришла в большой зал, где стоял стол, уставленный всякими кушаньями и винами. На столе был приготовлен только один прибор. Королева села. Но ей не хотелось ни есть, ни пить, потому что она не переставала думать о родных и тосковать по дому.

Час спустя королева легла в постель, задернула золотой полог и, не засыпая, не потушив свечей, стала ждать.

Как только пробило полночь, послышался шум могучих крыльев. Это король воронов прилетел домой

почевать. Он остановился за дверью комнаты, где лежала королева.

— Кра! Кра! Кра! Жена, потуши свет.

Королева задула свечи, и король вошел в темноте.

— Кра! Кра! Кра! Слушай, жена, и запомни, потому что мы здесь на ветер слов не бросаем. Когда-то я был королем над людьми. Теперь я король воронов: злой колдун обратил в птиц меня и весь мой народ. Но предречено, что испытанию нашему наступит конец. И ты можешь этому помочь. Я надеюсь, что ты исполнишь свой долг. Каждую ночь я, как сегодня, буду прилетать и спать с тобой рядом. Но тебе только десять лет. И настоящей женой ты станешь мне не раньше, чем через семь лет. До тех пор не пытайся никогда увидеть меня. Если ты ослушаешься, то накличешь великую беду на себя, на меня и на мой народ.

— Король, я исполню вашу волю.

И вот королева услышала во мраке, как король воронов снимает свои крылья. Сделав это, он подошел к кровати и лег. Королеве стало страшно. Она протянула руку и почувствовала холод обнаженного меча, который ее супруг положил между ними.

На другое утро, перед зарей, король воронов встал в темноте, взял с кровати обнаженный меч, облекся снова в перья и крылья и улетел, не сказав куда.

С этих пор так бывало каждое утро и каждый вечер. Королева, хоть и боялась супруга-ворона, полюбила его, потому что видела, что он могуч и смел.

Однако бедняжке надоела такая жизнь. Она скучала — ведь ей не с кем было словом перемолвиться! И, чтобы немного развлечься, она стала часто уходить из замка рано утром, захватив с собой корзинку, полную всякой снеди. До наступления ночи бродила она по равнинам, среди снега и льда. И никогда не встречала ни единой живой души.

Однажды утром королева, гуляя, зашла далеко от замка и увидела высокую гору, не покрытую снегом.

И вот королева пустилась в путь. Семь часов шла она в гору, пока не пришла к убогой хижине на берегу ручья.

У ручья стирала прачка, вся сморщенная как старая кожа и древняя как придорожный камень.

Отжимая белье, черное как сажа, прачка пела:

Фея, фея,
Стирке твоей
Все еще нет конца.
Долгожданная дева-жена
Все еще не пришла.

— Здравствуйте, прачка, — сказала королева. — Я помогу вам выстирать белье, оно черно как сажа.

— Спасибо, дитя мое.

Не успела королева окунуть белье в воду, как оно стало белее молока. Тогда старая прачка запела:

Фея, фея,
Стирке конец!
Дева-жена пришла.

Потом она сказала королеве:

— Давно я жду тебя. Теперь мои испытания кончились, и этим я обязана тебе. А твоим страданиям, бедняжка, еще не конец! Муж дал тебе добрый совет. Но советы ни к чему не ведут. Что суждено, то и сбудется. Теперь иди домой и не возвращайся сюда, пока не наступит день, когда ты будешь сильно нуждаться в помощи.

Королева воротилась в замок. Жизнь ее текла по-прежнему, день за днем. Так прошло ровно семь лет без одного дня с тех пор, как король воронов обвенчался с ней перед домом зеленого человека на опушке Рамьерского леса. И вот королева подумала:

«Срок, назначенный мужем, кончается. Днем позже или днем раньше, не все ли равно? Сегодня ночью я узнаю, каков собой мой супруг».

Когда наступил вечер, королева зажгла свечу в спальне и спрятала ее так искусно, что в комнате было темно, как в печке. Потом она легла в постель и стала ждать. Как только пробило полночь, в воздухе зашумели крылья. Это король воронов прилетел домой почевать. Королева слышала, как он снимает крылья. После этого он, как всегда, лег в постель, положив обнаженный меч между собой и женой, и уснул.

Тогда королева встала, взяла свечу из потайного места и при свете ее посмотрела на спящего. Перед ней лежал не ворон, а человек, прекрасный как день.

— Боже, как хорош мой супруг!

Она со свечой в руке подошла к самой постели, чтобы лучше разглядеть его, и капля расплавленного воска упала со свечи на спящего. Король воронов проснулся.

— Жена! — воскликнул он. — Ты навлекла великую беду на меня, на себя, на мой народ. Завтра нашему испытанию должен был наступить конец. Я стал бы тебе настоящим мужем, в том образе, в каком ты видишь меня сейчас... А теперь нам придется расстаться! Злой колдун, который держит меня в своей власти, поступит со мной как захочет. Но сделанного не воротишь, слезами горю не поможешь. Я прощаю тебе зло, которое ты причинила. Уходи из этого замка, здесь скоро свершится то, чего тебе не следует видеть. Ступай, и да будет с тобой милосердие божие, куда бы ты ни пошла.

Королева ушла, рыдая. А злодей, державший короля в своей власти, сковал его железной цепью весом в сорок пудов и унес сквозь тучи на вершину высокого утеса. Утес этот стоял на острове среди моря. Здесь колдун воткнул конец цепи в скалу и припаял его свинцом и серой, да так искусно, как не сделает самый лучший слесарь. Потом свистнул — и тотчас на его свист прибежали два волка, громадные как быки, один чернее сажки, другой белый как снег. Белый волк сторожил короля днем, а ночью спал. Черный волк сторожил короля ночью, а днем спал.

— Волки, зорко стерегите короля воронов!

Злодей ушел, и король воронов остался один с волками, прикованный цепью к вершине высокой скалы на острове среди моря.

А в это время королева, покинув дворец, все шла и шла и плакала так, словно хотела выплакать глаза. Заливаясь слезами, дошла она до вершины высокой горы без снега, где у ручья стояла убогая хижина старой прачки.

— Бедняжка, — промолвила старуха, — вот и пришло горе, как я тебе предсказывала. Чему быть, того не миновать. Но ты когда-то оказала мне услугу, и я отплачу добром за добро. Надень эту пару железных башмаков, в них иди на поиски мужа. Он в плену у колдуна, на вершине высокой скалы, на острове среди моря. Вот тебе еще котомка, в которой никогда не переводится хлеб, сколько бы ты ни съедала. Вот выдолбленная тыква, в

ней всегда будет вино, сколько бы ты ни пила из нее. Вот золотой нож, который тебе понадобится для защиты и для того, чтобы нарезать голубой травы, той травы, что поет ночью и днем, травы, что крушит железо. Когда твои железные башмаки допнут, наступит для короля во-ронов час освобождения.

— Спасибо, прачка!

И королева пошла дальше.

Через три дня она пришла в страну, где нет ни ночи, ни луны, где всегда светит солнце. Здесь блуждала она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, в котомке всегда находился хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Королева тотчас достала свой золотой нож.

— Королева, — молвила голубая трава, — не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, но я не та трава, что поет ночью и днем, не та трава, что крушит железо.

Королева спрятала золотой нож и пошла дальше.

Три дня спустя она пришла в страну, где нет дня, где всегда светит луна. Здесь блуждала она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, в котомке для нее всегда находился хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла голубую траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Голубая трава пела:

— Я — голубая трава и пою ночью и днем. Я — голубая трава и пою ночью и днем.

Королева тотчас достала золотой нож.

— Королева, — молвила голубая трава, — не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, пою ночью и днем. Но я не та трава, что крушит железо.

И королева опять спрятала золотой нож и побрела дальше.

Через три дня она пришла в страну, где не светят ни солнце, ни луна и всегда царит черная ночь. Здесь ходила она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, она всегда находила в котомке хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она услышала во мраке пение:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Королева мигом достала свой золотой нож и пошла в темноте к тому месту, откуда слышалось пение. И вдруг ее железные башмаки лопнули: она наступила на голубую траву, ту самую, что поет ночью и днем, ту траву, что крушит железо.

Своим золотым ножом королева срезала траву, а та все продолжала петь:

— Я — голубая трава, трава, что поет ночью и днем, трава, что крушит железо.

Королева спрятала нож.

Она пошла дальше во мраке ночи, босиком среди колючего терновника. Долго, долго шла она. Наконец ночь кончилась и взошло солнце.

Королева очутилась на берегу большого моря, и совсем близко от нее качалась лодка.

Королева вошла в лодку и пустилась в открытое море. Семь дней и семь ночей она не видела ничего, кроме неба и воды. На утро восьмого дня она приплыла к острову и увидела короля воронов, прикованного к вершине высокой скалы.

Увидев королеву, громадный белый волк бросился к ней с открытой пастью.

Королева тотчас достала золотой нож и взмахнула пучком травы, которая не переставала петь:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Под это пение белый волк лег и крепко уснул.

Тогда королева золотым ножом заколола большого белого волка. После этого она прикоснулась поющей травой к цепи весом в сорок пудов, которой был скован король воронов. Цепь распалась.

И в тот же миг трава увяла и перестала петь. А король воронов встал, прямой и гордый как Цезарь.

— Кра! Кра! Кра! Спасибо тебе, жена!

Потом закричал на все четыре стороны:

— Кра! Кра! Кра!

И со всех четырех концов света потянулись к нему стаи воронов. Подлетали к королю и сразу принимали

свой прежний, человеческий образ. Когда все собрались, король сказал:

— Мой верный народ, страдания наши окончились. Взгляните туда, вдаль. Это король, мой верный друг, едет за нами с семью тысячами кораблей. Через месяц все мы будем в родной стране.

58. ВЫКЛЕВАННОЕ СЕРДЦЕ

Раз вечером во время карнавала влюбленный рыцарь спросил у своей дамы:

— Прекрасная, когда же вы полюбите меня?

— Я полюблю вас тогда, когда вы достанете мне Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Филиппа на пороге вашего дома.

В день святого Филиппа вечером красавица ждала влюбленного рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот я принес вам Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца. Скажите же, что вы меня любите.

— Рыцарь, я люблю вас. Но, боже, как вы бледны!

— Диво ли, что я бледен? Сто черных волков стерегли Золотой Цветок, что поет на восходе солнца. Они так терзали меня, что я потерял половину своей крови. Прекрасная, скажите мне, когда же мы обручимся?

— Рыцарь, мы обручимся, когда вы достанете мне Голубую Птицу, говорящую птицу, которая рассуждает обо всем как человек.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Роха на пороге вашего дома.

В день святого Роха красавица ожидала рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот вам Голубая Птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как любой христианин. Скажите же мне, когда мы обвенчаемся?

— Рыцарь, мы обвенчаемся, когда вы найдете орлиного царя и принесете его мне пленником в железной клетке. Боже, рыцарь, как вы печальны!

— Печален? Я печален недаром, у меня на то есть причины. Голубая Птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как человек, сказала, что вы не любите меня.

— Голубая Птица, ты солгала! За это я тебя сейчас велю ощипать и изжарить живой.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Луки на пороге вашего дома.

Вечером в день святого Луки красавица ждала на пороге своего дома.

— Мать, мать, мой рыцарь не вернулся!

— Садись за стол, дочь моя. Твой милый придет во время ужина.

После ужина красавица снова вышла на порог.

— Мать, мать, не идет мой рыцарь!

— Ложись спать, дочь моя. Твой милый вернется завтра утром.

Красавица легла в постель. Но в полночь она тихонько встала и вышла на порог встречать своего рыцаря.

— Здравствуйте, прекрасная! Орлиный царь сильнее меня. Быть может, кто-нибудь другой сумеет принести вам его в железной клетке.

— Рыцарь, что за красная дыра зияет у вас в груди?

— Красавица, здесь было мое сердце. Орлиный царь выклевал его. Мы не будем мужем и женой никогда, никогда.

И рыцарь скрылся во мраке ночи. А красавица на другой день постриглась в монастыре кармелиток и до самой смерти не снимала черного монашеского покрывала.

59. НАКАЗАННАЯ КОРОЛЕВА

ил некогда король, надежный как золото, смелый и сильный как Самсон. Каждое утро после обедни он щедро раздавал милостыню и творил правый суд одинаково над бедными и богатыми.

На беду королева совсем не походила на своего мужа. Никогда никто на свете не видывал и не увидит такой скупой и злой женщины, как она.

У короля и королевы был один-единственный сын. Пока ему не исполнилось двадцать один год, король заботливо следил за его воспитанием. Узнав о малейшем проступке принца, он тотчас призывал его к себе.

— Слушай, сын, — говорил он ему, — когда я умру, ты будешь править страной вместо меня. Тогда уже никому будет тебя учить. Но пока я жив, это мой долг.

Король брал палку и изо всей мочи колотил сына. Отколотив, он отправлял его в тюрьму, где принц спал на голом полу, ел один черный хлеб и пил только воду. Вот почему он скоро стал таким благоразумным и скромным юношей, что все говорили:

— Сын и отец достойны друг друга. Когда король умрет, будет кому блюсти мир и справедливость в нашей стране.

Раз вечером, в конце ужина, король сказал сыну:

— Сын мой, я люблю тебя за то, что ты справедлив, скромен, смел и силен духом. Завтра тебе минет двадцать один год. Я уже стар и скоро уступлю тебе трон. Бери всех моих лошадей, всех собак и столько денег, сколько тебе понадобится. Езди на охоту, на храмовые праздники, проводи весело время. Но через полгода я хочу видеть тебя женатым. Выбери хорошую девушку, какая тебе придется по вкусу. Я не буду спокоен до тех пор, пока не увижу твою жену хозяйкой замка.

— Спасибо, отец. Благослови вас бог!

Королева слушала молча. А про себя подумала:

«Вот как! Значит, через полгода я уже не буду хозяйкой замка? Посмотрим!»

После ужина она отозвала сына в сторону:

— Вот что, сын. Езди на охоту, посещай храмовые праздники и веселись. Но жениться тебе еще рано, ты слишком молод. Заведи себе милую. Красивых девушек у нас сколько угодно.

Сын опустил голову и ничего не ответил.

На другое утро он с рассветом уехал на охоту, а вернулся только к ночи. И с этих пор проводил так каждый день. Король был недоволен и часто говаривал:

— Мой сын, ты каждый вечер возвращаешься нагруженный зайцами и куропатками. Но когда же ты привезешь нам живую добычу — славную, красивую невестку?

— Подождите, отец. Это не к спеху.

В конце концов король потерял терпение.

«Вот как, — подумал он, — ты не хочешь выбрать себе жену? Ну что ж, тогда я сам выберу ее для тебя».

И через неделю в замок прибыли гости — король соседней страны с дочерью. Принцесса была хороша, как ясный день, и чиста душой, как святая. Она знала много разных песен и пела как сирена.

Сын короля забросил охоту. Он с утра до вечера сидел подле красавицы:

— Пойте, принцесса! Пойте еще!

И девушка пела так сладко, так нежно, что, глядя на нее, принц твердил про себя:

«Она, только она будет моей женой! Если нет, я невесть что натворю!»

Наконец гости уехали домой. И юноша сильно загрустил. Зато старый король был весел, как никогда.

— Вот они и уехали, — сказал он в тот вечер за ужином. — Добрый путь им, и дай бог, чтобы подольше не приезжали опять.

Принц побледнел как смерть.

— Отец, прошу вас, не говорите этого! Я и сказать вам не могу, как полюбил принцессу. Если вы не позволите мне жениться на ней, я невесть что натворю.

— Глупый мальчик! Вы с ней уже помолвлены. Неужели ты не догадался? Завтра вечером мы все отправляемся в замок твоей невесты. И через неделю я хочу видеть ее здесь хозяйкой.

— Спасибо, отец. Благослови вас бог!

Королева слушала, не говоря ни слова. После ужина она вышла и через минуту воротилась. Отец и сын чокались. Оба были очень веселы.

— Выпьем, мой друг, за здоровье твоей милой.

— Король, — промолвила королева, — отчего вы не выпьете за мое здоровье?

— За твое здоровье, жена!

— За ваше здоровье, матушка!

— Спасибо! Выпьем еще!

Все трое осушили свои бокалы. Прошло пять минут, и король позеленел как трава.

— Что с вами, отец?

Король упал на пол. Он был мертв.

На другой день его похоронили. Сын роздал много золота и серебра нищим и священникам. Возвратясь с кладбища, он сказал слугам:

— Приготовьте мне постель в покоях моего бедного отца.

— Король, ваше приказание будет исполнено.

Новый король заперся в спальне покойного отца. Здесь он долго молился на коленях. Потом, как был, одетый, бросился на кровать и уснул. Разбудил его первый удар часов, бивших полночь. На него смотрел призрак умершего короля.

Призрак взял сына за руку и повел его в темноте на другой конец замка. Тут он открыл тайник и указал пальцем на склянку, уже наполовину пустую:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

Мертвец закрыл тайник и удалился. Молодого короля пот прошиб от страха. Но он был человек смелый и сильный духом. Потихоньку сошел он вниз в конюшню, оседлал своего лучшего коня и галопом умчался в черный мрак ночи.

С первым проблеском зари он тихо постучался в дом своего лучшего друга.

— Друг, на меня обрушилось несчастье. Я ухожу куда глаза глядят. Ступай завтра к моей невесте в замок ее отца и скажи ей вот что: «На вашего жениха обрушилось несчастье. Он уехал неизвестно куда. Вам не быть его женой. Но он вас не забудет и никогда больше не взглянет ни на одну девушку. Удалитесь в монастырь. Постригитесь в монахини и молитесь за вашего друга до того дня, когда вас отнесут на кладбище!»

— Король, ваша воля будет исполнена.

Король галопом умчался в черный мрак ночи.

На другой день он приехал в город, который был в семь раз больше Тулузы. Здесь он продал свою шпагу, богатый наряд и коня, деньги роздал беднякам и пошел дальше нищий, с посохом в руке и котомкой за плечами. Он шел до тех пор, пока не пришел к высокой горе, такой высокой, что только орлы долетали до ее вершины. На этой горе король построил себе хижину. Когда его мучила жажда, он пил воду горных родников. Когда ему хотелось есть, он утолял голод травами и дикими плодами, которых вокруг было достаточно.

Раз вечером король молился у себя в хижине долго-долго, пока не уснул. Когда он проснулся, звезды показывали полночь. На него смотрел призрак умершего отца:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

Мертвец исчез. Короля пот прошиб от страха. Но он был смел и силен духом. И вот он среди ночи пустился в путь. На заре он был уже у подножия горы. Целый год шел бедный король, шагал все вперед, вперед, ни у кого не спрашивая дороги, и наконец пришел в свое королевство. Вечером он, таясь от людей, постучался в дом своего лучшего друга.

— Здравствуй, друг. Ты меня не узнаешь?

— Вы наш король!

— Да, я король. Скажи мне, как живет моя милая?

— Ваша милая умерла в монастыре.

— Скажи мне, что делает моя мать?

— Ваша мать по-прежнему у себя в замке и царствует на горе всей стране.

— Теперь я знаю все, что хотел. Проводи меня в какую-нибудь комнату. Я устал и хочу спать. А завтра ты меня разбуди до рассвета.

— Король мой, все будет исполнено.

Король лег и уснул.

Он проснулся, когда било полночь. На него смотрел призрак:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

— Отец, я исполню вашу волю.

Мертвец исчез. Короля пот прошиб от страха. Но он был человек смелый и сильный духом.

На рассвете его друг вошел к нему.

— Слушай, друг! Сегодня вечером я покину мою страну навеки. Вот указ, которым я назначаю королем тебя. А теперь принеси мне шпагу, платье, подобающее королю, и оседлай на конюшне доброго коня.

Король умчался галопом. На закате он постучался в ворота своего замка.

— Здравствуйте, матушка, дорогая матушка!

— Здравствуй, сын мой. Откуда ты? Что же ты не отвечаешь? Я хочу знать, где ты был.

— Матушка, дорогая матушка, я скажу вам это за ужином. Я скажу вам это, когда мы останемся одни за столом. Я голоден.

Мать и сын сели за стол. Когда они остались вдвоем, король промолвил:

— Матушка, дорогая матушка, вы желаете знать, где я был? Я объезжал мое королевство. Я женился на моей возлюбленной, завтра она будет здесь.

Королева слушала молча, без единого слова. Она вышла и через минуту воротилась.

— Жена твоя завтра приедет? Тем лучше, выпьем за ее здоровье.

Король вытащил шпагу из ножен и положил ее на стол.

— Мать моя, бедная моя мать, вы хотели меня отравить. Я вам это прощаю. Но мой отец вас не хочет простить. Трижды приходил он ко мне с того света и говорил: «Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня». И вчера я ответил ему: «Отец, я исполню вашу волю». Матушка, бедная моя матушка, молитесь бога, чтобы он сжалился над вашей душой. Взгляните на эту шпагу. Хорошенько поглядите на нее. Я даю вам ровно столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть молитву, а после того я отрублю вам голову, если вы не выпьете раньше яд, который налили для меня. Пейте же, пейте до дна, мать моя, бедная моя мать!

Королева выпила бокал до дна. Через пять минут она позеленела как трава.

— Простите меня, матушка, бедная матушка!

— Нет, не прощаю.

И королева упала на пол. Она была мертва.

Тогда король стал на колени и помолился богу. Потом тихонько сошел вниз на конюшню, вскочил на своего коня и во весь опор умчался в ночной мрак. Больше его никто никогда не видел.

60. ТРИ ОХОТНИКА

или-были три охотника.

Два ходили голые, а на третьем не было никакой одежды.

У охотников было три ружья.

Два ружья были не заряжены. В третьем не было заряда.

Охотники вышли из города на рассвете и шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Близ леса они застрелили трех зайцев и двух из них упустили. А третий заяц от них сбежал. Они положили его в карман к тому охотнику, на котором не было одежды.

— Ах, боже мой! — сказали они. — Как же мы сварим того зайца, который от нас убежал?

И вот три охотника снова пустились в путь.

Они шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Наконец пришли к дому без стен, без крыши, без дверей, без окон, без всего.

Три охотника три раза громко постучали в дверь:

«Тук! Тук! Тук!»

Хозяин, которого не было дома, отозвался:

— Кто там? Что вам нужно?

— Не окажете ли вы нам услугу? Одолжите нам горшок, чтобы сварить того зайца, который от нас убежал.

— Ах, боже мой, друзья, у меня есть только три горшка: у двух выбито дно, а третий уже никуда не годен!

61. БЕЛЫЙ ВОЛК

давние времена жил человек, у которого было три дочери. Однажды он сказал им, что отправляется в путешествие.

— Что ты мне привезешь? — спросила старшая дочь.

— Что хочешь.

— Привези мне нарядное платье.

— А ты что хочешь? — спросил отец вторую дочь.

— Я тоже хочу платье.

— А ты, мое дитя? — спросил он самую младшую, которую любил больше двух других.

— Мне ничего не надо, — ответила она.

— Как это ничего?

— Да так, отец, ничего.

— Я обещал привезти подарки твоим сестрам и не хочу, чтобы ты одна осталась ни с чем.

— Ладно, я хотела бы иметь говорящую розу.

— Говорящую розу? — воскликнул отец. — Где же мне найти ее?

— Отец, я хочу только эту розу; без нее ты не возвращайся.

Отец отправился в путь. Он легко достал красивые платья для старших дочерей, но где бы он ни осведомлялся о говорящей розе, ему отвечали, что он, видно, шутит и что во всем мире нет такой розы.

— Да если бы такой розы не было, — говорил отец, — моя дочь не стала бы ее просить у меня.

Однажды он увидел перед собой прекрасный замок, откуда доносился неясный шум. Он прислушался и различил голоса. В замке пели и говорили. Обойдя несколько раз кругом замка в поисках входа, он наконец нашел калитку и вошел во двор, посредине которого цвел розовый куст, весь усеянный розами: их-то голоса он и слышал, это они говорили и пели. «Наконец, — подумал он, — я нашел говорящую розу». И он тотчас сорвал одну из них.

В тот же миг на него набросился белый волк и закричал:

— Кто тебе позволил войти в мой замок и рвать мои розы? В наказание ты умрешь — каждый, кто сюда проникнет, должен умереть!

— Отпустите меня, — сказал бедняга, — я верну вам говорящую розу.

— Нет, нет, — ответил белый волк. — Ты умрешь!

— Несчастный я, несчастный! Моя дочь попросила меня привезти говорящую розу, а теперь, когда я наконец ее разыскал, я должен умереть!

— Послушай-ка, — сказал белый волк, — я тебя помилую и даже позволю тебе оставить розу у себя, но с одним условием: ты приведешь ко мне первого, кто встретится тебе дома.

Бедняга обещал выполнить то, чего от него требовал волк, и пустился в обратный путь. И кого же он увидел, едва вернулся домой? Свою младшую дочь.

— Ах, дочь моя, — сказал он, — какое печальное путешествие!

— Разве вы не разыскали говорящую розу? — спросила девушка.

— Я ее разыскал, но на свою беду. Я сорвал ее во дворе замка белого волка. Я должен умереть.

— Нет, — молвила дочь, — я не хочу, чтобы вы умерли. Лучше я умру вместо вас.

Она повторяла это столько раз, что наконец он сказал ей:

— Так и быть, дочь моя, я открою тебе то, что намерен был от тебя утаить. Знай, я обещал белому волку привести ему первого, кто мне попадется навстречу, когда я вернусь домой. Только под этим условием он согласился сохранить мне жизнь.

— Отец мой, — сказала дочь, — я готова отправиться в путь.

И вот отец вместе с ней пошел к замку белого волка. Они шли несколько дней и наконец под вечер добрались туда. Белый волк тотчас явился. Отец девушки сказал ему:

— Вот кто попался мне навстречу, когда я вернулся домой. Это моя дочь, которая просила привезти ей говорящую розу.

— Я вам не причиню зла, — сказал белый волк, — но вы должны обещать, что никому и слова не молвите о том, что вы здесь увидите и услышите. Этот замок принадлежит феям. Все мы, жители его, заколдованы; я обречен днем превращаться в белого волка. Если вы сумеете сохранить тайну, это пойдет вам на пользу.

Девушка и ее отец вошли в комнату, где стоял роскошно накрытый стол; они уселись и стали есть и пить. Вскоре, когда совсем уже стемнело, в комнату вошел прекрасный собою вельможа. Это был тот, кто вначале явился им белым волком.

— Вы видите, — сказал он, — что на этом столе написано: «Здесь хранят молчание».

Отец и дочь снова обещали соблюсти тайну.

Вскоре после того, как девушка удалилась в отведенную ей комнату, туда вошел прекрасный собой вельможа.

Она очень испугалась и стала громко кричать. Он ее успокоил и сказал, что если она будет следовать его советам, он женится на ней, она станет королевой, и замок будет ей принадлежать. Наутро он снова принял вид белого волка, и, слыша его жалобный вой, бедная девушка плакала.

Пробыв в замке еще одну ночь, отец девушки отправился домой. Сама она осталась в замке и вскоре обжилась там; к ее услугам было все, чего бы она ни пожелала, каждый день ее слух услаждала музыка, — ничего не жалели, чтобы ее развлечь.

Тем временем мать и сестры девушки сильно тревожились. У них только и было разговору:

— Где бедная наша дочка? Где наша сестрица?

Вернувшись домой, отец сначала ни слова не хотел сказать о том, что случилось, но потом уступил и открыл им, где он оставил дочь. Одна из сестер отправилась к девушке и стала расспрашивать ее о том, что с ней произошло. Девушка долго крепилась, но сестра так упорно ее просила, что она наконец открыла ей тайну.

Тотчас у двери послышался страшный вой. Девушка в страхе вскочила. Но едва она успела добежать до порога, как белый волк упал мертвым у ее ног. Тогда она поняла свою ошибку, но было уже поздно, и весь остаток своей жизни она провела в печали.

62. ЧЕРТОВА КОСА

древние времена люди в Геде кос и не выдывали, а сено снимали обыкновенными портновскими ножницами, так что работа у них совсем не спорилась.

Черт время от времени заходил в эти места за большими камнями — они нужны были ему, чтобы воздвигнуть гору святого Михаила. У него как раз было такое орудие, которым можно было в мгновение ока снять траву с целого луга, но черт работал только ночью и никому своего орудия не давал.

Раз он обещал одному беспутному человеку, с которым был в дружбе, выкосить ночью его луг. Святой Михаил узнал об этом и, забравшись на луг того человека,

утыкал землю зубьями бороны, — а у бороны зубья, как известно, железные. Потом он спрятался в дуло старого дуба и стал дожидаться наступления ночи. Он почти весь уместился в дупле, и только голова торчала среди листвы.

Черт появился, подошел к плетню, постукал молотком по лезвию косы, потом насадил ее на длинную палку, наточил и наконец равномерными взмахами стал косить траву, которая так и падала вокруг него.

Когда коса наткнулась в первый раз на железо, она зазубрилась. Черт начал ругаться, как только черти умеют, но продолжал работу. Наткнувшись на второй зуб, коса сломалась. Черт промолвил вслух:

— Вот и испортилась моя коса, придется нести ее к кузнецу! — И, продолжая сыпать проклятиями, пошел к местечку Динже.

На другой день святой Михаил отправился в Динже к кузнецу и спросил, не приносили ли ему в починку один инструмент.

— Принесли, — отвечал кузнец. — Странная какая-то штука, я таких никогда и не видывал.

— Вот что, кузнец, сделай-ка ты мне такую точно, и тогда я тебе объясню, для чего она служит.

— Ладно.

Святой Михаил не стал прятать своей косы, как черт. Он ее ссужал всем и всех учил, как работать ею.

Таким образом все люди начали употреблять косу.

Видя у крестьян в руках косы, сатана понял, что тайна его раскрыта, и сразу догадался, что его выследил святой Михаил. Рассвирепев, он отправился к святому и вызвал его на поединок.

— Согласен, — ответил архангел. — Но с условием, что мы будем драться в печи.

— Где хочешь, мне все равно.

И оба пошли в ближайшую деревню.

По дороге святой Михаил нашел деревянный молоток с короткой ручкой, которым женщины разминают коноплю и лен перед тем, как их трепать. Он сунул его под мышку и пошел дальше.

Пришли к печи. Черт прихватил с собой ухват и полез внутрь. Святой Михаил двинулся за ним. Ухват был такой длинный, что никак не входил в печь, и пока черт тянул его к себе, святой Михаил нещадно колотил своего противника молотком по голове.

— Пощади! — завопил черт. — Ведь этак ты меня убьешь!

— Я тебя пощажу только с тем условием, чтобы ты убрался из наших мест и никогда больше сюда не возвращался.

Торг был заключен, и с той поры в Геде никогда больше не видали дьявола.

63. НОЧНЫЕ ПЛЯСУНЫ

ила когда-то в прекрасном своем замке богатая знатная женщина. Были у нее родная дочь и падчерица. Дочь звалась Като; она была безобразна, неопрятна и злого нрава. Падчерица же, по имени Жанна, была прекрасна собой, приветлива, добра и рассудительна.

Женщина любила только свою родную дочь и дарила ей все, чего бы та ни пожелала: нарядные платья, драгоценности, а падчерицу ненавидела, одевала ее в отрепья и обходилась с ней как со служанкой.

В лесу недалеко от замка стояла старинная часовня, куда, по преданию, каждую ночь приходил священник, умерший много лет назад; он все пытался отслужить мессу, но это ему не удавалось, потому что не было причетника.

Утверждали также, что в полночь в часовне светится огонек и что там водятся привидения.

Чтобы попасть в часовню, надо было пройти перекресток, где, говорили люди, ночные плясуны устраивали свои игры и забавы. После захода солнца все старались держаться подальше от этих мест.

Злая мачеха все думала и гадала, как ей отделаться от Жанны, — ведь тогда наследство ее мужа досталось бы не Жанне, а Като.

Как-то раз, в воскресный вечер в декабре, мачеха за сиделась у очага, слушая, как ее слуги пели старинные дедовские песни и рассказывали сказки, одна другой чудеснее. Когда пришло время сообщать прочесть вечернюю молитву, она вскричала:

— Ах, какая досада, я забыла в часовне свой молитвенник. Жанна, скорее сходи за ним!

— Хорошо, матушка, — ответила бедняжка.

Но ей было страшно, и она сказала одной из служанок:

— Пойдем со мной, Маргарита.

— Нет, нет, ты пойдешь одна, — сказала мачеха. — Уж не боишься ли ты? В твои-то годы? Ступай!

Жанне пришлось покориться. Собачка ее Фидель, всюду ее сопровождавшая, побежала было за ней. Но Като погналась за собачкой, дала ей пинка и заперла дверь, чтобы Фидель не могла выйти.

Фидель выскочила в окно, разбив стекло, и догнала свою хозяйку. Жанна немного ободрилась, увидев собачку, погладила ее и велела не отставать.

Была чудесная лунная ночь. Дойдя до перекрестка, девушка увидела семерых крохотных человечков в больших шляпах — семерых карликов, которые плясали, держась за руки и распевая. Она остановилась, не решаясь продолжать путь. Один из плясунов отошел в сторону, остальные же подбежали к ней и увлекли ее в свой хоровод, восклицая:

— Пляшите с нами, красавица, пляшите, пляшите с нами!

— Охотно, судари мои, — учтиво сказала Жанна, — если это вам приятно.

И она закружилась в хороводе. Песни и пляски продолжались, карлики старались еще больше прежнего.

Вдруг карлик, державший Жанну за правую руку, воскликнул:

— Ах, какая милая, прелестная девушка!

— Пусть она станет еще вдвое милее и прелестнее, — ответил тот, который держал ее за левую руку.

— Ах, какая разумная девушка! — сказал третий.

— Пусть она станет еще вдвое разумнее! — пожелал четвертый.

— Ах, какая прекрасная девушка! — сказал пятый.

— Пусть она станет еще вдвое прекраснее! — сказал шестой.

— Прекрасна, как звезды на небе! — добавил седьмой, тот, который не плясал с другими.

Затем карлики один за другим, опять-таки за исключением седьмого, поцеловали девушку и исчезли.

Дойдя до часовни, Жанна там не увидела и не услышала ничего страшного или необыкновенного. Молитвен-

ник мачехи лежал на скамье, она его взяла и отнесла домой.

Если Жанна и прежде была хороша собой, то теперь она стала еще прекрасней. Ее красота заблестала ярким светом и, словно майское солнце, озаряла дорогу, по которой девушка шла.

— Вот ваш молитвенник, матушка, — сказала она, подавая его мачехе.

Та глядела на девушку, онемев от изумления, разинув рот, вытаращив глаза, настолько красота падчерицы ослепила ее. Когда она наконец смогла заговорить, она спросила:

— Что с тобой произошло? Отчего ты так изменилась?

— Ничего не произошло, матушка, — ответила Жанна. Она не знала, что стала такой красавицей.

— Не повстречались ли тебе у перекрестка ночные плясуны?

— Да, матушка, я их повстречала и даже плясала с ними.

— И они не причинили тебе зла?

— Нет, они даже были очень со мной любезны.

— В самом деле? А что ты видела в часовне?

— Я не заметила там ничего необыкновенного, матушка.

— В самом деле? Что ж, ложись спать!

Мачеха ночь напролет размышляла о том, что произошло с Жанной.

— Наверно, это ночные плясуны так ее изменили, — твердила она себе. — Завтра днем я во время прогулки зайду в часовню и опять оставлю там молитвенник, а вечером пошлю за ним свою дочку. Посмотрим, что из этого выйдет.

На другой день она сказала дочери, что та будет такой же прекрасной, как Жанна, даже еще прекрасней, если тоже сходит ночью в старую часовню за молитвенником матери.

Като не очень-то хотелось идти — она была труслива и пуглива. Но в конце концов она все же согласилась, польстившись на то, что она станет такой же прекрасной, как Жанна, или даже еще прекрасней.

Когда часы пробили одиннадцать, мать сказала дочери:

— Пора идти, дитя мое! Ступай и не бойся, ничего дурного с тобой не случится.

Като сильно трусила, но ей до смерти хотелось стать красивой.

— Фидель, пойдем со мной, — сказала она и стала звать собачку сестры. Но та бегом побежала к Жанне. Като дала ей пинка и сказала:

— Ладно, гадкая собака! Обойдусь и без тебя! — И она отправилась в путь.

Дойдя до перекрестка, она увидела карликов, с песнями кружившихся в пляске. Като остановилась и стала на них смотреть, а они подошли к ней и спросили:

— Не попляшете ли с нами, сударыня?

— Эх вы, конский помет! — ответила Като. — Стану я плясать с такими грязными тварями! Тьфу!

— Ах, какая безобразная девушка! — сказал один из карликов.

— Пусть она станет еще вдвое безобразнее, — сказал второй.

— Ах, какая глупая девушка! — сказал третий.

— Пусть она станет еще вдвое глупее! — пожелал четвертый.

— Ах, какая злая девушка! — сказал пятый.

— Пусть она станет еще вдвое злее! — сказал шестой.

— И пусть она при каждом слове, которое скажет, изрыгает помет, — добавил седьмой.

И они исчезли.

Красотка Като пошла домой, не побывав в часовне. Завидев дочь, мать вскричала:

— Господи боже! Что с тобой приключилось, бедная моя дочка? Ты не принесла мой молитвенник?

— Понятное дело, нет! Сходите сами, если нужно!

И она изрыгнула кучу конского помета.

— Что это значит? Разве тебе не повстречались ночные плясуны?

— Как же! Я их видела, этих мерзких тварей!

И она снова изрыгнула кучу конского помета.

От нее шло зловоние, лицом она стала похожа на ядовитую жабу, которая вот-вот лопнет. Като и прежде была глупа, а сейчас она еще поглупела и вдобавок стала злобной как бешеная собака.

Мать заперла ее в комнату, где никто не мог ее видеть, и поклялась, что отомстит за нее Жанне.

Вскоре слух о красоте и разумности Жанны распространился по всей стране, и со всех концов света начали стекаться богатые и знатные люди, желавшие взглянуть на нее и взять ее в жены. Однако мачеха всем им отказывала.

Однажды явился молодой принц. Красота и добрый нрав девушки так пленили его, что он тут же попросил ее руки. Но злодейка-мачеха задумала сыграть с ним штуку на свой лад и решила подменить падчерицу своей родной дочерью. Она сказала принцу, что иметь его зятем — великая честь, что и она и девушка с радостью принимают его предложение.

Немедленно отпраздновали обручение, и был назначен день свадьбы. Принц прислал невесте кольца, изумруды, золотые и серебряные украшения.

Когда день свадьбы наступил, принц явился с многочисленной свитой знатных дам и господ.

Мачеха обвесила свою Като подаренными принцем драгоценностями, а бедную Жанну заперла на ключ в большой сундук, чтобы никто ее не видел.

Молодой принц прибыл в роскошной раззолоченной карете.

Собравшись ехать в церковь, злодейка укутала дочь покрывалом и села с ней в карету. Когда дверцы кареты захлопнулись, все трое очутились в темноте. Под предлогом, что невеста очень взволнована, принцу строго наказали не заговаривать с ней, пока не кончится венчание.

Карета тронулась. Собачка Фидель бежала за ней следом. Она так и заливалась: «Гав! Гав! Гав!», что должно было означать: «Не она! Не она! Не та! Не та!»

— Почему она все лает? — спросил принц.

— Так, по глупости, — отвечала мать Като. — Не обращайтесь внимания на эту мерзкую дворняжку. Ей тоже хотелось бы влезть в карету, но ведь она всех нас измарает.

Когда они пересекали соседний с замком лес, на карету села птичка и сказала на птичьем языке:

Увы! Увы! Жаннет, невеста,
Кому в чертоге царском место,
Осталась дома, в сундуке,
Покорна горестной судьбе.

А та, что злее всех зверей,
Кого бы надо гнать скорей,
Та мнит себя в чести, на троне.
Ах, принц! Не ей ходить в короне!

— Что поет эта птичка? — с удивлением спросил принц.

— Ничего, зять мой, — ответила мать Като, — не стоит обращать на нее внимания.

— О, видно здесь творится что-то необыкновенное! Я хочу узнать, в чем тут дело!

Птичка снова запела. Тогда принц велел кучеру остановить лошадей и вышел из кареты. Он открыл дверцы и приподнял покрывало невесты. Увидя, с каким безобразным чудищем ему предстояло обвенчаться, он закричал от ужаса и сказал:

— Вон, гнусные скоты! Змеи и жабы! Вылезайте, да поживее, и чтобы я никогда больше вас не видел!

И немедленно помчался обратно вместе со своей свитой, оставив красотку Като и ее мать посреди дороги.

Вернувшись в замок, принц стал ходить по всем комнатам, крича:

— Жанна, дорогая моя, где вы?

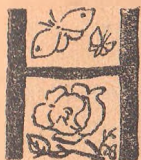
— Здесь! — отозвалась Жанна из сундука.

Принц схватил топор, взломал сундук и вытащил оттуда Жанну. Затем он посадил ее, не дав ей переодеться, в свой раззолоченный экипаж, повез в церковь и повенчался с ней, к удивлению всего света. А собачка Фидель, никогда не покидавшая свою хозяйку, следовала за ней до самого алтаря.

На обратном пути свадебный кортеж обогнал Като и ее мать, которые шли по грязи и плакали от злости.

Потом устроены были пышные празднества и богатые пиры. Супруги зажили счастливо, и у них было множество детей.

Никогда люди не бывают во всем согласны между собой, и на всех разом не угодишь.

Жил в одной деревне кюре, такой хитрый да изворотливый, что никому не удавалось поймать его на слове или уличить в чем-нибудь. Вот раз утром в воскресенье пришли к нему в ризницу церковные старосты его прихода.

— Здравствуйте, господин кюре!

— Здравствуйте, друзья! Что скажете?

— Господин кюре, засуха губит наш урожай. Мы пришли вас просить, чтобы вы постарались насчет дождя.

— Ничего нет легче, дети мои! Я знаю такую молитву — если ее прочитает, дождь пойдет в тот же день. Но только нужно, чтобы все как один были на это согласны и попросили меня. Вот я сегодня в конце проповеди поговорю с народом.

— Спасибо, господин кюре!

— Я всегда рад помочь вам, друзья!

Старосты вернулись в церковь, а кюре начал служить обедню. Когда пришло время проповеди, он взошел на кафедру и сказал:

— Дети мои, только что ко мне в ризницу приходили старосты нашего прихода и жаловались, что засуха губит урожай. Они просили меня вымолить у бога дождь. Я знаю одну молитву, которая вызывает дождь в тот же день, если только все как один захотят этого. Хотите, чтобы дождь пошел сегодня?

— Нет, господин кюре, — закричали парни. — Сегодня мы после вечерни хотим погулять.

— Так просить дождь на завтра?

— Нет, господин кюре, — отозвались три-четыре женщины. — У нас белье выстирано и повешено. Мы не хотим дождя, пока оно не просохнет.

— Хотите дождь во вторник?

— Нет, господин кюре, — сказали девушки. — Во вторник мы собираемся на ярмарку.

— Тогда давайте в среду?

— Нет, господин кюре, — зашумела толпа косцов. — В среду нам косить клевер.

— Хотите в четверг?

— Нет, — господин кюре, — закричали мальчишки. — В четверг у нас в школе не будет ученья, и мы хотим побегать на воле.

— Может быть, помолиться, чтобы дождь пошел в пятницу?

— Нет, господин кюре, — сказал человек, который делал черепицу. — Моя черепица еще сохнет на солнце, я не могу посадить ее в печь раньше субботы.

— Тогда хотите в субботу?

— Нет, господин кюре, — возразил мэр. — В субботу мне надо объехать деревни.

— Братья мои, я ведь вам сказал, что моя молитва о дожде помогает только в том случае, если все как один этого хотят. А до тех пор, пока вы не сговоритесь между собой, предоставим все господу богу.

65. ПРИНЦЕССА ТРОНКОЛЕН

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

ил однажды старый угольщик. Ему пришлось справиться в своей жизни уже двадцать пять крестин, но для своего двадцать шестого ребенка он никак не мог найти крестного. А крестную нашел. Когда он отправился искать крестного, то встретил роскошную колесницу, в которой сидел сам король. Угольщик снял шапку и упал на колени посреди дороги. Король увидел его, вышел из своей колесницы и дал ему золотой.

— Простите, ваша милость, — сказал королю угольщик, — но я ищущу не подаяния, а крестного для моего последнего ребенка, который только что родился, ищущу и не могу найти.

— Почему же так? — спросил король.

— Да потому, ваша милость, что я уже справил двадцать пять крестин, и все соседи уже были у меня крестными. А куму-то я нашел!

— Ну что ж, — сказал король. — Возвращайся домой, приходи в церковь с ребенком и крестной, а крестным у тебя буду я.

И старый угольщик вернулся в свою хижину, сияя от счастья.

Дали знать крестной, взяли ребенка и пошли в церковь. Король уже ждал их там.

Когда крестины окончились, крестный дал отцу тысячу эку на воспитание и учение своего крестника. Он дал ему также половинку замка, которую ребенок должен будет вернуть, когда ему минет восемнадцать лет. И затем король уехал.

Ребенка назвали Шарлем.

Когда Шарлю минуло семь лет, его послали в школу, и там он учился всему, чему хотел. Как только он достиг восемнадцати лет, отец вручил ему половинку замка и велел отправиться в Париж ко двору французского короля, его крестного. Юноша поехал верхом на прекрасном коне с половинкой замка в кармане. Любо было на него смотреть! На узкой истоптанной тропинке встретил он маленькую старушку, и она сказала ему, что немного дальше, у источника, он увидит человека, который предложит ему попить.

— Но ты следуй своей дорогой, сынок, и не пей, как бы он тебя ни просил.

— Хорошо, бабушка, я не буду пить воду из этого источника, — сказал Шарль.

Когда он подъехал к источнику, то увидел там путника, который сидел в тени, словно отдыхал.

Путник сказал ему:

— Прекрасный юноша, попробуй эту воду.

— Спасибо, мне не хочется пить, — ответил Шарль.

— Выпей хоть капельку. В жизни ты не пил такой вкусной воды!

Он так настаивал, что Шарль подошел к нему, чтобы испробовать той воды. Но став на колени рядом, чтобы вместе напиться воды из источника, путник вытащил из кармана Шарля половинку замка, вскочил на коня и умчался стрелой. Шарль побежал за ним, но куда там! Он не мог его догнать и скоро потерял из виду и знамя и коня.

«Горе мне, — подумал он. — Не послушался я совета старушки. Что же теперь делать? Все равно, пойду пешком. Рано или поздно, я приду в Париж, и тогда посмотрим».

И он зашагал по дороге.

Когда вор, которого Шарль встретил у источника, приехал в Париж, он тотчас же потребовал, чтобы его допустили к королю, и показал ему половинку замка. Соединили обе половинки и увидели, что они точь-в-точь подходят одна к другой. И вот негодяй оказался желанным гостем при дворе и король принял его за своего крестника. Целые дни вор только и делал, что ел, пил, пировал да гулял.

Немного погодя приехал туда и Шарль. Его взяли во дворец пастухом. Мнимый крестник увидел Шарля, испугался и стал придумывать, как бы ему от него избавиться и погубить его. Однажды он сказал королю:

— Если бы вы знали, крестный, что сказал пастух!

— Что же он сказал? — спросил король.

— Что он сказал? Он сказал, что может пойти к Солнцу и спросить его, почему оно такое красное утром, когда встает.

— Ну, этого не может быть, он, верно, ума решился!

— Честное слово, крестный, он сказал это, и я думаю, не худо было бы послать его туда.

И пастуха позвали к королю:

— Правда ли, молодой пастух, что ты сказал, будто можешь пойти к Солнцу и спросить его, почему оно такое красное утром, когда встает?

— Я сказал это, король? Как мог я сказать такое!

— Ты сказал это, так уверяет мой крестник; надо, чтобы ты выполнил то, чем так похвалялся, а иначе смерть тебе! Отправляйся завтра же с утра.

Бедный Шарль и стал в тупик, можете мне поверить. Он глаз не сомкнул целую ночь.

Назавтра утром, прежде чем пуститься в путь, он перекрестился и сказал: «С божьей помощью!»

Он направился к востоку. Вскоре он встретил старика с белой бородой, который спросил его:

— Куда держишь путь, сынок, и отчего ты так печален?

— Право же, дедушка, сам не знаю, куда я держу путь, а печален я не без причины. Король приказал мне спросить у Солнца, почему оно такое красное утром, когда встает.

— Ничего, сынок, делай, как я тебе скажу, и ты все исполнишь. Вот деревянный конь, садись на него, и он повезет тебя в страну восходящего Солнца. Ты очутишься у подножия высокой горы, сойдешь с коня, оставишь

его у подножия, а сам поднимаешься до вершины. Там ты увидишь прекрасный замок. Это замок Солнца. Тебе останется только войти и исполнить приказ.

— Спасибо, дедушка.

Шарль сел на деревянного коня, конь взвился в воздух, и вскоре они очутились у подножия высокой горы. Шарль один поднялся на вершину. Там он увидел дворец Солнца, вошел туда без помех и спросил:

— Дома Солнце?

— Нет, — ответила ему старая женщина, должно быть мать Солнца. — А что тебе от него надо?

— Мне нужно поговорить с ним, бабушка!

— Ну что ж, если ты можешь подождать немного, Солнце скоро вернется. Но, бедный мой мальчик, сын-то ведь у меня будет очень голоден, когда придет, и захочет тебя съесть. Оставайся все-таки, лицо твое мне нравится, и я не дам тебя в обиду.

Скоро пришло Солнце и закричало:

— Есть хочу, умираю с голоду, мать!

— Хорошо, садись, сын мой, я тебя сейчас накормлю, — сказала ему старушка.

— Здесь пахнет человеком, мать, и я хочу его съесть! — опять закричало Солнце.

— Ну да, если ты думаешь, что я дам тебе съесть этого мальчика, то очень ошибаешься. Посмотри, какой красавчик!

— Что тебе здесь надо? — спросило Солнце у Шарля.

— Меня послали к вам, милостивое Солнце, спросить, почему вы такое красное утром, когда встаете?

— Ну что ж, я не причиню тебе зла, потому что мне нравится твое лицо, и даже поведаю тебе про то, что ты хочешь узнать. Тут в соседнем замке живет принцесса Тронколен, и каждое утро, когда я прохожу мимо ее жилища, мне приходится снять изо всех сил, чтобы она не затмила меня своей красотой.

Назавтра Солнце встало очень рано и начало обычную свою прогулку, а Шарль ушел сразу же после него. Он спустился с горы и нашел своего деревянного коня. Конь ждал его у подножия, Шарль вскочил на коня и вскоре оказался на том самом месте, где встретился со стариком. Старик был еще там и ждал его.

— Ну, как, сынок? — спросил он. — Удалась тебе твоя затея?

— Удалась, дедушка, — ответил Шарль, — да благословит тебя бог!

— Хорошо, как только я понадоблюсь тебе, позови меня и увидишь меня снова.

Тут старик сразу исчез, не успев Шарль и оглянуться.

Когда Шарль вернулся во дворец короля, все очень удивились, увидев, что он доволен и весел.

— Ну как, — спросил его король, — скажешь ты мне теперь, почему Солнце такое красное утром, когда встает?

— Да, ваше величество, я скажу вам это.

— Так отчего же?

— Оттого, что недалеко от замка Солнца находится замок принцессы Тронколен. И вот каждое утро Солнцу приходится сиять изо всех сил, проходя мимо замка принцессы, чтобы она не затмила его своей красотой.

— Хорошо, — ответил король и отослал пастуха к его баранам.

Вскоре после этого мнимый крестник опять говорит королю:

— Если бы вы знали, крестный, что сказал пастух!

— Что же он еще сказал?

— Что он сказал? Он сказал, будто может привезти к вам принцессу Тронколен, чтобы вы на ней женились.

— Правда? Велите ему сейчас же прийти ко мне.

Бедный Шарль отправился к королю, очень встревоженный.

— Что ж, молодой пастух, сказал ты, будто можешь привезти ко мне принцессу Тронколен, чтобы она стала моей женой?

— Как мог я сказать такую вещь, господин король? Надо совсем ума лишиться, чтобы такое говорить!

— Ты этим похвалялся; придется теперь исполнить, а не то смерть тебе!

Наутро Шарль отправился в путь грустный и задумчивый. «Хоть бы мне еще раз встретить того старика», — твердил он про себя. Не успел он это подумать, а старик уж идет ему навстречу.

— Здравствуй, сынок! — сказал он.

— Здравствуй и ты, дед!

— Куда держишь путь, сынок?

— Право же, дедушка, сам не знаю. Король приказал еще мне привезти в его дворец принцессу Тронколен, а я не знаю, как и взяться за это.

— Ничего, мальчик. Возьми сперва эту белую палочку. Вернись к королю и скажи ему, что тебе нужны три корабля, один груженный кашей, другой — салом, а третий — солониной. Кашу ты отдашь муравьиному королю, который живет на острове посреди моря. Когда приедешь на этот остров, ты спросишь: «Не здесь ли живет муравьиный король?» — «Здесь», — ответят тебе. «Так вот, я привез ему гостинцев», — скажешь ты и покажешь на корабль с кашей. Тогда приползут все муравьи с острова и вмиг очистят корабль. «Да будет с тобой мое благословение! — ответит тебе муравьиный король. — И если я тебе когда-нибудь понадобится, зови муравьиного короля, и он тотчас же предстанет перед тобой». Дальше тебе попадетсЯ другой остров, где живет король львов. Подъезжая к острову, ты опять спросишь: «Не здесь ли живет король львов?» — «Да, — ответят тебе, — здесь». И ты скажешь: «У меня для него есть подарок», и покажешь на корабль с салом. Тогда ты увидишь, как со всех сторон острова сбегутся львы и вмиг очистят корабль. И король львов тоже скажет тебе: «Да будет с тобой мое благословение! Если я когда-нибудь понадобится тебе, тебе стоит только позвать меня, и я буду тут как тут». Наконец ты попадешь на третий остров, где живет ястребиный король. Подплывая к острову, ты спросишь: «Не здесь ли живет ястребиный король?» — «Да, — ответят тебе, — здесь». — «Хорошо, — скажешь ты, — я привез ему подарок», и покажешь на корабль с солониной. Тотчас же явится ястребиный король, окруженный своими подданными, и вмиг корабль будет очищен. «Да будет с тобой мое благословение! — скажет также и ястребиный король. — Если я тебе когда-нибудь понадобится, тебе стоит только кликнуть ястребиного короля, и я буду тут как тут». Король, твой крестный, даст тебе три корабля, груженные кашей, салом и мясом. Прежде чем отплыть, начерти белой палочкой крест на прибрежном песке, и тотчас же подует благоприятный ветер, чтобы привести тебя к желанному месту. Смотри же, сделай все точно, как я тебе говорил, и добьешься удачи!

— Спасибо, и да благословит тебя бог, дедушка, — сказал Шарль.

И он пошел дальше.

Вот Шарль уже на море со своими тремя кораблями. Он приехал на первый остров, где живет муравьиный король, и спросил:

— Не здесь ли живет муравьиный король?

— Да, здесь, — ответили ему.

— Ну, так вот, я привез ему подарок. Скажите ему, что я прошу его прийти и принять приношение.

Дали знать муравьиному королю, и он тотчас же явился в сопровождении несметных полчищ муравьев. Вмиг корабль был очищен, и тогда муравьиный король сказал:

— Да будет с тобой мое благословение, Шарль, крестник французского короля. Ты спас нас, — ведь недород разоряет мое царство, и мы прямо умирали с голоду. Если я когда-нибудь тебе понадобится, тебе стоит только кликнуть муравьиного короля, и я буду тут как тут.

Коротко говоря, Шарль плыл-плыл и приплыл к острову, где жил король львов, а потом к тому, где жил ястребиный король. Он сделал все точно, как ему советовал старик, и те обещали ему помощь и защиту, если понадобится. Прежде чем уехать с ястребиного острова, он спросил у их короля:

— Далеко ли отсюда до дворца принцессы Тронколен?

— Тебе еще предстоит долгий путь, — отвечали ему, — но ты прибудешь туда целым и невредимым. Там ты увидишь принцессу у фонтана: она будет расчесывать свои белокурые волосы золотым гребнем и гребенкой из слоновой кости. Старайся, чтобы она не заметила тебя раньше, чем ты ее, а не то она тебя околдует. Она будет стоять под апельсинным деревом, растущим у фонтана. Подкрадись тихонько-тихонько, влезь на дерево, сорви апельсин и скорее бросай его в фонтан. Тогда принцесса Тронколен поднимет голову, улыбнется тебе и попросит проводить в ее дворец. Можешь следовать за ней без боязни.

— Спасибо, — сказал Шарль ястребиному королю и двинулся дальше.

Вскоре он подошел ко дворцу, великолепному дворцу. Он увидел принцессу под апельсинным деревом у фонтана: она расчесывала свои белокурые волосы золотым гребнем и гребенкой из слоновой кости. Он влез на дерево, не замеченный ею, сорвал апельсин и бросил его в источник. Тотчас же принцесса подняла голову и увидела Шарля на дереве.

— О, — сказала она, — Шарль, крестник французского короля, так это ты! Будь желанным гостем. Слезай и проводи меня в мой дворец. Ведь я не сдолаю тебе ничего дурного. Как раз наоборот.

Шарль последовал за ней во дворец. В жизни не видел он такой красоты!

Вот уже две недели жил Шарль в удовольствии и веселье и однажды спросил, не согласится ли принцесса последовать за ним ко двору французского короля.

— Охотно, — ответила она, — если вы исполните три моих приказания.

— Я попытаюсь, — ответил он.

Наутро принцесса провела его в амбар, где лежала куча семян всех сортов. Там были перемешаны семена клевера, льна, конопля, репы и капусты. Принцесса сказала ему, что до заката он должен разложить семена по кучкам так, чтобы в каждой были одинаковые семечки. Затем принцесса ушла.

Бедный Шарль остался один и заплакал, так как думал, что никто в целом свете не может выполнить такую задачу. Тогда он вспомнил о муравьином короле. «Король сказал мне, — подумал Шарль, — что если мне когда-нибудь понадобятся он и его народ, мне стоит только кликнуть их, и они придут мне на помощь. Сейчас муравьи как будто в самом деле нужны мне. Посмотрим, правду ли их король мне сказал».

— Муравьиный король, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И тотчас же явился муравьиный король.

— Чем могу служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

Шарль пожаловался ему на свою беду.

— Ну, если дело только в этом, не беспокойся, вмиг все будет сделано.

Тут король позвал своих подданных, и тотчас же со всех сторон приползло столько муравьев, что весь пол в амбаре покрылся ими. Король показал им, что надо было делать, и все тут же взялись за работу. Когда все было кончено, муравьиный король сказал Шарлю:

— Дело сделано.

Шарль поблагодарил его, и король исчез вместе со всеми своими муравьями.

Когда на закате пришла принцесса, она увидела, что Шарль сидит себе спокойно и ждет ее.

— Приказ мой выполнен? — спросила она.

— Да, принцесса, все сделано, — ответил Шарль.

— Ну-ка, поглядим.

И она стала разглядывать все кучки. Она брала горсточку семян из каждой кучки и подносила ее к глазам. Ни в одной не нашла она разных семян, все были одно к одному, все на своем месте. Она очень этому удивилась.

— Хорошо выполнено, — сказала она. — А теперь пойдем ужинать.

На другой день она приказала Шарлю срубить длинную аллею огромных дубов и дала ему для этого деревянный топор, деревянную пилу и деревянные клинья. Все деревья надо было срубить до заката в тот же день.

Тут наш молодец опять стал в туник.

«Если только король львов не придет мне на помощь, — подумал он, — я никогда с этим делом не справлюсь».

И он кликнул короля львов:

— Король львов, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И король львов тотчас же явился.

— Чем я могу служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

Шарль рассказал ему о своей беде.

— Только-то всего? Не беспокойся тогда, вмиг все будет сделано.

Тут король зарычал страшным голосом, и тотчас же всю аллею заполнили львы.

— Ну, дети мои, — сказал им король, — вырвите-ка мне с корнем эти деревья и разрубите их, да побыстрее!

Тут они сразу взялись за работу и давай трудиться один усерднее другого. Все было сделано еще до заката.

Когда пришла принцесса, она очень удивилась, увидев, что все дубы вырваны с корнем и разрублены, а Шарль лежит на спине и спит или притворяется спящим.

«Вот это человек!» — подумала она.

Она тихонько, на цыпочках подкралась к Шарлю и поцеловала его два раза. Шарль проснулся.

— Работа сделана, как я погляжу, — сказала принцесса.

— Да, припринцесса, все сделано.

— Хорошо, пойдем ужинать. Ты, верно, проголодался.

На другой день она сказала ему, чтобы он взорвал и сровнял с землей большую-большую гору, повыше горы Бре. Ему дали тачку и деревянную лопату. Работу надо было кончить до заката.

Подойдя к подножию горы, Шарль посмотрел на нее и сказал себе:

«Как же быть? Я никогда с этим не справлюсь. Но ястребиный король еще ничего для меня не сделал. Надо позвать его, — он единственная моя надежда».

— Ястребиный король, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И тотчас же спустился к нему ястребиный король.

— Чем могу я служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

— Принцесса Тронколен сказала мне, что надо взорвать и сровнять с землей эту высокую гору еще до заката, и если ты мне не поможешь, я прямо не знаю, как справиться с этим.

— Если только в этом дело, не беспокойся, все будет кончено еще до заката.

Тут ястребиный король закричал страшным голосом, и тотчас же слетелись ястребы такой огромной тучей, что затмили собой свет солнца.

— Что надо делать, король? — спросили они.

— Перенести эту гору так, чтобы от нее осталось гладкое место, да поживей, дети мои!

И ястребы давай раздирать гору когтями и переносить комья земли в море. Работали они так усердно, что все было закончено еще задолго до заката, и никто бы не сказал, что еще утром на том месте была гора.

Когда на закате пришла принцесса, она увидела Шарля, спящего под деревом, и опять поцеловала его два раза. Он тотчас же проснулся и сказал:

— Ну что ж, принцесса, работа сделана — смотрите, нет больше горы. Теперь надеюсь, что вы отправитесь со мной во дворец французского короля.

— Охотно, — ответила она. — Едем сейчас же.

И они направились к морю. Корабли Шарля еще стояли там. Они сели на корабль, поплыли и без помех

приехали во Францию. По дороге они посетили старика, и тот сказал Шарлю:

— Ну что ж, сынок, удалась тебе твоя затея?

— Удалась, дедушка, да благословит тебя бог!

— Хорошо! А теперь отправляйся к своему крестному; испытания и горести твои окончены, и больше я тебе не нужен.

Когда Шарль прибыл ко дворцу короля, а с ним принцесса Тронколен, все стали дивиться ее красоте. Старый король прямо голову потерял и хотел жениться на ней сейчас же, хотя королева, жена его, и была еще жива.

— Нет, — сказала ему принцесса, — не затем я приехала, чтобы выходить за вас замуж. Не пойду ни за вас, ни за дьявола, что тут с вами.

— Здесь дьявол? Где же он? — вскричал король.

— Тот, кого вы принимаете за вашего крестника, — дьявол, а вот ваш настоящий крестник, — сказала принцесса, указывая на Шарля. — Он претерпел все мучения, и ему следует награда; он-то и будет моим мужем.

— Но как же прогнать дьявола? — спросил король.

— Найдите сначала молодую женщину, недавно вышедшую замуж и беременную первым ребенком. Когда вы ее найдете, растопите печь докрасна и бросьте туда дьявола. Он будет бесноваться и вопить от ярости и чего только не станет вытворять, чтобы выйти из печи! Но молодая женщина будет держать его там, грозя ему своим обручальным кольцом.

Нашли молодую женщину, беременную первым ребенком, растопили печь докрасна и бросили туда дьявола. Он бесновался и кричал ужасно, так что весь дворец дрожал. Но когда он пытался выскочить из огня, молодая женщина подносила к отверстию печи обручальное кольцо и заставляла дьявола отступать. Так что наконец он сказал:

— Удалось бы мне продержаться здесь еще год, я довел бы королевство до гибели.

Но пришлось ему сдохнуть в печи.

Тогда Шарль женился на принцессе Тронколен. Старый угольщик с женой и всеми своими детьми тоже были приглашены на свадьбу. Ну и пир же там был! И шум, и гам, и ликование! Колокола так и трезвонили, флаги развевались, и скрипки пели!

рассказывают, что один человек из Гишена, попав после смерти на тот свет, подошел к воротам рая и попросил святого Петра впустить его, потому что ему нужно поговорить с господом богом.

— Господа бога сейчас нет дома, — отвечал небесный вратарь. — Подожди немного.

Проситель, ослабевший от болезни, которая свела его в могилу, присел на корточки у дверей. Вдруг он заметил на ковре у своих ног золотой ключ, выпавший, должно быть, из связки, которую носил на поясе святой Петр.

Он поднял ключ и, осмотревшись вокруг, заметил узенькую дверь с замочной скважиной, к которой золотой ключ пришелся как раз. Гишенец отпер эту дверь и очутился в тронном зале. Там господь бог творит суд, а вокруг него на серебряных табуретах сидят ангелы.

Зал был пуст, и гишенцу вздумалось посядеть минутку на троне отца небесного.

Не успел он сесть на трон, вознесенный над нашей планетой, как увидел все, что на ней происходит.

В одном месте у реки прачки стирали белье. Они развесили его на кустах, росших по косогору, и ушли обедать. Ловкий вор, который только этого и ждал, выскочил из-за кустов, снял белье, связал его прутьями дрока и пустился наутек.

Временный заместитель господа бога, возмущенный такой подлостью, схватил один из серебряных табуретов и запустил им сверху в убегающего вора.

Потом, услышав за дверью шаги, наш гишенец поскорее сошел с трона, выбрался из зала и опять сел на ковер, предоставляя господа богу и ангелам занять свои места.

Всевышний тотчас заметил, что не хватает одного табурета. Он спросил у святого Петра, что тот с ним сделал.

— Решительно ничего, — отвечал небесный вратарь. — Не знаю, куда он девался. Уж не стащил ли его тот человек, что ждет у дверей и хочет говорить с вами?

— Зови его сюда, — приказал господь бог.

— Это ты взял табурет, который стоял по левую руку от меня? — спросил он у гишенца.

— Да, господи. Я его взял, это верно, но его у меня нет.

— Куда же ты его девал?

— А я швырнул им в голову вору, который утащил белье у прачек.

Господь бог захохотал во все горло.

— Черт возьми, как ты скор на расправу! Если бы я вздумал убивать на месте всех воров, сколько их есть на земле, миру скоро наступил бы конец.

67. ДОМОВЫЕ

В давние времена в Монтье был домовый, который повадился ходить каждую ночь в конюшню дядюшки Шалуана; он чистил лошадей скребницей, расчесывал хвосты и гривы, засыпал им корм и поил их. Лошади раздобрили, залоснились, но овес в закромах убывал очень уж быстро, и невозможно было дознаться, кто его крадет. Однажды дядюшка Шалуан сказал себе: «Должен же я наконец дознаться, кто чистит моих лошадей и крадет мой овес!»

Как только стемнело, он притаился в конюшне. Вскоре он увидел, как туда вошел домовый в красном колпачке. Дядюшка Шалуан тотчас схватил вилы и закричал:

— Вон отсюда, негодник, не то я убью тебя! — И сорвал с домового колпачок.

— Отдай мой колпачишко, — вскричал домовый, — не то я превращу тебя в осла!

Но хозяин не выпускал колпачка из рук и продолжал вопить:

— Вон отсюда, негодник, я тебя убью!

Домовый наконец ушел, а дядюшка Шалуан рассказал своим домашним о том, что произошло, и как домовый грозил превратить его в осла за то, что он отнял у него красный колпачок.

На другое утро работники, обеспокоенные тем, что дядюшка Шалуан долго не показывается, пошли в конюшню и очень изумились, увидев, что подле лошадей стоит какой-то осел. Они тотчас вспомнили угрозу домового. Ему вернули красный колпачок, и осел снова стал дядюшкой Шалуаном.

Тому назад три тысячи, а то и больше, лет у нашего соседа на гумне было много хлеба. И вот, каждое утро, когда он приходил на гумно, оказывалось, что часть зерна уже обмолочена, а на току приготовлены снопы для обмолота к следующему дню. Он никак не мог понять, в чем тут дело.

Однажды вечером, спрятавшись в уголке, он увидел, как на гумно вошел крохотный человечек и давай молотить!

Сосед сказал себе: «Я должен подарить этому малышу нарядный кафтанчик за его труды». А человечек-то был совершенно гол. Вот сосед и сказал жене:

— Наш хлеб молотит какой-то человечек, надо ему сшить нарядный кафтан.

Наутро жена соседа собрала разные лоскуты и спиала из них кафтанчик, который ее муж затем положил на кучу зерна.

На следующую ночь домовый опять пришел; взявшись за молотьбу, он нашел кафтанчик. От радости он начал скакать по гумну, приговаривая:

— За хорошим хозяином служба не пропадает!

Он немедленно надел кафтанчик и нашел, что он чудо как хорош!

— Раз я получил плату за свой труд — пусть теперь молотит кто хочет!

Сказано — сделано. С этими словами человечек ушел и больше уж не возвращался.

68. БАРБАИК ЛОХО И ДОМОВОЙ

арбаик Лохо была служанкой в Керарборне, в окрестностях Плуара. В ту пору она еще была молода и слыла проказницей и хохотушкой. В Керарборне, как и везде, был свой добрый домовый, который взял на себя заботу о коровах фермы — потому-то они и давали так много самого лучшего молока, жирного и с густыми сливками. О лошадях домовый Керарборна совершенно не заботился, — он угождал только женскому полу. Ночью он подметал кухню, мыл посуду, чистил кастрюли

и медные тазы и наводил на них блеск, он натирал мебель, шкафы, буфеты и старинные поставцы из резного дуба и делал это так, что на кухню старой Маркхарит, предшественницы Барбаик, любо было смотреть. Всюду царил удивительная чистота, все так сияло и блестело, что можно было глядеться в каждую вещь, как в зеркало. Что и говорить, хорошо жилось стряпухе в Керарборне! Но уж зато каждый день, когда Маркхарит ложилась спать, она всегда, бывало, позаботится, чтобы зимю в печи было достаточно жара; в углу, у самого очага, она клала круглый камень-голыш, отполированный морскими волнами и имевший форму тыквы, и, лежа в постели, смотрела, как ее милый домовой, окончивши все свои работы, пребирался к этому камню, устраивался на нем и грелся, слушая песни своего приятеля сверчка, покуда не пропойт нетухи. Ростом он был поменьше фута, но Маркхарит ни разу не удалось увидеть его лицо, так как оно всегда было скрыто широкополой шляпой, вроде тех, какие носят в Корнваллисе. К доброму домовому все привыкли и его не боялись, потому что он никому не делал зла.

Но вот старая Маркхарит умерла, и место стряпухи, которого все так добивались, досталось молодой Барбаик. Она была счастлива и гордилась этим. Сначала все шло как нельзя лучше. Домовой охотно помогал красивой и веселой Барбаик и избавлял ее от самой грубой работы: ему нравились ее песни и ее смех, которые целый день разносились по всему дому вместо веркотни и брюзжания старой Маркхарит. Но у Барбаик всегда была какая-нибудь шалость или проказа на уме, и вот однажды ей вздумалось подшутить над своим другом домовым. Увы, это было началом всех ее несчастий!

Однажды вечером, перед тем как лечь спать, она нагрела погорячей на огне камень-голыш и затем положила его на обычное место. Она лежала в постели и с нетерпением ждала появления домового. Он пришел, как всегда, и, ничего не подозревая, направился на свое всегдашнее место, но сейчас же вскочил и со страшным криком, от которого содрогнулся весь дом, бросился бежать, почесывая зад и опрокидывая все на своем пути. Барбаик испугалась: она поняла свою оплошность и теперь горько раскаивалась в ней! Но увы! Уже было поздно! Начиная с этого дня все пошло кувирком. Коровы исхудали, стали

совсем тощие и почти не давали молока, а то немногое, что они давали, сейчас же скисало. В кухне был беспорядок и невообразимая грязь. Бедная девушка разучилась смеяться, и у нее сделалась такая несчастливая рука, что стоило ей прикоснуться к тарелке или к горшку, как эта вещь падала на каменные плиты пола и разбивалась вдребезги, и тогда ей слышался страшный, злорадный смех. Стряпня ее также стала отвратительна: и суп и каша всегда были либо недосолены, либо пересолены, блины подгорали, мясо недожаривалось; слуги беспрестанно жаловались на еду, и кончилось тем, что Барбаик рассчитали. Она вскоре нашла другое место, но несчастья следовали за ней по пятам, и наконец никто уже не хотел ее держать. Бедная девушка совсем отчаялась, пала духом, и немного времени спустя ей пришлось стучаться во все двери и просить подаяния. Так из-за проклятия домового, которого она обидела, она в тридцать лет превратилась в сгорбленную старуху.

69. ТРИ СКРИПАЧА В РАЮ

Однажды святой Петр и святой Иоанн затеяли у входа в рай отчаянную перебранку. Неизвестно по какому именно поводу они спорили, но причина, видно, была нешуточная, потому что оба святых, начав с колкостей и ругательств, кончили рукопашной. Обхватив друг друга, они дрались, как два разъярившихся извозчика.

Святой Петр был побит. Он поднялся весь в пыли, испытывая досаду, совершенно недостойную столь высокопоставленного святого, и изо всей силы швырнул в лицо святому Иоанну огромные тяжелые ключи от рая.

Но глава апостолов, ослепленный яростью, плохо целился. Ключи упали к ногам святого Иоанна, который быстро схватил их и заявил, что отныне он сам будет открывать и закрывать небесные врата. Как бывший привратник ни умолял кума простить ему минутную вспышку, как ни заискивал перед ним, стараясь выманить ключи, святой Иоанн даже слушать ничего не желал

и только презрительно усмехался, когда святой Петр грозил пожаловаться самому богу. Он знал, что святой Петр побоится, как бы господь не разобрал его за то, что он дал волю своей злобе, и не посмеет принести жалобу на него, святого Иоанна.

Новый привратник, еще неопытный в исполнении своих обязанностей, разрешил переступить священный порог нескольким душам, не имевшим на то никакого права. Дьявол, явившись к нему самолично, упрекнул его в чрезмерной снисходительности и сказал, что непристойно святому отбивать хлеб у бывшего архангела. Он клялся, что донесет об этих делах богу-отцу. Но святого Иоанна ничуть не тронула угроза: он знал, что дьяволу не войти в рай.

Среди людей, проникших благодаря легкомыслию святого в царство блаженных, оказались три скрипача. Но вместо того, чтобы вести себя благопристойно в том почтенном обществе, куда они контрабандой затесались, они принялись играть на своих скрипках самые залихватские и соблазнительные мотивы. Вскоре их окружила целая толпа святых помоложе — юношей и девушек, которые тут же стали водить хороводы и плясать, к великому негодованию патриархов и престарелых угодников, стойких в своей добродетели. Те отправились доложить богу-отцу о скандальных и неслыханных вещах, творящихся в раю.

Бог-отец приказал явиться святому Иоанну, на которого ему указали как на первопричину всего этого безобразия. Он выругал святого за то, что тот силой завладел ключами, и велел без всяких проволочек вернуть их Петру, испокон века облеченному правом исполнять обязанности ключаря. Святого Петра он, в свою очередь, распек за то, что тот поддался гневу, но апостол, обрадованный разрешением вступить вновь в свои права, на эти упреки ничуть не обиделся. Что же касается святого Иоанна, то он получил приказ удалить трех пройдох, забравшихся в рай по его оплошности.

Святой Иоанн очутился в очень затруднительном положении. О том, чтобы вывести скрипачей силой, нечего было и думать. Вступивший однажды в рай может покинуть его лишь по собственному желанию. Усевшись в уголок, святой Иоанн стал размышлять, как тут быть, однако ничего не мог придумать.

А бесчинства в раю все продолжались. Но так как музыканты играли без устали, струны скрипок стали лопаться одна за другой, волос на смычках поизносился, и скрипачи уже чувствовали, что им вскоре придется прекратить игру. Святой Иоанн узнал об их беде, и в нем зародилась надежда хитростью избавиться от непрошенных гостей, проскользнувших в рай.

Он вызвал из города барабанщика, посадил его недалеко от райских ворот и велел ему барабанить и кричать, что у него-де имеются в продаже три прекрасные скрипки, большой запас струн, смычков и канифоли; кто хочет купить, пусть обращается к нему, и он уступит товар по самой сходной цене.

При этом известии музыканты запрыгали от радости и поспешно выскочили из рая, чтобы купить новые скрипки. Они накупили всего, не торгуясь, но когда захотели войти обратно, святой Петр безжалостно захлопнул ворота рая перед самым их носом. Как уверяют, он совершенно равнодушно отнесся к мольбам праведной молодежи, которая толпами осаждала его, заклиная разрешить веселым музыкантам вернуться в рай.

70. КРЕСТЬЯНИН ТОЛОМЕ И ДЬЯВОЛ

Между Варлуа и Конте, возле Мон-Файи, жил некогда со своей семьей крестьянин по имени Толоме. Вначале дела на его ферме шли хорошо, но потом у Толоме умер отец, и с этого дня на беднягу так и посыпались несчастья. Неурожаи сменялись неурожаями, скот одолевали болезни одна другой хуже, сеньер становился все жадней, жена и дети не переставали болеть, и под конец Толоме совсем обнищал. Что тут было делать? Как он ни старался, как ни ломал себе голову с утра до вечера, жить становилось все тяжелее.

А тут еще в тот самый вечер, когда пала его последняя лошадь, на ферме случился пожар, и сгорели все хлева и амбары; уцелели только курятники, собачья конура и часть дома. Хуже этого ничего не могло быть, Толоме был разорен, разорен вконец.

На другое утро бродил он по опушке горелого леса. У него было так тяжело на душе, что он невольно воскликнул:

— Хоть бы дьявол выручил меня!

Не успел он произнести эти слова, как, откуда ни возьмись, к нему на плечо вскочил маленький человечек, ростом всего в несколько дюймов, и запрыгал взад и вперед по остолбеневшему от удивления Толоме.

Толеме с удовольствием отметил про себя, что это был хорошенький маленький дьявол, веселый, живой, резвый и к тому же одетый в красивый зеленый камзол с бахромой из чистого золота. Шляпа, на которой торчало длинное павлинье перо, была лихо надвинута на его маленькое личико.

— Толеме, Толеме, плохи твои дела, как я погляжу! На полях твоих растут одни сорные травы, скот погиб, жена больна, почти вся ферма сгорела! Ты уже не знаешь, какому святому молиться, вот и позвал меня. Что ж, я пришел. Давай поговорим начистоту. Чем я могу тебе служить?

Толеме объяснил дьяволу, что ему нужно.

— Отлично, дядюшка Толеме. У тебя будет прекрасная ферма, большие амбары и сарай, полные зерна и сена, много лошадей и коров, жена и дети выздоровеют, — если только ты хочешь этого...

— Хочу ли я? Еще бы!

— Все это ты получишь сегодня ночью, в ту самую минуту, когда на твоём дворе пропоет петух; зато, если я честно выполню свое обещание...

— Что тогда?

— Тогда ты отдашь мне душу твоего старшего сына.

— Душу моего старшего сына?

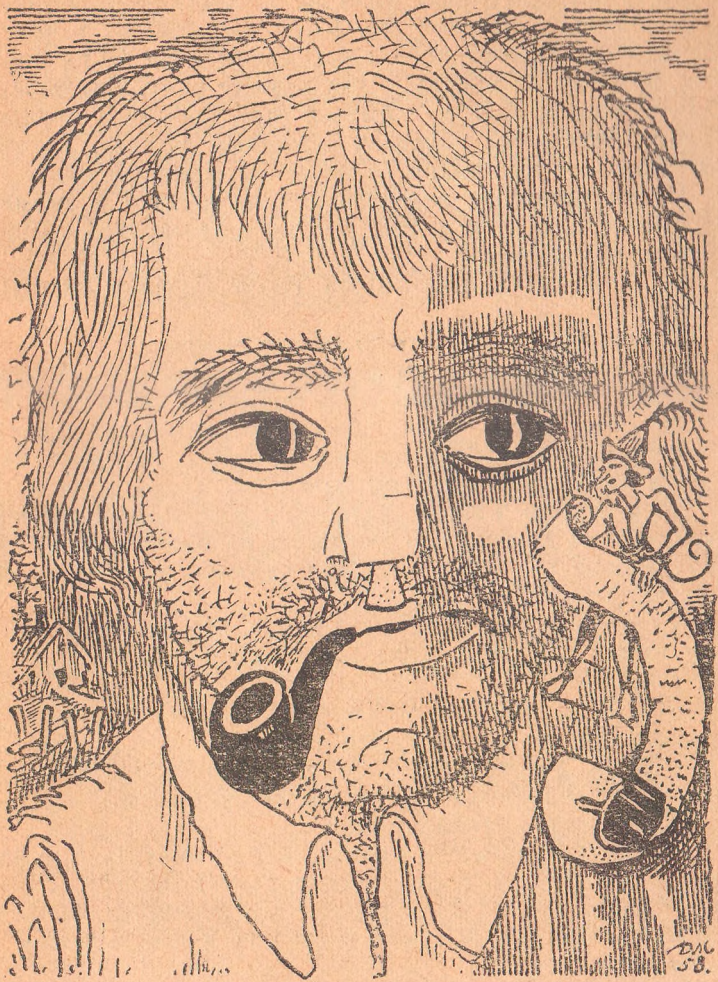
— Да.

— Вы, верно, шутите?

— Ничуть. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет. Ничего за ничего — вот мое правило. Даешь — берешь!

Толеме призадумался. Он понимал, что отдать душу сына злему духу — страшное дело; но, с другой стороны, он представил себе, как будет хорошо на новой ферме, и согласился.

— Идет, — сказал он зеленому человечку. — Я согласен, но с условием, что ты все приготовишь к той самой минуте, когда пропоет петух. Если же ты не успеешь, ферма останется за мной, а ты ничего не получишь.

— Ладно, по рукам. Теперь подпиши.

Злой дух вынул из кармана огромный свиток пергамента, в который можно было бы спрятать десяток таких дьяволов. Он развернул его, затем вытащил из кармана сперва очиненное гусиное перо, потом стол и, наконец, нож, которым он надрезал крестьянину руку. Показалась алая капелючка, злой дух смочил перо кровью и передал Толоме, чтобы тот подписал страшный договор. Толоме поставил свое имя рядом со множеством других имен.

Потом человечек перекувырнулся, спрятал в карман пергамент, нож, перо и стол и исчез в кустарнике с радостными возгласами:

— Ха-ха-ха! У Дик-и-Дона снова выдался удачный денек!

Толеме бродил по лесу до самого вечера.

Вернувшись домой, он увидел, что тысячи маленьких дьяволов таскают камни, известь, песок, сносят старые стены, роют землю, куют, обтесывают, — все это с невообразимой быстротой и адским шумом, в то время как другие дьяволята светят им факелами.

Жена и дети Толоме сразу выздоровели, но их очень удивляла эта суматоха, и они никак не могли понять, откуда Толоме раздобыл всех этих работников, отстраивавших их ферму.

Крестьянин рассказал жене о том, что произошло между ним и дьяволом возле горелого леса, и попросил у нее совета.

— Что ты наделал, несчастный! Отдать своего сына дьяволу! Да ты сам не лучше дьявола!

— А я рассчитывал, что ты поможешь мне обмануть его и с честью выбраться из этого дела.

Жена Толоме призадумалась.

— Ты говоришь, что дьявол должен кончить всю работу к той минуте, когда пропоет петух? Хорошо. Недаром господь бог издавна решил, что женщины должны дружить со змеем. Я сумею сохранить и новую ферму и душу сына.

Дьяволы получили приказ кончить работу раньше, чем забрезжит день, к пяти часам утра, когда обычно просыпаются петухи. Вот тут-то и решила провести их жена Толоме.

Около четырех часов утра она потихоньку встала и пошла в курятник. Работа была почти закончена. Крестья-

янка отперла курятник и разбудила петуха, который во всю глотку заорал: «Кукареку, кукареку!»

Так перехитрили дьявола Дик-и-Дона. Он удрал вместе со всеми своими помощниками, оставив незаконченной ограду, в которой не хватало нескольких камней. На месте старой выросла новая прекрасная ферма. Амбары и сараи ломились от зерна и сена, в конюшне и хлевах стояли сильные лошади и откормленные коровы, а в шкафу лежал большой мешок с золотом.

С этого дня крестьянин Толме зажил богато и счастливо и никогда больше не видел обманутого им Дик-и-Дона, который решил больше не возобновлять знакомства с тем, кто однажды его надул.

71. ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БЛОХИ

Однажды господь бог и святой Петр прогуливались по берегу Луары, между Шамальер и Ворэй. Гуляя, они толковали о людях и о том, как трудно наставлять их на путь истинный.

На том месте, где река делает поворот, святой Петр вдруг указал господу богу на женщину в лохмотьях, которая лежала на песке и грелась на солнце. Женщина была еще молода, но лицо ее выражало отчаянную скуку. От господа бога ничто не укроется, и он сразу увидел, что эта женщина скучает от безделья.

Тогда он, по безмерной доброте своей, вынул из глубокого кармана горсть блох и бросил их на женщину, говоря:

— Женщина, праздность — мать всех пороков. Вот тебе занятие!

С того дня у женщин завелись блохи. И, от нечего делать, они развлекаются тем, что ищут у себя блох,

Тетушка Миетта из деревни Месс была так скупа, так скупа, что готова была стричь шерсть с яйца.

Раз она, с прялкой в руке, гнала своих коров в поле Обесни и нашла на дороге большущий клубок шерсти, похожий на какого-то зверька. Она проворно наклонилась, чтобы его подобрать. Она так спешила, так спешила, что и не подумала о прядильнице, потерявшей клубок. Она уже видела его в объемистом кармане своего передника, который как будто нарочно сделан для этого.

Но тетушке Миетте никак не удавалось поймать клубок. Он все катился, катился вперед, и, чтобы схватить его, она второпях бросила у дороги свою прялку. Теперь у нее обе руки были свободны и жадно тянулись к клубку. Но клубок ускользал и все катился да катился вперед!

Тетушка Миетта забыла о своей прялке, брошенной на дороге, о своих двух красавицах коровах, которые по привычке спокойно пошли сами на выгон. Она, как сумасшедшая, гналась за клубком, который убегал от нее.словно блуждающий огонек, мелькал он впереди и упорно не давался ей в руки. Задыхаясь, пробежала она через деревенский луг, поднялась, сама того не заметив, на холм Шатель-Гвизон. Она, кажется, готова была бежать за таинственным клубком на край света. Наконец ей удалось ухватить не клубок, а кончик нитки, которая тянулась за ним.

Она принялась наматывать нитку на пальцы и так постепенно намотала великолепный большой клубок. А тот, первый, не уменьшался и все убегал вперед, увлекая за собой старую Миетту.

Теперь она довольна: она держит обеими руками, прижимая к груди, громадный клубок шерсти. Она свяжет из него куртку и штаны мужу, юбку себе, а остальную шерсть продаст... Вот так удача! Тетушка Миетта не чувствует усталости.

Клубок скоро становится так велик, что уже невозможно наматывать на него нитку. Тетушка Миетта очень огорчена, но делать нечего, — нитку нужно оборвать. Тетушка Миетта обрывает ее со вздохом сожаления.

Вдруг желанный клубок, за которым она так гналась, делает невероятный прыжок и скрывается из виду! В тот же самый миг второй великолепный клубок, который она с таким трудом намотала, выскользнул из ее рук, несмотря на все усилия удержать его.

И вот старуха снова бросается в погоню! Ей удалось опять поймать конец нитки. Двадцать раз она сматывала нитку в клубок, и двадцать раз ее работа кончалась ничем.

Тетушку Миетту видели в тот день в Моц-Редоне, и в Шастре, и в Урсьере — повсюду. Растрепанная, запыхавшаяся, измученная, бежала она за клубком, лихорадочно перематывая его.

Ее муж нашел обеих коров в поле Обеспи, а прялку жены — на краю дороги. А старая Миетта все не может остановиться, так и бежит до сих пор по лесам и полям.

Если найдете на дороге клубок шерсти, похожий на маленького зверька, подберите его, но только с тем, чтобы вернуть прядильнице, которая его обронила.

73. ГРОТ КОРБЬЕР

В те времена, когда самые древние старики нашего прихода еще без штанов бегали, Агнеса Деле жила со своим мужем в уединенном домике, там, где начиналась дорога в Корбьер. Дорога эта проходила мимо грота фей, и вход в него был хорошо виден с моря. В ночной тиши Агнеса часто слышала, как стучало колесо прялки, и глухой звук его шел как будто из-под камня у очага. Иногда под камнем пел нетух, плакал ребенок, порой было слышно, как в маслобойке сбивают масло. Но ни Агнеса, ни ее муж не боялись этих подземных звуков, так как знали, что они исходят от фей, живших в гроте Корбьер, — фей же эти не были злы, и никто не мог сказать о них ничего дурного.

Как-то ночью один рыбак зашел за мужем Агнесы, чтобы вместе отправиться на берег Мары удить рыбу. В то время как муж Агнесы одевался, она, лежа в постели, спросила рыбака:

— Не знаешь ли, который час?

— Нет, — ответил он, — точно не знаю.

Не успел он произнести эти слова, как из-под земли раздался голос:

— Теперь два часа пополудни.

Люди, бывшие при этом, даже не вздрогнули, только посмеялись, так как они уже привыкли к звукам, исходящим из-под камня у очага. Они знали, что ответил не кто иной, как фея, и громко сказали:

— Благодарим вас.

Спустя некоторое время ребенок у Агнесы заболел, да так тяжко, что, казалось, вот-вот умрет.

Мать, не зная, чем помочь ему, очень горевала.

— Ох, боже мой, — причитала она, — мой бедный малыш умирает!

Вдруг она услышала глухой шум в трубе, как будто стучали о камень у очага, и в ту же минуту кто-то сказал:

— У твоего ребенка круп. Встань и подойди сюда, я дам тебе лекарство, и он выздоровеет.

На этот раз Агнеса испугалась и быстро юркнула под одеяло. Но, вспомнив о своем больном ребенке, она собралась с духом, вскочила с кровати и зажгла свечу. Тут она увидела, что камень под очагом сдвинулся и стал медленно приподыматься. Агнеса помогла поднять его, и когда камень стал на ребро, из открывшегося отверстия высунулась рука и подала Агнесе маленькую бутылочку.

— Разотри ребенку горло и грудь этой настойкой, — сказал голос, выходивший из-под земли, — и спрячь хорошенько бутылку.

Камень снова лег на прежнее место, так что теперь никак нельзя было догадаться, что его сдвигали. Агнеса поспешила натереть мальчика лекарством; он сразу перестал жаловаться и очень скоро выздоровел. Агнеса на радостях выболтала все своей соседке. Переходя от одного к другому, весть прошла по деревням. Услужливая Агнеса стала давать свою бутылочку всем, у кого болели дети, и они очень быстро выздоравливали.

Прошло много времени, и как-то у мужа Агнесы сделались колики; его всего корчило от боли, такие они были сильные. Агнеса побежала к соседке за бутылкой — в ней на дне оставалось еще немного настойки. Но соседка нечаянно уронила бутылку, и та разбилась вдребезги.

Бедная женщина вернулась домой убитая горем, потому что боли у мужа все усиливались, и она боялась, что он уже при смерти. Она села у очага и сказала, всхлипывая:

— Фея-благодетельница, вы дали мне бутылочку, вылечившую моего мальчика и многих других людей, — неужели вы допустите, чтоб мой муж умер?

Никто ничего не ответил. Тогда она приподняла топором камень и, став перед открывшимся отверстием на колени, начала плакать и молить о помощи. Наконец показалась рука, и фея протянула ей бутылку со словами:

— Будь осторожна, Агнеса, — это последняя бутылочка, которую я могу тебе дать. Смотри не давай ее никому и ни одной живой душе о ней не рассказывай.

Как только женщина натерла своего мужа настойкой, он сразу выздоровел, и на этот раз Агнеса тщательно запрянула бутылочку в шкаф.

Некоторое время спустя Агнеса услышала песенку, звучащую из-под земли. Песня была такая нежная и мелодичная, что Агнеса пришла в восторг. Пели хором три или четыре голоса, и она позвала соседку послушать. В следующую ночь под землей долго играли на скрипке.

Все эти чудеса заставили Агнесу призадуматься, и она сказала себе: «Когда-нибудь они все поднимутся сюда и войдут в мой дом через отверстие в очаге».

Но при мысли, что обитатели грота ничего, кроме добра, ей не сделали, она приободрилась. Тут же ей вспомнились корова и две овцы, которых у нее украли с пастбища.

«Нужно будет спросить у фей, — подумала она, — кто крадет скот. Уж, конечно, феи смогут мне это сказать, если пожелают».

В другой раз ночью она снова услышала голос:

— Кумушка, есть ли у тебя огонек?

— Да, — ответила Агнеса, — к вашим услугам.

И вот камень у очага поднялся. Агнеса взяла горящую лучину, поднесла к отверстию, и при свете лучины увидела, как протянулась к ней прекрасная женская рука со сверкающими перстнями на каждом пальце.

— Ах, сударыня, — сказала Агнеса, — не можете ли вы сказать, где мне найти свою корову и обеих овец? Я была бы вам очень благодарна, ведь у меня теперь ничего нет для моих бедных деток.

— Хорошо, — ответила фея. — Вот тебе маленькая коробочка, в ней мазь из овечьих и коровьих рогов. Смажь ею веревки, которыми ты привязывала своих животных, и у тебя снова появятся овцы и корова.

Камень опустился на место, а на следующий день, как только рассвело, Агнеса смазала веревку, оставшуюся от украденной Пеструшки, и тотчас перед ней оказалась прекрасная корова. Смазала веревки, на которых водила пастбища овец, и у нее появились новые овцы, еще лучше украденных.

Агнеса была рада-радешенька, она только жалела о том, что не попросила хлеба. Не переставая думать об этом, она все твердила:

— Как хорошо было бы попросить фею подарить нашей семье волшебную краюху хлеба, которая всегда бы оставалась целой!

Однажды ночью, когда в доме не было ни крошки съестного, ребенок Агнесы стал плакать от голода и просить хлеба. Агнеса услышала под землей шум и, вложив молоток в руку своего мальчика, сказала:

— Крепко постучи по камню у очага и попроси хлеба у милосердной дамы, сделавшей нам так много добра.

Она говорила очень громко — нарочно, чтобы ее услышали. Мальчик взял молоток, стал стучать им изо всех сил по камню и умильно приговаривал:

— Добрая дама, дайте мне хлеба, я хочу есть!

Они услышали, как по камню что-то стукнуло: «стук-стук!» Камень поднялся, рука положила на очаг каравай хлеба, и чей-то голос сказал:

— Возьми, малыш, этот хлеб. Если ты бережно будешь относиться к моему подарку и станешь делиться им только со своими родителями, его хватит тебе на всю жизнь.

Каравай всегда оставался целым, сколько бы от него ни отрезали. Так оно длилось десять лет. Но однажды вечером муж Агнесы, хлебнувший лишнее, привел с собой приятеля и, вынув из шкафа хлеб, подаренный феей, отрезая гостю большой ломоть. Волшебный хлеб исчез в один миг, и как Агнеса вместе с детьми ни молила фею из грота подарить им другой каравай, фея стала глуха к этим просьбам.

Когда-то давно, очень давно, может быть еще в те времена, когда святой Павел пришел из Иберии на наш остров, жила в Уэссане одна красивая девушка лет шестнадцати — семнадцати, и звали эту девушку Мона Кербили. Так хороша была Мона, что все, кто ее видел, с восторгом говорили ее матери:

— Ну и красивая же дочка у вас, Жанна! Она хороша, как моргана, никогда еще не видывали на нашем острове такой красавицы. Можно подумать, что она дочь какого-нибудь моргана.

— Не говорите так, — возражала добрая мать Моны. — Видит бог, ее отец — Фанш Кербили, мой муж. Это так же верно, как то, что я — ее мать.

Отец Моны был рыбак и почти все время проводил в море. Мать работала на клочке земли подле хижины, а в непогоду пряла лен. Мона ходила с другими девушками на морской берег собирать разные съедобные ракушки, которыми кормилась вся семья.

Должно быть, морганы — их тогда много водилось на острове — заметили Мону и так же, как и люди, были поражены ее красотой.

Раз, когда она, как всегда, сидела с подругами на берегу, девушки заговорили о своих женихах. Каждая хвалила своего за то, что он хороший рыбак, ловко умеет провести лодку среди множества подводных камней, которыми окружен остров.

— Напрасно ты, Мона, воротись нос от Эрвона Кердюдаля, — сказала Маргарита Арфур дочери Фанша Кербили. — Он славный парень, не пьет, никогда не ссорится с товарищами, и никто лучше его не управляет лодкой в опасных местах — у Старой Кубылы и у мыса Стиффа.

— Вот еще! — отвечала Мона с презрением (потому что, наслушавшись похвал своей красоте, она стала тщеславна и надменна). — Ни за что не буду женой рыбака! Я красива, как моргана, и выйду замуж только за принца или за сына какого-нибудь знатного вельможи, богатого и сильного. Или, по крайней мере, за моргана.

Случилось так, что ее слова подслушал старый морган, который прятался, должно быть, за какой-нибудь скалой

или под водорослями. Он бросился на Мону и утащил ее на дно моря.

Девушки побежали в деревню рассказать матери Моны о том, что случилось. Жанна Кербили пряла на пороге своей хижины. Она бросила кудель и веретено и помчалась к морю. Она громко звала дочь, даже вошла в воду и шла так далеко, как только могла, к тому месту, где исчезла Мона. Но все было напрасно, ничей голос не отозвался из воды на ее плач и отчаянный зов.

Весть об исчезновении Моны быстро разнеслась по всему острову и никого особенно не удивила. «Мона была дочерью моргана, — говорили люди, — и, видно, отец утащил ее в море».

Похитителем Моны был король морганов острова Уэссан. Он унес девушку в свой подводный дворец. Дворец был настоящее чудо, самое красивое королевское жилище на земле не могло с ним сравниться.

У старого моргана был сын, прекраснейший из морганов; этот сын влюбился в Мону и просил у отца позволения жениться на ней. Но король и сам задумал это сделать, а потому ответил сыну, что никогда не позволит ему взять в жены дочь земли.

— В нашем царстве, — сказал он сыну, — немало красивых девушек-морган, которые будут счастливы иметь своим супругом королевского сына. И когда ты выберешь одну из них, я дам свое согласие.

Молодой морган пришел в отчаяние. Он объявил отцу, что никогда не женится, если ему нельзя жениться на той, кого он любит, — на Моне, дочери земли.

Старый морган, видя, что сын чахнет с горя и тоски, заставил его посвататься к моргане, которая славилась красотой и была дочерью одного из знатных вельмож двора. Назначили день свадьбы, пригласили множество гостей. Жених и невеста отправились в церковь, а за ними великолепный свадебный кортеж. Ведь у этих морских жителей, хотя они и некрещеные, есть своя вера и храмы под водой. Говорят, у них даже есть свои епископы, и Гульвен Пендюфф, один старый моряк с нашего острова, который объездил все моря на свете, уверял меня, что он видывал их не раз.

Бедной Моне было приказано оставаться дома и приготовить свадебный обед. Но ей не дали никакой провизии, ровно ничего, только одни пустые горшки да кастрюли, —

это были большие морские раковины. Старый морган сказал ей, что, когда все вернутся из церкви, она должна подать на стол прекрасный обед, или ей не миновать смерти. Судите же сами, в каком смятении и горе была бедняжка! Да и жених был не менее печален и озабочен!

Когда кортеж двинулся к церкви, жених вдруг воскликнул:

— Ах, я позабыл дома кольцо моей невесты!

— Скажи, где оно, и я пошлю за ним, — сказал ему отец.

— Нет, нет, я сам схожу за ним, никто другой не найдет кольца там, куда я его спрятал. Я сбегаю домой и мигом вернусь.

И он ушел один, не позволив никому сопровождать его. Он прошел прямо на кухню, где бедная Мона плакала в отчаянии.

— Не печалься, — сказал он ей, — обед будет готов вовремя. Положись на меня.

Он подошел к очагу и промолвил:

— Добрый огонь в очаг! — И в очаге тотчас запылал огонь.

Потом принц стал по очереди дотрагиваться рукой до каждой кастрюли, каждого горшка, каждого вертела и блюда, приговаривая:

— В этом горшке будет лососина, в этом — камбала под устрицами, на вертеле — утка, здесь — жареная макрель, в этих кувшинах — вина и лучшие наливки...

И кастрюли, горшки, блюда, кувшины наполнялись кушаньями и напитками при одном прикосновении его руки. Мона опомниться не могла от удивления, видя, что обед приготовлен в мгновение ока без всякой помощи с ее стороны.

Молодой морган поспешно бросился догонять кортеж. Пришли в церковь. Брачный обряд совершил морской епископ. После этого все воротились во дворец. Старый король пошел прямо на кухню и сказал Моне:

— Вот мы и вернулись. Готово ли все?

— Готово, — отвечала Мона спокойно.

Удивленный таким ответом, он стал поднимать крышки с горшков и кастрюль, заглянул в кувшины и с педовольной миной сказал:

— Тебе помогли. Но я еще с тобой расправлюсь!

Сели за стол. Гости много пили и ели, потом начались пение и пляски.

Около полуночи новобрачные удалились в свою великолепно разукрашенную спальню, и старый морган приказал Моне проводить их туда. Она должна была стоять у постели и светить им, держа в руке горящую свечу. Когда свеча сгорит до ее руки, Мону ждала смерть.

Бедная Мона повиновалась. А старый морган ждал в соседней комнате и время от времени кричал оттуда:

— Что, свеча еще не сгорела до твоей руки?

— Нет еще, — отвечала Мона.

Так он спрашивал несколько раз. Наконец, когда свеча почти догорела, новобрачный сказал молодой жене:

— Возьми на минутку свечу у Моны и поддержи ее, пока Мона зажжет нам другую.

Молодая моргана, не зная ничего о намерениях свекра, взяла свечу из рук Моны.

В эту минуту старый король спросил опять:

— Что, свеча сгорела до твоей руки?

— Отвечай: «да», — шепнул молодой морган.

— Да, — сказала моргана.

И тотчас старый король вбежал в спальню, бросился к той, что держала свечу, и, даже не взглянув на девушку, одним ударом сабли снес ей голову. Потом вышел вон.

Только что взошло солнце, как новобрачный отправился к отцу и сказал ему:

— Отец, я пришел просить у вас позволения жениться.

— Жениться? Да разве ты не женился вчера?

— Моей жены больше нет в живых.

— Нет в живых? Так ты ее убил, несчастный?

— Нет, отец, это не я, а вы ее убили.

— Я? Я убил твою жену?

— Да, отец. Разве не вы вчера ночью ударом сабли снесли голову той, что держала горящую свечу у моей постели?

— Да, но ведь то была дочь земли!

— Нет, отец мой, то была моргана, с которой я венчался по вашей воле. И вот я уже вдовец. Если вы мне не верите, вы легко можете убедиться сами — ее тело еще лежит у меня в спальне.

Старый морган побежал в спальню и увидел, что сын говорит правду. Гнев его был ужасен.

— Кого же ты хочешь взять в жены? — спросил он у сына, немного поостыв.

— Дочь земли.

Старый король ничего не ответил и вышел из спальни. Но прошло несколько дней, он понял, должно быть, как безрассудно соперничать с сыном, и дал согласие на его брак с Моной. Свадьбу отпраздновали весьма пышно и торжественно.

Молодой морган был очень внимателен к жене и баловал ее, как только мог. Он кормил ее маленькими вкусными рыбками, которых ловил сам, дарил ей разные украшения из драгоценных морских жемчужин, отыскивал для нее красивые раковины, перламутровые и золотистые, самые редкие и чудесные морские цветы и травы.

Но, несмотря на все это, Мону тянуло на землю, к отцу и матери, в бедную хижину на берегу моря.

Муж не хотел ее отпускать: он все боялся, что она не вернется. А Мона сильно затосковала, плакала день и ночь. Наконец однажды молодой морган сказал ей:

— Улыбнись хоть разок, моя радость, и я отведу тебя в отцовский дом.

Мона улыбнулась ему, и морган, который был волшебником, произнес:

— Мост, поднимись!

Тотчас же из воды поднялся красивый хрустальный мост, чтобы они могли перейти со дна моря на землю.

Увидев это, старый морган понял, что сын его такой же волшебник, как он, и сказал:

— Пойду и я с вами.

Все трое взошли на мост: Мона впереди, за ней — муж, а на несколько шагов позади — старый морган.

Только что Мона и ее муж, шедшие впереди, ступили на землю, как молодой морган произнес:

— Мост, опустился!

И мост опустился в глубину моря, унося на себе старого моргана.

Муж Моны не решился проводить ее до самого дома родителей. Он отпустил Мону одну, сказав ей:

— Вернись обратно, когда зайдет солнце. Я буду ждать тебя здесь. Но смотри, чтобы ни один мужчина не поцеловал тебя и даже не коснулся твоей руки.

Мона обещала все исполнить и побежала к родному дому. Был час обеда, и вся семья собралась за столом.

— Здравствуйте, отец и мать! Здравствуйте, братья и сестры! — закричала Мона, вбегая в хижину.

Добрые люди смотрели на нее, остолбенев от удивления, и никто не узнавал ее: она была так хороша, так величава в своем пышном наряде! Мону опечалила такая встреча, слезы выступили у нее на глазах. Она стала ходить по дому, дотрагивалась рукой до каждой вещи и говорила:

— Вот этот камень мы принесли с берега, и я сиживала на нем у огня. А вот и кровать, на которой я спала. Вот деревянная чашка, из которой я ела суп. А там, за дверью, веник из дрока, которым я подметала дом. А вот и кувшин, с которым я ходила по воду к источнику.

Слыша все это, родители в конце концов узнали Мону и, плача от счастья, стали обнимать ее, и все радовались, что они опять вместе.

Но недаром морган, супруг Моны, наказывал ей не целовать ни одного мужчину: с этой минуты она ничего больше не помнила о своем замужестве, о жизни у морганов. Она осталась у родителей, и скоро к ней стали свататься со всех сторон. От женихов отбою не было, но Мона никого не слушала и не хотела выходить замуж.

У отца Моны, как и у всякого жителя острова, был свой клочок земли, где он сажал картофель и всякие овощи, заседал и немного ячменя. Этого, да еще той дани, которую им ежедневно платило море рыбой и моллюсками, хватало, чтобы прокормиться. Перед домом находилось гумно, на котором молотили хлеб, и стоял стог соломы. Часто по ночам, когда Мона лежала в постели, ей чудилось, что сквозь вой ветра и глухой шум волн, бившихся о прибрежные скалы, она слышит чьи-то стоны и жалобы за дверью хижины. Но она думала, что это души бедных утопленников взывают к живым, которые их забыли, и просят молиться за них. Она шептала заупокойную молитву и, жалея тех, кто в такую погоду находится в море, спокойно засыпала.

Но вот раз ночью она ясно услышала слова, произнесенные таким жалобным голосом, что они раздирали сердце:

— Ах, Мона, неужели ты так скоро забыла своего мужа-морганана, который спас тебе жизнь и любит тебя? Ты ведь обещала вернуться в тот же день, а между тем я так давно жду тебя и так несчастен! Ах, Мона, Мона, сжался надо мной и вернись поскорее!

Тут Мона разом вспомнила все. Она встала с постели, вышла и увидела у дверей молодого моргана, который в жалобах и столах изливал свое горе. Она бросилась в его объятия... и с той поры ее больше пикогда никто не видел.

75. ПИЧУЖКА

Авным-давно, в незапамятные времена, на земле не было огня и никто не знал, как его добыть. Тогда решили отправиться за огнем к самому богу. Но бог ведь далеко. Кто же до него доберется? Обратились к большим птицам. Большие птицы отказались, малые тоже, да и жаворопок не захотел. Маленькая пичужка слушала, как они между собой спорили, и сказала им:

— Раз никто не хочет туда лететь, полечу я!

— Но ты ведь так мала! У тебя такие короткие крылышки! Ты не долетишь, ты умрешь от усталости.

— Я попытаюсь, — сказала пичужка, — а если я умру по дороге, что ж поделать!

И вот она полетела и летела так быстро, что скоро примчалась к божьему престолу. Бог очень удивился, увидев ее. Он посадил ее к себе на колени, но не решался дать ей огонь.

— Ты сгоршишь, — сказал он, — пока будешь лететь к земле.

Но пичужка настаивала.

— Ну так и быть! Я дам тебе то, что ты просишь, — сказал бог. — Однако не торопись так, не лети быстро. Если ты полетишь слишком быстро, перышки твои загорятся.

Пичужка обещала быть осторожной, и вот она вспорхнула и весело полетела к земле. Пока она еще была далеко, она помнила этот совет, не торопилась, но когда стала приближаться и издали увидела, как все ждут ее на земле, то полетела быстрее... И что предсказал ей бог — случилось. Она принесла на землю огонь, все тотчас же завладели им, а бедная пичужка осталась без единого перышка. Сгорели все!

Тут птицы захлопотали вокруг нее. Каждая вырвала у себя по перышку, чтобы поскорее смастерить пичужке

хоть какое-нибудь платьице. Вот с тех пор у нее и стало такое пестрое оперение. Только одна гадкая птица — сова — не захотела ей дать ничего. И тогда все птицы набросились на сову, чтобы проучить ее за такую бессердечность. И сове пришлось спрятаться. Вот почему она выходит только по ночам, а если появится днем, то все птицы стайей набрасываются на нее и загоняют в дупло.

76. ЛОЦМАН ИЗ БУЛОНИ

ил однажды в Булони старый отставной лоцман с женой и маленьким сыном.

Пенсию он получал небольшую и поэтому завел себе лодочку, в которой каждый день ездил удить рыбу. У него был сын лет семи или восьми, который часто просил отца взять его с собой в море, но старый моряк, опасаясь за своего единственного ребенка, не давал согласия. Мальчик же, горя желанием прокатиться по морю, спрятался как-то между снастями и парусами, а когда лодка отчалила, выскочил и весело закричал:

— Вот, отец, и я поехал с тобой па рыбную ловлю!

Когда лодка подошла к тому месту, где водилась рыба, лоцман увидел корабль с поднятым флагом, что означало просьбу ввести судно в порт. Лодка направилась к кораблю, и, когда подошла к нему, матросы судовой команды спросили рыбака, не лоцман ли он.

— Был раньше лоцманом и, хоть я сейчас в отставке, все же сумею ввести вас в порт.

Его приняли вместе с сыном на борт. Корабль шел из королевства Нац и должен был по приказу короля этой страны привезти мальчика-француза, чтобы на чужбине его воспитать и потом женить на королевской дочери.

Когда королевские посланцы увидели сына лоцмана, им так понравился крепкий на вид, здоровый и смысленный мальчик, что они сказали:

— Нам как раз такой и нужен. Ехать дальше ни к чему.

Накормив и напоив лоцмана, они сказали, что он может вернуться в свою лодку, так как они в нем больше не нуждаются.

Лоцман сел в лодку и стал звать сына, но ему ответили, что мальчик останется на судне, и корабль ушел на всех парусах, оставив отца, потерявшего своего единственного сына, в полном отчаянии.

Корабль прибыл в столицу королевства Нац. Он салютовал городу двадцатью одним пушечным выстрелом, и город ответил ему таким же залпом. Ребенка привели ко двору, и королю очень понравился маленький француз. Он приказал воспитывать славного мальчика так, как если бы это был его собственный сын. Когда тому исполнилось восемнадцать лет, король женил его на своей дочери — его однолетке.

Живя в довольстве и богатстве, сын лоцмана часто вспоминал своих родителей:

— Они не были богаты, когда я покинул их. Хотелось бы мне повидать их и обеспечить на старости лет!

Он поведал жене о своем желании, она нашла его вполне естественным и захотела сопровождать мужа. В королевстве Нац женщины и девушки носят чадру, и муж вправе увидеть лицо своей жены лишь после того, как она станет матерью. Когда муж принцессы попросил у своего тестя разрешения поехать в Булонь, король, раньше чем согласиться, заставил зятя поклясться, что тот во время путешествия не будет пытаться взглянуть на лицо своей жены. А если он узнает, что зять, на горе себе, нарушил клятву, жестоко его накажет.

Принцесса и ее муж сели на корабль и вскоре подъехали к Булони. Корабль салютовал городу двадцатью одним пушечным выстрелом, и таможенная стража, побывав на борту корабля, доложила властям, что принц и принцесса из Наца приехали во Францию поразвлечься. Гости, сойдя с корабля, сели в серебряную лодочку и высадились на берег. Там они увидели префекта, мэра и прочее начальство, которое явилось встретить их и гостеприимно предложить им самые прекрасные покои в городе.

Муж принцессы, окруженный пышной свитой, увидел у покосившего забора старика, в заплатанной матросской блузе, и узнал своего отца. Покинув своих знатных спутников, он подошел к старику и спросил, как тот поживает. Лоцман очень удивился, что господин, одетый

в шелка, весь в драгоценностях, осведомляется о здоровье такого бедняка, как он.

— Вы не узнаете меня? — спросил принц.

— Нет, сударь, — ответил старик.

— Я ваш сын, которого увез когда-то за море корабль из королевства Нац. Я женат на принцессе той страны. Как поживает моя матушка?

— Она дома, очень постарела, очень горюет.

— Утешьтесь, отец мой, я приехал, чтобы обеспечить вас на старости лет.

Вернувшись к сановникам, муж принцессы сказал им, что будет жить у старого лощмана, и гостил у отца три недели.

Однажды мать сказала ему:

— Сын мой, я должна признаться, что одна вещь меня крайне удивляет. Никто ни разу не видел лица твоей жены.

— Так принято в той стране: муж видит лицо своей жены лишь после того, как она становится матерью. Перед отъездом я поклялся тестю уважать этот обычай.

— Будь я на твоём месте, — ответила мать, — я все же захотела бы узнать, кого мне дали в жены — красавицу или уroda. Если взяться за дело ловко, твой тесть ничего не узнает.

Сын лощмана передал жене все то, что ему сказала мать.

— Хорошо, — сказала она, — но я боюсь, как бы об этом не проведал отец. Ведь он в дружбе со всеми волшебниками нашей страны. Тогда он разжалует тебя и жестоко покарает.

Принцесса сняла покрывало, но когда муж поднес светильник к ее лицу, чтобы получше рассмотреть его, упала искра и обожгла молодой женщине щеку.

— Ах! — воскликнула принцесса. — Этого-то я и боялась! Мы погибли.

Корабль покинул Булонь и пришел в Нац. Как только принц сошел на берег, король спросил его:

— Не преступили ли вы мой приказ?

— Нет.

— Я это проверю, и горе вам, если вы нарушили свою клятву.

Он позвал дочь и сказал ей:

— Открывал ли муж твое лицо?

— Нет, батюшка.

— Не лги. Если ты говоришь неправду, я узнаю и накажу тебя так же, как и его.

Когда она подняла свое покрывало, король вначале ничего не заметил. Но, надев очки, он увидел ожог и страшно разгневался:

— Негодная! Уйди с глаз моих и никогда больше не показывайся.

Он послал своих слуг за волшебниками, феями и колдунами и, когда те явились, приказал им превратить зятя в такого урода, какого еще свет не видывал.

Один из колдунов сказал:

— Пусть он будет на один глаз слепой, а на другой — косой.

— Пусть его рот растянется до ушей, — приказал другой.

— Пусть вырастет у него горб сзади и спереди.

— Пусть его нос станет таким, какого еще на свете ни у кого не было.

— Я посажу ему голову задом наперед.

— Пусть он охromeет, одна нога будет вывернута наружу, другая — внутрь.

По мере того как волшебники произносили свои заклинания, превращение совершалось, и когда они кончили, бедный юноша стал таким безобразным существом, которого никогда не бывало. Этим месть короля не ограничилась, — он приказал солдатам выгнать своего зятя из города, как простого бродягу.

Став калекой, бедный сын лодмана передвигался с большим трудом.

Он долго странствовал; наконец подошел к маленькому домику и, увидав сидевшую у порога старушку, поздоровался с ней. Это была старая фея, которую король позабыл позвать, когда решил наказать своего зятя.

— Уж не зять ли вы короля?

— Увы, это я.

— Славно же они вас разукрасили! Но, к счастью, у меня еще есть ключ от моего чулана.

Она сходила туда, принесла палочку и сказала:

— Я узнала о ваших злоключениях от соседки, заходившей ко мне сегодня утром за огоньком, и решила

хоть немного смягчить ваше уродство, если встречу с вами.

Она коснулась его своей палочкой, и он стал зрячим на оба глаза, его нос и рот уменьшились наполовину, из двух горбов остался только один, голова оказалась повернутой уже не задом наперед, а только вбок, и он перестал хромать.

Фея передала через него записку своей соседке с просьбой сделать королевского зятя еще прекрасней, чем он был раньше. Сын лоцмана от всей души поблагодарил старую фею и ушел от нее уже не такой печальный, как пришел.

Войдя в дом соседки, он передал ей записку и сказал: — Добрый день, сударыня Марго.

— А, вы зять короля! Я закончу то, что начала моя кума.

Она взяла свою палочку и пожелала, чтобы сын лоцмана превратился в стройного, прекрасного лицом юношу, и это тотчас же исполнилось. Потом она сказала ему:

— Не унывайте. Вы, конечно, хотите вернуться домой? Вот вам клубок, он будет катиться перед вами и укажет дорогу, по которой вам нужно идти. Даю вам еще два копья. Одним вы убьете любого, кто захочет взять вас в плен, другим будете защищаться от диких зверей.

Фея дала ему хлеба и мяса и предупредила о всех опасностях, которые его ждут в пути.

Он поблагодарил фею и, следуя за клубком, пришел в лес. Около часу шел он по лесу и вдруг увидел на дороге льва. Поодаль лежал медведь, а позади него — леопард. Клубок прокатился по спящим зверям, они проснулись и зарычали. Сын лоцмана отдал одну половину хлеба льву, другую медведю, а леопарду он бросил мясо, и звери пропустили его.

Добрая женщина Марго сказала ему, что под вечер он увидит среди леса ярко освещенный замок. Печь там будет топиться, стол будет накрыт, а кругом — ни души.

Клубок вкатился во двор, прыгнул на крыльцо, и дверь сама собой открылась. Сын лоцмана вошел следом за клубком и, когда обогрелся, сел за стол. Невидимая рука поставила перед ним еду и питье. Потом он лег спать на мягкую постель, а когда утром проснулся, то увидел при-

готовленный на столе завтрак. Поев, он собрался уйти, как вдруг появились несколько девиц в белых платьях и загородили ему дорогу.

— Хотите потанцевать со мной? — сказала первая.

— Нет, — ответил он решительно.

— Потанцуйте немного со мной, — попросила вторая.

— Нет.

— Не хотите ли потанцевать? — спросила третья.

— Нет, — ответил он тихо.

Уходя, третья девица уронила на лестнице стеклянный башмачок. Сын лоцмана поднял его, и девица, обернувшись, сказала ему:

— Когда я вам попадоблюсь, возьмите этот башмачок и скажите: «Явись мне, прекрасная девица», и я всегда услужу вам.

Он пустился в путь вслед за клубком и вдруг увидел на дороге три огромных призрака.

— Куда идешь ты, ничтожный земляной червь, прах от ног моих? — закричал страшным голосом самый огромный из них.

Сын лоцмана взял башмачок и сказал:

— Явись мне, прекрасная девица.

— Что я могу для тебя сделать?

— Пусть эти чудища рассыплются пылью, пусть их развеет ветер.

В один миг его желание исполнилось, и он пошел дальше. Долго шел он и наконец пришел в Булонь. Он жил там у своих родителей и не раз упрекал свою мать за то, что она дала ему дурной совет, причинивший ему столько горя.

Так как в первый свой приезд он оставил родителям немалую сумму денег, то купил себе теперь судно; затем вызвал прекрасную девицу.

— Прекрасная девица, — сказал он, — я хотел бы отомстить своему тестю, так жестоко поступившему со мной. Как это сделать?

— Возьми с собой двадцать девять матросов и смело пускайся в путь. Об остальном я позабочусь.

Подойдя к столице королевства Нац, корабль салютовал двадцатью одним пушечным выстрелом, и все высшее начальство порта явилось осведомиться, что этому кораблю угодно.

— Мне угодно взять город, — сказал сын лоцмана.

Эти слова передали королю, но тот в ответ расхохотался и сказал своим офицерам:

— Спросите его, когда он предпочитает затонуть — сегодня или завтра?

— Завтра я займу свое место, — ответил сын лоцмана.

— Да кто вы такой?

Король, сильно разгневанный, приказал потопить корабль и созвал для этого множество солдат. Но каждый раз, когда солдаты хотели дать залп, они начинали отчаянно чихать и никак не могли взять прицел. Сын лоцмана невредимым прошел сквозь ряды войска и, подойдя к королю, заколол его копьём.

Потом он нашел свою жену, и они на радостях задали пир на весь мир. На всех перекрестках стояли бочки с вином, по улицам бегали жареные кабаны с перцем и солью в ушах, с горчицей под хвостом и с вилками, воткнутыми в бок. Каждый мог отрезать себе кусок.

Мне наказали приготовить соус, но я по глупости слишком много отведал, и меня прогнали. Ушел на Гуэдик¹ я, тут и сказка вся.

77. ЗОЛОТАЯ ГОЛОВНЯ

I

реди Броссельянского леса, в землянке, оплетенной ветками, жили три брата — сироты. Они были угольщики и трудились день и ночь, чтобы кое-как прокормиться.

Раз вечером, после того как они нажгли полную печь угля, Жан, старший из братьев, сказал младшим:

— Братья, мы почти кончили работу, остается только поддерживать огонь в печи. Я пойду в Пемпон поплясать на свадьбе у Жерома Шуана.

— Хорошо, ступай, — сказали Жак и Франсуа.

Жан тотчас вошел в хижину и стал наряжаться на свадьбу.

Надел старую куртку, штаны, на которых было всего только две заплаты — одна на колене, другая на заду, башмаки, недавно подбитые новыми подметками, и свою

¹ Гуэдик — мост в Сен-Бриэк, в Бретани.

воскресную широкополую шляпу. Одевшись, он ушел, напевая.

Когда Жан ушел, второй брат подумал:

«Разве непременно двоим нужно поддерживать огонь в печи? Малыш Франсуа и один отлично справится с этим. Зачем же мне сидеть дома и умирать со скуки, когда сегодня все парни и девушки собрались у Жюльена Генеля, пьют сидр, едят жареные каштаны и рассказывают сказки?»

И Жак тоже ушел, наказав Франсуа, чтобы он присматривал за печью, так как, если огонь погаснет, весь их труд пропадет даром.

Франсуа шел четырнадцатый год. Он был мальчик послушный и добрый, и старшие братья часто пользовались этим.

Вот и в тот вечер бедный ребенок просто с ног валялся от усталости. После того как он целый день помогал братьям, ему предстояло еще добрую половину ночи не спать и поддерживать огонь в печи.

Но он, не жалуясь, взял кочергу и принялся ворошить угли, чтобы огонь не погас.

Медленно текли часы за часами, и, как ни боролся Франсуа с усталостью, сон постепенно одолевал его. Чтобы не заснуть, он стал ходить от печи к хижине и от хижины к печи. Но ничего не помогало, и в конце концов Франсуа в изнеможении сел и уснул.

Ему снилось, что он король и пасет коров, сидя на большом белом коне. Он так богат, что каждый день ест белый хлеб и свиное сало. Если бы кто-нибудь в эти минуты увидел спящего Франсуа, он прочел бы на его лице блаженство, навеянное этим дивным сном.

Но боже, какое разочарование и горе ждали его, когда он проснулся! Он не был больше прекрасным принцем, разъезжавшим верхом по степи, он был бедный угольщик, у него погас огонь в печи, и он знал, что братья за это непременно его поколотят.

Что делать? Как быть? Как помочь беде? Спичек тогда еще не знали, и каждое утро женщины ходили из дома в дом со старым деревянным башмаком в поисках горящего уголька.

Бедный Франсуа в отчаянии рвал на себе волосы и призывал на помощь всех святых.

Вдруг, подняв глаза к небу, он заметил вдалеке, высоко над деревьями, языки пламени.

— Ого! — закричал он. — Видно, какие-нибудь угольщики развели большой костер, чтобы уберечься от ночной росы. Пойду-ка я поскорее да попрошу у них несколько головешек.

Он побежал в ту сторону, где виднелось пламя, и, подойдя поближе, очень удивился, заметив, что оно переливается разными цветами: голубым, белым, желтым, красным.

Оно светило так ярко, что Франсуа мог хорошо рассмотреть тот угол леса, куда он забрел.

Он так и застыл на месте. Холодный пот выступил у него на лбу: ведь он находился в двух шагах от Трессельенской прогалины, близ Барантонского ключа, где водились феи!

На колокольне в Пемпоне пробило полночь.

И тут Франсуа вспомнил, что слышал от людей, будто здесь сходятся по ночам лесные духи. Здесь они играют и пляшут. А всех тех смертных, кто пытался их застигнуть и увидеть, они увлекали в свой адский хоровод и заставляли плясать до тех пор, пока те не падали мертвыми от изнеможения.

Идти вперед? Или бежать обратно? Да и возможно ли еще убежать?

Пока он раздумывал так, из чащи вышли несколько лесных фей. Они окружили его, схватили и новели. Франсуа был ни жив ни мертв, но волей-неволей шел за ними. Он очутился посреди прогалины перед огромным костром, у которого грел ноги бог дубов.

Увидев Франсуа, лесной бог закричал страшным голосом:

— Смертный! Что ты делаешь здесь?

Франсуа, плача, рассказал о своей беде, о том, как он оплошал и боится побоев. Лесной бог, слушая его, понял, что бедный мальчик не лжет, и смягчился. Указав на костер, он сказал почти ласково:

— Ну, юноша, возьми огня на лопатку и пользуйся им на здоровье, а сюда больше не возвращайся.

Маленький угольщик не ждал вторичного приглашения: он сунул в костер лопатку и вытащил пылающую головню, при свете которой легко нашел дорогу домой.

Добежав до своей печи, он бросил в нее головню, и огонь вспыхнул сразу, как по волшебству.

Когда братья вернулись домой, обжигание угля в печи было закончено, и они так и не узнали о том, что произошло в их отсутствие.

II

Утром Франсуа, как всегда, должен был вычистить печь.

Занятый мыслями о событиях прошедшей ночи, он выгребал лопатой золу и вздрогнул от неожиданности, увидев под нею вчерашнюю головню, которая по-прежнему ярко светилась каким-то волшебным блеском.

Опомнившись от удивления, Франсуа придвинулся ближе, стал поворачивать головню и так и этак, увидел, что она не горит, обтер ее концом своего фартука и понял наконец, что перед ним большущий слиток золота и что это золото принадлежит ему!

Братья ушли продавать уголь, а Франсуа весь день не переставал думать о своей находке. С детства предоставленный самому себе, он легко поддавался дурным страстям. «Такое золотое полено, — говорил он себе, — стоит много-много денег. Это богатство, а богатые люди счастливы и живут весело. Золото — мое, его дали мне одному. Жан и Жак не имеют на него никаких прав».

Совість его восставала против таких мыслей и говорила ему: «Ты совсем маленьким остался сиротой, и братья заменили тебе умерших отца и мать».

Но дурные чувства брали верх и нашептывали ему:

«С тех пор ты постоянно работал и с лихвой расплатился за все, что они для тебя сделали. Ты с ними давно в расчете, не смущайся этим и оставь золото себе».

Утешенный такими мыслями, Франсуа выкопал яму под буком и зарыл в ней свое сокровище.

С этого дня он не знал ни минуты покоя. Он протиснулся навсегда с безмятежными и радостными снами. Жизнь его совсем изменилась. Его не оставляла неотступная забота. Он избегал братьев, прежних приятелей, всех. Он в одиночестве бродил по лесу, думая о том времени, когда покинет эти места, уедет в Париж, разменяет свое золото, а потом вернется и скупит всю землю в их округе,

чтобы знакомые лопнули от зависти. Им уже овладел бесщеславия.

Но, несмотря на золотую головню, Франсуа был беден и не мог пуститься в желанное путешествие. Прошло много лет, пока он по грошу накопил себе денег на дорогу.

Он весь день трудился, помогая братьям, молча, никогда не обращаясь к ним ни с единым словом, и все мечтал о будущем счастье, все считал свои сбережения, которые хранил в чулке, и часами не сводил глаз со своего сокровища.

Ему не удавалось откладывать столько, сколько он хотел, и он ушел от братьев работать с другими угольщиками, которые хорошо платили.

III

И вот наконец наступил долгожданный день.

Ни с кем не простившись, Франсуа покинул родные места, унося на спине свое золото, завернутое в старые тряпки и перевязанное веревками.

Глядя на этого тщедушного парня, бледного, худого, на вид хилого и жалкого, никто бы не поверил, что это владелец большого состояния.

Он шел в Париж, переходя из деревни в деревню, питаясь в Бретани одними лишь яблоками и каштанами, которые подбирал под деревьями, а дальше, за Бретанью, — виноградом, сорванным тайком в виноградниках, да спелой ежевикой. Он охотно пользовался гостеприимством крестьян, которые кормили его из сострадания, обманутые его жалким видом.

После долгих странствий он однажды вечером увидел вдали крыши великого города. Скоро, изнемогая от усталости, он вошел в предместье Парижа и стал искать приюта на ночь.

На другое утро он разбил на куски свою золотую головню и отправился продавать их ювелирам. Он выручил громадные деньги.

В лавке одного торговца Франсуа снял с себя платье угольщика и оделся в городское. Новая одежда и бледное лицо делали его похожим на знатного господина.

Он поселился в гостинице и скоро вкусил всех наслаждений, какие предлагает людям Париж.

Обладая редким умом, красивой и располагающей к себе наружностью, к тому же рассыпая золото полными пригоршнями, он очень скоро сблизился со знатными людьми и приобрел хорошие манеры. Целая свита новых друзей облегчила ему доступ в высший свет. Перед ним раскрылись все двери, и маркиз де Компе — так он назывался теперь — скоро стал настоящим вельможей, перед которым заискивали, которого баловали, которому завидовали.

Но все эти успехи, за которыми он вначале гнался с увлечением, быстро ему наскучили. Он был бретонец, и воспоминания о родине никогда не оставляли его.

В разгаре самых пышных и веселых пиров угольщик Франсуа думал о высоких деревьях Броссельянского леса, о полях, над которыми носится аромат цветущей гречихи, и часто говорил себе: «Ведь я бы мог и там, на родине, веселиться не хуже, чем здесь, и пировать с друзьями».

IV

И вот в одно прекрасное утро, по своему обыкновению ни с кем не простясь, он ушел с бала, купил лошадь и оружие, — ведь в те времена дороги не были так безопасны, как теперь, — и отправился в Бретань.

Путешествие прошло благополучно, и по приезде Франсуа купил великолепный замок в окрестностях Пеллана.

Началась веселая жизнь. В замок приглашены были дворяне со всей округи.

Своры гончих заливались во дворах замка. В лесу раздавались звуки рогов. В покоях замка всегда звенела музыка.

Званые обеды, балы, охоты непрерывно сменяли друг друга. Мотовству не было предела, и одни только бедняки оставались забытыми и заброшенными.

При таком образе жизни золото маркиза де Компе заметно таяло, и к тому же он вздумал вернуть игрой деньги, которые расточал так безрассудно. Это его погубило. Он потерял все, что у него еще оставалось.

После одного пиршества Франсуа за одну ночь проиграл все до последнего гроша и снова стал таким же нищим, как в годы своей юности.

Игра была в самом разгаре, когда ему пришли сказать, что в конюшнях замка вспыхнул пожар и его никак не удастся потушить. Но Франсуа был слишком увлечен игрой. Он хотел поскорее выиграть, чтобы снова попытаться счастья. И в ответ только пожал плечами.

Спустя несколько часов все строения стали добычей огня, спасти не удалось ничего.

Когда пожар уничтожил все, гости разъехались по домам, но никто из них не позвал Франсуа к себе. Собутыльники теперь избегали его. Несчастный остался один среди развалин и пепла.

Он пробыл там целый день, весь поглощенный своим несчастьем. Голод вынудил его искать где-нибудь приюта. Только теперь вспомнил он, что у него есть братья, и направился к старой хижине.

Жан и Жак разводили огонь в печи и за работой цели.

До этого они несколько раз видели маркиза, когда он проезжал верхом со сворой своих гончих, и находили в нем некоторое сходство с их младшим братом. Но им и в голову не могло прийти, что это он и есть. Однако, когда он вошел в хижину, у них не осталось сомнений, что это Франсуа, одетый как знатный вельможа.

— Брат, — сказали они, — ты, видно, очень богат: у тебя замок, лошади, собаки, которых содержать стоит, верно, дороже, чем прокормить всех крестьян у нас в лесу, и у тебя так много друзей!

— Нет, я больше не богат, — возразил Франсуа. — Замок мой сгорел, лошади и собаки проданы, деньги прожиты, друзья меня покинули. У меня нет ничего, и я умираю от голода и холода.

— Так подели с нами обед и отогрейся у огня, — сказали угольщики, указывая на очаг и на горшок с тюрей из черного хлеба. — Здесь всегда найдется место для бедняка.

Франсуа утолил голод и подошел к огню, а братья продолжали работать.

Этот дружеский прием показался ему унижительнее самого грубого отказа в приюте. Он страдал от того, что братьям было лучше, чем ему, и не хотел оставаться у них.

Да и, кроме того, он совсем отвык работать и прекрасно понимал, что нельзя оставаться у братьев, если он не будет трудиться вместе с ними.

— Эх! Будь что будет! В последний раз попытаю счастья! — сказал он себе. — Пойду к лесным духам на Тресельненскую поляну.

Он дождался темноты и вышел из хижины.

V

Около полуночи несчастный маркиз, борясь со страхом, пошел по направлению к прогалине.

Была ужасная погода, гремел гром, молнии бороздили небо.

Как и в первый раз, Франсуа увидел разноцветное пламя, сиявшее над вершинами самых высоких деревьев.

Зловеще кричали совы. Летучие мыши и козодой как тени скользили над кустами. Стояло лето — пора, когда лягушки и жабы, кузнечики и сверчки поют и стрекочут всю ночь напролет. Но в эту ночь они не подавали никаких признаков жизни. Лишь ветер шумел в чаще, вздыхали лиственницы, дрожали папоротники, колыхался вереск, — вся природа стонала и жаловалась.

Маркиз, собрав все свое мужество, двинулся вперед.

Взрывы смеха, голоса, пение донеслись вдруг из чащи. И скоро несчастного обступили феи, увлекли на поляну, закружили в неистовой пляске.

Бог дубов, увидев Франсуа, тотчас узнал его и крикнул страшным голосом:

— Смертный, зачем ты пришел сюда?

Франсуа начал рассказывать ему все ту же историю о потушем в печи огне. Но старик его перебил:

— Слышал, слышал, не верится что-то! Впрочем, — добавил он, посмеиваясь, — сейчас увидим, говоришь ли ты правду. Опусть лопатку в огонь и попробуй вытащить голову.

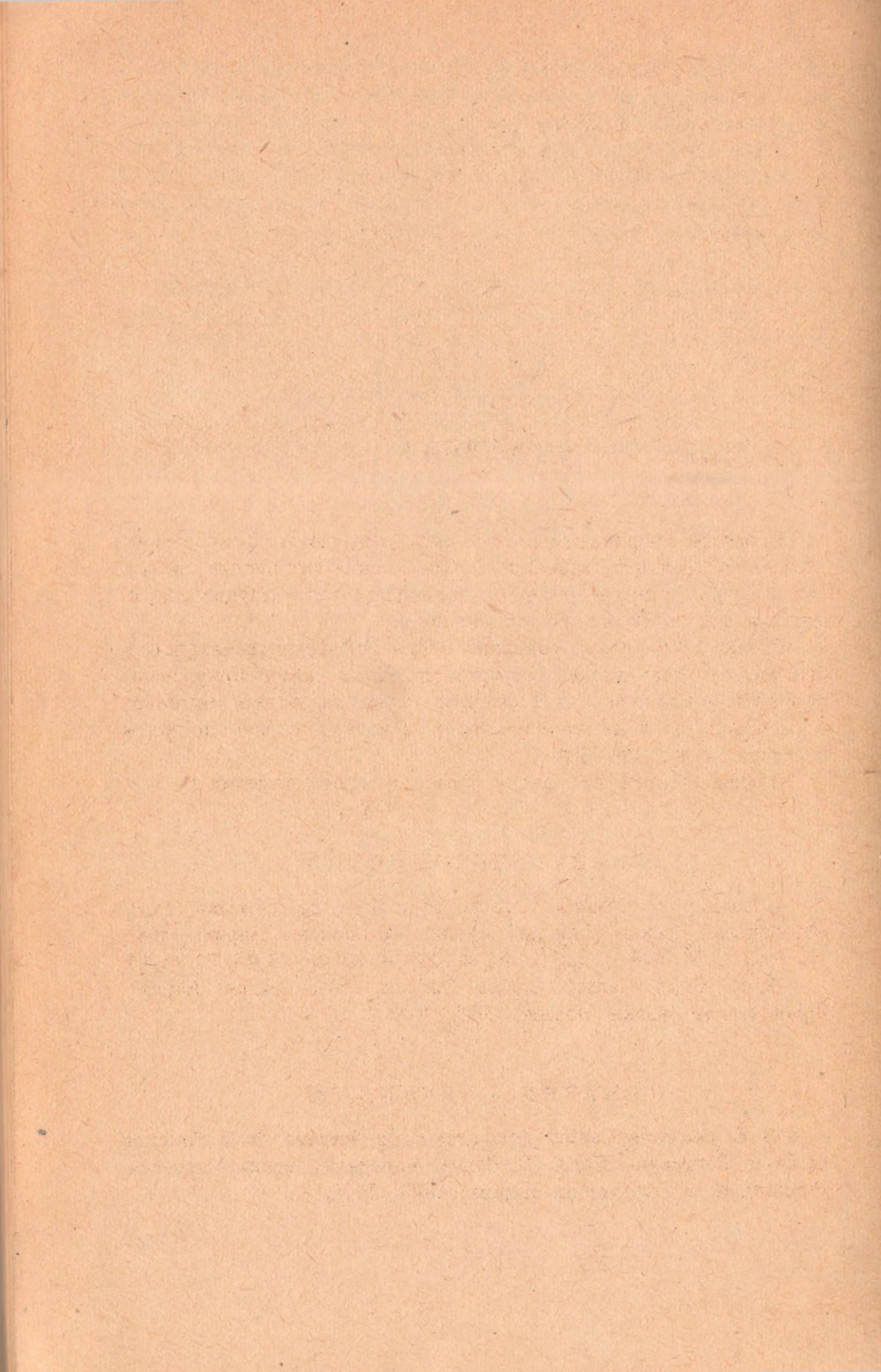
Бледный, с блуждающим взором бедняга подошел к костру, сунул в огонь лопатку и хотел вытащить ее обратно. Но не мог. Казалось, ее удерживает какая-то невидимая сила.

Руки его судорожно напряглись. Они как будто приросли к лопате, которую он держал. Пламя сначала лизало лопату, потом руки несчастного маркиза, потом охватило его всего. Воля от ужасной муки, он исчез в огне.

К утру, на заре, пляска прекратилась, феи исчезли, пламя погасло, и на поляне остался только обгорелый труп несчастного Франсуа.

Прошло время, и тело покрылось корой; из коры стали пробиваться побеги ветвей, и теперь на этом месте стоит старое чахлое дерево, ветви которого касаются земли. Его называют «деревом угольщика».

ИСТОЧНИКИ

В нашем сборнике мы старались представить французскую сказочную традицию возможно полнее как в отношении жанра, так и в отношении распространения, используя материал, характеризующий почти все области Франции.

Сказки отобраны из основных сборников французских народных сказок. Французские собрания народных сказок приурочены обычно к какой-либо одной области, почему названия сборников и расположены ниже по областному признаку, следуя по карте с севера на юг Франции.

Цифры обозначают номера сказок в нашем издании.

СКАЗКИ ЛОТАРИНГИИ

1. Emmanuel Cosquin. Contes populaires de Lorraine. Paris (Эмманюэль Коскен. Народные сказки Лотарингии. Париж), 1887, vls (тт.) I, II. №№ 12, 22, 23, 24, 28, 29, 31, 33, 42, 48, 51, 52, 61, 67.

2. E. Henry Carnoy. Contes français. Paris (Анри Карнуа. Французские сказки. Париж), 1885. №№ 4, 14.

СКАЗКИ БУРГУНДИИ

3. E. Beauvois. Contes populaires de la Norvège, de la Finlande et de la Bourgogne. Paris (Э. Бовуа. Народные сказки Норвегии, Финляндии и Бургундии. Париж), 1862. № 8.

СКАЗКИ ПИКАРДИИ

4. E. Henry Carnoy. *Littérature orale de la Picardie*. Paris (Ж. Карнуа. Устное народное творчество Пикардии. Париж), 1883. №№ 7, 10, 30, 46, 70.

СКАЗКИ НОРМАНДИИ

5. J. Fleury. *Littérature orale de la Basse-Normandie*. Paris (Ж. Флери. Устное народное творчество Нижней Нормандии. Париж), 1883. № 75.

СКАЗКИ ВЕРХНЕЙ БРЕТАНИ

6. Paul Sebillot. *Littérature orale de la Haute Bretagne*. Paris (Поль Себийо. Устное народное творчество Верхней Бретани. Париж), 1881. №№ 13, 73.

7. Paul Sebillot. *Contes populaires de la Haute Bretagne*. Paris (Поль Себийо. Народные сказки Верхней Бретани. Париж), 1885. №№ 5, 6, 18, 21, 54, 56, 69, 76.

СКАЗКИ НИЖНЕЙ БРЕТАНИ

8. F.-M. Luzel. *Veillées bretonnes*. Paris (Ф.-М. Люзель. Бретонские посиделки. Париж), 1879. №№ 44, 68.

9. F.-M. Luzel. *Contes populaires de Basse-Bretagne*. Paris (Ф.-М. Люзель. Народные сказки Нижней Бретани. Париж), 1887, vls (тт.) I, II, III. №№ 15, 17, 19, 20, 27, 32, 34, 35, 36, 39, 43, 49, 63, 65, 74.

10. Adolphe Orain. *Contes populaires de l'Ille-et-Vilaine*. Paris (Адольф Орэн. Народные сказки местности Иль-э-Вилэн. Париж), 1901. №№ 62, 66, 77.

СКАЗКИ ПУАТУ

11. Léon Pineau. *Les contes populaires du Poitou*. Paris (Леон Пино. Народные сказки Пуату. Париж), 1891. № 55.

СКАЗКИ ОВЕРНИ

12. Paul Sebillot. *Littérature orale de l'Auvergne*. Paris (Поль Себийо. Устное народное творчество Оверни. Париж), 1898. №№ 71, 72.

СКАЗКИ ЛИМУЗЕНА

13. Denis Roche. Contes Limousins. Paris (Дени Рош. Сказки Лимузена. Париж), 1908. №№ 9, 11, 16.

СКАЗКИ ГАСКОНИ

14. Jean-François Bladé. Contes populaires de la Gascogne. Paris (Жан-Франсуа Бладе. Народные гасконские сказки. Париж), 1886, vls (тт.) I, II, III. №№ 1, 2, 3, 25, 26, 37, 38, 40, 41, 45, 47, 50, 53, 57, 58, 59, 60, 64.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. А. Лопырева. Французская народная сказка . . .</i>	III
1. Лисица и петух. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	3
2. Орел и лиса. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	3
3. Сказка про отца, мать и дочку. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	4
4. Козочки и волк. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	5
5. Вадуайе. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	6
6. Волк и лиса. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	9
7. Сказка про кота, петуха и серп. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	10
8. Маленькая Аняетта. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	14
9. Как звери справляли масленицу. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	19
10. Куртийон-Куртийет. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	23
11. Сказка о волке, который нашел кусок сала. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	29
12. Ронике. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	31
13. Боб. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	34
14. Волк и лис. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	39
15. Принцесса-мышка. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	42
16. Сказка о петухе. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	48
17. Про королька, про зиму, про орла и про королевского сына. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	52
18. Дрозд и лис. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	60
19. Пастух и королевская дочь. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	62
20. Портной и Вихрь. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	65
21. Жемчужинка. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	72

22. Фирозет. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	78
23. Сметливый солдат. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	80
24. Жан и Пьер. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	83
25. Волк, улитка и осы. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	87
26. Прекрасная Жанетоп. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	88
27. Принцесса Маркасса и птица Дредейн. <i>Перевод</i> <i>М. Е. Абкиной</i>	93
28. Бренборьо и Жанна. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	104
29. Принц и конь Байяр. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	106
30. Замок дьявола. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	111
31. Два старых солдата. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	119
32. Барбовер Зеленая Борода, или Сказка о принце, который проиграл свою голову. <i>Перевод М. Е. Аб-</i> <i>киной</i>	122
33. Птица, которая вещала правду. <i>Перевод А. С. Ку-</i> <i>лишер</i>	130
34. Дочь испанского короля. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	134
35. Принцесса Тройоль. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	142
36. Два горбуна и гномы. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	154
37. Золотой Драгун. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	157
38. Сказка про тринадцать мух. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	164
39. Жених-жаба. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	166
40. Ночь четырех ненастий. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	173
41. Сивяя борода. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	177
42. Волшебный свисток. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	182
43. Эуэн Конгар. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	184
44. Кошенар и Тюркен. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	193
45. Дележ. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	208
46. Сказка про дядюшку Злосчастье и его собаку Ницету. <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	209
47. Сказка про мальчика с сапожок. <i>Перевод М. Е. Аб-</i> <i>киной</i>	214
48. Сын дьявола. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	217
49. Сказка о девяти братьях-барашках и их сестре. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	224
50. Как осел проглотил луну. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	230
51. Ловкий вор. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	232
52. Король Англии и его крестьянин. <i>Перевод А. С. Ку-</i> <i>лишер</i>	235
53. Маленькие человечки. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	250
54. Принцесса Дангобер. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	254
55. Сказка о ловком пастушке. <i>Перевод Т. Ю. Хмель-</i> <i>ницкой</i>	259

56. Как черта перехитрили. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	266
57. Король-ворон. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	275
58. Выклеванное сердце. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	283
59. Наказанная королева. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	284
60. Три охотника. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	290
61. Белый волк. <i>Перевод А. С. Гулишер</i>	290
62. Чертова коса. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	293
63. Ночные плясуны. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	295
64. Хитрый кюре. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	301
65. Принцесса Тронколен. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	302
66. Райский табурет. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	313
67. Домовые. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	314
68. Барбаик Лохо и домовый. <i>Перевод А. С. Кулишер</i>	315
69. Три скрипача в раю. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	317
70. Крестьянин Толоме и дьявол. <i>Перевод Э. Л. Ли- нецкой</i>	319
71. Откуда взялись блохи. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	323
72. Клубок шерсти. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	324
73. Грот Корбьер. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	325
74. Морганы на острове Уэссан. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	329
75. Пичужка. <i>Перевод Т. Ю. Хмельницкой</i>	336
76. Лоцман из Булони. <i>Перевод К. И. Варшавской</i>	337
77. Золотая головня. <i>Перевод М. Е. Абкиной</i>	343
Источники	353

ФРАНЦУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

*Редактор Н. Сметкова.
Художественный редактор
Л. Чалова.*

*Технический редактор
Л. Крючкина.*

Корректор Н. Маркова.

Подписано к печати 8/VI 1959 г.
Бумага 84 × 108^{1/32} — 12,125 печ.
л. = 19,88 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
20,59 + 1 вкл. = 20,64 л. Тираж
225 000 экз. Заказ № 831.
Цена 6 р. 85 к.

Гослитиздат, Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Вклейка отпечатана на 1-й фабрике Офсетной печати Управления полиграфической промышленности Ленсовнархоза. Ленинград, Кронверкская ул., д. 9.

FRANCUZSKIE NARODNE SKAZKI